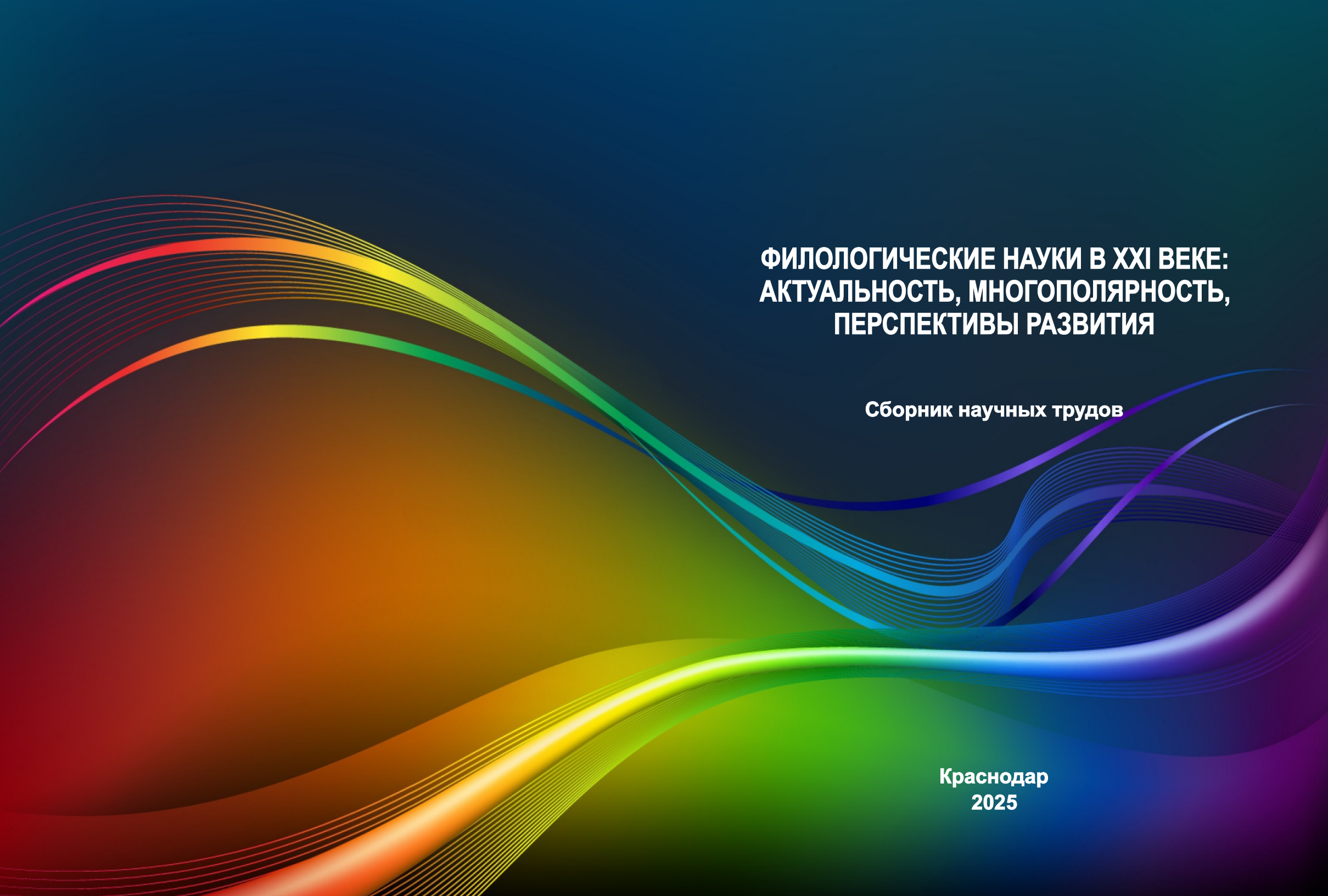

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

**Краснодар
2025**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Краснодар
2025

УДК 80''20''
ББК 80''20''
Ф 545

Редколлегия:

Н. Н. Оломская, д-р филол. наук, профессор, Т. Ф. Лимарева,
канд. филол. наук, доцент, О. В. Спачиль, канд. филол. наук, доцент

Ф 545 Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов / под редакцией А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди, А. М. Прима, А. В. Самойловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. — 324 с. — 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2661-7

В сборнике представлены статьи по актуальным лингвистическим направлениям (когнитивной лингвистике, лингвострановедению, анализу функционирования языка в разных типах дискурса), а также по смежным с языкознанием гуманитарным дисциплинам, без которых немыслима коммуникативная деятельность. Междисциплинарный подход, характеризующий единство гуманитарной области — лингвистики, методики преподавания иностранных языков, кросс-культурной коммуникации, — подчеркивает тенденцию, способствующую целостному анализу изучаемых языковых и лингвокультурных явлений.

Адресуется филологам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам, а также всем, кто исследует процессы общения и технологии обучения иностранным языкам в поликультурной среде, стремится к поиску средств обеспечения продуктивного межкультурного диалога.

УДК 80''20''
ББК 80''20''

ISBN 978-5-8209-2661-7

© Кубанский государственный
университет, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник составили статьи, посвященные актуальным вопросам лингвистических исследований. Тематика сборника отражает результаты применения междисциплинарного подхода в современной лингвистике, выводящего изучение языка за границы академической рефлексии и позволяющего раскрыть дискурсивную сущность функционирования языка в повседневной реальности межкультурной коммуникации. В статьях сборника затрагивается взаимодействие лингвистики со смежными областями научного знания, такими, как педагогика, коммуникативистика, философия, культурология, литературоведение. Подобная многоаспектность представлена в статьях сборника, освещающих результаты осмысления и развития теоретических и практических идей авторов. При этом к наиболее актуальным направлениям в изучении языка относятся коммуникация в рамках цифрового пространства, изучение воздействия интернет-культуры на языковое сознание, гендерная проблематика, а также анализ функционирования языка в рамках различных видов дискурса: академического, социального, политического, научного, урбанистического, интернет- и медиадискурса.

Изучение иностранного языка неразрывно связано с такой прикладной наукой, как методика преподавания, что подтверждается работами по тематике использования традиционных методов и инновационных, креативных решений для достижения максимально эффективных результатов обучения.

Ряд работ посвящен теории и практике перевода, в частности стратегиям и подходам медиаперевода в национальных и международных СМИ, а также лингвокультурологическим и аудиовизуальным аспектам перевода.

Не менее актуальным исследовательским направлением является политическая коммуникация, что подтверждается рядом работ, посвященными лингводискурсивному анализу публичной цифровой деятельности участников политического процесса.

При определении направлений научных интересов авторов необходимо упомянуть научные статьи, посвященные творчеству братьев Гримм, Э. Бронте, Ф.К. Дика, Х. Мураками, Дж. Пиколт, Э.М. Ремарка, Дж. Стейнбека, М. Твена. При анализе творчества знаковых фигур зарубежной литературы исследователи проявили широту восприятия литературного процесса, применив ряд подходов от исторического до лингвостилистического литературоведения.

В качестве содержательной перспективы видится дальнейшая работа по указанным научно-исследовательским направлениям, что будет способствовать повышению научного потенциала вуза и стимулированию интереса к науке у обучающихся.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ БЛЕНДЫ КАК НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Андреас

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются новые языковые бленды в академическом дискурсе. Рассматриваются виды межъязыковых блендов и вариативность их применения в языковой среде. Производится анализ межъязыковых блендов как новых лексических единиц, активно проникающих в англоязычный академический дискурс в процессе гибридизации. В заключении формируется вывод о продуктивности данного вида блендинга в современном академическом дискурсе.

Ключевые слова: межъязыковые бленды, неологизм, академический дискурс, гибридизация.

Современная языковая картина мира претерпевает значительные изменения под влиянием глобализационных процессов, цифровизации и интенсификации межкультурной коммуникации. Особую роль в этих трансформациях играют неологизмы, в частности межъязыковые бленды – гибридные слова, возникающие в результате смешения элементов двух и более языков. Неология, как раздел языкознания, изучающая неологизмы, является главным инструментом для процесса формирования новых слов и терминов, возникающий в результате различных изменений в обществе.

В данной научной работе рассматривались материалы следующих учёных, занимающихся тематикой межъязыковых блендов и неологией в академическом дискурсе: А.Ф. Ибраева [2], В.В. Катермина [3], О.А. Хрущева [3] и др.

Материалом для исследования являются неологизмы, отобранные при помощи метода сплошной выборки из электронных словарей: Cambridge Online Dictionaries [5].

Неологизмы традиционно классифицируются на лексические, семантические, словообразовательные и заимствованные. «Блендинг представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как аббревиация, сокращение, словосложение» [3, с. 20]. Соответственно, слова-бленды содержат в себе краткость в передаче информации и, в то же время, многофункциональность в употреблении.

«Бленды служат потребностям научного сообщества для обозначения новых понятий и сущностей, являются одним из способов проявления

авторского словотворчества в художественной литературе, получают все большее распространение в публицистических произведениях благодаря своей экспрессивности, новизне формы и содержания» [4, с. 189]. Бленд, как универсальная языковая единица, может употребляться не только в публицистической, но и в академической сфере, в качестве новой формы – межъязыковой бленд.

Межъязыковые бленды представляют собой особый тип неологизмов, сочетающий в себе черты заимствования и словообразования. Их появление обусловлено необходимостью выражения новых реалий, понятий и социально-культурных феноменов в условиях многоязычного взаимодействия.

Данные языковые факты говорят о направленности и характере взаимодействия с помощью английского языка. С одной стороны, это направленность на внешний мир, как правило, характер влияния англоязычной культуры, посредником которой выступает язык, а с другой стороны, внутри общества осуществляется естественная диффузия языка самых многочисленных или влиятельных этнических групп [1].

Необходимость в создании такого вида блендов обусловлена тем, что многие существующие понятия не способны передать все нюансы новых реалий.

Первым усеченным компонентом таких слов служит название конкретного языка, вторым, как правило, усечение -lish (от English).

Наиболее показательные межъязыковые бленды включают в себя:

- Denglish (Deutsch + English) – данный термин обозначает смешение немецкого и английского языков, часто характеризующееся использованием англицизмов в немецкой речи с немецкой грамматикой или фонетикой, а также созданием гибридных лексических единиц.

- Franglais или Frenglish (Français + English) – данный термин обозначает смешение французского и английского языков, часто проявляющееся в использовании англицизмов во французской речи или французских элементов в английском.

- Russlish (Russian + English) – характерен для русскоязычных билингвов, особенно в академической и профессиональной среде.

- Japlish (Japanese + English) – отражает влияние английского языка на японский, проявляющееся в активном заимствовании английской лексики, часто сокращаемой и адаптируемой к японской слоговой структуре.

- Spanglish (Spanish + English) – широко распространенный языковой гибрид, особенно в регионах с высокой концентрацией испаноязычного населения в англоязычных странах.

- Konglish (Korean + English) – описывает смешение корейского и английского языков. В Южной Корее наблюдается активное проникновение английской лексики, особенно в молодежной среде и в сфере технологий.

- Swedlish (Swedish + English) – обозначает смешение шведского и английского языков. Как и в случае с другими германскими языками, английский оказывает значительное влияние на шведский, что проявляется в

использовании англицизмов в различных сферах, особенно в бизнесе и технологиях.

Рассматривая данные виды межъязыковых блендов, нами был замечен следующий феномен: для смешения французского и английского языков в равной степени используются два термина – *Franglais* и *Frenglish*. Они обозначают лингвистическое явление, при котором в речь на французском или английском языке включаются элементы второго языка. Однако, несмотря на схожесть в этимологии (оба термина образованы от слов *French* и *English*), они различаются способом смешения, функциональным контекстом и аксиологической составляющей.

Franglais, содержащий язык-основу французский, чаще всего наблюдается в повседневной речи, рекламе, СМИ, маркетинге, особенно среди молодёжи и в бизнес-среде. Например: *faire du shopping* (вместо *faire les courses*), *le weekend* (вместо *la fin de semaine*). Аксиологическая составляющая данного бленда отрицательна, так как он воспринимается носителями в качестве нежелательного «загрязнения» языка. Более того, во Франции созданы официальные организации и законы против чрезмерного использования англицизмов (*Académie Française*, *loi Toubon*).

Frenglish, содержащий язык-основу английский, используется в повседневном языке как стилистическое средство. Может наблюдаться в речи англоговорящих, особенно в Канаде (в частности, в Квебеке), а также в мультикультурной среде (например, среди франко-английских билингвов). Примеры *Frenglish*: I need to *rendezvous* with him later. *Voilà, it's done*. Аксиологическая составляющая данного бленда положительна, особенно в речи билингвов, где он воспринимается как естественная часть их языковой идентичности.

В заключение можно сделать вывод, что межъязыковые бленды представляют собой важнейший лексический феномен, отражающий процессы глобализации и культурной гибридизации. Их активное проникновение в англоязычный академический дискурс свидетельствует о трансформации межличностной коммуникации в сторону более динамичной, открытой и многоязычной формы.

«Продуктивность блендинга в современной словообразовательной системе английского языка подтверждается тем, что именно этот способ емко и эффективно отражает события современной реальности. ... Бленды отражают явления в разных областях жизнедеятельности людей, при этом решают главную задачу – экономия времени и ресурсов» [2, с. 2771–2772].

Анализ межъязыковых блендов позволяет не только изучать механизмы языкового взаимодействия, но и выявлять культурные и аксиологические изменения в англоязычном дискурсе.

Список литературы

1. Голец В.А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 192 с.
2. Ибраева А.Ф. Блендинг как продуктивный способ словообразования в англоязычных чат-коммуникациях // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2021. Т. 14. Выпуск 9. С. 2769–2772.
3. Катермина В. В. Бленды-неологизмы английского языка как феномен лингвокультуры // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. Пятигорск, 2020. № 1–1. С. 18–23.
4. Хрущева О.А. Универсальные особенности блендинга // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 187–189.
5. Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 03.05.2025).

INTERLINGUISTIC BLENDS AS NEW LEXICAL UNITS IN ENGLISH-LANGUAGE ACADEMIC DISCOURSE

E.A. Andreas

Kuban State University, Krasnodar

This article examines new language blends in academic discourse. It considers the types of interlingual blends and the variability of their use in the language environment. It analyses interlingual blends as new lexical units that are actively penetrating the English-language academic discourse in the process of hybridization. The conclusion is made about the productivity of this type of blending in modern academic discourse.

Key words: interlingual blends, neologism, academic discourse, hybridization.

УДК 811.111'42

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В САМООПИСАНИЯХ РЯДОВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Д.Э. Бармина-Шалыпина

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Северодвинск*

Данная статья написана в контексте Интернет-лингвистики и посвящена рассмотрению лингвокреативного аспекта самоописаний рядовых англоязычных пользователей. В статье проанализированы проявления лингвистической креативности коммуникантов на разных уровнях языка и определена их частотность в исследуемых социальных сетях.

Ключевые слова: лингвокреативность, самописание, виртуальная личность, социальная сеть, Интернет-коммуникация.

Интернет-опосредованная коммуникация сегодня повсеместна, а социальные сети оказывают непосредственное влияние на становление и развитие современного языка. Виртуальное общение и взаимодействие не только оптимизирует обмен информацией между пользователями, но и генерирует инновационные модели их речевого поведения.

Хоть нынешние коммуниканты и обладают преимущественно клиповым мышлением, фокусируясь на визуальной составляющей популярных веб-площадок, вербальные средства не теряют своей актуальности. Именно продуцируемые пользователями языковые единицы усиливают эффект передаваемых сообщений и смыслов в доминирующих изображениях и видео, а также способствуют установлению контактов с другими участниками онлайн-коммуникации. Исследователи рассматривают социальные сети, принимая во внимание множество аспектов, среди которых лексические [5], грамматические [7], жанровые [3], функционально-стилистические [1], коммуникативно-прагматические [4; 8] особенности таких веб-площадок. Однако проблема самопрезентации виртуальных языковых личностей недостаточно полно раскрыта языковедами на настоящий момент времени.

Интернет-реальность интерактивна, мультимедийна, гипертекстуальна, объединяет внутри себя разнообразные функции и свойства устной и письменной коммуникации, что способствует проявлению лингвистической креативности пользователей [2]. Рядовые коммуниканты регистрируются в социальных сетях исходя из личностных целей, интересов и предпочтений, не стремясь к популярности и признанию со стороны окружающих онлайн-личностей. Они задают направление развития и тренды в процессе повседневного общения в социальных сетях, к данной категории пользователей мы и обратимся в настоящем исследовании.

Текст самоописания представляет собой один из ключевых элементов самопрезентации пользователя, понимаемой нами как его коммуникативная стратегическая деятельность по созданию виртуального образа личности через вербальные и паравербальные возможности поликодового медиатекста [6].

Согласно данным медиаобозревателя Buffer Marketing Library среди англоязычных коммуникантов три лидирующие позиции в рейтинге социальных сетей занимают Facebook*, YouTube и Instagram* [9]. Для выявления лингвистических особенностей самоописаний рядовых англоязычных пользователей нами было отобрано 462 самоописания методом случайной районированной выборки посредством применения фильтров по геолокации в поисковой строке. В картотеку включались только самоописания с веб-страниц носителей английского языка и / или пользователей, проживающих в США или Великобритании.

В процессе лингвистического анализа было установлено, что творческая составляющая самоописаний простых англоязычных пользователей

* по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022 г. было принято решение о запрете деятельности американской транснациональной холдинговой Интернет-компании Meta Platforms Inc., владеющей сервисами Facebook и Instagram

прослеживается на разных уровнях языка. Отметим некоторые продуктивные способы языковой игры на **фонетическом уровне** (11%), выраженные: 1) рифмой (*HotMess Express*), 2) аллитерацией (*wonder and wander*), 3) ассонансом (👩❤️ *Awesome Auntie*), 4) ономотопеей (*Blah blah blah*).

На **морфологическом уровне** лингвокреативность находит свое выражение (16%) посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов (*i post all things bookish* 🧡), а также сокращения или усечения слов (🎧 *DM for Collab* (от 'collaboration')).

Языковое творчество рядовых коммуникантов проявляется на **лексико-семантическом уровне** в активном использовании сленга и разговорных лексических единиц (22%), которые маркируют принадлежность пользователей к молодежной интернет-культуре, например: *up next: festival szn & miami* 🌴🌴; *listen to my song please lol*.

Богатым полем для лингвистической креативности простых пользователей оказывается **стилистический уровень языка** (63%), в исследовательской картотеке были обнаружены следующие творческие интерпретации стилистических приемов: 1) метафора: *Life is a gamble*; 2) анафора: *Transform your mind, transform your life* 🧘; 3) плеоназм: *i am a human person*; 4) оксюморон: *chaos coordinator* 🍷; 5) антитеза: *Devil hand, Buddha Heart*; 6) самоирония: *Goofiness is my state of MIND*; 7) олицетворение: *bring in the dancing lobsters!!*. Все эти примеры иллюстрируют стремление пользователей к созданию необычного веб-образа и более рельефного самоопределения через достижение комического эффекта, подчеркивание противоречивости собственной натуры или какой-либо ситуации, значимой для конкретного коммуниканта.

Голофразис, часто реализуемый через хештеги (*#mentalhealthmatters*) или окказионализмы (*I've gone from a stay-at-home mom to balancing military and family life.*), служит для лаконичного выражения идей или обозначения осведомленности о существующих в соцсетях трендах.

Кодовое переключение, использование других языков наряду с английским в текстах самоописаний, видится маркером мультикультурной идентичности: *Ciao bellissimi! Welcome to this cozy corner of the digital world. ♥; Life is short! Carpe Diem !*

Наибольшее количество текстов самоописаний рядовых пользователей характеризуются лингвистической креативностью на **графическом уровне языка** (74%). В выборке присутствуют примеры намеренного отклонения от орфографической нормы для имитации искаженного произношения, экспрессии или соблюдения цензуры, например: *the fuq is this shite*.

Среди паравербальных средств отмечается следующее: 1) активное использование капитализации для расстановки акцентов на ключевых словах или подчеркивание всего сообщения: *Make sure to choose to be Happy NOW!*; 2) применение нестандартных шрифтов для визуальной привлекательности веб-страницы: UNTOUCHABLE 🏰💎🌟 *Living Life*; 3) структурирование текста по

типу формулы для лаконичного представления составляющих идентичности или вида деятельности: *camera roll dump + my favorite people* .

Особую роль играют эмодзи, которые могут выполнять внутри текстов самоописаний различные функции: а) заменять слова (*Be*) , б) служить визуальным обрамлением, украшением или разделителем текста (*Calvin 2019|Saxophonist| Dover*) ; в) передавать эмоции и сопровождать текст, поясняя его модальность (*ASU* *Paradoxal* *MCMXCVIII* *Titusville, FL*).

Таким образом, использование коммуникантами разнообразных средств лингвистической креативности можно объяснить их стремлением к лаконичности и выразительности внутри самоописаний. Креативные языковые приемы позволяют рядовым пользователям передавать необходимые смыслы и эмоциональный настрой, а также подчеркивают уникальность каждого отдельно взятого коммуниканта и делают их образы более запоминающимися. Анализ самоописаний рядовых пользователей демонстрирует, что лингвистическая креативность является неотъемлемой характеристикой их самопрезентации в социальных сетях, поскольку проявляется на всех языковых уровнях.

Список литературы

1. Бодулева А.Р., Салина А.С., Иванова А.В. Функционально-стилистические особенности рекламного дискурса (на материале англоязычных слоганов сети Instagram) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. №3. С. 69–78.
2. Викторова Е.Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303.
3. Егорова В.И. Социальные сети и их речевые жанры // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №3(27) [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-ih-rechevye-zhanry> (дата обращения: 11.06.2025).
4. Марченко Н.Г. Социальная сеть «в контакте»: лингвопрагматический аспект: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2013. 20 с.
5. Михайличенко Е.С. Социальные сети как особый вид интернет-коммуникации: лексический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. №1. С. 166–171.
6. Стаховская Ю.М. Самопрезентация цифрового поколения в социальных сетях // Культура сетевых коммуникаций и цифровая грамотность. Томск: Томского государственного университета, 2019. Гл. 1. С. 28–43.

7. Тетерлева Е.В., Портнова И.В. Грамматические особенности англоязычных комментариев в социальной сети Instagram // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. №14. С. 91–94.

8. Туникова С.Е. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление в англоязычных социальных сетях // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. №XIII. С. 154–158.

9. *Buffer Marketing Library*. Social media management for everyone [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://buffer.com/library/social-media-sites/> (дата обращения: 11.06.2025).

LINGUISTIC CREATIVITY IN REGULAR ENGLISH-SPEAKING USERS' SELF-DESCRIPTIONS ON SOCIAL MEDIA

D.E. Barmina-Shaliapina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk

This article is connected with the field of Internet-linguistics and examines the linguocreative aspect of self-descriptions created by regular English-speaking users. The study analyzes manifestations of linguistic creativity at different language levels and determines their frequency within the investigated social networking services.

Key words: linguistic creativity, self-description, virtual identity, social media, online communication.

УДК [81'33+81'38]:811.112.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРОНИМОМ “ROT” (КРАСНЫЙ) В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЖУРНАЛА SPIEGEL

В.С. Бахтигозина

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В данной статье рассматриваются особенности употребления фразеологизмов с колоронимом “rot” (красный) в современных немецкоязычных СМИ. С помощью инструментов корпусной лингвистики был осуществлен поиск фразеологизмов с компонентом “rot” в корпусе текстов журнала “Spiegel” объемом свыше 3 млн токенов, сделан вывод о редком использовании искомых единиц, ограниченном фразеологизмами “rote Karte / Linie / Zahlen”.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, колоронимы, красный цвет, фразеология, тексты СМИ, журнал “Spiegel”.

Изучению колоронимов посвящено немало научных исследований, что свидетельствует о высокой степени актуальности темы.

Так, А.А. Шапошникова исследует культурно-обусловленные цветовые коннотации, связанные с цветообозначением «красный» в русском, английском и немецком языках, на основе анализа фразеологизмов. Автор выделяет общие и отличительные черты в восприятии этого цвета в разных культурах [9].

Б. Кайзер рассматривает немецкую пословицу “Heute rot, morgen tot” («Сегодня красный, завтра мёртвый»), прослеживается ее эволюция от средневекового происхождения до политического использования. Изначально связанная с темой быстротечности жизни, пословица приобрела политическую окраску в XX веке, символизируя антикоммунистические настроения (например, “lieber tot als rot” – «Лучше мёртвым, чем красным»). Автор анализирует трансформации пословицы в разных контекстах, включая антивоенные лозунги (“lieber rot als tot”) и современные дискуссии о терроризме и миграции. Подчеркивается, как изменения в обществе влияют на язык, создавая новые вариации традиционных выражений [10].

А.А. Блохина изучает русские фразеологизмы с цветовыми компонентами «красный», «белый» и «черный», анализируя их семантику и употребление в современных СМИ. Автор выделяет различные значения этих цветов: например, «красный» ассоциируется с красотой, революцией и опасностью, «черный» – с негативом и бедностью, а «белый» – с добром и привилегированностью. В текстах СМИ колоризмы сохраняют традиционные значения, но также приобретают новые контексты, такие как «красный код» (чрезвычайная ситуация) или «черный рынок». Исследование показывает, как цветовые фразеологизмы отражают культурные и социальные особенности языка [2].

А.Д. Ерастова изучает особенности употребления колоронима «красный» в сказках братьев Гримм на немецком, русском и английском языках, используя корпусный анализ. В немецких текстах «красный» чаще связан с кровью и жизненной силой, в русских – с красотой и одеждой, а в английских – с глазами и эмоциями. Различия в частоте употребления объясняются языковыми особенностями, такими как словообразование и переводческие решения. Исследование подчеркивает культурную специфику цветовой символики и предлагает дальнейший анализ других колоронимов [7].

Н.М. Залесова и Н. Сюй изучают значение и употребление цвета «красный» (“red”) в английском языке и культуре, анализируя словарные определения и идиоматические выражения. Установлено, что красный чаще всего описывает оттенки цвета, эмоции (гнев, стыд) и ситуации, связанные с опасностью или финансовыми проблемами, причем большинство идиом имеют негативную коннотацию. Положительные ассоциации включают праздники, веселье и формальные события, такие как “red letter day” или “paint the town red”. Авторы делают вывод, что красный цвет служит мощным символом, отражающим культурные и психологические аспекты английской языковой картины мира [8].

Таким образом, фразеологизмы с цветовым компонентом «красный» в немецком языке обладают глубокой культурной и контекстуальной спецификой. Эти выражения часто отражают исторические и социальные трансформации – от средневековой символики до современных политических коннотаций. В языке СМИ такие фразеологизмы могут приобретать новые значения, сохраняя при этом связь с традиционными ассоциациями. Функционирование фразеологизмов с компонентом “rot” в немецкоязычном дискурсе представляется нам перспективным для изучения.

Предлагаемое исследование направлено на решение следующих задач:

- 1) сформировать список фразеологизмов с компонентом “rot”;
- 2) провести поиск фразеологизмов с компонентом “rot” в корпусе текстов журнала “Spiegel”;
- 3) проанализировать результаты поиска.

Для анализа языкового материала нами был использован программный комплекс «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», разработанный в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета, который позволяет автоматически формировать корпуса текстов и содержит инструменты для работы с ними [4]. В 2023–2024 гг. был сформирован корпус текстов немецкоязычного журнала «Spiegel» (содержит более 3 млн токенов), в котором осуществлялся поиск фразеологизмов с компонентом “rot”.

Ниже будут представлены контексты в объёме равным предложению в соответствии со структурой базы данных сбалансированного лингвистического корпуса [5; 6].

В первую очередь мы составили список фразеологизмов с компонентом “rot” методом сплошной выборки из справочной литературы (словарь “Duden. Redewendungen”). Было выделено 18 фразеологизмов.

На следующем этапе происходит адаптация списка фразеологизмов под алгоритм «Фразеология 2», который оптимизирует поиск за счет последовательного анализа компонентов. Сначала система находит самый редкий элемент, затем в полученном подкорпусе ищет остальные значимые части. Алгоритм «Фразеология 2» ускоряет обработку данных, поскольку сокращает количество текстов для анализа. Таким образом, поисковый запрос строится от наименее частотных компонентов к более распространенным [3].

В таблице 1 в графе «Д» (Добавлено) указано количество совпадений для первого слова в поисковом запросе. Далее алгоритм определяет остальные компоненты фразеологизма и выдает итоговые данные: в графе «Р1» (Результат 1) представлены автоматически найденные результаты, в графе «Р2» (Результат 2) – число предложений, где фразеологизм действительно присутствует [1] (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Результаты поиска фразеологизмов в корпусе

	Фразеологизм	Поисковый запрос	Д	P1	P2
1	heute rot, morgen tot	tot, rot, morgen, heute	208	—	—
2	lieber rot als tot	tot, lieber, rot	208	—	—
3	rote Karte (jmdm. die rote Karte zeigen)	Karte, rot	225	15	15
4	rote Laterne	Laterne, rot	2	—	—
5	rote Linie (über rote Linie überschreiten / eine rote Linie übertreten)	Linie, rot	154	2	—
6	rote Zahlen (in die roten Zahlen rutschen/kommen/geraten, aus den roten Zahlen (heraus) kommen, in den roten Zahlen sein, rote Zahlen schreiben)	Zahl, rot	100 4	3	2
7	rote, Rote Grütze	Grütze, rot	—	—	—
8	roter Faden (den roten Faden (wieder)finden / verlieren)	Faden, rot	4		
9	roter Libanese	Libanese, rot	—	—	—
10	rotes Tuch (für jmdn. sein/wie ein rotes Tuch auf jmdn wirken)	Tuch, rot	10	—	—
11	rote Socke	Socke, rot	1	—	—
12	rote Ohren (Satz rote Ohren, es gibt (gleich) rote Ohren! mit roten Ohren abziehen)	Ohr, rot	50	—	—
13	jmdm. den roten Hahn aufs Dach setzen	Hahn, rot, Dach, setzen	27	—	—
14	jmdm. den roten Teppich ausrollen	ausrollen, Teppich, rot	5	1	—
15	keinen roten Heller (wert sein / für	Heller, rot, kein	1	—	—

	etwas geben)				
16	sich die Augen rot weinen	weinen, rot, Auge	29	—	—
17	sich etw. im Kalender rot anstreichen	anstreichen, Kalender, rot	—	—	—
18	Salz und Brot macht Wangen rot	Wangen, Satz, Brot, rot	—	—	—

Таким образом, в корпусе было найдено 21 предложение, в которых предположительно содержатся четыре фразеологизма. Среди них:

– rote Karte – букв. «красная карточка», jmdm. die rote Karte zeigen – букв. «показывать красную карточку»

1) *спорт.*: карточка красного цвета, поднятая судьей после грубого фола в знак того, что игрок удален с поля,

2) отстранение (от работы), увольнение,

3) знак резкого, недвусмысленного неприятия;

– rote Linie – букв. «красная линия», über rote Linie überschreiten/eine rote Linie übertreten – букв. «переходить через красную линию/пересекать красную линию»

- установленный предел допустимого, разумного, допустимого и т.п., нарушение которого влечет за собой санкции;

– rote Zahlen – букв. «красные числа»; in die roten Zahlen rutschen/kommen/geraten – «попасть в красные числа», aus den roten Zahlen (heraus) kommen – «выйти из красных чисел», in den roten Zahlen sein – «быть в красных числах», rote Zahlen schreiben – «писать красные числа»

- долги, финансовые потери; стадия развития бизнеса, когда расходы превышают доходы, зона убытков;

– jmdm. den roten Teppich ausrollen – букв. «раскатывать кому-то красный ковер»

- проявлять особую покорность по отношению к кому-л., добиваться благосклонности; льстить кому-л. (для достижения определенной цели)

После анализа предложений, было установлено, что три контекста из предложенных не содержат фразеологизмов:

[*'Zahl', 'rot'*] : 120117 : *Das Rote Kreuz wird an immer mehr Orten auf der Welt gebraucht, die Zahl der Krisenherde ist in den vergangenen Jahren deutlich gestiegen.* – Красный Крест используется во все большем количестве мест по всему миру, число центров помощи в последние годы значительно возросло (здесь и далее перевод наш – В.Б.).

В данном примере содержатся оба компонента фразеологизма, однако они находятся в разных частях предложения и не связаны между собой:

[*'Linie', 'rot'*] : 159064 : *Zuvor hatte der Elch demnach weite Teile der roten Linie des Stockholmer U-Bahn-Netzes lahmgelegt.* – Ранее лось парализовал

большую часть красной линии Стокгольмского метрополитена.

[*'ausrollen', 'Teppich', 'rot'*] : 144624 : Christina Hebel, SPIEGEL-Korrespondentin »Der Präsident hat Kim wirklich hier den roten Teppich ausgerollt und ihn persönlich im Weltraumbahnhof Wostotschny empfangen, hat ihm Kampffjets zeigen lassen, hat ihn die Pazifikflotte besichtigen lassen. – Кристина Хебель, корреспондент SPIEGEL: «Президент действительно развернул здесь красную дорожку для Кима и лично принял его на космодроме Восточный, показал ему боевые самолеты, позволил осмотреть Тихоокеанский флот».

Этот пример заслуживает отдельного внимания. В данном контексте выражение “den roten Teppich ausrollen” использовалось в прямом, а не переносном смысле – красная дорожка буквально была расстелена.

Фразеологизмы содержатся в следующих предложениях:

Ниже представлены предложения, содержащие фразеологизмы. Так, фразеологизм “rote Karte” в основном используется в сфере спорта (хотя утверждение о том, что этот спортивный термин, употребляемый в футбольных контекстах, является фразеологизмом, может быть спорным):

[*'Karte', 'rot'*] : 57052 : Nigerias Deborah Abiodun (90.+8) sah kurz vor dem Ende wegen groben Foulspiels die Rote Karte. – Дебора Абиодун из Нигерии (90-я +8) незадолго до конца получила красную карточку за грубую нечестную игру.

[*'Karte', 'rot'*] : 73174 : Nach hartem Einsteigen im Angriff gegen Maren Mjelde sah die erst zehn Minuten zuvor eingewechselte Sofia Harrison die Rote Karte (67.). – После упорной игры в атаке против Марен Мьельде София Харрисон, вышедшая на замену всего десятью минутами ранее, получила красную карточку (67-я).

[*'Karte', 'rot'*] : 77097 : Fluminense-Choach Fernando Diniz, der derzeit auch interimweise die brasilianische Nationalmannschaft betreut, sagte auf der Pressekonferenz nach dem Spiel, Marcelo habe die Rote Karte nicht verdient. – Наставник «Флуминенсе» Фернандо Динис, который в настоящее время временно руководит сборной Бразилии, заявил на послематчевой пресс-конференции, что Марсело не заслужил красной карточки.

[*'Karte', 'rot'*] : 81192 : Erst war es Lauterns Torhüter Andreas Luthe, der nach einem Konzentrationsfehler seiner Abwehr gegen Thomas Ouwejan zur Notbremse griff und die Rote Karte sah (39.). – Сначала это был вратарь «Кайзерслаутерна» Андреас Луте, который совершил ошибку, защищаясь от Томаса Уведжана, экстренно затормозил и увидел красную карточку.

Но встречаются также и другие контексты:

[*'Karte', 'rot'*] : 33429 : Insgesamt zeigte die DUH 214 von 257 befragten Spitzenpolitikerinnen und -politikern aus Bund und Ländern eine “Rote Karte”, weil ihre Dienstfahrzeuge mindestens 20 Prozent über dem CO2-Grenzwert lagen. – Всего 214 из 257 опрошенных высокопоставленных политиков из федерального уровня и уровня земель получили «красную карточку», потому что их служебные автомобили показывали как минимум на 20 процентов превышающий предельный уровень выбросов углерода.

Также были представлены фразеологизмы “rote Linie” и “rote Zahlen”:

['Linie', 'rot'] : 158174 : Die kommunistische Regierung unter Staats- und Parteichef Xi Jinping führte damals die Politik der “drei roten Linien” ein. – Коммунистическое правительство под руководством председателя государства и партии Си Цзиньпина в то время проводило политику «трех красных линий».

['Zahl', 'rot'] : 2757 : Lauterbach will ein grundsätzlich neues Finanzierungssystem für die Kliniken durchsetzen, von denen viele in den roten Zahlen stecken. – Лаутербах хочет ввести принципиально новую систему финансирования клиник, многие из которых терпят убытки.

['Zahl', 'rot'] : 148631 : Im Frühjahr 2022 wird der Kryptomarkt instabil und Alameda rutscht tief in die roten Zahlen. – Весной 2022 года рынок криптовалют станет нестабильным, и Аламеда окажется в минусе.

Итак, фразеологизмы содержались в 17 предложениях из 21. Погрешность составила 14%. Однако часть контекстов без фразеологии также представляет интерес для анализа.

Наибольшая доля примеров приходится на фразеологизм “rote Karte”, часто используемом в сфере командного спорта, но встречаются также фразеологизмы “rote Linie” и “rote Zahlen”. В целом фразеологизмы с компонентом “rot” представлены в текстах журнала “Spiegel” в малом количестве.

Список литературы

1. Бахтигозина В.С. Фразеологизмы с компонентом grün в текстах журнала “Spiegel” (корпусный эксперимент) // Человек – язык – компьютер. Формальное в неформальном : сборник научных статей по результатам II Научно-практической (заочной) конференции с международным участием, Москва, 07 ноября 2024 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 6–12. EDN FPEFHE.

2. Блохина А.А. Русские фразеологизмы с колоризмами «красный», «белый», «черный» в текстах СМИ // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 4. С. 72-78. DOI 10.17759/langt.2019060410. EDN DTQJTF.

3. Горожанов А.И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 132–138. DOI 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ.

4. Горожанов А.И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11(892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

5. Горожанов А.И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.

6. *Горожанов А.И., Степанова Д.В.* Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 7(862). С. 31–37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31. EDN QGIEAQ.

7. *Ерастова А.Д.* Особенности употребления колоронима «красный» в сказках братьев Гримм (на материале оригинального текста и его перевода на русский и английский языки) // Человек – язык – компьютер. Исследователи будущего: мат-лы Научно-практической (заочной) конференции с международным участием, Москва, 25 декабря 2023 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 164–168. EDN UHREIC.

8. *Залесова Н.М., Сюй Н.* Роль цвета «красный» в английском языке и культуре // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник материалов III Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Благовещенск, 17–26 декабря 2024 года. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2025. С. 30–33. EDN CLYTIQ.

9. *Шапошникова А.А.* Культурно-обусловленные цветовые коннотации с цветообозначением «красный» (на материале русских, английских и немецких фразеологизмов) // Язык текущего момента: мат-лы VII межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2024 года. М.: Сфера, 2024. С. 245–247. EDN QCQHSZ.

10. *Kaiser B.* Die politische Laufbahn eines Sprichworts: Heute rot, morgen tot // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №3(53). С. 113–118. DOI 10.18503/1992-0431-2016-3-53-113-118. EDN WWKFEV.

REPRESENTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLORONYM “ROT” (RED) IN CONTEMPORARY GERMAN- LANGUAGE MEDIA BASED ON THE TEXTS OF THE SPIEGEL MAGAZINE

V.S. Bakhtigozina

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article is devoted to the peculiarities of the use of phraseological units with the coloronym “rot” (red) in modern German-language media. Using corpus linguistics tools, a search was carried out for phraseological units with the “rot” component in the Spiegel magazine text corpus with a volume of over 3 million tokens, and a conclusion was drawn about the rare use of the required units, limited to the phraseological units “rote Karte / Linie / Zahlen”.

Key words: corpus linguistics, coloronyms, red color, phraseology, media texts, Spiegel magazine.

ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ РАВНОЦЕННОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГЕОРТОНИМОВ

И.Д. Бекоева

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал

В статье рассматривается взаимодействие культур в процессе перевода транслингвальных медиатекстов, которые объединяют языковые элементы разных языков, анализируются методы достижения коммуникативной равноценности при передаче исходного текста средствами переводящих языков. Смещение фокуса общественной коммуникации на интернет-ресурсы обуславливает необходимость использования эффективных способов сохранения культурной специфики оригинального текста при его передаче средствами языка перевода.

Ключевые слова: коммуникативная равноценность, транслингвальный медиатекст, этномаркированные геортонимы, способы перевода.

Перевод – это акт межкультурной коммуникации, требующий не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных особенностей исходного и переводящего языков. Текст является носителем культурной информации, проявляющейся в грамматических структурах, лексическом составе и стилистических приемах. Наибольшую сложность представляет перевод имплицитных культурных смыслов, связанных с духовными ценностями, религиозными убеждениями и народными верованиями.

Этномаркированные онимы, как репрезентанты культурной и исторической идентичности, требуют особого внимания при переводе. Необходимо учитывать не только их денотативное значение, но и коннотативные оттенки, обусловленные культурным контекстом. Существуют две основные стратегии перевода этноспецифической лексики: этноцентрическая (ориентация на передающую культуру) и культурноцентрическая (ориентация на культуру целевой аудитории). Этноцентрическая стратегия предполагает сохранение языковых особенностей, культурных реалий и социальных норм исходной культуры, даже если они не являются общепринятыми в принимающей культуре. Культурноцентрическая стратегия предписывает подход, при котором переводчик учитывает культурный контекст оригинального текста и старается передать его смысл, адаптируя его для восприятия целевой аудитории.

При переводе текстов, в которых объективированы онимные единицы (например, сакральные геортонимы, названия религиозных праздников и дат), задача переводчика усложняется необходимостью сохранить лексико-

семантические особенности этих единиц, а также их культурные ассоциации. Онимы часто несут в себе уникальные культурные и исторические значения, и при их переводе требуется учитывать не только лексическую составляющую, но и культурные коннотации, которые могут варьироваться в процессе перевода средствами разных языков.

Ориентация на передающую культуру основана на сохранении:

1) языковых особенностей (уникальные конструкции, фразы, идиомы и сленговые выражения, которые требуют интерпретации, пояснения и перевода);

2) культурного контекста (отсылки к культуре, истории, традициям и обычаям имеют значение при интерпретации источника, например, ссылки на знаменитые произведения литературы или искусства могут быть непонятны для аудитории с иным культурным опытом);

3) социальных норм и традиционных ценностей: нормы поведенческие, моральные, ценности, могут отличаться от тех, которые приняты в принимающей культуре. Это может повлиять на выбор языковых средств и даже тон текста.

Ориентация на принимающую культуру основана на следовании принципам адаптации, среди которых наиболее важными являются: 1) выбор лексики (переводчик должен учитывать, какие слова и фразы наиболее приемлемы в целевой культуре, это может включать выбор региональных вариантов, учитывающих диалекты и местные особенности языка; 2) адаптация культурных ссылок (иногда необходимо заменить культурные признаки текста на более узнаваемые для принимающей культуры); 3) стилистика и форма (переводчик должен уметь адаптировать текст, сохраняя его основное содержание и эмоциональную и этническую окрашенность.

Отразить средствами ПЯ особенности этнической лингвокультуры, в которой язык, культура и картина мира образует единство, – главная задача переводчика [4]. Ключевым критерием оценки качества перевода является достижение коммуникативной эквивалентности, то есть обеспечение адекватного восприятия текста на языке перевода, сопоставимого с восприятием исходного текста. Перевод этномаркированных текстов, обладающих транслингвальными характеристиками, относится к категории задачи повышенной сложности [3; 6, с. 21].

В контексте оценки качества перевода, коммуникативная эквивалентность рассматривается как соответствие между текстом на исходном языке и текстом на языке перевода. Это соответствие выражается в идентичности коммуникативной функции и способности обоих текстов вызывать сопоставимый коммуникативный эффект [5, с. 80-81].

Данное исследование акцентирует внимание на необходимости сочетания обеих стратегий перевода – этноцентрической и культурноцентрической (учет лингвокультурного контекста исходного текста и особенностей восприятия перевода целевой аудиторией). Особое значение придается анализу переводческих стратегий, направленных на передачу культурных коннотаций,

связанных с ритуалами, мифологией и социальными практиками, репрезентированными в геортонимах.

В ономастике принято выделять ядерные и периферийные разряды онимной лексики. Ядерные разряды характеризуются концентрацией признаков системы, периферия – ослабленностью признаков системы. Наиболее значимой группой онимной лексики считают антропонимы, и уже в сопоставлении с ними выявляется яденость или периферийность иных онимных разрядов. Периферию составляют группы имен собственных (здесь и далее – ИС), которые не входят ядерному сегменту онимной лексики, представленному топонимами, антропонимами, теонимами и т.д. Номинации праздников, памятных дат, торжеств относятся к периферийному разряду онимной лексики. Их структурно-семантический, стилистический, лингвокультурный и переводческий анализ и отражение в учебных, переводческих и лексикографических материалах способствует лучшему пониманию культуры и менталитета народа, национальной культуры и языка.

Геортонимы относятся к группе *идеонимов* – одному из разрядов ИС по классификации Н.В. Подольской, условно объединяющему разные категории ИС, имеющих денотаты в таких сферах деятельности как умственная, художественная, идеологическая [7, с. 61]. Большинство геортонимов соотносятся с определенными временными отрезками или датами, поэтому геортонимы соотнесены с хрононимами – именами собственными исторически значимых отрезков времени, памятных дат [7, с. 147-162].

А.В. Суперанская предлагает различать эти две категории: геортонимы (названия самих праздников) и хрононимы (названия периодов времени или дат, когда эти праздники отмечаются). Геортонимы обозначают не время, а само торжество, включая его структуру, ритуалы и действия. Хрононимы же, в свою очередь, обозначают конкретные отрезки времени, важные для общества, в которые происходят определенные события, например, праздники или памятные даты. Эти события и дают название соответствующим временным периодам, при этом любой праздник подразумевает временную составляющую, поэтому геортоним может одновременно быть и хрононимом, если праздник привязан к конкретному времени. Однако не каждый хрононим является геортонимом, то есть не каждое название временного периода обязательно связано с праздником [8, с. 197–198].

Анализ переводческих соответствий осетинских геортонимов на ПЯ, встречающихся в транслингвальных текстах с поликодовой структурой, показывает отсутствие единого подхода к выбору принципов и способов перевода, что подчеркивает актуальность данного исследования. Цель работы – определить способы передачи средствами русского языка лингвокультурной специфики транслингвальных медиатекстов, реализуемых средствами двух языков, и содержащих этномаркированные осетинские геортонимы. Предмет исследования представлен кодовыми переключениями с одной языковой системы на другую, реализуемыми в транслингвальных медиатекстах.

В транслингвальных текстах, выявленных в электронных средствах информации Южной Осетии, наблюдается уникальное явление мультикультурности и мультиязычности, благодаря чему, особенно ярко, контрастивно проявляется специфика этнической ментальности, культуры и ритуальности югоосетинской общественной коммуникации. В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, сравнительно-сопоставительного, интерпретативного анализа текста, а также элементы лингвострановедческого анализа.

Геортонимы, названия праздников и праздничных дат, составляют достаточно большую группу онимной лексики, отмеченную внутригрупповым делением на названия светских и национально-религиозных и традиционных праздников. В соответствии с классификацией В. Уарзиати наиболее важными в жизни осетинского народа были сезонные (календарные) и семейные.

Сезонные праздники имели наиболее важное значение, они были приурочены к определенным датам или периодам времени, и определялись основными этапами хозяйственного года [9, с. 5]. Праздники семейного составляли значительную группу (родильные, свадебные, похоронно-погребальные, а также торжества и памятные даты различного характера).

В календаре праздников и памятных дат Южной Осетии на 2025 год зафиксировано 143 названия праздников, большинство из которых (132) составляют традиционные религиозные праздники. В осетинской культуре христианство, народные верования и мифологическое восприятие мира настолько тесно связаны, что их границы часто размыты. Важную роль в религиозной и культурной жизни осетин играют дни поминовения, сопровождаемые особыми ритуалами. Поминальные обряды по-прежнему значимы и широко распространены как в сельской местности, так и в городах (поминки, три ритуальные субботы перед сороковинами, сороковины, годовщина, промежуточные поминальные тризны и другие поминальные даты, укорененные в традиционных верованиях).

Исследование основано на анализе фрагментов текстов, содержащих осетинский сакральный геортоним *Лауызгæнæн* (общий объем – 178498 знаков). Эти фрагменты были извлечены методом сплошной выборки из медиатекстов югоосетинского сегмента интернета, включая официальные сайты новостных агентств (РЕС, Спутник Южная Осетия) и республиканские газеты («Южная Осетия», «Республика»). Рассмотрим несколько фрагментов медиатекстов, в которых этномаркированные геортонимы реализуются сразу на двух исходных языках, что создает потенциальную сложность для переводчика. Важно также иметь в виду, что идея Бога и варианты религиозного чувства – сюжет, с одной стороны, присущий всем народам, но мировые религии локализуются, попадая в ту или иную страну.

Праздник *Лауызгæнæн* / *Лауызгæнæнтæ* – один из компонентов цикла Великого Поста. *Лауызгæнæн* посвящен умершим людям и отражает культ загробного мира у осетин. *Лауызгæнæн* проводится во вторую и третью пятницы Великого Поста – *Фыццаг Лауызгæнæн* ‘первое выпекание блинов’

(*Фыццаг* первый + *Лауыз* ‘блин’ *гæнæн* выпекание’); *Дыккаг Лауызгæнæн* ‘второе выпекание блинов’ [2, с. 88]. *Лауызгæнæн* / *лауызгæнæнтæ* занимает особое место в ряду весенних календарных поминальных дат. *Лауызгæнæн* (от *лауыз* ‘блин’, ‘лепешка’+ *гæнæн* ‘делание’, ‘выпекание’, досл. выпекание/делание блинов) – один из наиболее значимых осетинских геортонимов, отражающих обычай поминального цикла. Этимологически *Лауызгæнæн* восходит к тюркскому *Lawaş* – круглый тонкий хлеб вроде блинов, лепешка [1, с. 15].

Выявлено 87 репрезентаций геортонима *Лауызгæнæн* / *Лауызгæнæнтæ*. Общее число переводческих соответствий данному геортониму составляет 105 единицы. Кулинароним *лауыз* – 169 репрезентаций.

Ежегодно во второй половине марта осетины справляют поминальный день *Лауызгæнæн*. Осетины верили, что в поминальные дни (вторая, третья и четвертая субботы **Великого Поста**) души ушедших из жизни возвращаются <...> повидать своих родственников [12].

В названии поминального обряда упоминается <...> *Лауызгæнæн*, что по-осетински <...> ‘испечение блинов’. Главным в перечне поминальных кушаний были *Лауызтæ* – блины, которые готовились из муки и воды, без соли. Готовые лепешки обмакивали в чесночный соус (*нурыдзахдон*). В народе верили, что на том свете *лауызта* пользуются большим спросом <...> [11]. Геортоним *Лауызгæнæн* в анализируемых фрагментах сопровождается переводческими соответствиями – ‘испечение блинов’ (калькирование), ‘поминальные дни (вторая, третья и четвертая субботы Великого Поста) души ушедших из жизни возвращаются <...> повидать своих родственников’ (пояснительный перевод); *Лауызгæнæн* ‘Лауызганан’ транскрипция; *Зазхассан* – ‘день поминовения умерших приурочен в Вербному воскресенью’ (экспликация, или пояснительный перевод+ транспозиция);

Лауызгананта проводятся два раза: в субботу первой недели после Масленицы – первый *лауызганан* и в субботу второй недели после **Масленицы** – второй *лауызганан*, *зазхассан* – день поминовения умерших приурочен в Вербному воскресенью [10]. В данных фрагментах транслингвальных медиатектов параллельно реализуются элементы двух языковых систем (русского и осетинского языков), двух культур и систем религиозных взглядов и верований – православной христианской (**Великий Пост, Масленица, Вербное воскресенье**) и народно-традиционной (*Лауызгæнæн Лауызгананта/Лауызганан, Заххассан*). ‘Вербное воскресенье’ является регулярным переводческим соответствием геортониму *Зазхæссæн* и основан на приеме транспозиции. В Южной Осетии в Вербное воскресенье верующие заменяют вербу на веточки тиса или самшита (*зæз* ‘тис’ + *хæссæн* ‘принесение’, ‘принесение тиса’).

Таблица 1. Способы перевода геортонима *Лауызгæнæн*

ИЯ1	ИЯ2/ПЯ	Кол-во	Способ перевода
Лауызгæнæн	Лауызганан	33	Транслитерация/ транскрипция
	Испечение блинов	2	Калька
	Печь блины	5	
	Делать блины	4	
	Выпекание блинов	1	
	Всего	12	
	Блинные поминки	6	Экспликация
	Поминальные дни	8	
	Традиция поминовения	2	
	Одна из традиций, которую отмечают в Осетии по настоящее время	1	
	Один из обычаев похоронно-поминального обряда	3	
	Праздник, посвященный давно умершим людям	1	
	Обряд	29	
	Поминальный обряд	4	
	Обряд из глубины веков	3	
	Обряд поминовения усопших	1	
	Обязательные поминки у осетин-христиан	1	
	из тюркского <i>Lawas</i> ‘круглый тонкий хлебец вроде блинов, лепёшка’	1	Этимологическая экспликация
	Всего	60	
Всего		105	

Таблица 2 содержит переводческие соответствия кулинарунима *лауыз*, являющегося ядерным элементом ономастического пространства геортонима *Лауызгæнæн*.

Таблица 2. Способы перевода ядерного кулинарунима *лауыз*

ИЯ1	ИЯ2/ПЯ	Кол-во	Способ перевода
Лауыз(тæ)	Лауыз	135	Транскрипция/транслитерация
	блин	56	Лексический перевод
	Оладий/Оладьи	3	
	Хлеб	7	
	Хлебец	5	
	Всего	15	
	Постный блин	7	Экспликация
	Постный хлеб	3	
	Ритуальный хлеб	2	
	Круглый, тонкий хлебец вроде блинов, лепешка	2	

	Постный хлеб из легкого заквашенного теста, которое печется как блины, и пропитывается чесночным или ореховым соусом	2	
	Блины, которые готовятся из муки и воды, без соли	1	
	Осетинские постные блины	2	
	Всего	19	
Всего		169	

При переводе культурно-специфических онимов, особенно геортонимов, необходимо учитывать не только лингвистические, но и культурологические аспекты коммуникации. Прямой перевод часто оказывается недостаточным для передачи всего спектра значений и коннотаций, связанных с оригинальным термином. Очевидна необходимость использования более сложных переводческих стратегий, таких как описательный или пояснительный перевод, гибридные подходы, позволяющие максимально точно донести смысл и культурную значимость этих понятий до целевой аудитории.

Некоторые онимы могут обладать уникальными значениями в одной культуре, в то время как в другой они могут не иметь равнозначной ценности. В ходе исследования было выявлено множество переводческих аналогов кулинарунима *лауыз* в русском языке (блин, оладьи, хлеб, хлебец, постный блин, постный хлеб, ритуальный хлеб и т.д.), однако ни один из этих вариантов перевода не способен полностью отразить семантику и лингвокультурные особенности данного кулинарунима, имеющего специфическое сакральное значение.

Выявленные переводческие соответствия геортонима *Лауызгаена* показали, что наиболее подходящим является описательный перевод, объясняющий суть самого праздника с его религиозно-ритуальной семантикой. В некоторых случаях эффективен смешанный подход, сочетающий различные переводческие приемы, такие как транслитерация, транскрипция, калькирование и пояснение. Всего выявлено 105 переводческих соответствия геортонима *Лауызгаена*: 1) транслитерация/ транскрипция – 33 (31,4%); 2) калькированный перевод – 12 (11,4%); 3) экспликация – 59 (56,2 %); 4) этимологическая экспликация – 1 (1 %).

Статистические данные, полученные в ходе исследования, подтверждают эту тенденцию, демонстрируя преобладание транслитерации/транскрипции как базового способа передачи, но и значительную долю описательных и гибридных переводов, направленных на раскрытие семантики и культурного контекста. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку более эффективных методик перевода культурно-специфических онимов, учитывающих их многогранность и значимость в рамках конкретной культуры.

Список литературы

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах]. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР. 1958. Т.1. А-К. 656 с.
2. *Дзадзиев А.Б.* Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ: Б\и, 1994. 284 с.
3. *Келлман С.Г.* Литературный транслингвизм: что и почему? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. №3. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literary-translingualism-what-and-why> (дата обращения: 29.09.2024).
4. *Красных В.В.* Преподавание русского языка в условиях языковой и культурной полифонии: необходимость учета культуры и лингвокультуры в процессе обучения [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-russkogo-yazyka-v-usloviyah-yazykovoy-i-kulturnoy-polifonii-neobhodimost-ucheta-kultury-i-lingvokultury-v-protsesse> (дата обращения 09.05.2024)
5. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. *Павлова М.В.* Художественный билингвизм и проблема непереводимости (на примере романа Э. Берджеса «Заводной апельсин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 21-25.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 187 с.
8. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1973. 368 с.
9. *Уарзиати В.* Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. 909 с.

Источники

10. Похоронные обряды. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ossethnos.ru/custom/20-roxoronnye-obryady.html> (дата обращения: 08.06.2025).
11. Норма бытия: как Аланский женский монастырь входит в Великий Пост [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200302/Norma-bytiya-kak-Alanskiy-zhenskiy-monastyr-vkhodit-v-Velikiy-Post-101694> (дата обращения: 08.04.2025).
12. Обряд из глубины веков. Лауызганан в жизни современных осетин [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200325/Obryad-iz-glubiny-vekov-pominalnyy-den-Lauyzghanan-v-zhizni-sovremennykh-osetin-10298890.html> (дата обращения: 08.04.2025).

ENSURING COMMUNICATIVE EQUIVALENCE IN TRANSLATING GEORTHONYMS

I.D. Bekoeva

South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval

The article examines the interaction of cultures in the process of translating media texts that combine linguistic elements of different languages, and bear features of translanguality. The research also views methods for achieving communicative equivalence when transmitting the source text by formal means of the target languages. The shift in the focus of public communication to Internet resources necessitates the use of effective methods for avoiding loss of the cultural specificity of the original text when translating it to the target language.

Key words: communicative equivalence, translangual media text, ethnically coloured georonyms, translation methods.

УДК 81'42:82-31

ИНТЕРТЕКСТ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ В РОМАНЕ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА «ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ»

П.С. Бирюкова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются примеры аллюзий к Библии и произведениям художественной литературы, а также английские идиомы с культурным компонентом, использованные в романе «Зима тревоги нашей» американского писателя Джона Стейнбека.

Ключевые слова: Стейнбек, литературные аллюзии, библейские аллюзии, идиомы, культурный компонент.

Роман Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» был опубликован в 1961. В этом произведении автор пронзительно изображает вечный внутренний конфликт между добром и злом. Главный герой Итан Аллен Хоули происходит из аристократической семьи, но в настоящее время испытывает финансовые трудности, работая продавцом в продуктовом магазине. Он счастливо женат, однако замечает намеки своей жены на то, что его усилий по обеспечению семьи недостаточно. В попытке улучшить свое благосостояние он сталкивается с несколькими искушениями: предательство друга, финансовые махинации, ограбление банка и выдача работодателя (нелегального иммигранта из Италии) полиции. Итана гложет эта мучительная моральная дилемма (поддаться искушениям или устоять) на протяжении всего романа. Джон Стейнбек

мастерски изображает конфликт и развитие главного героя в манере Ф.М. Достоевского.

Роман написан великолепным языком и изобилует литературными и культурными аллюзиями. В данной статье предлагаются примеры литературных и библейских аллюзий, а также английских идиом и выражений с культурным компонентом, использованных в произведении «Зима тревоги нашей».

Начать стоит с **литературных аллюзий**, ведь само название романа – «Зима тревоги нашей» – отсылка к произведению У. Шекспира «Ричард III»: “Now is *the winter of our discontent* / Made glorious summer by this son of York / And all the clouds that lour'd upon our house / In the deep bosom of the ocean buried” [12] («Окончилась *зима тревоги нашей*, / Под солнцем Йорка лето расцветает; / Висевшие над нашим домом тучи / Погребены во чреве океана» [6]). Такие строки читаем в первой сцене первого акта пьесы великого эйвонского барда. В романе Стейнбека, как и в вышеупомянутой пьесе, описывается период упадка и морального разложения, хотя действие происходит в 1960-х годах в вымышленном городке в Новой Англии. Интересно отметить, что «Ричард III» – одно из первых произведений У. Шекспира, а «Зима тревоги нашей» – последний роман Дж. Стейнбека.

Отсылки к произведениям У. Шекспира прослеживаются и далее в романе. Так, главный герой произносит слово “aroint” (сгинь) из «Макбета», чтобы прогнать кота: “No you don’t,” he remarked to the cat. “Mice and rats are feed for cats, but you’re a sausage nibbler. *Aroint!* You hear me – *aroint!*” [13]. У английского барда в «Макбете» читаем: “*Aroint* thee, witch” [11]. Герой Стейнбека называет “aroint” «магическим словом» [4], так как оно мгновенно подействовало на кота.

Другая отсылка к пьесе Шекспира «Гамлет» появляется в следующем диалоге романа Стейнбека, происходящем между главным героем и его супругой: “Now don’t be sacrilegious. Easter isn’t over.” “Yes ’tis. It’s one-fifteen.” “Good Lord! We better get to sleep.” “Ah! *There’s the rub*” [13]. Жена Итана, главного героя произведения Стейнбека, предлагает супругу пойти спать, а тот вспоминает строчку о забытии из известной шекспировской пьесы: “To sleep: perchance to dream: ay, *there’s the rub*” [10] («Уснуть... и видеть сны? *Вот и ответ*» [5]).

Следующую аллюзию к пьесе английского барда «Ричард II» наблюдаем в данном диалоге: “And grow four new arms, or split into two clerks like a pseudopod? You forget, neighbor Joey, I don’t own the store.” “You should.” “Must I tell you my *sad story of the death of kings?*” [13]. У Шекспира читаем: “For God’s sake, let us sit upon the ground / And tell *sad stories of the death of kings*” [9]. Главный герой романа «Зима тревоги нашей» подразумевает под «печальной повестью умерших королей» историю финансового краха своей семьи, некогда процветающей.

Другой литературной аллюзией в романе является отсылка к произведению Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит»: “And why not? They

had the money. Whale oil from the seven seas, and *spermaceti*. Do you know what *spermaceti* is?” Red gave a whining sigh. “I see you don’t. A light, lovely rose-smelling oil from the head cavity of the sperm whale. Read *Moby-Dick*, dog. That’s my advice to you” [13] (« – А хитрое ли это дело? С их-то денежками! Ворвань со всех морей и океанов и *спермацет*. Что такое *спермацет* – вам известно? Рыжий протяжно вздохнул. – Видимо, нет? Это прозрачное, чудесно пахнущее розой жироподобное вещество, содержащееся в черепных полостях кашалота. Читай «*Моби Дика*», пес. Мой тебе совет» [4]). «Моби Дик» Германа Мелвилла, был одним из двух любимых романов Стейнбека, по словам Элейн Стейнбек (последней жены писателя); «Дон Кихот» был другим. Спермацет упоминается в главе 77, «Большая гейдельбергская бочка»: «Теперь подошло время вычерпывать *спермацет*. Но для того, чтобы вы с надлежащей ясностью поняли, как это происходит, вам необходимо иметь кое-какое представление о своеобразном устройстве того удивительного резервуара, где *спермацет* помещается» [3].

Еще одной литературной аллюзией в романе Стейнбека является отсылка к «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла: “Only for dames. I tried to take that dish Margie out there. She wouldn’t go. Damn near snapped my head off. I don’t get dames.” “They’re *curiouser and curiouser*.” “You can say that again,” he said, and I haven’t heard that expression in fifteen years” [13]. У Кэрролла читаем: ““*Curiouser and curiouser!*” cried Alice (she was so much surprised, that for the moment she quite forgot how to speak good English)” [7].

Перейдем к **библейским аллюзиям**. В романе упоминается несколько христианских праздников, таких, как Пасха (“Easter”), Рождество (“Christmas”) и день скорби – Страстная (Великая) пятница (“Good Friday”). Помимо этого, протагонист произведения «Зима тревоги нашей» и сам автор в своих лирических отступлениях цитируют строчки из Священного Писания: “The apron was long, halfway down his shins. He raised his right hand, cupped loosely, palm upward, and he declaimed, ‘Hear me O ye canned pears, ye pickles and ye piccalilli – ‘*As soon as it was day, the elders of the people and the chief priests and the scribes came together and led Him into their council*’” [13] («И когда наступил день, собрался совет народных старейшин, и первосвященники, и книжники; и поставили Его перед своим синедрьоном...» [1, 22:66-23:31]). Итан Хоули, главный герой романа Стейнбека, дословно приводит стих из Евангелия от Луки, шутливо разговаривая с грушами и огурцами, стоящими на полках в его лавке, по-видимому, проводя параллель между безмолвными банками и синедрьоном, перед которым предстал Христос.

Приведем еще один пример из романа, где главный герой дословно цитирует стихи Священного Писания: “See what you could teach me if you would?” Ethan said, “ ‘*And after that they had mocked Him, they took the robe off from Him and put His own raiment on Him and led Him away to crucify Him. And as they came out they found a man of Cyrene, Simon by name. Him they compelled to bear His cross. And when they were come unto a place called Golgotha – that is to say, a place of a skull –*’” [13] («И когда надругались над Ним, сняли с Него плащ,

и одели Его в одежды Его, и отвели Его на распятие. Выходя же встретили они Кирияеянина, по имени Симона; его и заставили взять крест Его. И придя на место, называемое Голгофа, что значит Лобное место...» [2, 27:31-33]). В данном фрагменте романа Итан Хоули беседует с Мардж Янг-Хант, подругой его жены, которая несколько привлекает его физически. Цитирование Библии создает контраст между внешней набожностью героя и его внутренними бушующими страстями.

Следующая отсылка к Библии наблюдается в данной реплике главного героя: “And every year, ever since I was a kid, only it gets worse because – maybe because I know more what it means, I hear those lonely ‘*lama sabach thani*’ words” [13]. Здесь Итан Хоули говорит о Страстной Пятнице, дне распятия Христа, которая вызывает у него душевные терзания («А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! *лама савахфани*? то есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» [2, 27:46]).

В описании вымышленного городка США Нью-Бэйтауна, где разворачивается действие романа, Стейнбек упоминает Десять Заповедей, часть из которых игнорировалась его жителями: “If the town government and the business complex of New Baytown were ever deeply investigated it would be found that a hundred legal and a thousand moral rules were broken, but they were small violations – petty larceny. They abolished part of the *Decalogue* and kept the rest” [13]. Жители Нью-Бэйтауна, в частности, бизнесмены, не отличались честностью в стремлении обогатиться, а потому упраздняли для себя некоторые из заповедей Декалога.

Приведем также несколько **идиом**, использованных Джоном Стейнбеком в романе «Зима тревоги нашей»:

1) “I want to take a little trip tomorrow night. If it’s true and he’s a crook, you could be taken. *Taken to the cleaners*” [13]. *To take to the cleaners* – “to take all the money of” [8];

2) “Thanks. I’ve put a lot of thought on you, Ethan.” “Why?” “Maybe because I’m a *Nosy Parker*” [13]. *Nosy Parker* – “a nosy person; busybody” [8];

3) “Why?” she asked. “*Cat’s why to make kittens’ britches*.” “See what you could teach me if you would?” [13]. *Cat’s why/fur to make kitten britches* – “southern pun which means ‘Don’t question me. Do what I say and use proper English’” [15];

4) “Margie said you were a *smart cooky*” [13]. *A smart cookie* – “a clever person who has good ideas” [8];

5) “They can also *sit on their money*.” Ethan glanced at Mr. Baker’s face as he said his lie, and he saw a trace of color rise out of the banker’s collar” [13]. *To sit on (one’s) money* – “to refrain, decline, or refuse to spend one’s money” [14];

6) “Okay if you weigh before you trim. You got to look after *number one*. You don’t look after *number one*, whose’ll do it? You got to learn, kid.” The gold teeth did not glitter now, for the lips were tight little traps” [13]. *Number one* – “an informal phrase for oneself, myself” [8].

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что роман Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» интересен не только с точки зрения

сюжета, конфликта, морали и «прописанности» героев. Это произведение вмещает в себя множество аллюзий к великим литературным произведениям, к Священному Писанию, а также английские идиомы, некоторые из которых были упомянуты в статье. Стоит отметить, что религиозная тематика присуща нескольким произведениям Стейнбека. Так, роман «К востоку от рая» (“East of Eden”) содержит отсылки к Библии, а более всего – к истории Каина и Авеля из Ветхого Завета. «Зима тревоги нашей» же изобилует аллюзиями к Новому Завету, а именно последним часам жизни Христа.

Список литературы

1. Евангелие от Луки. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.21&j> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Евангелие от Матфея. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/novyj-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova/1 (дата обращения: 14.06.2025).
3. Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MELWILL/mobidik.txt> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://1.librebook.me/the_winter_of_our_discontent/vol1/1 (дата обращения: 14.06.2025).
5. Шекспир У. Гамлет, принц датский (в переводе Б.Л. Пастернака). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://predanie.ru/book/218130-gamlet-per-boris-leonidovich-pasternak/> (дата обращения: 14.06.2025).
6. Шекспир У. Ричард III (перевод Г.Е. Бена). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://rus-shake.ru/translations/Richard_III/Ben/2015/I/ (дата обращения: 14.06.2025).
7. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/11/pg11-images.html> (дата обращения: 14.06.2025).
8. Collins English Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 14.06.2025).
9. Shakespeare W. The Life and Death of King Richard the Second. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://shakespeare.mit.edu/richardii/full.html> (дата обращения: 14.06.2025).
10. Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://shakespeare.mit.edu/hamlet/full.html> (дата обращения: 14.06.2025).
11. Shakespeare W. The Tragedy of Macbeth. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/macbeth/read/> (дата обращения: 14.06.2025).
12. Shakespeare W. The Tragedy of Richard the Third. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL:

https://www.opensourceshakespeare.org/views/plays/play_view.php?WorkID=richard3&Act=1&Scene=1&Scope=scene (дата обращения: 14.06.2025).

13. *Steinbeck J.* The Winter of Our Discontent. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/261553-5-john-steinbeck-the-winter-of-our-discontent.html#text> (дата обращения: 14.06.2025).

14. The Free Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 14.06.2025).

15. Urban Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 14.06.2025).

INTERTEXT AND IDIOMS IN JOHN STEINBECK'S NOVEL "THE WINTER OF OUR DISCONTENT"

P.S. Biryukova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines examples of allusions to the Bible and works of fiction, as well as English idioms with a cultural component used in the novel "The Winter of Our Discontent" by American writer John Steinbeck.

Key words: Steinbeck, literary allusions, biblical allusions, idioms, cultural component.

УДК 323-2

ПУБЛИЧНАЯ ЦИФРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГУБЕРНАТОРА: ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКРИЗИСНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е.И. Бирючева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Кризисные явления и политическая коммуникация – это два взаимовлияющих процесса. В публичном цифровом пространстве особенно важно наладить процесс коммуникации так, чтобы граждане понимали, что их слышат и хотят слышать. В данном исследовании был проанализирован контент telegram-канала губернатора Белгородской области «Настоящий Гладков» с помощью методов лингводискурсивного анализа.

Ключевые слова: кризисные коммуникации, цифровая деятельность, лингводискурсивный анализ, российский губернатор.

Турбулентность современного мира, насыщенного разноплановыми явлениями и событиями, становится причиной появления кризисов, которые имеют влияние на социально-экономические процессы, что становится вызовом для устойчивости государства как на национальном, так и на международном

уровнях. Претерпевают изменения и политические коммуникации – их высокая скорость и многовекторность, обусловленная цифровым развитием в том числе, становится причиной усложнения и кризисных явлений, которые выступают объектами политического управления.

В результате традиционные формы политической коммуникации и привычные политические роли, которые на протяжении долгого времени использовались различными уровнями власти, претерпевают серьезные трансформации. Несмотря на активно развивающуюся сферу исследования политических коммуникаций, всё же в центре внимания остается линейная модель коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом [3. Т. 37. С. 137]. Структура данной модели заключается в виде представления коммуникативного акта в виде последовательных этапов: кто говорит, что говорит, в каком канале, кто получатель и каков эффект коммуникации. Каждая составляющая претерпевает определенные изменения и приобретает новые свойства под воздействием кризисных явлений и процессов цифровизации.

Переходя к практической части нашего исследования, отметим, что эмпирической базой послужила социальная сеть Telegram, в которой по большей части ведут свою публичную цифровую деятельность российские губернаторы. Для изучения и анализа антикризисной коммуникации был выбран информационный ресурс губернатора Белгородской области В.В. Гладкова [2].

Основным методом является лингводискурсивный анализ, который необходим для изучения процессов создания и интерпретации значений и смыслов в цифровом политическом контенте. Методы дискурс анализа исследуют не просто текст, а коммуникативную ситуацию, причем в более глобальных социально-политических рамках и учитывает происходящий вокруг контекст [1]. В связи с этим лингводискурсивный анализ позволяет рассмотреть не только то, как язык создает, отражает и выражает политический контент, но и другую сторону этого сложного взаимодействия – то какое влияние оказывает текстовое сообщение на онлайн и оффлайн взаимодействие между гражданами, то как дискурс, содержащийся в тексте будет принят в социально политической реальности, насколько он схож, а насколько противоречит с уже существующими установками и может ли их изменить.

Хронологические рамки исследования находились в периоде с 1 по 30 июня 2023 года. Этот временной отрезок был выбран по нескольким причинам. Прежде всего, уже прошел определенный период после начала главного кризисного явления – СВО, который позволил этой теме встроиться в постоянную политическую повестку. Вторая причина – в июне 2023 года произошло несколько событий, непосредственно связанных с СВО, поэтому представилась возможность изучить как информационный фон от таких происшествий повлияет на стратегию поведения губернаторов в цифровом пространстве. Такими значимыми событиями в контексте данного исследования является разрушение Каховской ГЭС, которое произошло в ночь

на 6 июня 2023 года и мятеж ЧВК «Вагнер», случившийся 23–24 июня 2023 года.

Канал «Настоящий Гладков» имеет достаточно большое количество публикаций, которые касаются тем, связанных с СВО. Мы их выделили в две условные категории: «работа с пострадавшими непосредственно», куда также было включено обеспечение гуманитарной помощью и освещение вопросов восстановления материальных объектов после разрушений и «работа с последствиями атак, в том числе информационно-разъяснительная». Подобная ситуация во многом связана с передовым местоположением Белгородской области.

Из 67 публикаций в исследуемом периоде – 30 сообщений — это ежедневные оперативные сводки, которые публикует глава. В них районы субъекта перечислены в алфавитном порядке (как правило, это следующие районы: Белгородский, Борисовский, Валуйский, Волоконовский, Грайворонский, Краснояружский и Шебекинский) и коротко указано каким обстрелам они подверглись и с какими итогами из них вышли. Если есть пострадавшие, то всегда используется конструкция «к сожалению», а если нет, то «к счастью». При наличии пострадавших от атак губернаторов всегда коротко сообщает о том, куда именно был ранен тот или иной человек, а также в результате какого именно воздействия. Здесь как мы можем оценить сделана ставка на честность, описание обстановки такой как она есть, без лишних прикрас.

Одну из острых тем июня, разрушение Каховской ГЭС губернатор не освещал в своих социальных сетях. Но было уделено внимание мятежу ЧВК «Вагнер». В.В. Гладков называет это «сложными событиями, которые разворачивались вдоль государственной границы с Украиной». Глава отмечает, что провел оперативное совещание в рамках поручения президента и записывает видео о том, как будет обеспечена безопасность жителей Белгородской области в этой ситуации, и также напоследок глава добавляет, что «любое изменение, как и всегда, буду до вас доводить».

Важной особенностью, на которую опирается система антикризисных коммуникаций В.В. Гладкова в цифровом пространстве, состоит в его человечности, добром отношении ко всем жителям вверенного ему региона, внимании к гражданам. Это демонстрируют нам следующие факты: губернатор знает конкретное число оставшихся в Шебекино жителей и вкратце рассказывает несколько историй людей, которые отказываются уезжать из родных мест; губернатор стремится охватить вниманием и заботой как можно больше пострадавших – «Сами жители ПВР (пункт временного размещения) ждали, чтобы приехал именно к ним. По факту приехал ещё не ко всем, но буду максимально стараться проехать по всем ПВР, «Очень хочу побывать в каждом ПВР. Людям нужно внимание, людям нужно общение, людям нужна честность», «Необходимо сохранить самое главное – свою жизнь и жизнь близких» [2].

Акцент на честности и выстраивании доверительных отношений между гражданами и представителями властей, попытка дать понять людям, что их слышат и ратуют за их ценности – это ещё один лейтмотив публикаций Вячеслава Гладкова. Он пишет следующее – «При сложных событиях всегда оперативно пытаемся донести информацию до вас в первую очередь», «Для нас важно решение проблем каждого отдельного человека, каждой семьи», «Главное – это честность между гражданами и всеми уровнями власти» [3]. Губернатор подчеркивает, что для того, чтобы система доверительных отношений сработала, необходимо наладить механизм обратной связи, когда власть слышит людей – «Нам важно услышать каждого человека» и не скрывает от него принятых решений – «Поделюсь с вами информацией какие проблемы, какие решения принимаются» [2].

В цифровой публичной деятельности главы также делается акцент на безопасности жителей региона. Губернатор приводит итоги заседаний оперативного штаба, подчеркивает, что в приоритете «безопасность и спокойствие, умение профессионально решать задачи», «мы гарантируем безопасность, по-другому быть не может» [2].

Интересно также отметить, что губернатор видимо в курсе спада интереса к теме СВО среди населения, общей «усталости» от данной кризисной ситуации, поэтому практически не упоминает напрямую в своих текстах аббревиатуру СВО или полный термин – специальная военная операция. За проанализированный период СВО было встречено один раз, в контексте упоминания детей военнослужащих СВО и полная версия термина упомянута также единожды в совершенно другой теме.

Делая вывод об антикризисных коммуникациях в цифровом публичном пространстве В.В. Гладкова, можно сказать, что он демонстрирует себя как человечного, но строго лидера, который хочет быть посвященным в заботы людей. Вместе с тем «феномен губернатора Гладкова» также появился благодаря его оперативной реакции на атаки, он стал ньюсмейкером – граждане часто используют информацию из данного канала, чтобы узнать о том, что именно произошло в регионе. И в целом позиция не игнорирования ситуации и не уход в иногда бессмысленный слепой патриотизм помогает губернатору выстроить правильный образ. Лингводискурсивный анализ показал, что губернатор выбирает понятный и простой язык, который его читателям, прежде всего гражданам Белгородской области даёт понять, что глава региона с ними и слышит их – «нам важно», «буду максимально стараться», «поделюсь с вами», «главное – это честность» и т.д. Поэтому несмотря на возрастающее напряжение, В.В. Гладков не вызывает у жителей региона раздражение – наоборот при ощущении неизвестности и опасности граждане стремятся найти ответы в его telegram-канале. В ответ на те вызовы, с которыми он сталкивается, В.В. Гладков хочет быть понятен жителям Белгородской области, желает быть искренним и вовлеченным, реализуя таким образом проект «отзывчивой власти» в своем регионе.

Список литературы

1. Катермина В.В. Формирование политического контента в онлайн-пространстве: структурно-сетевой и лингводискурсивный анализы современных социальных движений (на примере “Women’s March”) / В.В. Катермина, А.А. Гнедаш // Политическая лингвистика. 2018. № 4. С. 87–95.
2. Настоящий Гладков: официальный телеграм-канал Губернатора Белгородской области. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://t.me/vvgladkov> (дата обращения: 25.06.2025).
3. *Lasswell H.D.* The structure and function of communication in society // The communication of ideas. 1948. Vol. 37. № 1. P. 136–139.

PUBLIC DIGITAL ACTIVITY OF A MODERN RUSSIAN GOVERNOR: A LINGUODISCURSIVE ANALYSIS OF ANTI-CRISIS COMMUNICATIONS

E.I. Birucheva

Kuban State University, Krasnodar

Crisis phenomena and political communication are two mutually influencing processes. In the public digital space, it is especially important to establish a communication process so that citizens understand what they are being heard and want to hear. In this study, the content of the telegram channel of the governor of the Belgorod region “Nastoyachy Gladkov” was analyzed using linguodiscursive analysis methods.

Key words: crisis communication, digital activity, linguodiscursive analysis, Russian governor.

УДК 81.42:004:070

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПЕРЕВОДА: СТРАТЕГИИ И ПОДХОДЫ В РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ

Д.Е. Бобрышева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается, как меняется медиаперевод в эпоху цифровых технологий, особое внимание уделяется методам и приемам, используемым в китайских, английских и русских СМИ. Рассматривается значение культурной адаптации и влияние цифровых технологий на распространение контекста и смыслов. Особое внимание уделяется функциям цифровых инструментов и цифровому мастерству переводчиков.

Ключевые слова: медиаперевод, цифровизация, культурная адаптация, цифровые технологии, цифровая компетентность.

В свете стремительной цифровизации медиасреды перевод развивается под воздействием современных технологий, приобретая новые формы и инструменты. Медиа-перевод – один из областей перевода, который развивается быстрее всего, что влечет за собой не только изменение технических методов, но и изменение направленности методов передачи смысла, стиля и культурного контекста.

Развитие онлайн-гlossариев, медиа-бизнеса, систем автоматизированного перевода (САТ), цифровых платформ и машинного перевода меняет методы работы переводчиков, особенно когда речь заходит о новостях и информационных материалах. Однако лингвистические паттерны и характеристики медиадискурса в разных странах приводят к заметным различиям в используемых тактиках и ресурсах.

Для эффективного участия людей в жизни цифрового общества требуются не только технические навыки, но и всестороннее развитие знаний, умений, мотивации, ответственности и цифровой безопасности [2]. Индекс цифровой компетентности особенно актуален в этом контексте, поскольку он позволяет измерить и систематизировать степень цифровой зрелости отдельного человека или организации.

Структура индексов цифровой компетентности представлена на рисунке 1, который включает в себя два основных измерения: области и компоненты. Элементы – знания, навыки, мотивация, ответственность и безопасность – оказывают влияние на различные аспекты цифрового поведения. Выделяются три ключевых компонента: технологические аспекты цифровой деятельности, коммуникации и контент [4]. Сложный и междисциплинарный характер цифровой компетентности отражается в прямых связях между каждым компонентом и этими областями.

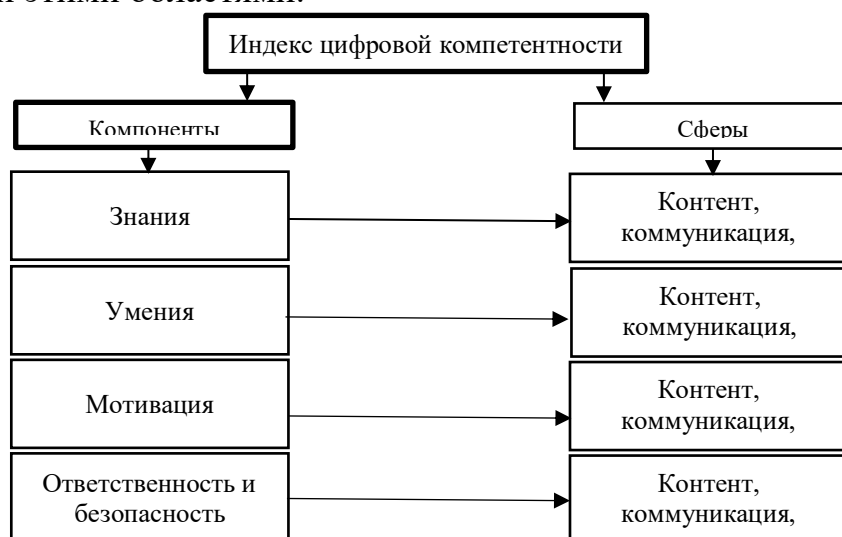

Рисунок 1. Индексы цифровой компетентности

Без использования цифровых инструментов, позволяющих быстро и с достаточной точностью переводить материалы на разные языки, современный медиаперевод был бы невозможен [1]. Эффективность машинного перевода в

различных языковых парах особенно важна в условиях глобализации, особенно для языков с различным уровнем распространения, таких как китайский, английский и русский. Сравнительный анализ известных цифровых платформ представлен на рисунке 2.

Анализируя данные, можно определить, что эффективность различных технологий перевода зависит от языковой пары. При переводе с русского на английский (80%) и обратно (75%), а также при работе с китайским (RU → ZH – 40%, ZH → RU – 35%) DeepL показывает наилучшие результаты, с большим отрывом превосходя другие системы. Однако это самый популярный инструмент для перевода с китайского на русский (75% и 60% соответственно), в то время как русско-английский перевод выполняется плохо (не более 10%). Google Translate – это скорее универсальное, чем специализированное решение, благодаря своей сбалансированной, но умеренной производительности по всем направлениям [5]. С другой стороны, традиционные системы, такие как Trados и memoQ, отстают в динамике, особенно когда речь заходит о переводе с китайского на русский, который составляет всего 25%.

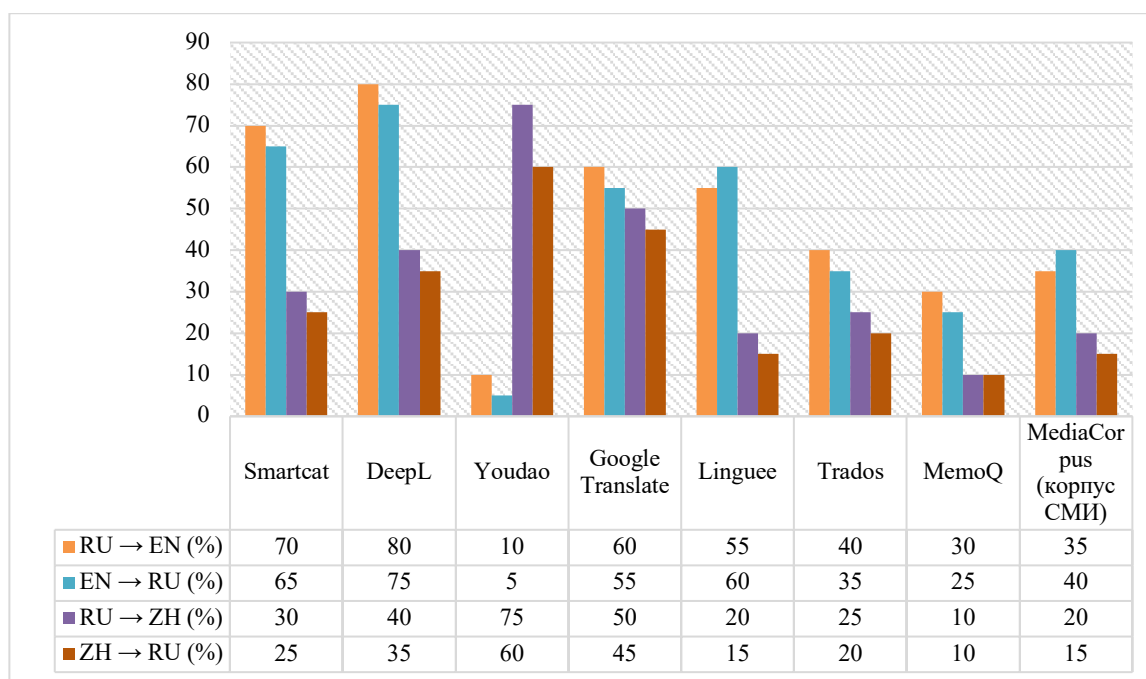

Рисунок 2. Цифровые инструменты в медиапереводе

Точность формулировок – это всего лишь одно из требований к медиаперевода; другим требованием является возможность модифицировать контент в соответствии с культурными и контекстуальными нормами [3]. Примеры перевода медиатекстов с русского на китайский и английский представлены в таблице 1, которая иллюстрирует множество применяемых подходов, начиная от локализации и культурной адаптации и заканчивая отслеживанием.

Для успешного медиаперевода часто требуются различные тактики. Особенно при переводе на китайский язык, когда прямой перевод может

исказить смысл, хорошо работают адаптация, локализация и культурная замена [2]. Таким образом, в контексте СМИ адаптивность переводчика и его понимание целевой аудитории имеют решающее значение для передачи информации.

Таблица 1. Сравнительный анализ медиаперевода (русский / английский / китайский)

Русский заголовок / фрагмент	Английский перевод	Китайский перевод	Применённая стратегия
Японская диета признана одной из самых здоровых	Japanese diet ranked among the healthiest	日本最健康	Адаптация + калькирование
В Москве открылся фестиваль современного искусства	Contemporary Art Festival opens in Moscow	莫斯科当代艺术	Перестановка слов + прямой перевод
5 лайфхаков, как экономить время утром	5 life hacks to save time in the morning	早晨5个生活技巧	Культурная адаптация + замена термина
TikTok запустил новый тренд с фильтрами	TikTok launches new filter trend	TikTok 推出新滤镜	Локализация + упрощение
Как выбрать идеальный ноутбук для учёбы	How to choose the perfect laptop for studying	如何选择	Упрощение + прямая адаптация

Таким образом, появление цифровых технологий и необходимость культурной адаптации привели к трансформации медиаперевода. Хотя работа переводчиков развивается благодаря современным инструментам, по-прежнему важно модифицировать информацию в соответствии с потребностями целевой аудитории.

В стратегиях перевода китайских, английских и русских СМИ сочетаются технологические и культурные компетенции. В сфере цифровых медиа показатели цифровой компетентности имеют решающее значение для обеспечения превосходной коммуникации.

Список литературы

1. Зиньковская А.В., Оломская Н.Н. Манипуляция человеческим сознанием посредством искусственного интеллекта как гуманитарная проблема XXI века // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 258–276.
2. Камшилова О.Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 41–56.
3. Мешкова Е.М. О языке для специальных целей переводоведения в эпоху цифровизации / Е. М. Мешкова // Языки. Культуры. Перевод: мат-лы

X Международного научно-образовательного форума, Ереван (Армения), 27 сентября – 01 октября 2023 года. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 2023. С. 438–447.

4. Погибелев А.В. Цифровые технологии для сельскохозяйственного маркетинга / А.В. Погибелев, В.Е. Бобрышева // Устойчивое развитие села, цифровизация и экономика АПК : Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава (к 120-летию ФГБОУ ВО СПбГАУ), Санкт-Петербург – Пушкин, 04–05 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2024. С. 151–154.

5. Ян М. Этика перевода в условиях цифровизации: новые вызовы для русско-китайских переводчиков // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15. № 2. С. 26–30.

MEDIA TRANSLATION TRANSFORMATION: STRATEGIES AND APPROACHES IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE MEDIA

D.E. Bobrysheva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines how media translation is changing in the digital age, with special attention paid to the methods and techniques used in Chinese, English and Russian media. The article examines the importance of cultural adaptation and the impact of digital technologies on the dissemination of context and meanings. Special attention is paid to the functions of digital tools and the digital skills of translators.

Key words: media translation, digitalization, cultural adaptation, digital technologies, digital competence.

УДК 81'37

РЕЧЕВОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ – ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

М.Г. Богова

*Белорусский государственный университет иностранных языков,
Республика Беларусь*

В статье рассматриваются основные понятия портретирования языковой личности: языковой имидж, коммуникативная личность, речевая индивидуальность, дана типология языковых личностей. Выделены речевые признаки, позволяющие утверждать, что речевая индивидуальность отражается в любом тексте.

Ключевые слова: портретирование, языковая личность, коммуникативная личность, языковой имидж.

Новые понятия в лингвистике, как правило, трактуются неоднозначно и имеют множество определений. К примеру, понятия «языковая личность» и «речевого портрета» тесно связаны между собой. Эта связь прослеживается при выделении индивидуального, коллективного, национального речевого портрета, при разработке типологии языковой личности, при соотнесении уровней структуры языковой личности и модели анализа речевого портрета.

Описание речевого портрета говорящего требует рассмотрения языковых и речевых особенностей, как отдельно взятых, так и в их совокупности. Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. В характеристике речевого портрета важно выявить яркие элементы на всех языковых уровнях. При этом основополагающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения.

Определим соотношение терминов языковая личность и речевой портрет.

«Языковая личность как объемная модель, определяемая с позиций языкового сознания и речевого поведения, получает свою текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. В лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, речевой портрет – один из жанров описания языковой личности» [7, с. 13].

Некоторые исследователи считают, что «понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком — с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка» [8, с. 117].

Исходя из этого, речевой портрет – это «совокупность личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленная в виде открытой модели, отражающей также и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры, обладающего способностью к проведению аналитических операций» [9, с. 205].

Г.Г. Матвеева понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [3, с. 14]; с его помощью фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения» [3, с. 28].

Речевой портрет играет большую роль в выстраивании целостного и последовательного образа личности [1]. Как и языковая личность, речевой портрет бывает индивидуальным и коллективным. В центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности определенной языковой личности, но индивидуальный речевой портрет также дает возможность судить о речевых характеристиках какой-либо социальной группы.

Анализ речевого портрета охватывает разные уровни реализации языковой личности, однако можно описать не все слои языка. Обычно рассматривается отдельная сторона, чаще всего особенности фонетики и словоупотребления. По мнению Т.П. Тарасенко, «речевой портрет – это

совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [4, с. 8]. Речевой портрет отдельной личности отражает ее характеристики: социальные, этнокультурные, возрастные, гендерные и др. [5, с. 416].

Существует несколько схем, которые раскрывают структуру речевого портрета и дают возможность его описать. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова [2, с. 12] называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» и предлагают параметры, по которым можно произвести анализ модели. Одним из этих параметров является лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение лексико-грамматическим запасом языка. Здесь анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность.

Следующей стадией лингвисты называют тезаурус, представляющий языковую картину мира. При описании речевого портрета акцентируется внимание на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые помогают узнать личность.

Третий уровень – прагматикон, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, в которых придерживается личность в процессе коммуникации. В данной модели стадии соответствуют уровням языковой личности в модели, представленной Ю.Н. Карауловым: «вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому» [6, с. 87].

Рассматриваются предпочтения определенного орфоэпического варианта, в выборе приемов акцентного выделения. Характер исследуемого материала позволяет судить о динамике орфоэпической нормы, лексических повторах, стилистически сниженной и / или оценочной лексики. В фокусе внимания оказывается лексика, соответствующая социальному статусу говорящего, фразовое построение, различные выразительные средства: метафоры; сравнения, носящие бытовой характер. Как видно, описание речевого портрета на языковой стадии включает в себя характеристику единиц одного или нескольких уровней языка.

Отдельного определения требует понятие языкового имиджа, по мнению Е.В. Осетровой [1], он состоит из 3 параметров – языковой, речевой и текстовой составляющих.

Языковая составляющая имиджа сводится к языковой культуре человека, которая предполагает оценку языковых средств, формирующих публичный образ человека.

Речевая составляющая имиджа включает в себя три компонента – речевую культуру, речевую самостоятельность и коммуникативную компетентность.

Речевая культура предполагает понимание сложившихся в обществе принципов и правил общения, владение коммуникативными стратегиями и навыками использования речевых тактик. Способность к спонтанному общению, выражение собственных идей и отход от клишированных оборотов определяют речевую самостоятельность человека. Коммуникативная

компетентность означает способность оперативно подстраиваться под различные коммуникативные ситуации, в том числе незнакомые, и выстраивать речевые тактики и стратегии.

Учитывая вышеуказанное, можно выделить два противоположных имиджевых образа. Субъекты одного из них коммуникативно подвижны, т.е. быстро приспосабливаются к изменившейся среде и выбирают оптимальный стиль общения с учётом ситуации. Субъекты второго типа, напротив, более предсказуемые, используют привычные речевые стратегии, тяжело подстраиваются под меняющиеся условия.

Текстовая, или содержательная составляющая имиджа подразумевает ответ на вопрос, что хочет донести говорящий, к примеру, политик до аудитории. В формировании содержательной стороны имиджа значительную роль играет наличие ключевых слов, которые воплощают идеи политика, формируют его позицию и определяют круг интересов. Отметим, что коммуникативно-подвижные политические лидеры способны менять круг тем в зависимости от меняющихся условий, в то время как публичные спикеры «консервативного» уклада располагают устоявшимся набором лексических единиц.

Лозунг – это тоже компонент содержательной стороны имиджа, форма самопрезентации и способ привлечения внимания аудитории посредством коротких и экспрессивных фраз. Предвыборные лозунги и девизы не теряют популярность кандидатов в президенты США: предвыборный лозунг Рональда Рейгана в 1980 г. *Let's Make America Great Again* – ‘Сделаем Америку снова великой’ использовал Дональд Трамп в 2016 г. и в 2024 г.; слегка видоизменив его: *Make America Great Again*. Сравним с лозунгами Билла Клинтона в 1992 г. *It's the Economy, Stupid* – ‘Это экономика, дурачок!’ и Джорджа Буша младшего в 2004 г. — *A Safer World and a More Hopeful America* – ‘Более безопасный мир, больше надежд для Америки’.

К текстовым составляющим имиджа относят также модели прошлого, настоящего и будущего. С их помощью политические лидеры описывают своё отношение к происшедшим событиям, констатируют реальные факты или дают прогноз будущему.

Понятно, что составляющие речевого имиджа не всегда бывают однородными, иногда даже противоположными. Текстовой компонент имиджа может противоречить вербально-речевому поведению, другими словами, языковой и речевой составляющим имиджа. Политические лидеры, пользующиеся услугами спичрайтеров, могут в ходе спонтанных бесед показать недостаточный уровень своей языковой культуры.

Коммуникативная личность – еще один новый термин, требующий осознания и определения. Чтобы избежать неточностей и двусмысленностей при формулировании дефиции коммуникативной личности следует отталкиваться от понимания сущности и основных характеристик личности.

На философском (онтологическом) уровне сущность понятий «личность» и «коммуникативная личность» совпадают. Личность, как социальный субъект,

социализированный индивид, не может существовать иначе, как коммуникативная личность – «человек общающийся». Если человек как биологический субъект не участвовал бы в процессах общения, он не смог бы превратиться в социальный субъект, т.е. личность. Под коммуникативной личностью в узком смысле следует понимать устойчивую систему социально значимых свойств и качеств, характеризующих индивида как коммуникативного актора – субъекта социальной коммуникации.

С общепсихологической точки зрения под коммуникативной личностью понимается некоторое ядро, интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические процессы, которые детерминируют практику общения индивида и придают его коммуникативному поведению определенную последовательность, воспроизводимость и устойчивость.

Узкое понимание коммуникативной личности можно свести к тому, что в конкретный момент времени личность может функционировать в различных социальных ролях и реализовываться через различные поведенческие формы. В узком понимании описание коммуникативной личности предполагает абстрагирование от всех его социальных ролей, не связанных с коммуникацией.

Еще один термин, встречающийся в портретировании – речевая индивидуальность, которую рассматривают как совокупность языковых и речевых признаков, отличающих одну языковую личность от другой. Она связана с идентифицирующей функцией языка, что проявляется в ориентации текста на адресата, адресанта и сообщение, при этом наиболее ярко проявляется ориентация на адресата.

Субъектом речевой индивидуальности также может быть как отдельный человек, так и группа людей – речевой или языковой коллектив. Речевая индивидуальность отражается в любом тексте и может конструироваться создателем текста намеренно или быть результатом ненамеренного выражения качеств его личности. Выделяют возможные элементы, которые в совокупности составляют ее: «явная» или «скрытая» речевая индивидуальность, сконструированная намеренно или ненамеренно. Скрытая речевая индивидуальность рассматривается как системный уровень овладения языком, а явная возникает в тех случаях, когда владение системой, нормой и узусом либо недостаточно, либо, наоборот, настолько высокое, что носитель языка приобретает способность творчески нарушать существующие законы, нормы и правила. В случаях, когда речевая индивидуальность конструируется намеренно, она превращается в коммуникативное явление.

Говоря о типологии языковых личностей, подчеркнем, что она строится в соотношении с определенной профессией; гендером; возрастными категориями; стилем руководства в коммуникативном поведении, на основе биологических и психофизиологических особенностей. Некоторые типологии базируются на совокупности нескольких факторов. В частности, типология, предложенная К.Ф. Седовым, учитывает как стратегии речевого поведения, так и индивидуально-психологические особенности [10, с. 164].

Типология языковых личностей, разработанная В.И. Карасиком [11, с. 175], предусматривает выделение типов с позиций центра и периферии (речь идет о носителях базовой и маргинальной культур). С позиций психолингвистики и социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам, включая возраст, пол, уровень образования, стиль жизни, профессия и др.

При выделении типов носителей базовой и маргинальной культур действует оппозиция «свой – чужой». В политическом дискурсе языковая личность использует определенную языковую, в частности, лексическую единицу не столько для обозначения референта, сколько как доказательство своей принадлежности к определенной группе и идеологии, таким образом указывает на свою принадлежность к «своим». Языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей могут быть охарактеризованы с позиций психолингвистики.

В сфере конфликтного общения различают типичную (коллективную, обладающую культурно обусловленными «интегральными смысловыми образованиями») и индивидуальную языковые личности, выделяя инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы.

Лингвокультурный фактор предопределяет выбор языковых единиц, структуру подачи информации, предпочтение концептов, прецедентных явлений, аллюзий. Учитывая роль человеческого фактора в языке, проявление языковой личности в дискурсивной деятельности связано с содержанием высказываний, с ценностными и мировоззренческими, культурологическими и личностными компонентами, что и определяет их принадлежность к той или иной культуре.

Языковая индивидуальность общественного деятеля может быть определена как профессиональная, харизматичная, авторитарная, обобщенно-символическая. Поведение личности также детерминирует макросреда как совокупность всех социально-культурных условий и микросреда как часть социальной среды, где социальные отношения строятся на основе кооперации или конфронтации. Поведение личности, с одной стороны, является типизированным в пределах той лингвокультуры, к которой она принадлежит, а с другой стороны, правила речевого поведения типичны для каждой ситуации общения, т.е. имеют прототипический характер.

Как видим, существуют многочисленные определения понятия «речевой портрет», различные понимания коммуникативной личности, отличающиеся типологии языковой личности, но имеется единое понимание того, что речевая индивидуальность отражается в любом тексте. Требуются дальнейшие лингвистические исследования по выделению языковых и речевых признаков, которые отличают одну языковую личность от другой, определяя ее уникальность.

Список литературы

1. *Асташова О.И.* Речевой портрет политика как динамический феномен: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2013. 245 с.
2. *Карасик В.И.* Аспекты языковой личности // *Языковая личность: проблемы когниции*: сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С. 172–183.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.
5. *Лейко И.М., Маслова, В. А.* Параметры описания речевого портрета языковой личности // *Язык и социальная динамика*. 2012. № 12-1. С. 414–420.
6. *Матвеева Г.Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1993. 32 с.
7. *Осетрова Е.В.* Речевой портрет политического деятеля : содержательные и коммуникативные основания // *Лингвистический ежегодник Сибири*. 1999. Вып. 1. С. 58–67.
8. *Павлычева Е.Д.* Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. 2015. № 6. С. 110–115.
9. *Романова Т.В.* Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // *Политическая лингвистика*. 2009. №1 (27). С. 109–117.
10. *Седов К.Ф.* Типология и портретирование наших современников // *Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение*. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С. 149–204.
11. *Тарасенко Т.П.* Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций: на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2007. 280 с.

SPEECH PORTRAIT – AN INDIVIDUAL ASPECT OF DESCRIPTION OF LANGUAGE PERSONALITY

M.G. Bogova

Belorussian State University of Foreign Languages, Republic of Belarus

The article examines the basic concepts of portraying a linguistic personality: a linguistic image, a communicative personality, a speech individuality. It provides a typology of linguistic personalities. Speech features to allow us to assert that speech individuality is reflected in any text are identified.

Key words: portraying, a linguistic personality, a communicative personality, linguistic images.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА ДЛЯ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

П.Ю. Бурняшова

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Настоящая статья посвящена исследованию коммуникативных особенностей научно-популярного дискурса, адресованного молодежной аудитории. На материале англоязычных выступлений конференции PopTech выявляются лингвопрагматические приемы, обеспечивающие доступность трансляции специальных знаний.

Ключевые слова: дискурс, научно-популярный дискурс, научный дискурс, коммуникативные особенности, молодежь.

Интенсификация развития научно-технологического и промышленного секторов в последние два десятилетия на глобальном и национальном уровнях приводит к радикальной перестройке фундаментальных принципов функционирования общества и механизмов индивидуального мировосприятия. Это сопровождается повышением значимости специализированного знания, которое активно инкорпорируется в концептуальные рамки как профессиональных сообществ, так и широкой аудитории. Данная динамика обуславливает возрастающую актуальность и социальную необходимость систематической популяризации научного знания, в особенности среди молодежи как ключевого субъекта будущего технологического уклада.

Популяризация научного знания в качестве приоритетной задачи программы реализации государственной политики в области науки и образования, а также одной из ключевых функций РАН была закреплена в Федеральном законе от 27 сентября 2013 года (1). Институционализация данного направления выразилась в учреждении Министерством образования и науки РФ в 2014 году премии «За верность науке» и формировании в 2018 году при РАН специализированной Комиссии по популяризации науки. Благодаря пристальному вниманию и системной поддержке популяризации науки со стороны высших органов государственной власти, данная сфера приобрела особый статус в виде отдельного направления своего развития — «научной коммуникации», которая представляет собой «комплексную и системную работу по передаче информации от академического сообщества (экспертов) к широкой публике, то есть неспециалистам» [7, с. 53]. Значительный импульс развитию научной коммуникации придали проведение в 2021 году Года науки и последующее объявление Президентом Российской Федерации В.В. Путиным реализации программы Десятилетия науки и технологий (2). Таким образом, повышенное внимание со стороны руководства страны, Правительства РФ и профильных ведомств к развитию отечественной науки актуализирует комплекс вопросов, связанных с ролью науки в современном обществе,

разработкой новых методов пропаганды научных знаний, противодействием распространению в общественном сознании лженаучных сведений и формированием научного типа мышления у населения. В связи с этим, популяризация науки выступает эффективным инструментом решения указанных задач, выполняя критически важные функции: обеспечение научной грамотности, формирование критического мышления и стимулирование вовлеченности новых поколений в научно-исследовательскую деятельность.

В настоящее время популяризация науки является органичной составляющей общественного бытия и институционального ландшафта, будучи тесно интегрированной в сложный социально-экономический контекст, включающий политику и медиасферу. Более того, она выполняет роль катализатора процессов (ре)конструирования социальной реальности. Успешность реализации научной популяризации требует комплексного подхода, составляющими которого станут: осмысление значимости, обсуждение целей и практических механизмов реализации, постоянная модернизация и повышение эффективности, интеграция в социальную реальность, а также активное освещение научно-технических достижений в СМИ. Исключительную важность составляет мультисубъектное участие, подразумевающее вовлечение как ученых, исследователей, студентов, так и научно-исследовательских институтов, университетов и представителей власти в процесс популяризации научного знания. Органичное взаимодействие этих акторов создает основу для устойчивой экспансии популяризации научно-технического знания [16].

Согласно словарю «Академик» популяризация понимается как «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей (имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации)» (1). Схожее определение предлагает И.Н. Ильина, утверждающая, что научная популяризация представляет собой «процесс распространения научных знаний в современной и доступной для широкого круга людей форме» [3, с. 309].

Поиск истоков зарождения популяризации как феномена вызывает ряд затруднений, поскольку «популяризация науки столь же стара, как и сама наука и возникла вместе с первым научным открытием» [5, с. 176]. Вместе с тем, каждой эпохе свойственны порождаемые ею проблемы и особая специфика. Однако катализатором, радикально изменившим ситуацию и давшим мощный импульс распространению науки в широкие массы, стала Французская революция 1789 года. В дальнейшем, только во второй половине XIX века наблюдалась интенсификация популяризаторской деятельности, обусловленная развитием индустриальной экономики и связанной с ней необходимостью коммуникации в сфере экономических отношений. Динамичное развитие популяризации науки в XX веке было обусловлено несколькими ключевыми событиями. Его отправной точкой стало становление научной журналистики в США и создание агентства «The Science Server» [15]. Затем, к началу 80-х годов, идея оформилась в целое движение – «Научную грамотность».

Международный статус дисциплине придал доклад Вальтера Бодмера «Общедоступное понимание науки» [13], послуживший основой для создания Комитета по общественному пониманию науки. Событием, окончательно закрепившим значимость популяризации науки на институциональном уровне, стало принятие Комиссией Евросоюза «Перспективного плана работы Науки и Общества» [14] в 2001 году.

Вскоре в Российской Федерации был создан портал «Наука и технологии России – STRF.ru» (2005 г.) для продвижения научно-технических достижений, за которым последовали дополнительные меры поддержки развития и продвижения «научной коммуникации», о которых было написано ранее. Исторический анализ не только демонстрирует эволюцию и возрастающую значимость феномена популяризации науки, но и очерчивает «тот статус, который в популяризации отводится как языку в целом, так и его различным языковым уровням, в частности, как важнейшему инструменту, используемому в данном процессе» [11, с. 702].

С лингвистической точки зрения, феномен популяризации науки, существующий в пространстве научно-популярного дискурса (НПД), интерпретируется как «сложный, многоступенчатый и прагматически обусловленный процесс, активно действующий как психолингвистические, так и когнитивные механизмы человеческого познания и восприятия» [6, с. 47].

Анализ отечественных научных трудов (Котюрова М.П., Баженова Е.А., Беляева Л.Н., Демьянков В.З., Чернявская В.Е.), посвященных научно-популярному дискурсу, позволяет выделить несколько подходов к определению данного понятия, а именно: функционально-стилистический, коммуникативно-прагматический, когнитивно-медийный.

В рамках функционально-стилистического подхода научно-популярный дискурс рассматривается в качестве гибридного стиля, который сочетает в себе элементы научного и публицистического стилей. Это подтверждается высказыванием О.А. Шутовой: «Научно-популярный дискурс — это сложное коммуникативное явление, которое сочетает в себе особенности как научного, так и популярного дискурсов, продуктом которого является свертхтекст» [12, с. 76]. В рамках данного подхода передача информации об определенном научном знании является основной задачей автора. Решение этой задачи в научно-популярном дискурсе предполагает использование специальных языковых средств.

С точки зрения коммуникативно-прагматического подхода научно-популярный дискурс следует понимать как стратегически-организованную коммуникацию. Иными словами, текстам данного типа дискурса присуща коммуникативно-прагматическая функция, которая заключается в «сообщении и адресованности научных знаний широкой публике» [10, с. 670]. При изучении научно-популярного дискурса в рамках данного подхода, принимаются во внимание такие механизмы как *эмоциональная вовлеченность аудитории и ориентация на социальную значимость информации*.

Когнитивно-медийный подход позволяет рассматривать научно-популярный дискурс как «синтез научного и медийного дискурсов» [8]. Иными словами, НПД здесь выступает в качестве системы определенных когнитивных механизмов, представленных использованием нарративов, метафор для упрощения сложных концептов, учетом социального контекста, позволяющих адаптировать «профессиональные знания под непрофессиональную среду» [Ibid.]. В качестве сторонников данного подхода выступает А.Ю. Багиян, который понимает под НПД «лингвистический феномен, характеризующийся органичной эклектичностью сущностных параметров непосредственно научного (специального) дискурса, с одной стороны, и лингвопрагматических особенностей медиадискурса, с другой» [1, с. 13].

НПД, являясь частью научного дискурса, обладает рядом уникальных характеристик. Прежде всего, стоит отметить, что он отличается от других видов дискурса тем, что «находится на стыке научного и публицистического стилей» [4, с. 12]. Основополагающей функцией научно-популярного дискурса является нацеленность на адаптацию сложных научных концепций и идей для широкой публики с изменением структуры и стиля изложения и применением различных лингвистических и экстралингвистических средств, делающих научный материал более привлекательным и понятным для «неподготовленного, но мотивированного для восприятия новых знаний» [2, с. 19] реципиента. Таким образом, процесс формирования текстовой базы детерминирован, прежде всего, ориентацией на адресата, что влечет за собой трансформацию научного стиля в научно-популярный и модификацию коммуникативных стратегий [9]. Указанные характеристики оказывают непосредственное воздействие на выбор языковых средств, используемых в дальнейшем в текстах популяризаторами.

Целью данной статьи представляется исследование ключевых коммуникативных стратегий и лингвистических особенностей, используемых научными исследователями с целью популяризации научного знания для молодежной аудитории в контексте научно-популярного дискурса.

В рамках проведения данного исследования нами был отобран и подвергнут анализу корпус текстов англоязычных публичных выступлений, представленных научными исследователями на ежегодной англоязычной конференции PopTech, объединяющей ведущих ученых, инноваторов и экспертов в области науки, технологий, образования, в рамках которой проводится ряд мероприятий для молодежи, включающих открытые публичные лекции о передовых достижениях и научных прорывах. Общий объем проанализированного материала составил более 15 000 лексических единиц.

Проведенный анализ исследуемых произведений научно-популярного дискурса позволил выделить несколько частных коммуникативных и лингвистических особенностей, позволяющих привлечь внимание молодежной аудитории к научным открытиям и достижениям.

Наиболее важной коммуникативной особенностью представляется использование научными исследователями в произведениях НПД приемов и

лексики, которые создают эффект принадлежности к «своей» культуре, понятной и близкой молодому поколению. Примеры, подтверждающие наличие данной особенности, можно обнаружить в тексте выступления Ника Билтона «Smart content». Как видим, в эпизоде присутствует неоднозначное использование глаголов, образованных от названий цифровых сервисов: *“So if I'm playing video games and **text messaging** and **emailing**, I'm in I'm in bliss <...> And so now we live in a world where I'm on my laptop, watching TV, writing emails, text messaging, **tweeting**, playing my Nintendo DS, and all of these things at the same time”* (5). Узуальное употребление данных неологизмов без дополнительных пояснений свидетельствует об их полной семантической и прагматической адаптации в языковой системе. Для молодежной аудитории, привычной к жизни в цифровой среде, данные глаголы составляют базовый лексикон, репрезентирующий привычные практики цифрового взаимодействия.

Кроме того, в исследуемых текстах можно отметить частное использование авторами идиоматических выражений, позволяющих сделать материал выступления более доступным для аудитории. Одним из таких примеров является использование Ником Билтоном выражения “I’m in bliss” в следующем контексте: *“So if I'm playing video games and text messaging and emailing, I'm in bliss. But don't worry. I'll make it through this talk without checking my email. But we keep hearing that multitasking is bad. Right? That that we don't multitask, that our brains can't do it, that that society is gonna change for the worse by us growing up in this video game multitasking culture”* (Ibid.). Отметим, что слово «bliss» косвенно отсылает к сленговому выражению «digital bliss» и описывает состояние цифровой многозадачности, являющейся характерной особенностью молодежи.

Дополнительный пример использования идиоматических выражений можно обнаружить в выступлении Шейлы Кеннеди, посвященном презентации инновационного проекта в области устойчивых технологий – «Portable Light». Несмотря на сложность темы, автор прибегает к использованию неформальных идиоматических выражений, например: *“That's kind of a no-brainer”*. Данное выражение в контексте объяснения первопричин возникновения одноименного проекта снимает излишнюю формальность и сигнализирует о простоте и очевидности решения, что импонирует прагматичному мышлению молодежи: *“And that was the instinct. That was the impulse, really, behind the Portable Light Project. So we started to make, my team and I, I started to make a short list of the requirements. If we wanted to make something for the global south, what would it need to be at its most basic? It would need to be simple. **That's kind of a no-brainer.** It would need to be something that's really reliable, something that's obviously rugged and durable”* (7).

Не менее значимой коммуникативной особенностью НПД для молодежи является эмоциональная окрашенность и экспрессивность, которая достигается посредством использования метафорических и ироничных выражений. Обратимся за примером к тексту выступления Ассафа Бидермана, посвященного рассказу о концепции «чувствительных городов», в которых

данные с цифровых устройств и сенсоров интегрируются в физическую городскую среду для её анализа и оптимизации. Объясняя важность отслеживания мусорных отходов для создания данной концепции, он отмечает следующее: “<...> *we developed something like a **wedding wish list of trash***” (4), тем самым, создавая неожиданное и ироничное сравнение списка объектов для отслеживания с популярной практикой создания списков желаемых подарков на свадьбу. Это ироничное выражение вызывает улыбку и недоумение, так как сталкивает два несовместимых концепта. А. Бидерман использует данный экспрессивный прием для снятия напряжения с довольно скучной и неприятной темы изучения потока мусора. Метафора служит когнитивным крючком: она не только запоминается, но и кардинально меняет перспективу. Мусор перестает быть чем-то сугубо утилитарным и проблемным. Более того, через призму этой метафоры он становится объектом почти что любопытства и коллекционирования. Это делает проект более человечным и доступным для понимания аудитории, приглашая их взглянуть на проблему под новым, нестандартным углом.

Помимо этого, Ник Билтон в своем выступлении также прибегает к метафоре, создающей определенный эмоциональный окрас затрагиваемой проблемы. Говоря о разрушительности работы современных интерфейсов, научный исследователь прибегает к провокационному выражению: “*It’s almost like if we were trying to have a conversation in real life and I zapped you with a taser and held a stop sign in front of your face*” (5). Н. Билтон использует данный экспрессивный прием, чтобы его критика «умного контента» была не просто услышана, а прочувствована. Он переводит абстрактную проблему «навязчивых уведомлений» в плоскость физического и эмоционального опыта, делая свою аргументацию неотразимой и максимально наглядной.

В качестве еще одной коммуникативной стратегии донесения научной информации до молодежи является баланс между научной точностью и доступностью, создающий атмосферу диалога между адресантом и реципиентом. Примером реализации данной особенности может послужить текст выступления Николь Купер «Lo-cost solar», посвященный разработке и внедрению доступных солнечных технологий для развивающихся стран, где основной фокус повествования сосредоточен на инновационном методе производства солнечных элементов с использованием струйной печати и алюминиевой металлизации. Тема выступления представляет собой важную, но при этом сложную проблему, описание которой требует использования терминологии. Однако автор не оставляет термины без пояснений. Так, например, в тексте “*The potential for **photovoltaics** to play a major role in reducing the use of dirty kerosene lamps and reducing the amount of money that people spend on expensive batteries is enormous. The potential for electricity to help people gain access to mobile phones, television, vaccine refrigeration, um, water pumping, you name it, you can get it*” (6) можно заметить, что адресант не дает строгого физического определения важному для понимания работы технологий по выработке электроэнергии термину «photovoltaics». Вместо этого Н. Купер

использует функциональное и прагматическое объяснение, связывая терминологическую единицу с конкретными, понятными каждому бытовыми проблемами (грязные лампы, дорогие батарейки) и благами (телефон, телевизор, доступ к воде). Это делает сложную технологию релевантной для аудитории, объясняя не *что это такое*, а *зачем это нужно* и *какую проблему решает*.

В силу того, что исследуемые материалы представляют тексты публичных выступлений научных исследователей, авторы стремятся к непосредственному взаимодействию с аудиторией. Одним из таких проявлений являются перформативные жесты. Так, в выступлении Ш. Кеннеди, стремящейся наглядно продемонстрировать уникальность разработанного ею нового источника электроэнергии, она разбивает стеклянную солнечную панель перед аудиторией: *“I’m going to be breaking a few things. So I’m going to smash this, and then I’m going to show you <...> And by the breaking of this glass photo cell here amongst the members of the pop tech community, I’d like to make a covenant”* (7). Данный жест позволяет автору трансформировать абстрактное понятие «надежности» разработанной ими новой технологии в осязаемый, громкий и визуальный опыт. Полученный эмоциональный отклик, безусловно, способствует закреплению в памяти молодежной аудитории главного сообщения: старые технологии бесперспективны, будущее – за гибкими и прочными решениями.

Анализ текстов публичных выступлений на конференции PopTech показал, что эффективная популяризация науки для молодежи основывается на стратегии адаптации сложного материала через использование языковых средств и приемов, релевантных целевой аудитории, к которым относится использование идиоматических выражений и провокационных метафор, а также баланс между научной точностью и доступностью, достигаемый за счет функциональных пояснений терминов и визуализации абстрактных понятий. Кроме того, установлено, что перформативные жесты и прямое обращение к аудитории трансформируют пассивного слушателя в активного участника диалога, что особенно значимо для молодежи, ценящей интерактивность и соучастие.

Таким образом, успешная коммуникация в НПД для молодежи требует не только передачи знаний, но и создания культурной и эмоциональной общности, где наука предстает как динамичная и релевантная повседневному опыту сфера. Данные выводы могут быть использованы при разработке практических рекомендаций для популяризаторов науки, работающих с молодой аудиторией.

Список литературы

1. Багиян А. Ю. Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когниолингвистический аспект (на материале английского языка) // Научный диалог. 2017. № 6. С. 9-28.

2. Багиян А. Ю. Лингвостилистический анализ особенностей креативной реализации языковых единиц в дискурсивном пространстве англоязычной научно-популярной деловой коммуникации // *Juvenis Scientia*. 2018. № 7. С. 18-21.
3. Ильина И.Н. Популяризация российской науки и культуры (Наука и СМИ) // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сб. научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. С.307-319.
4. Кузьминых Ж. О. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. № 7(97). С. 12-14.
5. Литвак Н. В. Введение в проблему популяризации науки: возможности и конфликты понимания // *Конфликтология*. 2017. № 1. С. 174-188.
6. Мубориева А. Р. Популяризация экономической тематики в заголовках научно-популярных текстов во французских периодических изданиях // *Гуманитарные исследования*. 2008. № 3(27). С. 46-55.
7. Орлова О. А. К проблеме классификации форм популяризации научных знаний // *Наука и мир*. 2023. № 9(121). С. 52-55.
8. Романова Т.В., Винокурова А.С., Маликова Д.А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации: монография. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"». Нижний Новгород: Деком, 2021. 179 с.
9. Рянская Э. М., Шевченко Ю.В. Реализация авторских коммуникативных стратегий в научном и научно-популярном дискурсах // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 4. С. 33-48.
10. Таюпова О.И. Теоретические основы исследования научно-популярного дискурса // *Вестник Башкирского университета*. 2016. №3. С. 669-673.
11. Ширяева Т. А., Литвишко О.М. Когнитивно-дискурсивные механизмы генерирования нового знания в англоязычных научно-популярных изданиях // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 3(46). С. 701-704.
12. Шутова О.А. Категория оценки в научно-популярном дискурсе // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2013. №1. С. 75-79.
13. Bodmer W. The Public Understanding of Science. London: The Royal Society, 1985. 46 p. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://royalsociety.org/-/media/policy/publications/1985/10700.pdf> (дата обращения 05.06.2025).
14. Busquin P. Science and Society Action Plan // European Research Area. Belgium: European Communities. 2002. 32 p. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.asset-scienceinsociety.eu/sites/default/files/ss_ap_en.pdf (дата обращения 11.06.2025).
15. Gregory J., Miller S. Science in Public: Communication, Culture and Credibility. New York: Plenum Press, 1998. 294 p. [электронный ресурс] Режим

доступа: <https://archive.org/details/scienceinpublicc0000greg/page/n9/mode/2up> (дата обращения 02.06.2025).

16. *Massarani, L., Moreira, I.C.* Popularisation of science: historical perspectives and permanent dilemmas. *Quark*. 2004. № 32. 75-79 pp.. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/37761778_Popularization_of_science_Historical_perspectives_and_permanent_dilemmas (дата обращения 05.06.2025).

Источники

Словарь «Академик.ru» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/?ysclid=memrimjksf743486151> (дата обращения 05.06.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения 03.06.2025).

Федеральный закон "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.09.2013 N 253-ФЗ [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37632> (дата обращения 03.06.2025).

Biderman A. Sentient Cities [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/AssafBiderman-2009> (дата обращения 01.06.2025).

Bilton N. Smart Content [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/NickBilton-2009> (дата обращения 28.05.2025).

Kuepper N. Low-cost Solar [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/NicoleKuepper-2009> (дата обращения 25.05.2025).

Kennedy S. Portable light [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=yqaED6SPSBk&ysclid=memr2mgglp239395464> (дата обращения 29.05.2025).

COMMUNICATIVE FEATURES OF POPULAR SCIENCE DISCOURSE FOR A YOUTH AUDIENCE

P.Y. Burnyashova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

This article is devoted to the study of the communicative features of popular science discourse addressed to a youth audience. Based on the material of the English-language presentations of the PopTech conference, linguistic and pragmatic techniques are revealed that ensure the accessibility of the translation of special knowledge.

Key words: discourse, popular science discourse, scientific discourse, communicative features, youth.

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Д.Е. Володина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье представлено описание аксиологического потенциала, социальных и прагматических особенностей англоязычных неологизмов медиаурбанистического дискурса. Анализ англоязычных неологизмов, составляющих основу медиаурбанистического дискурса, показал, что данные языковые единицы являются маркерами современной городской культуры, поскольку они передают актуальные повестки и общественные запросы, динамику развития городской среды, а также отражают ценностные и антиценностные характерные для нашего времени концепции.

Ключевые слова: город, образ города, дискурс, урбанистика, медиаурбанистический дискурс, неологизмы, английский язык.

Пульсирующий ритм больших городов, где в настоящее время живет более половины населения планеты, пестрота и многоголосие городской жизни определяют ключевые принципы человеческого общения и взаимодействия, коммуникативные тактики и стратегии, а также тенденции развития современного общества. В связи с этим возрастает значимость урбанистических исследований, относящихся к различным сферам науки: лингвистике, социологии, архитектуре, политологии, экономике, теории коммуникации и т.д.

Предметом настоящего исследования являются английские неологические единицы, являющиеся компонентами медиаурбанистического дискурса. Следует отметить, что неологизмы благодаря своей способности отражать культуру носителей разных языков стали «мощным социальным и лингвистическим медиатором» [8, с. 194]. Кроме того, неологизмы являются средством обогащения как самого языка, так и социо-культурной среды в целом. Новые слова не только выполняют роль маркеров современной культуры, но также обладают аксиологическими, социальными и прагматическими особенностями. Ученые отмечают, что неологизмы «обладают значительным аксиологическим потенциалом в силу того, что они фиксируют ценностные трансформации, происходящие в результате появления обозначаемых ими явлений» [8, с. 195], поэтому неологический дискурс обладает как ценностными, так и антиценностными концептами, обладающими прагмакогнитивным и социальным наполнением.

Как утверждают исследователи В.В. Катермина и Т.С. Микитанова, «дискурс может отображать, хранить и передавать разного рода ценности. Более того, дискурс и сам является ценностью» [2, с. 22].

В поле гуманитарных научных дисциплин представлены разные

трактовки понятия ценности. На наш взгляд, наиболее емким является определение, предложенное И.А. Стерниным. Под «ценностями» ученый понимает «образцы для воспитания и подражания, а также социально-психологические взгляды и идеи, которые разделяются народом и наследуются новыми поколениями» [7, с. 97]; это «интегральная часть дискурса, фиксирующего определенное видение мира, выгодное стоящим за этим дискурсом социальным факторам» [3, с. 122].

Цель настоящей статьи заключается в анализе аксиологического потенциала социопрагматических особенностей англоязычных неологических единиц, входящих в состав медиаурбанистического дискурса.

Ключевым методом исследования является семантический анализ дефиниций неологических единиц, т.к. он позволяет выявить ценностную и смысловую специфику изучаемой лексики, входящей в состав медиаурбанистического дискурса. В работе также применялся контекстуально-семантический метод и метод сплошной выборки.

Материалом настоящего исследования послужила выборка английских неологизмов, взятых из интернет-статей (“Academia”, “Architect in the Philippines into New Designs & Land Ventures – official website of Ian Fulgar”, “Veritas Newspaper – Anti-homeless Architecture: Social Justice in Urban Planning”) и неографических онлайн-источников (“Cambridge Dictionary Blog – About Words”, “Cambridge Dictionary”).

Ранее нами было упомянуто, что английские неологизмы обладают как аксиологическим, так и социо-прагматическим потенциалом. С их помощью можно прогнозировать разного рода культурные, социальные и технологические изменения. Кроме того, рассмотрение английских неологических единиц, составляющих основу медиаурбанистического дискурса, делает возможным не только прогнозировать разные изменения (культурные, социальные, технологические и т.д.), но и попытку создать многогранную лингвистическую модель современной картины мира.

Перейдем к анализу данных неологических единиц. Так, одним из основных компонентов медиаурбанистического неологического дискурса является архитектура.

Как известно, сохранением и улучшением городского ландшафта могут заниматься не только представители власти и архитекторы-градостроители, но и сами жители города – непосредственные участники урбанистического дискурса. Так, в статье “*Do It Yourself (D.I.Y.) Urbanism: An Opportunity For Rapid Development In Cities*” отмечено следующее: “*Ensuring citizens’ full rights to the city involves more than just giving people access to the city but also the right to influence change and to use the city in ways that make sense to them*” – Обеспечение полных прав граждан на жизнь в городе предполагает не только предоставление им доступа в город, но и права влиять на изменения и использовать городское пространство так, как это имеет смысл для них самих (здесь и далее перевод автора статьи. – Д.Е.). Кроме того, горожане стали творчески подходить к отстаиванию своих прав на город. В последние годы все

более популярной становится так называемая политика *“Do It Yourself (DIY) urbanism”*, которая подразумевает «самостоятельный урбанизм» – когда жители заявляют о своем праве на жизнь в городе, включая право влиять на то, как они живут, процветают и развиваются в городской среде (*“Citizens have become creative in claiming their right to the city. In recent years we have seen a rise in what is called Do It Yourself (DIY) urbanism where residents have claimed back their right to the city, including the right to influence how they live and thrive in a city”*).

Движение *“DIY urbanism”* – «Сделай город сам» также представляет собой *“small-scale urban improvements such as the installation of street seating outside a cafe or store, undertaken by small local groups or business”* – дефиниция из Cambridge Dictionary Blog – About Words, т.е. небольшие городские улучшения, например, установку сидений на улице, возле кафе или магазина, которые имеют место быть благодаря небольшим местным группам людей или предприятиям. Мы видим, что номинация анализируемого нами неологизма содержит компонент *“improvements”* с бесспорно положительным значением. Город воспринимается как среда, открытая для новых проектов, бизнеса, творчества, общения и взаимодействия жителей. Следовательно, мы можем говорить и о социальной ориентированности медиаурбанистического дискурса.

В архитектурно-строительном проектировании городов можно встретить элементы и так называемой «оборонительной архитектуры». Примером такого рода явления служит неологизм *“defensive architecture”*, означающий строительство зданий или целых городов таким образом, чтобы защитить их от нападения врагов – *“the design of buildings or cities in a way that protects them against attack by an enemy”*. Неолексема *“defensive architecture”* также подразумевает *“the design of public spaces in a way that stops unwanted behaviour”*, т.е. проектирование такого общественного пространства, которое могло бы остановить нежелательное поведение.

Следует отметить, что основной целью данной архитектурной концепции является максимальное обеспечение безопасности, а также минимизация ущерба, который может быть нанесен жителям города – *“Defensive Architecture or also known as Anti Homeless Architecture is a philosophical belief for living that the structure of a community can be built to maximize its safety. One of the primary goals is to minimize the amount of damage that could occur to the ... occupants of a community”*. Элементами «враждебной архитектуры», как правило, являются общественные места, которые сконструированы или видоизменены таким образом, чтобы лишить людей возможности и отбить у них желание использовать данные локации не по назначению – *“the architecture of our cities is a powerful guide to its behavior, both directly and in its symbolism. Hostile architecture is a subtle expression of social division through urban design, mostly associated with the homeless. These include public spaces that are constructed or altered to discourage people from using them in a way not intended ...”*.

Неологизм *“defensive architecture”* имеет ряд следующих синонимов:

– *“anti-homeless architecture”* или «архитектура против бездомных», представляющая собой стратегию городского планирования, использующую

искусственно сконструированную среду для сдерживания или ограничения определенного поведения и направленную на то, чтобы бездомные люди не заселяли общественные места. Как правило, такой «защитный» подход к проектированию городского пространства характерен для густонаселенных районов, общественные места которых нуждаются в поддержке и регулировании (*“Anti-homeless architecture – ... is an urban planning strategy that utilises the built environment to deter and restrict certain behaviours, often targeting homeless individuals from populating public spaces. This defensive design approach is commonly used in densely populated urban areas to regulate and maintain public space”*);

– *“unpleasant design”* или «неприятный дизайн» фокусируется на создании таких городских объектов, которые могли бы осуществлять социальный контроль, а именно – создавать [бездомным или с нежелательным поведением] людям разного рода неудобства и мешать им пользоваться общественными местами (*“Unpleasant Design ... focuses on urban phenomena in which social control is inherent in the design of objects. This aggregation of design processes and tools is aimed specifically at making people uncomfortable or interfering with their use of public space”*);

– *“hostile architecture”* или «враждебная архитектура», подразумевающая конструирование общественного пространства так, чтобы оно пресекало нежелательное поведение (*“the design of public spaces in a way that stops unwanted behaviour”*).

Проанализировав дефиниции вышеупомянутых номинаций, мы можем подчеркнуть, что несмотря на то, что в толкованиях данных урбанистических неологизмов присутствуют компоненты с отрицательной коннотацией, а именно – *“defensive”*, *“anti-homeless”*, *“unpleasant”*, *“hostile”*, данные лексические единицы все же передают положительную прагматику и современные социальные ценности, поскольку «оборонительная архитектура» современных городов как непосредственно, так и символически является мощным руководством к действию по отношению к бездомным и посредством городского дизайна выражает разделение в обществе, что отражают следующие лексемы – *“maintain”* (поддерживать), *“control”* (контролировать), *“regulate”* (регулировать), *“restrict”* (ограничивать), *“deter”* (удерживать, останавливать), *“stop unwanted behaviour”* (пресекать нежелательное поведение).

Исходя из всего выше сказанного, мы можем сделать вывод о том, что аксиологический и семантический анализ новой английской лексики медиаурбанистического дискурса позволяет проанализировать и выделить основные ценностные и антиценностные категории урбанистики, описать актуальные повестки и тенденции, а также общественные запросы, связанные с современной архитектурой и градостроительством. Кроме того, английские неологизмы медиаурбанистического дискурса отражают динамику современного общества, передают происходящие в городской среде изменения и таким образом становятся индикаторами изменений в современной языковой картине мира.

Список литературы

1. Катермина В.В. Аксиологический потенциал англоязычных неологизмов в дискурсивных практиках: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. 192 с.
2. Катермина В.В., Микитанова Т.С. Англоязычные неологизмы делового дискурса в лингвоаксиологическом аспекте. Креативная лингвистика: сб. науч. ст. Астрахань: Астраханский университет. 2021. С. 22–28.
3. Корсун М.А., Мачнев В. Я. Урбанистический дискурс в работах американских социологов XX века // XV Королевские чтения [Электронный ресурс]: междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д.И. Козлова : сб. тр.: 8–10 окт. 2019. 2019. Т. 2. С. 920–921.
4. Леонтович О.А. «Всевидящее око» города с позиций социолингвистики // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН, 2018. Т. 14. Ч. 3. С. 199–212.
5. Леонтович О.А., Бакумова Е.В., Котельникова Н.Н. Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и Китае: кол. монография. М.: Гнозис, 2022. 288 с.
6. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. «Город» в огне: анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социокогнитивной) дифференциации // Гуманитарные исследования, 2020. № 2 (27). С. 97–101.
7. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры. Этнокультурная специфика языкового сознания. Отв. ред. Н.Ф. Уфимцева. М.: Эйдос; 1996. С. 98–112.
8. Юнаковская А.А. «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 193–197.

Источники

- Academia [электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.academia.edu/66109468/Do_It_Yourself_D_I_Y_Urbanism_An_Opportunity_for_Rapid_Development_in_Cities (дата обращения: 25.05.2025).
- Academia [электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.academia.edu/42083186/Defensive_architecture_A_design_against_humanity (дата обращения: 25.05.2025).
- Academia [электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.academia.edu/7475506/Unpleasant_Design_Designing_Out_Unwanted_Behaviour (дата обращения: 25.05.2025).
- Architect in the Philippines into New Designs & Land Ventures – official website of Ian Fulgar [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.ianfulgar.com/architecture/do-we-need-defensive-architecture-to-hide-poverty-in-a-city/> (дата обращения: 25.05.2025).
- Cambridge Dictionary Blog – About Words [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dictionaryblog.cambridge.org/2015/08/31/new-words-31-august-2015/> (дата обращения: 25.05.2025).

Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/defensive-architecture> (дата обращения: 25.05.2025).

Cambridge Dictionary Blog – About Words [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hostile-architecture> (дата обращения: 25.05.2025).

Veritas Newspaper – Anti-homeless Architecture: Social Justice in Urban Planning [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.veritasnewspaper.org/post/anti-homeless-architecture-social-justice-in-urban-planning> (дата обращения: 25.05.2025).

ENGLISH NEOLOGISMS OF URBAN COMMUNICATION STUDIES DISCOURSE AS THE MEANS OF MODELING THE IMAGE OF A MODERN CITY

D.E. Volodina

Kuban State University, Krasnodar

The article describes the axiological potential, social and pragmatic features of English neologisms of urban communication studies discourse. The analysis of English neologisms that form the basis of urban communication studies discourse has shown that these linguistic units are the markers of modern urban culture, since they convey current agendas and public demands, the dynamics of urban environment development, and, moreover, they reflect value and anti-value concepts that are typical of our time.

Key words: city, city image, discourse, urbanism, urban communication studies discourse, neologisms, English.

УДК 81'42:004.738.5

ЖАНР КОММЕНТАРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б.Г. Вульфович

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается исторический цикл такого явления как «комментарий». Целью данной статьи является установление исторической сменяемости роли и функционала комментария в контексте современных языковых вызовов и действующей парадигмы в языкознании. Наша статья посвящена теоретической составляющей такого явления как комментарий, который изначально не имел отношения к интернет-пространству. Однако

именно благодаря Интернету функциональность и диапазон использования данного понятия был значительно увеличен, что, в конечном итоге, позволило рассматривать явление комментария, а также сетевого комментария, в контексте различных языковых исследований.

Ключевые слова: комментарий, интернет-комментарий, сетевой дискурс, сетевое пространство, Интернет.

В современном мире термин «Комментарий» имеет несколько иные ассоциации, чем, предположим, в прошлом веке. Интернет и сфера интернет-коммуникации настолько интегрировались в повседневную жизнь, что под комментарием в первую очередь понимается именно сетевой комментарий.

В.И. Карасик в статье «Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы» трактует его как «вербальную реакцию на некоторое положение дел или некоторый текст» [2, с. 80].

Данное емкое определение действительно лаконично дает характеристику комментарию. Комментарий сегодня – это не только своего рода «отзыв» на какое-либо явление или предмет окружающей действительности, это реакция индивида на полученную им информацию.

Однако корректно будет указать, что сами комментарии бывают различных видов и интернет-комментарий является далеко не первым в этом списке.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой приводятся следующие определения комментария: «1. Разъяснительные замечания к какому-нибудь тексту. 2. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-нибудь» [7].

Данные дефиниции являются более приближенными к трактовке комментария в исходном представлении. До современных представлений и концепций комментарий мог функционировать в значении каких-либо замечаний или дополнений к определенному тексту (например, переводческий комментарий к тексту, который был переведен, в котором переводчик объясняет выбор тех или иных слов или выражений для перевода, а также дает некоторые исторические справки в отношении обозначения некоторых явлений, которые могли присутствовать в тексте).

В отношении второго значения комментарий также может быть оставлен в отношении какого-либо события уполномоченным лицом. Например, пресс-служба какой-либо компании или организации может выразить публичный комментарий в отношении какого-либо случая или происшествия.

Другим видом комментария может служить, разбор литературного произведения. Например, одной из известных литературных работ является «Комментарий» Ю.М. Лотмана к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [5]. В данной работе автор стремится детально описать каждую деталь уклада жизни того времени, в котором происходят события в романе, чтобы читатель мог максимально раскрыть глубину романа в сочетании с контекстом эпохи.

Комментарий здесь представляет собой «замечания» или «заметки», которые не дополняют исходный текст, но служат для улучшения качества его понимания.

Стоит отметить, что такой вид комментария представляет интерес не только для тех, кто хочет понять и изучить произведение на более высоком уровне, но и может применяться в образовательном процессе: «Использование жанра комментария является продуктивной формой работы, позволяющей реализовать различные образовательные задачи в процессе приобщения обучающихся к исследовательской деятельности» [19, с. 65]. Исследователи отталкиваются от возможности использования комментария Ю.М. Лотмана при работе со школьниками на уроках литературы и считают данный подход достаточно эффективным.

Более крупным примером в аспекте толкования можно назвать толкования Библии, поскольку данное литературное произведение не только претерпевало большое количество изменений, но и содержит большое количество различных аллегорий и отсылок, что делает его весьма сложным для понимания, особенно для людей, которые только начинают с ним работу. В качестве примера здесь можно привести работу А.П. Лопухина «Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов», в которой автор проделал огромную работу в стремлении сделать Библию более понятной для всех желающих [4]. Комментарий в данном примере используется в более широком аспекте, нежели «замечания» или «заметки» из предыдущего, в силу того, что объем материала, с которым работает автор, гораздо больше, и, более того, автор не только стремится дать объяснение каким-либо событиям или фактам, он также стремится дать их толкование.

Таким образом, комментарий как явление перед своё начало не от социальных сетей и прочих атрибутов современности, а еще от потребности человека дать описание и обоснование чему-либо.

Комментарий как речевой жанр появляется гораздо позже и уже встречается в работах многих современных исследователей [1], [3], [6], [8], [9] и др.

Безусловно, комментарий в своем первоначальном значении существует и продолжает функционировать, однако все больше и больше его вытесняют непосредственно комментарии на страницах Интернета. Сфера интересов исследователей в области интернет-комментариев весьма обширна и многогранна. При запросе статей по ключевому слову «комментарий» в онлайн-научной электронной библиотеке elibrary.ru, мы можем увидеть, что большая часть исследований направлена на следующие аспекты комментариев:

- типологизация и классификация интернет-комментариев;
- интернет-комментарии как средство общения в Сети;
- агрессия в комментариях и «токсичные» интернет-комментарии;
- речевой портрет автора интернет-комментария;
- комментарий как сетевой жанр;

– использование различных стратегий и тактик при составлении интернет-комментариев.

Остальные – неэлектронные виды комментариев – также присутствуют в поисковой выдаче, однако их процент гораздо ниже по сравнению с количеством статей, посвященным непосредственно комментариям в Сети.

Таким образом, мы можем выделить следующую эволюцию понятия «Комментарий» (см. рисунок 1).

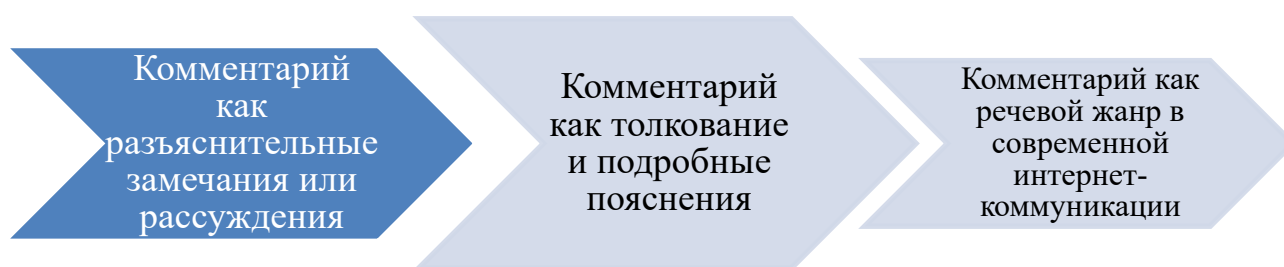

Рисунок 1. Эволюция комментария в процессе его становления

Языковые исследования в области интернет-комментария сегодня – быстрорастущее и многоаспектное направление в лингвистике. Его популярность объясняется тем, что комментарий – это уникальное индивидуальное речевое произведение, написанное как отклик на какую-либо информационную повестку. Тематических ответвлений, на которые составляется комментарий, существует огромное количество в современном интернет-пространстве. Более того, количество комментариев постоянно растет с огромной скоростью, потому что они являются важной частью сетевого общения. Подводя итог можно отметить, что своей популярностью комментарий обязан непосредственно Интернету и его возможностям, а постоянно растущее количество комментариев позволяет нам говорить о том, что интерес к интернет-комментариям будет только расти.

Список литературы

1. Бирюкова Е.В. Читательский комментарий в электронной версии журнала как жанр интернет-дискурса (на материале немецкого и русского языков) / Е.В. Бирюкова, В.А. Собянина, Ю.В. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-1 (90). С. 79–82.

2. Карасик В.И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы / В. И. Карасик // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1(41). С. 79–89.

3. Катермина В.В., Вульфович Б.Г. Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев) // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 10(891). С. 68–74.

4. *Лопухин А.П.* Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987. URL: <http://www.lopbible.narod.ru> (дата обращения: 15.06.2025).

5. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

6. *Митягина В.А.* Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. ст. Орел: Горизонт, 2012. С.188–197.

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 стр.

8. *Стексова Т.И.* Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 81–88.

9. *Филиппова М.П.* Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2020. № 6. С. 1049–1053.

10. *Ширина Е.А., Семькина Е.Н.* Комментарий как жанр исследовательской работы школьника // Вестник Белгородского института развития образования. 2020. Т. 7. № 3 (17). С. 65–75.

COMMENTARY GENRE YESTERDAY AND TODAY: THEORETICAL ASPECT

B.G. Vulfovich

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the historical cycle of such a phenomenon as "commentary". The purpose of this article is to establish the historical changeability of the role and functionality of commentary in the context of modern language challenges and the current paradigm in linguistics. Our article is devoted to the theoretical component of such a phenomenon as commentary, which initially had no relation to the Internet space. However, it is thanks to the Internet that the functionality and range of use of this concept has been significantly increased, which ultimately made it possible to consider the phenomenon of commentary, as well as online commentary, in the context of various language studies.

Key words: Commentary, internet commentary, network discourse, network space, Internet.

ЦИФРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ: КЕЙС ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ МОЛОДЫХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

А.А. Гнедаш

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию цифрового политического дискурса молодых депутатов Государственной Думы VIII созыва, репрезентированного в Telegram. На материале корпусного анализа текстов каналов 10 молодых депутатов выявлены тематические векторы, лексико-семантические хабы, модели доверия и дискурсивные подтипы. Исследование было проведено посредством программно-аналитического комплекса «Концептоскоп», сочетающего методы сетевого анализа, графовой визуализации, лингводискурсивного анализа и обработки больших данных (frequency mapping, контент-анализ, семантическое моделирование). Telegram рассматривается как среда публичного производства повестки, где молодой депутат выступает не просто коммуникатором, а агентом цифровой репрезентации. Показано, что цифровая политическая повестка дня формируется как результат стратегического выбора тем, стилистики и риторических паттернов, а доверие к депутату строится через сочетание институциональной прозрачности, ценностной идентичности и символической включённости. Результаты исследования позволяют расширить представление о цифровом парламентаризме и применении лингвистических подходов к анализу современной политической коммуникации.

Ключевые слова: цифровой дискурс, молодые депутаты, Telegram, лингводискурсивный анализ, политическая повестка, большие данные, доверие, политическая репрезентация.

Молодые депутаты Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва формируют политическую повестку дня в Телеграм, используя платформу не только как канал трансляции информации, но как пространство смыслообразования, адресованное в первую очередь молодёжной аудитории. Их цифровая активность – это не просто демонстрация парламентской работы, а осознанное стратегическое поведение, в котором соединяются стилистика вовлечённости, тематическая адресность и персонализированная риторика. Через Телеграм-каналы молодые политики актуализируют ключевые социально-политические темы – от волонтерства и образовательных инициатив до цифровизации и экологической повестки – и придают этим темам индивидуально окрашенное звучание, тем самым превращая платформу в пространство формирования и репрезентации собственной версии политической реальности [4].

Выбор Телеграм в качестве платформы обусловлен его функциональной гибкостью, отсутствием алгоритмической ленты (что обеспечивает равный охват), а также возможностью строить коммуникацию без посредников. Для молодёжи Телеграм является привычным и доверительным каналом получения новостей и взаимодействия с публичными фигурами, что делает его особенно эффективным для депутатов, стремящихся к персонализированной и эмпатической репрезентации.

Важно подчеркнуть, что через Телеграм молодые парламентарии не просто ретранслируют официальную повестку, но активно создают её – через нарративы, акценты, стили общения. Формируя устойчивые концептосферы (*молодёжь, инновации, традиции, поддержка, память*), они задают рамки интерпретации политических процессов для молодёжной аудитории. Тем самым Телеграм-коммуникация становится механизмом производства значений, где политическая повестка не задаётся сверху, а формируется в процессе постоянного смыслового взаимодействия между депутатом и аудиторией [3].

Таким образом, формирование политической повестки в Телеграм молодыми депутатами – это не просто отражение их текущей парламентской деятельности, а полноценная дискурсивная практика, влияющая на процессы политической социализации молодёжи, трансляцию идеологических ценностей и формирование имиджевых паттернов, которые в будущем могут определить облик российской публичной политики.

Для анализа политической повестки дня, формируемой молодыми депутатами Государственной Думы в Телеграм, мы выделили следующие аналитические параметры:

1. Тематическая структура (тематические блоки).
2. Типы политической повестки.
3. Эмоционально-смысловая нагрузка.
4. Динамика повестки.

Были выбраны Телеграм-каналы молодых депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва за период 12 месяцев 2024 г.; данные по молодым депутатам представлены в таблице 1. С помощью доступных инструментов (API Telegram, парсеры) были выгружены посты и другие элементы контента (заголовки, текст, изображения, комментарии); общий объем выгруженных эмпирических данных составил порядка 283 000 единиц. Полученные датасеты были очищены от дублей, технических сообщений, спама, рекламы. При помощи программно-аналитического комплекса «Концептоскоп» был проведен лингводискурсивный анализ датасетов, проведен анализ тональности (sentiment analysis) с использованием библиотек NLP (DeepPavlov) [1; 2]. Систематизированный анализ ключевых тем (topic modeling) позволил выявить концептуальные поля (концептосферы), которые соответствуют референтным группам: «законопроекты», «молодёжь», «патриотизм», «социальная поддержка», «региональное развитие» и т.д. Интерпретация результатов: оценка медианного уровня тональности, распределение

позитивных/негативных/нейтральных сообщений и соотнесение этих данных с имиджевым позиционированием; определение ведущих дискурсивных тематик и их связи с личной биографией депутата, партией, регионом и т.д.; сопоставление индивидуальных имиджевых акцентов с выявленными паттернами; оценка дискурсивных элементов (лексические, стилистические) формирующих у аудитории определённый образ депутата.

Таблица 1 – Биографические, политические и должностные характеристики молодых депутатов Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва

Молодые депутаты Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва		
1.	Борис Александрович Чернышов	1991 года рождения, заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее по тексту: ГД ФС РФ), заместитель Руководителя Высшего Совета «ЛДПР»
2.	Солтан Джашарбекович Узденов	1997 года рождения, член партии «Единая Россия», депутат ГД ФС РФ с 2023 года от партии «Единая Россия» (избран на дополнительных выборах 10 сентября 2023 года и занял место умершего отца), был депутатом городской думы Черкесска (с 2022 года), член комитета по экологии, природным ресурсам и окружающей среде
3.	Антон Олегович Ткачёв	1994 года рождения, член комитета ГД ФС РФ по информационной политике, информационным технологиям и связи, секретарь регионального исполкома партии «Новые люди»
4.	Артем Павлович Метелев	1993 года рождения, член партии «Единая Россия», председатель комитета ГД ФС РФ по молодёжной политике, председатель Совета Ассоциации волонтерских центров, лидер волонтерского движения в России, соорганизатор Общероссийской акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ, руководитель платформы ДОБРО.РФ
5.	Ольга Николаевна Занко	1990 года рождения, председатель Центрального штаба общественного движения «Волонтеры Победы», член Президиума Генерального совета партии «Единая Россия», заместитель председателя комитета ГД ФС РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, входит в Центральный штаб общественного движения «Общероссийский народный фронт»
6.	Юлия Николаевна Дрожжина	1990 года рождения, депутат от партии «Единая Россия» (с 2021 года), активный деятель организации «Российские студенческие отряды», членом комитета ГД ФС РФ по охране здоровья
7.	Ксения Александровна Горячева	1996 года рождения, первый заместитель председателя комитета ГД ФС РФ по науке и высшему образованию, секретарь Санкт-Петербургского регионального отделения политической партии «Новые люди»
8.	Артём Александрович Бичаев	1990 года рождения, член Президиума Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», первый заместитель председателя комитета ГД ФС РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных

		объединений
9.	Георгий Константинович Арапов	1999 года рождения, был руководителем регионального отделения партии «Новые люди» в Иркутской области, является заместителем председателя комитета ГД ФС РФ по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды
10.	Анна Валерьевна Скрозникова	1995 года рождения, член политической партии «Новые люди», получила вакантный депутатский мандат Максима Гулина, который сложил полномочия досрочно в связи переходом на работу в «Российское движение детей и молодежи», член комитета Государственной Думы по просвещению

Политическая повестка дня, формируемая Борисом Чернышовым в Телеграм, тематически сфокусирована на вопросах образования и молодёжной политики. Основной тематический вектор – это реформирование системы образования, в частности, обсуждение судьбы ЕГЭ, введение новых учебников, поддержка учителей и учеников, развитие системы патриотического воспитания. При этом содержание не ограничивается только институциональными проблемами; оно включает в себя культурно-историческую рамку – защиту традиционных ценностей, русского языка и национального воспитания. Чернышов использует преимущественно институциональный и символический типы повестки. Он регулярно сообщает о внесении законопроектов, участии в парламентских слушаниях, работе в комитетах. Однако институциональная риторика сочетается с символическим пластом, связанным с сохранением идеологического наследия В.В. Жириновского, отсылками к историческим образцам и государственной символике. Тональность коммуникации преимущественно нейтрально-уверенная, без экспрессии. Важными становятся внутренние эмоциональные коннотации, связанные с темами образования, памяти, справедливости. Речь идёт не об эмоциональном призыве, а о ценностной серьёзности. Чернышов не драматизирует, но подчёркивает значимость. Через устойчивое повторение слов вроде «важно», «нельзя откладывать», «будущее за молодыми», создаётся поле смысловой мотивации. Телеграм-повестка Бориса Чернышова выстроена на базе просветительско-политической логики, в которой образовательная проблематика переплетена с партийной идентичностью, институциональным статусом и идеологически маркированной миссией. Его риторика обращена к молодым и мыслящим, к тем, кто хочет видеть в парламенте человека с идеей, а не просто управленца. Анализ показывает, что Чернышов использует Телеграм не для расширения личной популярности, а для концентрации повестки вокруг тем, репрезентирующих его как представителя будущего парламентского центра смыслов – образованного, структурного, партийно-ориентированного и государственно настроенного.

Анализ Телеграм-коммуникации молодого депутата Государственной Думы VIII созыва Солтана Джашарбековича Узденова позволяет выявить устойчивую и целенаправленную стратегию формирования политической повестки дня, адресованной не только широкому электорату, но прежде всего

молодёжной аудитории, укоренённой в региональной идентичности и патриотическом консенсусе. Тематика Телеграм-канала Узденова характеризуется выраженной патриотической направленностью, в которой центральными элементами становятся вопросы памяти, традиций, поддержки участников СВО, укрепления семейных и духовных ценностей. Повестка формируется как символическая и гражданско-культурная, с чётким уклоном в сторону национальной идентичности и исторической преемственности. При этом в ряде случаев она дополняется элементами региональной повестки, отражающей интересы Карачаево-Черкесии как территории, чья культурная специфика интегрирована в общероссийский нарратив. Телеграм-дискурс Узденова эмоционально целостен и выразителен. Он последовательно конструирует образ депутата, соединяющего в себе патриотизм, региональную укоренённость и эмоциональную отзывчивость. Повестка насыщена позитивными и трагическими образами одновременно: память о погибших, поддержка участников СВО, благодарность семьям героев. Эти образы формируют двойную эмоциональную рамку, с одной стороны, скорбь и ответственность, с другой – гордость, сплочённость, вера в силу народа. Через такую риторику Узденов не просто транслирует политические меседжи, но институционализирует эмоциональные отношения с аудиторией, создавая эффект моральной близости и совместной идентичности.

В отличие от ряда других молодых депутатов, Антон Олегович Ткачёв выстраивает имидж не через символические или эмоциональные нарративы, а через технократический, рационально организованный дискурс, в котором главную роль играют компетентность, цифровая повестка и легитимация через профессионализм. Основу политической повестки Антона Ткачёва составляет тематика цифровизации, развития ИТ-инфраструктуры, внедрения искусственного интеллекта и цифрового регулирования. Его сообщения последовательно структурируются вокруг таких тем, как разработка и продвижение законопроектов, касающихся цифровой среды, прав молодёжи в интернете, технологического предпринимательства, цифрового суверенитета и стартап-политики. По типологии повестки Телеграм-канала Ткачёва преобладают институционально-технологический и экспертный типы, основанные на информировании о законодательной деятельности, инициативах в профильном комитете и проектах по развитию цифровой экономики. Повестка носит тематически суженный, но концептуально насыщенный характер, что позволяет позиционировать депутата как профильного специалиста в цифровой сфере, а не как универсального медиаполитика. Телеграм-дискурс Антона Ткачёва характеризуется низкой экспрессивностью и высокой степенью когнитивной направленности. Его повестка не апеллирует к эмоциям, памяти, принадлежности, а строится на презумпции рациональности и компетентности аудитории. В этом и заключается уникальность его риторики: доверие формируется не через симпатии или символы, а через системность, точность и регулярность работы. Это позволяет рассматривать Ткачёва как представителя новой волны парламентариев – цифровых

технократов, формирующих доверие через тематическую точность и проектную результативность.

Анализ Телеграм-коммуникации Артёма Павловича Метелева демонстрирует продуманную стратегию формирования политической повестки, ориентированной на молодёжную аудиторию. В его цифровом дискурсе отчетливо прослеживается установка на сопричастность, мобилизацию и символическую консолидацию гражданской активности. В отличие от ряда других молодых депутатов, Метелев использует Телеграм не только как площадку для информирования, но как медиaprостранство вовлечённого гражданского лидерства, где он выступает не чиновником или идеологом, а координатором и модератором инициатив снизу. Повестка Телеграм-канала Артёма Метелева строится вокруг гражданской активности, молодёжных инициатив, волонтерства и инклюзии. Его сообщения регулярно затрагивают темы работы платформы ДОБРО.РФ, участия молодёжи в добровольческих акциях, взаимодействия с социально ориентированными НКО, поддержки инклюзивных сообществ, социальной ответственности и цифрового волонтерства. По типологии это прежде всего социальная и гражданская повестка, с элементами институционального (*отчёты о законотворчестве, заседаниях, встречах с министерствами*) и символического типа (*публичные поздравления волонтеров, освещение Всероссийского дня добровольца, патриотические инициативы с молодёжным участием*). Тональность коммуникации преимущественно оптимистическая, конструктивная и мотивационная. Депутат транслирует чувство сопричастности, надежды, уверенности в молодом поколении. Даже в постах, связанных с трудностями, используется формулировка *«мы справимся»*, *«вместе решаем»*, *«все получится»*. Такой эмоциональный фон усиливает доверие аудитории, создавая образ неформального, но надёжного лидера, готового быть рядом и работать в интересах сообщества. Телеграм-коммуникация Артёма Метелева демонстрирует устойчивую и последовательную стратегию формирования повестки, основанной на гражданской вовлечённости, эмпатии и коллективной субъектности. Его канал не только транслирует информацию, но и формирует модель горизонтального лидерства, в которой политик – это координатор, модератор, партнёр. Доверие возникает из подтверждённого опыта совместного действия, а повестка дня – из повседневных практик солидарности, структурированных в публичный цифровой дискурс.

Анализ Телеграм-коммуникации молодой депутатки Ольги Николаевны Занко выявляет чётко оформленную и устойчивую риторическую стратегию, в которой политическая повестка структурирована вокруг тем исторической памяти, культурной преемственности и символического патриотизма. Её цифровое присутствие представляет собой репрезентацию гражданской идентичности через ритуализированную коммуникацию, ориентированную как на молодёжь, так и на более широкую аудиторию, чувствительную к вопросам национальной истории, традиций и нравственных ориентиров. Политическая повестка Ольги Занко в Телеграм выстроена преимущественно в рамках

символического и гражданско-патриотического типов. Центральное место занимают темы, связанные с памятью о Великой Отечественной войне, деятельностью волонтеров Победы, межпоколенческими связями, воспитанием молодёжи в духе уважения к истории и государственным символам. Повестка, формируемая в её Телеграм-канале, последовательно воспроизводит устойчивые ценности: *верность, благодарность, патриотизм, культурная преемственность*. Она не подстраивается под быстро меняющиеся политические события, а следует ритуально повторяющейся логике, соотнесённой с календарём памятных дат и общественно значимых мероприятий. В ряде постов наблюдается институциональная рамка, связанная с парламентской деятельностью, однако даже она подаётся в ценностно насыщенной и эмоционально-мобилизующей форме. Ольга Занко тем самым не просто транслирует решения и инициативы, но встраивает их в более широкую повестку сохранения исторической правды и воспитания гражданской ответственности. Тональность сообщений преимущественно торжественно-утверждающая, насыщенная положительными ценностными оценками. Занко избегает негативной или конфликтной риторики; даже в случаях обсуждения сложных тем (например, искажения исторической памяти), эмоциональный регистр остаётся сдержанным, но нравственно твёрдым. Телеграм-коммуникация Ольги Занко представляет собой цифровую форму репрезентации ритуального патриотизма, в которой политическая повестка трансформируется в форму гражданской миссии. Её дискурс направлен не на управление эмоциями, а на воспроизводство устойчивой ценностной модели, в центре которой – *память, долг, сопричастность*. Такой стиль коммуникации особенно эффективен в работе с молодёжью, стремящейся к осмыслению своей гражданской идентичности не через политические конфликты, а через культурную преемственность. Телеграм-платформа в этом контексте становится для Занко не просто инструментом связи, а средой формирования патриотического сознания средствами современной медиариторики.

Анализ Телеграм-коммуникации молодой депутатки Государственной Думы VIII созыва Юлии Николаевны Дрожжиной позволяет выявить устойчивую риторическую и содержательную стратегию, ориентированную на формирование повестки социальной поддержки, гуманитарного участия и эмпатичного патриотизма. В отличие от многих молодых парламентариев, Дрожжина выстраивает свой цифровой имидж не на символической героизации или технократической рациональности, а на практиках повседневной солидарности и эмоциональной вовлечённости, что делает её Телеграм-коммуникацию значимым примером формирования доверия через мягкую социальную идентичность. Телеграм-повестка Юлии Дрожжиной тематически фокусируется на вопросах донорства, социальной поддержки, добровольчества, медицинского волонтерства, взаимодействия со студенческими отрядами и гуманитарными проектами. Центральные темы каналов сопряжены с деятельностью «Молодёжки ОНФ», поддержкой бойцов и их семей, проектами помощи медицинским учреждениям и участием в патриотических акциях. По

типологии она комбинирует социальную, патриотическую и частично институциональную повестку, при этом особенность стратегии Дрожжиной заключается в смещении акцента с собственно политических решений на человеческое измерение поддержки: её интересует не система, а люди в ней. Темы постов оформляются не как отчёт, а как форма благодарности, признания, человеческого участия. Эмоциональный регистр Телеграм-коммуникации Дрожжиной высок, но не декларативен. Он формируется не через лозунги или яркие эмоциональные формулы, а через продуманную структуру признания, благодарности и уважения. Повестка строится как пространство эмоционального доверия, где депутат говорит с позиций признательности и готовности поддержать, а не управлять или призывать к действиям. Телеграм-повестка Юлии Дрожжиной представляет собой модель эмпатической и гуманитарно-социальной коммуникации, в которой политическое действие репрезентировано через призму заботы, сопричастности и признания. Её дискурс отличается низким уровнем агрессии, отсутствием конфликтных тем и партийной риторики, при этом обладает высокой плотностью смыслов, связанных с гражданским служением, молодёжной инициативой и поддержкой. Через такую стратегию Дрожжина формирует мягкую, но устойчивую форму доверия, которая особенно значима для цифровой среды, ориентированной на человеческий масштаб политики и конкретные практики общественной солидарности.

Анализ Телеграм-коммуникации молодой депутатки Государственной Думы VIII созыва Ксении Александровны Горячевой позволяет выделить чёткую стратегию цифрового представительства, в которой политическая повестка формируется через регулярную отчётность, локальную вовлечённость и подчеркнутую деловитость. В отличие от эмоционально насыщенных или символически окрашенных цифровых стратегий других депутатов, риторика Горячевой строится на прагматике повседневной политики, в центре которой – решение конкретных вопросов в интересах региона и целевых групп. Её Телеграм-дискурс демонстрирует, как молодой парламентарий может формировать доверие не через мобилизационные нарративы, а через системную институциональную репрезентацию. Повестка Телеграм-канала Горячевой охватывает прежде всего региональные и образовательные инициативы, парламентскую деятельность, взаимодействие с молодёжью, работу с образовательными учреждениями и гражданскими запросами. Темы постов связаны с поддержкой проектов на местах, встречами с педагогами, студентами, родителями, визитами в учебные учреждения, а также выездными мероприятиями в субъектах Федерации. Типологически Телеграм-коммуникация Горячевой представляет собой институционально-отчётную и регионально ориентированную повестку, где политическое содержание выстраивается как рабочая деятельность депутата на вверенной территории. Элементы символизма или личной харизмы сведены к минимуму; преобладает дискурс делового взаимодействия с конкретными организациями и группами. Эмоциональная составляющая канала минимизирована: доминирует

нейтральная и уверенная тональность, отражающая профессиональную дистанцию и административную компетентность. В повестке отсутствует конфликтность или резонансные темы; преобладает презентация согласованных, организованных действий, результатом которых являются конкретные изменения или поддержка локальных инициатив. Для молодёжной и профессиональной аудитории такой стиль может быть особенно значим, поскольку он отвечает запросу на ответственность, прозрачность и отсутствие идеологического давления. Телеграм в этом случае функционирует как цифровой кабинет депутата, в котором каждое действие сопровождается логикой политической рациональности.

Анализ Телеграм-коммуникации молодого депутата Государственной Думы VIII созыва Артёма Александровича Бичаева демонстрирует устойчивую риторику гуманитарно-культурной направленности, в которой политическая повестка выстраивается через ценностные символы, семейную тематику и культурную преемственность. Бичаев формирует образ парламентария, ориентированного на гармонизацию общественного сознания, транслируя в цифровой среде понятные, неконфликтные и традиционно-утвердительные смыслы. Его Телеграм-дискурс представляет собой мягкую форму политической репрезентации, где на первый план выходит не борьба или реформирование, а сохранение, поддержка и развитие «близких каждому» социальных институтов – семьи, традиций, воспитания. Тематика Телеграм-канала Бичаева сосредоточена на вопросах семейной политики, культурных и просветительских акций, исторической памяти, традиционных ценностей, гражданского единства и социального взаимодействия. Отдельное место занимает работа с молодёжью, участие в церемониях, вручениях, памятных мероприятиях, продвижение тем духовно-нравственного воспитания и патриотизма в гуманитарной форме. По типологии, повестка канала сочетает символично-культурный, социально-патриотический и частично институциональный типы, но все они структурированы через призму моральной нормативности и культурной легитимности. Бичаев формирует не столько политическую остроту, сколько образ парламентского медиатора, защищающего ценности «молчаливого большинства». Эмоциональный регистр канала Бичаева – умеренно позитивный и нормативно стабилизирующий. Он не апеллирует к страстям, тревоге или мобилизационному импульсу, а предлагает эмоционально комфортную картину «правильного мира», в котором депутат помогает сохранять устойчивость. Такая повестка обеспечивает эмоциональное доверие через предсказуемость и моральную чистоту: Бичаев не провоцирует, а подтверждает – он «наш», он говорит о важном, он помогает детям, он чтит старших. Эти меседжи закрепляются за счёт повторяемости и моральной непротиворечивости. Телеграм-повестка Артёма Бичаева выстраивается в логике гуманитарной, интегративной и нравственно устойчивой цифровой коммуникации, в которой политика растворяется в публичной заботе о семье, культуре, детях, исторической памяти. Его дискурс формирует неконфликтную форму политического представительства, где главное — не борьба, а

сохранение. Благодаря этому депутат не только транслирует ценности, но и институционализирует их через регулярные формы цифрового присутствия, адресованные широкой, умеренной и ценностно ориентированной аудитории. Бичаев – это пример молодого парламентария, выстраивающего имидж доверия через моральную соразмерность, социальную скромность и постоянное подтверждение поддержки значимого и общего.

Анализ Телеграм-коммуникации молодого депутата Государственной Думы VIII созыва Георгия Константиновича Арапова позволяет выделить уникальный профиль цифровой политической репрезентации, в котором ключевыми становятся экологическая специализация, экспертный дискурс и институционально-проектная модель повестки. В отличие от других молодых депутатов, Арапов последовательно формирует имидж не массового медиаполитика, а нишефокусного, системного профессионала, включённого в решение проблем устойчивого развития, охраны природы и биоразнообразия. Его Телеграм-канал функционирует как пространство экспертного взаимодействия, аккумулирующее повестку, важную для молодых специалистов, экологически мотивированной молодёжи и активистов, вовлечённых в вопросы будущего природной среды. Тематика Телеграм-канала Арапова строится вокруг устойчивого ядра: *экология, природоохранная политика, биоразнообразие, законодательные инициативы по защите окружающей среды, климатическая повестка, работа заповедников, региональные экологические проблемы, роль молодёжи в экологическом просвещении*. Эта тематическая сфера редко становится предметом массовой парламентской коммуникации, что делает риторику Арапова стратегически нишевой. Типологически Телеграм-повестка депутата включает экспертно-проектный, институциональный и ценностно-этический типы, где экологическая тема функционирует не как украшение публичной речи, а как предмет парламентской и нормотворческой работы. Особенность дискурса: сфокусированность и устойчивость к внешним колебаниям повестки; даже в условиях масштабных изменений на федеральном уровне, канал Арапова остаётся верен экологической тематике. Телеграм-дискурс Арапова не насыщен экспрессией, но в нём чётко выражена ценностная рамка ответственности за будущее, этическая и рациональная. Его посты передают тревожность по поводу утраты природы, необходимость реформ, важность межпоколенческой экологической солидарности. При этом эмоциональный регистр остаётся спокойным, рассудочным, мобилизующим через осознание, а не через аффект. Телеграм-повестка Георгия Арапова представляет собой структурно устойчивую, содержательно нишевую и институционально прозрачную модель цифровой политической коммуникации, в которой экология выступает не как второстепенный блок, а как основа депутатской идентичности. Его риторика – это язык устойчивого развития, адресованный молодым профессионалам, его стиль – экспертное действие без идеологического давления, его доверие – результат постоянства, тематической фокусировки и парламентской дееспособности. В этом смысле Арапов – пример новой генерации политиков,

выстраивающих репутацию не через символическое мобилизирующее воздействие, а через понятийную честность, ценностную последовательность и ответственность за экологическое будущее страны.

Анализ Телеграм-коммуникации Анны Валерьевны Скрозниковой, молодой депутатки Государственной Думы VIII созыва демонстрирует ярко выраженную концептуальную и риторическую направленность на темы воспитания, просвещения, духовно-нравственных ориентиров и институциональной преемственности в работе с подрастающим поколением. Её политическая повестка, транслируемая через цифровую платформу, укоренена в нормативно-ценностной системе координат, где центральной фигурой становится школьник, ученик, молодой гражданин, формируемый под эгидой государства, традиций и общественного долга. Телеграм-канал Скрозниковой функционирует как пространство нормативной репрезентации депутатской роли – не столько управленца, сколько наставника и носителя морального регламента. Тематика Телеграм-канала Скрозниковой формируется вокруг устойчивых концептов: *школа, воспитание, патриотизм, педагог, традиционные ценности, ученики, мероприятия для молодёжи, память, символика государства, культура повседневности в сфере образования*. Канал выступает как продолжение парламентской и публичной деятельности, сконцентрированной на поддержке воспитательной миссии образовательных учреждений. Типологически повестка представляет собой институционально-нормативный и культурно-патриотический тип, в котором парламентская активность подаётся как часть более широкой миссии духовного просвещения. Скрозникова не столько создаёт новую повестку, сколько транслирует и воспроизводит нормативные основания гражданской идентичности. Телеграм-коммуникация Скрозниковой не насыщена экспрессией, однако несёт устойчивую ценностную и эмоционально-символическую нагрузку, связанную с категориями уважения, воспитанности, культурного долга, патриотической ответственности. Тональность постов утверждающе-спокойная, без конфликтов и крайностей. Эмоциональность здесь выражается не в личных формулировках, а в ритуальных формулах, таких как «гордимся нашими учениками», «с благодарностью учителям», «воспитываем достойных граждан». Такое оформление создает тонкий эмоциональный фон сопричастности и утверждённой стабильности, соответствующей ожиданиям от фигуры депутата, вовлечённого в образовательный процесс. Телеграм-повестка Анны Скрозниковой представляет собой пример нормативно организованной, воспитательно ориентированной, институционально прозрачной цифровой коммуникации, в которой основное внимание уделяется тематике воспитания, гражданской идентичности и просвещения молодёжи в рамках государственной идеологической модели. Её стиль – ритуально-официальный, содержательно предсказуемый, ценностно устойчивый, что позволяет ей позиционировать себя как проводника и носителя идеологии «мягкого консерватизма» в образовании и культурной политике. В отличие от вовлекающих или технократических стратегий других молодых депутатов, Скрозникова предлагает образ

нормативного политического сопровождения будущих поколений, где Телеграм функционирует как цифровая площадка для трансляции паттернов государственной идентичности и поддержки институционального порядка в воспитательной сфере.

Исследование показало, что молодые парламентарии активно используют Телеграм не только как канал оперативной трансляции парламентской активности, но как инструмент дискурсивного представительства, с помощью которого формируют устойчивую и тематически сфокусированную повестку, адресованную преимущественно молодёжной аудитории.

Телеграм-повестка молодых депутатов представляет собой гибкий и содержательно насыщенный инструмент цифрового парламентского действия, в котором объединяются цели саморепрезентации, тематической специализации, формирования доверия и политического просвещения. Это доказывает, что молодые парламентарии не только усваивают технологические возможности цифровых платформ, но и встраивают их в стратегию формирования устойчивого имиджа и собственной повестки дня, обращённой в том числе к будущим избирателям и политическим союзникам.

Список литературы

1. *Мальшиева О.П., Рябченко Н.А.* Интеллектуальный анализ данных: опыт применения методов сетевой и когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 952–955.

2. *Мальшиева О.П., Рябченко Н.А.* Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Telegram-Канала Д.А. Медведева в 2022–2023 гг. // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107). С. 125–136.

3. *Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Мальшиева О.П.* Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды. М.: ФЛИНТА, 2021.

4. *Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Мальшиева О.П., Гнедаш А.А.* Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37–51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.04>

DIGITAL POLITICAL AGENDA AS AN OBJECT OF LINGUODICURSIVE ANALYSIS OF BIG DATA: THE CASE OF TELEGRAM CHANNELS OF YOUNG PARLIAMENTARIANS

A.A. Gnedash

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of the digital political discourse of young deputies of the State Duma of the VIII convocation, represented in Telegram. Based

on the corpus analysis of the texts of the channels of 10 young deputies, thematic vectors, lexical and semantic hubs, trust models and discursive subtypes were identified. The study was carried out using the software and analytical complex «Conceptoscope», which combines the methods of network analysis, graph visualization, linguodiscursive analysis and big data processing (frequency mapping, content analysis, semantic modeling). Telegram is considered as a medium for public production of the agenda, where a young MP acts not just as a communicator, but as an agent of digital representation. It is shown that the digital political agenda is formed as a result of a strategic choice of topics, style and rhetorical patterns, and trust in the MP is built through a combination of institutional transparency, value identity and symbolic inclusion. The results of the study allow us to expand our understanding of digital parliamentarism and the application of linguistic approaches to the analysis of modern political communication.

Key words: digital discourse, young MPs, Telegram, linguodiscursive analysis, political agenda, big data, trust, political representation.

УДК 81'373:82-31

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА “DREI KAMERADEN”

А.С. Горбатовский

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассмотрены особенности функционирования эмоционально окрашенной лексики в романе Э.М. Ремарка “Drei Kameraden”. Эмотивы в тексте реализуются преимущественно лексемами, относящимися к разговорному стилю. Особую эмоциональность и ироничность речи главных героев в тексте также придает контраст негативно и положительно коннотированных лексем.

Ключевые слова: эмоционально окрашенная лексика, художественный текст, разговорный стиль, Э.М. Ремарк, “Drei Kameraden”.

Современные тенденции в анализе немецкоязычных художественных текстов отмечаются неослабевающим интересом германистов к исследованию творчества Э.М. Ремарка. Изучение его идиостиля способствует определению роли различных языковых средств в создании индивидуально-авторской картины мира [см., например: 3; 4; 5].

В центре нашего внимания находится специфика взаимосвязи эмоционально окрашенной лексики и стилистических особенностей романа “Drei Kameraden”. Художественная литература передает человеческие мысли и эмоции, которые существуют не только в вербальных оболочках, но и в

ассоциативных образах. С помощью речи, мыслей и, в первую очередь, эмоций героев автор наиболее точно раскрывает их характер, обосновывает и оправдывает их поступки [2]. Авторские описания внутренних эмоциональных волнений, являющихся почти всегда неподдельными, особо важны для понимания внутреннего мира персонажей. Такое изображение эмоционального состояния позволяют читателю приблизиться к герою произведению настолько, насколько к человеку вряд ли можно приблизиться в реальной жизни [6].

Именно эмоциональная насыщенность является характерной стилистики Э.М. Ремарка. Писатель мастерски использует эмотивы, которые способны передать всю гамму человеческих чувств и переживаний. Актуальность исследования эмотивной лексики обусловлена необходимостью изучения способов выражения эмоций в художественном тексте, а также эмоционального воздействия на читателя.

В ходе исследования нами было отобрано и проанализировано более 150 эмоционально окрашенных лексем и словосочетаний в романе Э.М. Ремарка *“Drei Kameraden”*. Анализ лексических единиц был осуществлен с учетом особенностей их употребления в контексте, что позволило выявить коннотативное значение той или иной языковой единицы. Они были разделены на следующие группы: раздражение, симпатия / одобрение, тоска, испуг, возмущение, жалость, восхищение, ирония. Группы лексем, выражающих раздражение и симпатию, являются наиболее многочисленными.

При анализе лексем, имеющих экспрессивную окраску, было установлено, что большая часть из них принадлежат разговорному стилю речи. С помощью концентрации разговорной лексики автор наиболее ярко и точно воссоздает речевую картину действительности описываемого времени, а также охарактеризовать героев как прямо, так и косвенно, т.е. через их собственную речь [1]. Рассмотрим в качестве примера отрывок текста, в котором автору удается емко передать эмоции главного героя определенными лексическими средствами.

(1) “In meinem Zimmer saß ich noch eine Weile auf. Die Bude gefiel mir auf einmal gar nicht mehr. Der Kronleuchter war scheußlich, das Licht viel zu grell, die Sessel waren verschlissen, das Linoleum trostlos nüchtern, der Waschtisch, das Bett mit dem Gemälde von der Schlacht bei Waterloo darüber – kann man eigentlich keinen anständigen Menschen 'reinführen, dachte ich. Eine Frau schon gar nicht. Höchstens eine Hure aus dem International” (Remarque) – «В своей комнате я посидел еще некоторое время. Мне сразу не понравилась эта лачуга. Люстра была отвратительной, свет слишком ярким, кресла потертые, линолеум безнадежно скучным, туалетный столик, кровать с картиной битвы при Ватерлоо над ней – на самом деле сюда невозможно привести порядочного человека, подумал я. Женщину, конечно, тем более. Максимум куртизанку из Интернационаля» (здесь и далее перевод примеров наш. – А.Г.).

В данном фрагменте Роберт мучается мыслями, стоит ли ему звонить Пат, девушке, которая ему понравилась. С помощью таких лексем, как *“die Bude”* («будка», «лачуга», «хибара»), *“scheußlich”* («отвратительный»,

«ужасный», «противный», «жуткий»), “trostlos nüchtern” («безнадежно скучный») читатель получает впечатление о негативном душевном состоянии персонажа. Также частица “gar”, повторяющаяся в этом маленьком отрывке два раза, усиливает ощущение раздражения.

Отметим, что в словаре немецкого языка “Duden” лексемы “die Bude” и “scheußlich” даны с пометкой “umgangssprachlich” («разговорное слово») [7]. Именно лексические единицы разговорного стиля речи несут в себе наиболее емкое дополнительное эмоциональное значение, так как только живая устная речь характеризуется меньшей регламентированностью, и ее акты обуславливаются лишь целями говорящего, временем и местом, а значит, способны передать максимально большой заряд эмоционального воздействия на читателя.

Также с помощью эмоционально окрашенной лексики автору удастся воссоздать живой язык человеческого общения. В процессе межличностной коммуникации происходит смешение эмотивов с негативной и положительной типами коннотаций, что способствует передаче эмоционального плана действующих лиц.

В качестве примера рассмотрим фрагмент из романа, в котором главный герой в первый раз узнает о болезни своей возлюбленной. Самые сильные эмоции человек испытывает в моменты душевных потрясений, и герои анализируемого текста не являются исключением. Наиболее насыщенными эмотивами частями романа предстают те, где Патриция Хольман страдает от кровотечения. Так как мы видим происходящее глазами любящего девушку Роберта, лексика повествования в таких фрагментах становится особенно эмоциональной. В его речи явно наблюдается контраст между резкой, иногда даже бранной лексикой и упоминаниями Бога:

(2) “Verflucht! Wo ist das nächste Telefon?” (Remarque) – «Проклятье! Где находится ближайший телефон?»;

(3) ““Sie muß durchkommen”, sagte ich, “sonst ist alles Scheiße” (Remarque) – ««Она должна выжить», – сказал я, – «иначе все полетит к чертям»»;

(4) “Holen Sie Eis, um Gottes willen, schicken Sie zur nächsten Kneipe, und telefonieren Sie sofort dem Arzt!” (Remarque) – «Принесите лед, Бога ради, пошлите в ближайший кабак и сразу же позвоните врачу»;

(5) “Lieber Gott, Pat, sagte ich, ist das vielleicht der Grund, daß du mir nie etwas Genaues gesagt hast?” (Remarque) – ««Боже милостивый, Пат», – сказал я, – «может быть, именно поэтому ты никогда не говорила мне ничего конкретного?»».

С помощью положительно (“um Gottes willen”, “Lieber Gott”) и отрицательно коннотированных лексем (“Verflucht”, “Scheiße”) и их позиционирования в тексте рядом друг с другом достигается максимальная эмоциональность повествования. Контраст, как один из способов восприятия художником действительности, в данном случае наиболее полно раскрывает способ художественного мышления автора.

В ходе анализа было выявлено, что важным способом создания

эмоциональности текста в художественном тексте является ирония. Ироничные комментарии главных героев могут выражать целый спектр эмоций: от недовольства и возмущения до симпатии и насмешки [4]. Ирония, т.е. употребление слов в обратном значении, прямо противоположном буквальному, рассматривается нами как интеллектуальная операция, так и текстуальное преобразование, позволяющее полностью изменять смысл высказывания.

Герои исследуемого произведения часто употребляют эмоционально окрашенные лексемы для ироничной номинации друг друга и других персонажей романа. Например:

(6) ““Donnerwetter”, sagte Lenz, “alle Achtung! Dann sind Sie ja ein Pionier, und Ihr Name kommt in die Naturgeschichte”” (Remarque) – ««Черт возьми» – сказал Ленц, – «всем внимание! Тогда Вы действительно первопроходец, и Ваше имя войдет в естественную историю»»;

(7) “Er lachte. “Mußt es doch auch mal lernen, Baby!”” (Remarque) – «Он засмеялся. «Тебе тоже нужно научиться этому, детка»»;

(8) ““Du willst mit uns essen, Goldjunge?” rief Lenz” (Remarque) – ««Ты хочешь поесть с нами, голубчик?» – воскликнул Ленц».

При анализе отобранных нами эмоционально окрашенных лексем, создающих ироническую окраску текста, выяснилось, что около 50% из них характерны для Готтфрида Ленца, которого друзья называют “der letzte Romantiker” («последний романтик»). Именно в его речи замечена наибольшая концентрация разговорной лексики. В репликах этого героя часто встречаются такие эмоционально окрашенные обращения, как «старик», «детка», «приятель» и т.д. С помощью такой экспрессивной лексики автором также создается косвенная характеристика персонажа.

Таким образом, эмоционально окрашенная лексика в романе Э.М. Ремарка “Drei Kameraden” воссоздает в тексте различный спектр эмоций, наиболее частотными из которых являются раздражения и симпатия. Стилистический анализ показал, что отобранные для анализа лексемы в большинстве случаев представлены языковыми единицами разговорного стиля. При этом их коннотативное значение способствует воссозданию эмоциональной естественности, живости и ироничности речи в тексте.

Список литературы

1. Горбатовский А.С. Разговорная лексика как специфическое проявление адресатного плана художественного текста (на материале романа Эриха Марии Ремарка “Drei Kameraden”) // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. Т. 6 (27). М.: Международный центр науки и образования, 2019. С. 50–55.

2. Катермина В.В. Эмоции в художественном тексте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 134–139.

3. Куклина Т.В. Стилистическое своеобразие фразеологических единиц в

произведениях Э.М. Ремарка // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2021. № 1. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskoe-svoeobrazie-frazeologicheskikh-edinit-v-proizvedeniyah-e-m-remarka> (дата обращения: 15.06.2025).

4. Нечай Ю.П., Олейник М.А. Языковые средства экспликации иронии в художественных текстах Э.М. Ремарка: лингвопрагматический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 1(172). С. 52–57.

5. Хребтова Т.С., Тележенко Н.В. Роль и функция сравнений в романе Э.М. Ремарка «Тени в раю» // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. 2022. № 11. С. 109–115.

6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

7. Duden-Online [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 15.06.2025).

Источники

Remarque E.M. Drei Kameraden [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://litlife.club/books/99811/> (дата обращения: 15.06.2025)

THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF EMOTIONALLY COLORED VOCABULARY IN E.M. REMARQUE'S NOVEL „DREI KAMERADEN”

A.S. Gorbatovsky

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the features of the functioning of emotionally colored vocabulary in the novel by E.M. Remarque “Drei Kameraden”. Emotives in the text are implemented mainly by lexemes related to the spoken style of speech. The contrast of negatively and positively connoted lexemes also gives a special emotionality and irony to the speech of the main characters in the text.

Key words: emotionally colored vocabulary, literary text, conversational style, E.M. Remarque, “Drei Kameraden”.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГРУСТИ ЧЕРЕЗ СОМАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕНИЯ
В ТИФЛОКОММЕНТАРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТИФЛОКОММЕНТАРИЯ К ФИЛЬМУ «АНГЕЛ МОЙ»)**

К.А. Горбунова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва
Институт научной информации по общественным наукам Российской
академии наук, Москва*

Статья посвящена исследованию соматических речений, выражающих эмоциональное состояние грусти в русскоязычном тифлокомментарии. Материалом исследования служит текстовый корпус тифлокомментария к фильму «Ангел мой», содержащий 1504 предложения. Рассмотрено 28 выражений. В результате анализа выявлены три основные семантические группы соматических речений: группа «Плач и слезы»; группа «Эмоциональное напряжение»; группа «Эмоциональная отстраненность». Полученные результаты демонстрируют значимость соматических речений как инструмента передачи эмоционального состояния персонажей и их взаимоотношений в тифлокомментировании.

Ключевые слова: тифлокомментирование, слепые и слабовидящие, соматические речения, корпусный менеджер, грусть.

В данной работе мы ставим перед собой цель провести корпусный анализ соматических речений, выражающих эмоциональное состояние грусти, в русскоязычном тифлокомментарии – лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны слепому или слабовидящему без специальных словесных пояснений [3, с. 6]. Материалом исследования служит текстовый корпус тифлокомментария к фильму «Ангел мой» (англ. «Angel of Mine»), содержащий значительное количество единиц, отражающих эмоциональное состояние персонажей через описание физиологических проявлений, общим объемом 1504 предложения. Особое внимание уделяется анализу частотности употребления различных соматических маркеров грусти и их контекстуальному использованию в тифлокомментировании как специфическом виде дискурса.

Методологическую базу исследования составляют труды С. Н. Ваньшина, О. П. Ваньшиной [3], Г. Б. Ворониной [4], И. С. Борщевского [2], А. В. Анищенко [1], К. А. Горбуновой [8; 9], А. И. Горожанова [5], Д. А. Зимарина [10], посвященные анализу эмоциональной составляющей тифлокомментария.

Для достижения поставленной цели планируется решить ряд задач:

1) провести количественный и качественный анализ соматических речений, выражающих грусть, в корпусе тифлокомментария;

2) выявить и систематизировать основные группы соматических маркеров грусти по частям тела и типам эмоциональных проявлений;

3) провести интерпретацию полученных контекстов.

Для получения объективных результатов был использован «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» – программный комплекс, автоматически формирующий корпуса текстов и содержащий инструменты для работы с ними, разработанный в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [6; 7].

Для решения первой задачи по поиску вербализаций был составлен поисковый запрос по группе лемм:

('слеза', 'нос', 'лоб', 'щека', 'зуб', 'губа', 'рот', 'глаза', 'лицо', 'щека', 'взгляд', 'подбородок')

Всего было получено 56 сочетаний. С помощью метода сплошной выборки был составлен список конструкций соматических речений, выражающих эмоциональное состояние грусти, в который вошло 28 выражений: Высокая частотность некоторых соматических маркеров, непосредственно связанных с эмоциональным состоянием грусти, в рамках настоящего исследования позволяет сделать выводы об их использования в тифлокомментарии.

Решая вторую задачу, мы выбрали из общего списка наименования, которые имеют наибольшую частотность:

1. лицо и его части:
 - лицо/лице/лица (8 упоминаний)
 - щека/щеке (4 упоминания)
 - лоб (2 упоминания)
 - подбородок (2 упоминания)
 - губы (2 упоминания)
2. взгляд:
 - взгляд/взглядом (17 упоминаний)
 - глаза (3 упоминания)
 - слезы (12 упоминаний)

Затем на основе анализа соматических речений, выражающих эмоциональное состояние грусти, были выделены следующие семантические группы:

1. **Плач и слезы** – группа включает прямые маркеры проявления грусти через слезотечение:

- [слеза] : слезу : Лиззи смахивает с лица набегающую слезу.
- [слеза] : слезами : Лиззи не в силах больше сдерживаться, взрывается слезами.
- [слеза] : слез : Его глаза полны слез.

2. **Эмоциональное напряжение** – группа отражает внутренние переживания через внешние проявления:

- [взгляд] : взгляд : Она с горечью отводит свой взгляд в сторону.

- [рот] : рот : Лиззи руками закрывает лицо, с трудом сдерживая слезы и пытаясь взять себя в руки.

3. **Эмоциональная отстраненность** – группа демонстрирует отчуждение от реальности:

- [взгляд] : взгляд : Ее взгляд безразлично блуждает.
- [лицо] : лицу : Она лежит на полу и смотрит в никуда.

На основе выявленных групп, можно сделать вывод о том, что в контексте использования соматических речений для обозначения грусти особенно часто встречаются описания слезных проявлений. Фразы «с трудом сдерживая слезы», «наворачиваются слезы», «смахивает слезу» создают живую картину переживаний персонажа. Взгляд как инструмент передачи состояний используется для демонстрации широкого спектра эмоций – от недоумения до укоризны, от безразличия до тяжелого взгляда, что позволяет точно передать отношение персонажа к происходящему и другим героям. Лицо и его части описываются в тесной связи с эмоциональными проявлениями. «Закрывает лицо руками», «поджимает подбородок», «по щеке катится слеза» – такие описания создают объемную картину эмоционального состояния, позволяя слабовидящему зрителю «увидеть» происходящее.

Соматические речения помогают передать те невербальные сигналы, которые зритель с обычным зрением получает автоматически. Например, «отводит взгляд в сторону» или «бросает укоризненный взгляд» – данные фразы несут важную информацию о внутреннем состоянии персонажа и его отношении к происходящему. Когда персонажи «провожают взглядом», «смотрят друг на друга» или «отворачиваются», это создает визуальную картину их отношений. Такие описания помогают понять, как герои воспринимают друг друга и какие эмоции испытывают при общении. **Динамика эмоционального состояния** прослеживается через последовательное описание телесных реакций. Например, переход от «улыбки, исчезающей с лица» к «сдерживанию слез» показывает зрителю изменение настроения персонажа. Тифлокомментатор фиксирует важные моменты трансформации чувств через физические проявления.

Таким образом, проведенное исследование соматических речений в тифлокомментарии к фильму «Ангел мой» позволило сделать следующие выводы:

1. Соматические маркеры являются важным инструментом передачи эмоционального состояния грусти в тифлокомментировании, где наиболее частотными оказались описания слезных проявлений и характеристик взгляда.

2. Выделенные семантические группы соматических речений («Плач и слезы», «Эмоциональное напряжение», «Эмоциональная отстраненность») демонстрируют различные способы вербализации грусти через телесные проявления.

3. Динамика эмоционального состояния персонажей успешно передается через последовательное описание телесных реакций, что позволяет точно зафиксировать трансформацию чувств героев.

Результаты исследования имеют междисциплинарный характер и могут быть использованы как в практической деятельности по созданию тифлокомментариев, так и в научных исследованиях, направленных на изучение механизмов передачи эмоций через вербальные средства.

Список литературы

1. *Анищенко А.В.* Языковая специфика вербализации эмоций в немецкоязычной и русскоязычной аудиодескрипции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 10 (891). С. 17–24.

2. *Борщевский И.С.* Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). С. 48–52.

3. *Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П.* Тифлокомментирование, или Словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. М.: Логослов, 2011. 61 с.

4. *Воронина Г.Б.* Факультет немецкого языка Московского университета – вчера и сегодня // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. 2022. С. 35–56.

5. *Горожанов А.И., Губанова К.А.* Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. Вып. 3 (30). С. 98–105.

6. *Горожанов А.И.* Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.

7. *Горожанов А.И.* Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

8. *Горбунова К.А.* Способы вербализации мимики в русскоязычных тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. №5(899). С. 37–44.

9. *Горбунова К.А., Горожанов А.И.* Тифлокомментирование и аудиодескрипция: проблемы терминологической унификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 15. С. 1895–1902.

10. Зимарин Д.А., Губанова К.А. Темпо-ритмическая организация аудиодескрипции к статичным объектам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 205. С. 39–48. DOI 10.33910/1992-6464-2022-205-39-48.

VERBALIZATION OF SADNESS THROUGH SOMATIC STATEMENTS IN AUDIO DESCRIPTION (ON THE EXAMPLE OF AUDIO DESCRIPTION TO THE FILM “ANGEL OF MINE”)

K.A. Gorbunova

*Moscow State Linguistic University, Moscow
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences, Moscow*

The article is devoted to the study of somatic statements expressing the emotional state of sadness in Russian-language audio description. The material for the study is the text corpus of the audio description for the film “Angel of Mine”, containing 1504 sentences. 28 expressions are considered. As a result of the analysis, three main semantic groups of somatic utterances were identified: the group “Crying and Tears”; the group “Emotional Tension”; the group “Emotional Detachment”. The results obtained demonstrate the importance of somatic statements as a tool for conveying the emotional state of characters and their relationships in audio description.

Key words: audio description, blind and visually impaired people, somatic statements, corpus manager, sadness.

УДК 81'33

СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ТЕХНИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

А.И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы анализа тональности новостных текстов с использованием современного программного обеспечения. На материале сбалансированного лингвистического корпуса крупнейшей региональной газеты ФРГ «Вестдойче альгемайне цайтунг» критически рассматривается sentiment-анализ на основе тональных словарей и при помощи технологий генеративного искусственного интеллекта. Делается вывод о несовершенстве рассмотренных методов ввиду непрозрачности процессов и отсутствия учета идеологического компонента.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, sentiment-анализ, тональный словарь, генеративный искусственный интеллект, новостные тексты, газета «Вестдойче альгемайне цайтунг», идеологический компонент.

Предлагаемая статья в общих чертах затрагивает проблему sentiment-анализа новостных сообщений с помощью программных средств лингвистического назначения.

В качестве материала используется сбалансированный лингвистический корпус текстов издания «Вестдойче альгемайне цайтунг», собранный в период с 01.04.2025 по 19.06.2025, объемом 276 102 токена или 18 147 предложений. Сборка корпуса и извлечение данных осуществлялась с помощью программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [3].

Одной из базовых процедур sentiment-анализа является оценка посредством тонального словаря. Как правило, такой словарь содержит отдельные лексемы, которые имеют числовое положительное, отрицательное или нейтральное значения [1; 2]. При оценке контекстов (предложений, абзацев и пр.) решения об их коннотативной характеристике принимаются на основе оперирования этими значениями, например, путем простого суммирования или суммирования по модулю [4].

Проведем моделирование подобного анализа новостных контекстов, используя два полярных немецких прилагательных “gut” (хороший) и “schlecht” (плохой), которые также могут использоваться в качестве наречий. Контекстом мы (очень приблизительно и только для решения поставленной задачи) будем считать предложение.

Мы исходим из того, что sentiment-анализ не является некоей вещью в себе. Оценка производится всегда с определенной целью, например, для установления отношения клиента к продукту (услуге) или для определения формируемого образа той или иной персоналии в СМИ. При этом устанавливаются четкие правила: что считать хорошим, что плохим, что нейтральным (нерелевантным). Усложняющим анализ фактором является то, что исследуемые новостные тексты состоят в основном из распространенных свободно формируемых предложений, а не наборов клише, как в случае с комментариями в социальных сетях.

Приведем примеры из корпуса для контекстов с лексемой “gut”.

[gut] : gut : 12120 : Sowohl Öffnen als auch Schließen gelingen gut. – Открытие и закрытие проходят успешно.

[gut] : besser : 198 : Mit mehr und besser ausgebildetem Personal lassen sich international agierende kriminelle Strukturen erfolgreich bekämpfen, wie schon die Schwerpunktstaatsanwaltschaften für Wirtschaftskriminalität oder Terrorismus gezeigt haben. – При наличии более многочисленного и лучше подготовленного персонала возможно успешно бороться с международными криминальными структурами, что уже продемонстрировали специализированные подразделения прокуратуры по борьбе с экономическими преступлениями и терроризмом.

В первом примере “gut” формирует достаточно четкую положительную коннотацию, которая базируется на самой общей информации. Краткость контекста также облегчает задачу.

Второй пример достаточно распространенный в плане синтаксиса, однако также в высокой степени однозначен, так как значение «хороший / лучший» подкрепляется общечеловеческим положительным «успешно». Но такие простые случаи встречаются далеко не всегда.

[gut] : gut : 433 : *Diese Arbeit macht meine Tochter, weil sie das sehr gut kann.* – Эту работу делает моя дочь, потому что она это хорошо умеет.

В этом небольшом контексте мы не можем классифицировать “gut”, поскольку непонятно, что именно делает дочь. Более ранний контекст показывает, что работа заключается в мониторинге социальных сетей, но и это не помогает отнести содержание к «плохому» или «хорошему». Другими словами, коннотация “gut” не определяется здесь ни заложенным в тональном словаре положительным значением, ни ближайшим контекстным окружением.

Упомянем также случаи, когда “gut” имеет обезличенную семантику и выступает как усилительный элемент, например:

[gut] : gut : 827 : 700 Meter lang klaffte der Riss gut 45 Minuten nach Beginn des Ausbruchs des Vulkans, wie die Wetterbehörde mitteilte. – Метеорологическое агентство сообщило, что разлом достиг длины 700 метров спустя целых (~не менее) 45 минут после начала извержения вулкана.

Характеристика “gut” также может содержаться в крайне субъективных высказываниях.

[gut] : besten : 964 : *Die peruanische Küche wurde aber nicht umsonst mehrfach als eine der besten der Welt ausgezeichnet!* – Недаром перуанская кухня неоднократно признавалась одной из лучших в мире!

Здесь, с одной стороны, присутствует положительная коннотация, выражаемая автором репортажа, а с другой стороны, бросается в глаза спорность бездоказательного утверждения о превосходстве перуанской кухни над остальными. Конечная оценка контекста зависит от предварительной аксиологической установки исследователя.

Наконец, рассмотрим политическую новость, в которой содержится высказывание Д. Трампа о пошлинах:

[gut] : gut : 3484 : *Nach der Verkündung von Einfuhrzöllen gegen fast alle Handelspartner sagte er vorletzte Woche, dass diese langfristig gut für die Wirtschaft seien.* – После объявления о введении импортных пошлин почти для всех торговых партнеров на позапрошлой неделе он заявил, что это хорошо для экономики в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что «хорошо для экономики» относится к экономике США, что объективно не обязательно хорошо для экономик других стран. Под различны углом интерпретации “gut” здесь может быть окрашено от «очень хорошо» до «очень плохо».

Для лексемы “schlecht” наблюдается схожая картина. Мы можем наблюдать универсально однозначные значения «плохой», например, в отношении урожая и погоды:

[schlecht] : schlecht : 2460 : *Die letzte Ernte in Brasilien ist wieder schlecht ausgefallen.* – Последний урожай в Бразилии выдался плохим.

или *[schlecht] : schlechtem : 2426 : Das hat vor allem mit schlechtem Wetter in Brasilien zu tun, einer asiatischen Fruchtfliege und hohen Preisen. – Эмо, прежде всего, связано с плохой погодой в Бразилии, азиатской плодовой мухой и высокими ценами.*

В то же время, коннотация следующих контекстов очень сильно зависит от идеологической позиции исследователя (об этом подробнее см.: [5]):

[schlecht] : schlechten : 14704 : Doch der Jubiläums-Gipfel steht unter schlechten Vorzeichen – weil Trump die G7-Mitglieder nicht mehr als Partner betrachtet, sondern als Rivalen, die er bei manchen Themen unverhohlen feindselig behandelt. – Однако юбилейный саммит проходит под несчастливой звездой, поскольку Трамп видит в членах G7 не партнеров, но соперников, к которым он относится с открытой враждебностью по некоторым вопросам.

или

[schlecht] : schlechte : 9238 : Das Vertrauen in die USA sinke dadurch noch mehr und die Reaktion der Börse. – 7,9 Prozent minus in den 100 ersten Tagen – sei ein Beleg für die schlechte dem Chaos geschuldete Bilanz. – Уверенность в США падает еще больше, и реакция фондового рынка – падение на 7,9 % за первые 100 дней – свидетельствует об отсутствии равновесия из-за хаоса.

Оба политических контекста могут восприниматься катастрофически с позиции затронутых стран, однако с точки зрения их оппонентов новости выглядят более, чем положительно.

Приведенные примеры показывают, что сентимент-анализ новостных текстов с помощью оценочных значений отдельных лексем, внесенных в тональный словарь, не может показать удовлетворительный результат.

Не секрет, что сегодня лингвисты часто обращаются к системам генеративного искусственного интеллекта [6; 7; 8]. Экспериментально мы сформировали запрос к бесплатной версии ChatGPT4, поставив задачу оценить тональность последних двух примеров.

Первый пример был оценен как «явно негативный», второй также как «явно негативный», причем еще в большей степени. Чат комментирует свои решения, откуда становится понятно, что оценка идет по совокупности факторов и в их взаимодействии, хотя заметно, что оцениваются достаточно часто употребляемые словосочетания, которые уже имеют характер клише (например, «падение на n %», «плохое знамение», «доверие падает» и пр.). Как и в случае с тональным словарем, чат обращается к некоторым данным, в данном случае – к «опыту» своей большой языковой модели. Характер ответа напрямую зависит от качества обучения этой модели и наполнения языкового массива, который составлял учебный материал.

Заключим, что оба описанных подхода имеют свои ограничения. Простая оценка контекста по сумме коннотативных значений отдельных лексем уступает в точности работы генеративному искусственному интеллекту, который оценивает словосочетания и умеет распознавать различные значения отдельных лексем. Вместе с тем общедоступные чаты являются, по сути, «черными ящиками», поскольку большинству пользователей неизвестно, на

каком языковом материале они обучались и как конкретно они работают. В обоих указанных случаях не учитывается идеологический компонент, задающий аксиологические доминанты, без которых адекватная оценка новостных текстов невозможна.

На наш взгляд, для качественного сентимент-анализа СМИ необходимо создавать специализированные большие языковые модели (например, трансформеры), обученные с учетом целеполагания порученной им работы, что является логичной перспективой нашего исследования.

Список литературы

1. *Большакова И.А., Лагутина К.В.* Автоматическая классификация текстов на русском языке с помощью тонального словаря // Заметки по информатике и математике: сб. науч. ст. Вып. 14. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2022. С. 6–13. EDN DUONEM.

2. *Гончаров А.Р., Лысенкова С.А.* Метод моделирования оценки слов респондентом для прогноза силы тональности элементов в тональном словаре // Вестник кибернетики. 2024. Т. 23. № 2. С. 31–38. DOI 10.35266/1999-7604-2024-2-4. EDN VRRSNP.

3. *Горожанов А.И.* Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11(892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

4. *Горожанов А.И.* Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам spaCy, коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL.

5. *Денисова Г.В., Гусейнова И.А., Горожанов А.И.* Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023-2024 гг.) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405. EDN PJWEBZ.

6. *Каминченко Д.И.* Предвыборная гонка в США 2024 года через «оптику» искусственного интеллекта: особенности «восприятия» Дональда Трампа и Камалы Харрис // Информационное общество. 2025. № 2. С. 75–87. DOI 10.52605/16059921_2025_02_75. EDN UHYNPG.

7. *Фуфаева И.В., Згировская О.Г.* Неологизмы – названия профессий в русском языке: системный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 1. С. 42–55. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.1.4. EDN CBSJEJ.

8. *Юрьев Р.Н., Бессмертный И.А., Груздева А.С.* Метрики качества юридических текстов // Экономика. Право. Инновации. 2024. № 2. С. 81–93. DOI 10.17586/2713-1874-2024-2-81-93. EDN STKFUS.

SENTIMENT ANALYSIS OF NEWS TEXTS: TO THE ISSUE OF CHOOSING TECHNICAL SOLUTIONS

A.I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow

The paper is devoted to the consideration of the problem of analyzing the tonality of news texts using modern software. Using the material of the balanced linguistic corpus of the largest regional newspaper in Germany “Westdeutsche Allgemeine Zeitung”, sentiment analysis is critically examined, based on the dictionaries of tonality and using generative artificial intelligence technologies. A conclusion is made about the imperfection of the considered methods due to the opacity of processes and the lack of consideration of the ideological component.

Key words: applied linguistics, sentiment analysis, dictionary of tonality, generative artificial intelligence, news texts, Westdeutsche Allgemeine Zeitung, ideological component.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ОЛЬФАКТОРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Д.Э. Даньковская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается структура и объём ольфакторной составляющей в художественном тексте. Делается вывод, что ольфакторная составляющая художественного текста – сложный и многоплановый компонент, который несёт в себе информационную и символическую функции. Анализ проведён на материале пьесы Ноэля Кауарда «Сенная лихорадка».

Ключевые слова: ольфакторная составляющая, концепт «запах».

Художественный текст представляет собой сложное и многослойное произведение, которое можно анализировать с самых разных перспектив. Рассматриваются темп повествования, анализируется описание персонажей и их действия, речь, и т.д. Символика цвета, к примеру, также широко исследуется учёными-лингвистами [1]. В связи с этим представляется интересным рассмотреть ольфакторную составляющую текста как по-своему значимый семантический срез.

В связи с многосоставностью ольфакторной системы в целом, которая «является многоплановой структурой и имеет достаточно сложное устройство» [3, с.98], ольфакторная составляющая текста также видится многоплановой. Помимо этого, она тесно связана с концептом «запах» [2].

На примере пьесы «Сенная лихорадка» (*Hay Fever*) мы можем рассмотреть ольфакторный ландшафт пьесы – иными словами, чем «пахнет» пьеса, а также кто, что и как в ней пахнет. Проанализировав это, мы также можем сделать предположения о значимости ольфакторного слоя текста: о его композиционной, символической и иной значимости.

Пьеса «Сенная лихорадка» (*Hay Fever*) была написана в 1924 году британским драматургом Ноэлем Кауардом (*Noël Coward*). Пьеса состоит из 3 актов, в ней 9 действующих лиц: семья Блиссов (Джудит, Дэвид, а также их дети Сорел и Саймон), их служанка Клара, а также 4 гостя: Майра Арундель, Ричард Грейтхем, Джеки Коритон, Сэнди Тайрелл.

Анализируя репрезентацию ольфакторного пространства в пьесе, мы сталкиваемся с особенностями данного типа текста. Во-первых, он состоит из реплик действующих лиц и авторских ремарок. Во-вторых, выбор подходящих контекстов обусловлен необходимостью предварительного анализа материала. Основываясь на понятии «обонятельная ситуация», введённом А.А. Колупаевой [2], мы отобрали контексты, где присутствуют источники интенсивного запаха.

Все контексты употребления представлены в таблице в порядке появления в тексте с указанием страницы. В левой колонке расположены авторские ремарки, в правой – реплики персонажей. Если в контексте представлены как ремарки, так и реплики, такой контекст помещён в объединённую строку.

Таблица 1. Контексты с участием ольфакторной составляющей.

I акт	
p.11 SOREL. (<i>lights cigarette</i>)	
p.12 SIMON. (<i>goes to piano and <u>lights cigarette</u></i>)	
p.14 (<i>Enter JUDITH from the garden. <u>She is carrying an armful of flowers and wearing a tea-gown, a large garden hat, gauntlet gloves and galoshes.</u></i>)	
p.23 JUDITH. <u>Give me another of those disgusting cigarettes –</u> (SIMON rises and goes to piano – <u>quickly takes cigarette.</u>) I don't know where they came from. (JUDITH rises and goes center. SIMON moves center and <u>gives JUDITH cigarette.</u>) SIMON. Here! (<u>He lights it for her</u>)	
	p.29 JUDITH. It's this garden hat. I'll take it off. (<i>She does so and puts it on the table behind sofa.</i>) There! <u>I've been</u>

	painting the calceolarias.
p.30 JUDITH. Do I? <u>Give me a cigarette.</u> (<i>He takes cigarette from box on table and gives it to her.</i>)	
p.32 (<i>She goes off. MYRA makes a slight grimace after her, then she help herself to a cigarette and wanders to piano.</i>)	
	p.35 SIMON. (<i>catching her hand and kissing it</i>) <u>You smell beautiful! What is it?</u> MYRA. <u>Borgia of Rosine.</u>
p.39 RICHARD. (<i>takes cigarette case out of his pocket</i>) Do you mind if I smoke?	
p.40 (RICHARD lights his cigarette)	
II акт	
p.49 (MYRA rises and crosses to table behind sofa, takes cigarette and lights it.)	
p.50 SOREL. (<i>to JUDITH</i>) <u>Go and take a flower out of that vase and give it to Richard.</u> JUDITH. Very well. (<i>She trips lightly over to the vase on piano, gurgling with coy laughter, selects a flower, then goes over to RICHARD: pursing her lips into a mock smile, she gives him the flower with a little girlish gasp at her own daring and wags her finger archly at him, and returns to her seat. RICHARD puts the flower on sofa table and sits again.</i>)	
p.51 SOREL. It doesn't matter. (<i>to RICHARD</i>) <u>Light a cigarette</u> in the manner of the word. (RICHARD rises.) RICHARD. (<i>takes cigarette from box on sofa table</i>) I've forgotten what it is. JUDITH. (<i>grimacing at him violently</i>) You remember... RICHARD. Oh, yes. <i>He goes to SOREL center and proceeds to light a cigarette with great abandon, winking his eye and chucking SOREL under the chin, then looks round panic-stricken.</i>)	
p.58 JUDITH. I'm awfully glad. <u>Will you give me a cigarette?</u> RICHARD. (<i>producing case</i>) Certainly. JUDITH. (<i>taking one</i>) Oh, what a divine case! RICHARD. It was given to me in Japan three years ago. All those little designs mean things. JUDITH (<i>bending over it</i>) What sort of things? RICHARD. (<i>lights her cigarette</i>)	
III акт	
ольфакторная составляющая не представлена	

В пьесе найдено 14 контекстов, из них 6 – в связке ремарка–реплика (одна или несколько). Отдельных ремарок больше, чем отдельных реплик (6 ремарок против 2 реплик или диалогов). В найденных контекстах присутствует лишь 6 персонажей из 9, больше всех – Джудит Блисс (7 контекстов). В I акте представлено 10 контекстов, во II акте – 4, в третьем – ни одного.

В качестве источника запаха мы видим сигареты (10 контекстов), цветы (3 контекста) и духи (1 контекст). Источники запаха не пересекаются в контекстах – каждый контекст связан лишь с одним источником.

Обонятельные ситуации, представленные в тексте, мы можем разделить на реальные и условные. Реальные – запах, который воспроизвести возможно, т.к. для этого достаточно информации в тексте. В данном тексте это исключительно ситуации курения персонажей. Как мы видим из частотности, описанной в предыдущем абзаце, курение – действительно значимая часть повествования, притом большинство «младших» персонажей (дети Блиссов и гости) закуривают сами, что отражается в авторских ремарках, тогда как Джудит Блисс через курение активно взаимодействует с остальными, обращаясь к ним за сигаретой. Все обонятельные ситуации, где присутствуют цветы, мы можем отнести к условным, т.к. нигде нет указаний на то, какие конкретные цветы, например, принесла Джудит из сада (р. 14). В ситуации, где Джудит упоминает, что пишет кальцеоларии (р. 29), их нет в самой сцене, они находятся в саду, куда не выходит действие пьесы.

Отдельный интерес представляет диалог, где Саймон восклицает, как прекрасно пахнет Майра и спрашивает, что это (*You smell beautiful! What is it?*). Майра отвечает, что это духи «Борджиа» от парфюмерного дома *Rosine (Borgia of Rosine)*. Далее Саймон восклицает «Как уместно!» (*How appropriate!*) (р. 35), что, скорее всего, имеет символический смысл: мы видим проводимую Саймоном параллель между скандально известным родом Борджиа, в честь которого назван парфюм Майры, и взбалмошным семейством Блиссов, в чьем доме разворачивается действие пьесы. К сожалению, на 2025 год в открытых источниках не удалось найти информацию о парфюмерном профиле аромата, в связи с чем мы относим данный контекст к условной обонятельной ситуации. Тем не менее, несмотря на утрату части информации, данный контекст всё ещё важен для символизма пьесы. Здесь мы можем сделать вывод о символическом потенциале парфюма в повествовании.

Исходя из анализа текста, мы видим, что ольфакторная составляющая – действительно сложный и многоплановый компонент текста, который несёт в себе информационную и символическую функции.

Список литературы

1. Иванова А.Р. Символика цвета в романе Тони Моррисон “The Bluest Eye” // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 243–246.

2. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: ТГУ, 2009. 23 с.

3. Сахно А.А. Когнитивно-семиотический аспект запаха // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 98–102.

Источники

Coward N. Hay Fever. Los Angeles: Samuel French, 2014. 100 p.

FEATURES OF THE OLFACTORY COMPONENT OF FICTION

D.E. Dankovskaya

Kuban State University, Krasnodar

This article analyzes the structure and the volume of the olfactory component in fiction. A conclusion is made that the olfactory component in fiction is complex and multidimensional and carries informational and symbolic function. The analysis has been made based off the play *Hay Fever* by Noël Coward.

Key words: olfactory component, concept of smell.

УДК 81'373:398

ГЕНЕРАТИВНО-ПОРОЖДАЮЩИЙ ЭФФЕКТ СВЯЗИ ОБРАЗНЫХ ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ С ФОЛЬКЛОРНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В «ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

С.И. Доброва

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Статья посвящена изучению эволюции связи образных параллелизмов с фольклорными фразеологизмами. На материале «Пословиц и поговорок русского народа» В.И. Даля показано, что генеративно-порождающий эффект исследуемого феномена проявляется в высокой степени продуцирующей (образопорождающей) способности биномов, рядов и блоков как матриц структурообразования и развития образных параллелизмов.

Ключевые слова: фольклор, пословица, образный параллелизм, устойчивый словесный комплекс (фольклорный фразеологизм), биномы, ряды, блоки.

В современной сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористике не теряет своей значимости суждение А.Т. Хроленко о том, что «фразеология русского фольклора – явление настолько своеобразное, что оно привлекает к себе внимание при первом же обращении к народно-поэтической речи» [20, с. 5]. Актуальность исследования обусловлена отсутствием «цельной концепции народно-поэтической фразеологии» [21, с. 13], значимым шагом к созданию которой является определение направлений

исследования связи образных параллелизмов с фольклорными фразеологизмами, изучение ее генеративно-порождающего эффекта с учетом общефольклорных и жанрово обусловленных тенденций на материале обширных фактических данных разных жанров русского фольклора и детального изучения отдельных жанров, что и обуславливает цель настоящей работы.

Материалом исследования послужило авторитетное в научном отношении и обладающее исключительной историко-культурной ценностью собрание «Пословиц и поговорок русского народа» В.И. Даля (Даль 1879; 2000).

Образный параллелизм (ОП) (др.-греч. *παράλληλισμος* – соположение) – композиционный принцип сопоставления на основе содержательного сходства образов макро- и микромиров, которое формируется в сознании человека на базе ассоциативных связей образных представлений, объединенных общей гипертемой, и получает выражение в текстах с бинарной структурой с целью умножения культурных смыслов. ОП – образы **разных** миров, воплощающие **один** культурный смысл. Объем частей варьируется от биномов до полиномов.

Генетически **первичное имплицитное** выражение гипертемы визуализирует симметрию **бинарного** ОП. Гипертема (*фольклорный персонаж*) устанавливает ассоциативную связь между символом (*лебёдушка, полынь*) и символизируемым (*чужая жена, своя жена*): «*Чужая жена – лебёдушка, своя – полынь горькая*» (Даль 2000, с. 182). Генетически **вторичное эксплицитное** выражение гипертемы визуализирует сущностную асимметрию **троичного** ОП. Гипертема (*что к чему покорно*) устанавливает ассоциативную связь между символом (*щи к пирогу, хлеб к молоку*) и символизируемым (*баба к мужику, девка к парню*): «**Что к чему покорно:** *щи к пирогу, хлеб к молоку, баба к мужику, девка к парню*» (Даль 2000, с. 305). Выявлена **сущностная константная троичность ОП** в составе имплицитной или эксплицитной гипертемы и двух ее образных воплощений – символа и символизируемого.

В контексте истории вопроса [8, с. 455–456; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15] обозначенный научный подход объективирует **три направления** изучения связи ОП с устойчивыми словесными комплексами (УСК), или фольклорными фразеологизмами: детализирован формульно-фразеологический статус ОП как объекта фразеологии фольклора; УСК квалифицированы как матрицы структурообразования ОП; определен статус включения в состав ОП разных УСК.

ОП как стабильное лексико-синтаксическое построение [18; 19] характеризуется двойственной природой и имеет **формульно-фразеологический статус** устойчивых выражений (фразеологических формул), которые одновременно являются и фразеологизмами, и формулами: **конституируются** на основе устойчивых словесных комплексов, а **функционируют** как фольклорные формулы, структурные (конструктивные) типовые образцы. Подобно фразеологизмам, ОП характеризуются устойчивостью компонентного состава, константностью и известной обобщенностью гипертемы (инвариантного культурного смысла как своеобразного аналога феномена лексикализации), воспроизводимостью в

качестве готовых структурных сущностно и константно троичных единиц в составе гипертемы и двух ее образных воплощений (символа и символизируемого). Подобно синтаксически свободным построениям, ОП лишены семантической неразложимости компонентов сопоставляемых частей, конституируются, как правило, на основе предикативных единиц, и, следовательно, выражают не отдельное понятие, а целое суждение, что в определенном смысле лишает их признаков лексикализации. Устойчивость компонентного состава и константная сущностная воспроизводимость троичного устройства делает образные параллелизмы сопоставимыми с особой группой фразеологических единиц, которые Н.М. Шанский квалифицировал как фразеологические выражения [22; 1, с. 24].

Генеративно-порождающий эволюционный эффект связи ОП и УСК обусловлен корреляцией фразеологизмов как явления языка, фольклорных фразеологизмов и ОП как фразеологических формул (resp. формульно-фразеологических устойчивых выражений). **Устойчивость и несвобода** сочетаемости слов и словесных значений определяются **во фразеологизмах как явлении языка**, выступающем, по словам О. Есперсена, в виде «готовых к употреблению формул» [14, с. 16], внутриязыковыми ограничениями в лексико-синтаксической системе языка, в **фольклорных фразеологизмах** обусловлены экстралингвистическими причинами связи с традицией [16, с. 23]: формулы отображают устойчивые отношения внеязыковой действительности – рядоположенные «по природе» взаимоотношения предметов и состояний, в том числе макро- и микромиров, во **фразеологических формулах ОП** части рядоположены не только «по природе», но и «по ментальной потребности» образного сопоставления предметов и состояний. Параллельная формула как «органическая клетка живой традиции» **принципиально открыта** и представляет неисчерпаемый «импульс возможностей, открытый класс реализаций» [16, с. 13–15].

Генеративно-порождающий эффект связи ОП и УСК получает выражение в высокой степени **продуцирующей (образопорождающей) способности** всех УСК как матриц структурообразования и эволюции ОП [2; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Устойчивый словесный комплекс, или **фольклорный фразеологизм**, – устойчивый фрагмент текста, обладающий константными элементами, не связанный с конкретным сюжетом и повторяющийся в разных по тематике текстах. Разграничены **три типа УСК**: биномы, ряды и блоки [20]. **Биномы** порождают ОП-биномы [6], троичный ОП [10], параллелизмы с образным уподоблением [5]. **Ряды** формируют ОП в составе счетных рядов [9], ОП-перечни (полиномы) [7; 12]. **Блоки** создают блочные конструкции ОП [13].

I. Бином – линейный (синтагматически организованный) тип УСК, парные компоненты которого объединены подчинительной или параллельной синтаксической связью и расположены в пределах одной строки. Разграничены атрибутивные пары (конструкции с эпитетами-прилагательными и приложениями); сопряженные пары (репрезентативные и синонимические).

Атрибутивные пары конструкций с приложениями (*девица-красавица*) и сопряженные репрезентативные пары (*отец-мать*) являются матрицами ОП и продуцируемых на его основе символических параллельных построений.

Образный параллелизм-бином «природа (макрокосм) – человек (микрокосм)» – реализующая принцип отождествления реалий структурно-семантическая модификация, компоненты которой (слова и/или словосочетания) объединены параллельной синтаксической связью и отражают совокупность двух равновеликих, функционально взаимонезависимых, не обладающих естественной смежностью и представляющих разные макро- и микромиры денотатов, которые на уровне культурного смысла представляют одно понятие высшего порядка в его многовариантном воплощении на материале образов разных миров с целью умножения культурного смысла.

Композиционные части ОП-биномов, представленные однословными конструкциями, манифестируются на материале образов разных миров: **макро- и микромиров** «*Наше счастье – дождь да ненастье*» (Даль 2000, с. 34), с образами сверхъестественного мира «*Наличные денежки – колдунчики*» (Даль 1879, I, с. 67), православного мира «*Бог – старый чудотворец*» (Даль 1879, I, с. 4); **макромиров** «*У бога-света с начала света все dospeto*» (Даль 2000, с. 24); **микромиров** «*Курчавый волос – кудрявые мысли*» (Даль 2000, с. 164).

Символическая (макрокосмическая) и реальная (микрокосмическая) части в ОП отличаются свободой локализации: с препозицией символической части «*Москва – всем городам мать*» (Даль 2000, с. 169); с препозицией реальной части «*Бабы сборы – гусиный век*» (Даль 2000, с. 173).

ОП-биномы представлены в **положительной** «*Келья – гроб*» (Даль 2000, с. 26) и **отрицательной** «*Судьба не авоська*» (Даль 2000, с. 34) **модификациях**.

Выявлены ОП-биномы **без объективации грамматических средств сопоставления** образов параллельных миров: «*Господня воля – наша доля*» (Даль 1879, I, с. 5) и с их объективацией: симметричным вводом средств связи в обе части «*Такова доля, что Божья воля*» (Даль 1879, I, с. 35), с асимметрией ввода средств связи в одну из частей «*Счастье, что палка*» (Даль 1879, I, с. 56).

ОП-бином равен по объему пословице: «*Наше счастье – вода в бредне*» (Даль 2000, с. 34) или составляет ее часть: «*Плачься богу, а слёзы – вода*» (Даль 2000, с. 25).

В пословицах ОП-биномы функционально представляют прежде всего **актантные компоненты ОП**: «*Лишние деньги – лишние заботы*» (Даль 1879, I, с. 68); реже – **атрибутивные компоненты**: «*Убогий – что уродливый*» (Даль 1879, I, с. 73). Когда компоненты биномов вводятся с учетом их предложно-падежных форм, ОП репрезентирует **периферийные обстоятельственные компоненты**: «*Как при пире, при беседе – много друзей*» (Даль 2000, с. 292).

ОП-биномы разграничены в «**чистой**» и **амплифицированной модификациях**. ОП-биномы в структурно не осложненном воплощении демонстрируют «точный» параллелизм [17, с. 37]: каждому элементу первой части семантически, морфологически и синтаксически соответствует аналогичный элемент второй: «*Муж – голова, жена – душа*» (Даль 2000, с. 182).

Ведущим инструментом морфогенеза ОП является **амплификация** (лат. *amplificatio* – увеличение) объема его частей и их компонентного состава [2]. Выявлены разнообразные модели амплификации ОП-бинома.

Симметричные построения отличаются типологическим, структурным и позиционным тождеством способов развития компонентного состава частей: в сочетании с повтором «*Бог богом, а люди людьми*» (Даль 1879, I, с. 7); в отрицательной версии «*Курица не птица, а баба не человек*» (Даль 2000, с. 173).

Асимметричные построения не отличаются типологическим, структурным и позиционным тождеством способов развития компонентного состава частей. Амплификации подвергается одна из частей: левая параллель «*Дождь на молодых – счастье*» (Даль 2000, с. 389); правая параллель «*Искусство – половина святости. Уменьше – половина спасенья*» (Даль 1879, I, с. 22); с указанием вариантов одной из частей «*Молитва – полпути к богу (или: ко спасению)*» (Даль 1879, I, с. 7); с сочетанием разных вариантов «*Чужая жена – лебёдушка, своя – полынь горькая*» (Даль 2000, с. 182). Части амплифицируются по разным моделям: «*Брови нависли – злоба (дума) на мысли*» (Даль 2000, с. 164); вводом двух образов в одну из частей «*Муж да жена – одна душа*» (Даль 2000, с. 182); «*Москва – кому мать, кому мачеха*» (Даль 2000, с. 170).

ОП-бином развивает высокую степень **продуцирующей способности**. В результате его эволюции формируются структурно-семантические модификации ОП, в состав которых входит бином: троичный ОП [10, с. 15–19] и параллелизм с образным уподоблением [5, с. 73–98].

Троичный ОП манифестируется на основе ОП-бинома путем развития у него третьей компоненты и в пословицах зафиксирован в единичных примерах: «Ой вы, *матери-килейницы, сухопарыя сидидомицы!*» (Даль 2000, с. 30); «*Соловей – птичка невеличка*, а заголосит, так лес дрожит» (Даль 2000, с. 251).

Параллелизм с образным уподоблением формируется на основе ОП-бинома путем развития у него интерпретирующей и/или комментирующей части, в которой представлена характеристика общих для субъекта и объекта признаков как содержательной основы уподобления. Организует **пословичный текст в целом** и представлен большим количеством модификаций.

По характеру соотношения миров разграничены параллелизмы с уподоблением **образов макро- и микромиров**: «*Бог не свой брат, не увернёшься*» (Даль 1879, I, с. 6); **образов макромиров**: «*Денежка не бог, а бережёт (или: а милует)*» (Даль 1879, I, с. 66); **образов микромиров**: «*Сердце вещун: чует и добро и худо*» (Даль 2000, с. 64).

Параллелизм с образным уподоблением дифференцирован в **положительной и отрицательной модификациях**. В **положительной модификации** не содержит отрицания ни в одной из своих частей: «*Товар – работник: лежа, на себя наедает*» (Даль 1879, II, с. 7), формируется посредством атрибутивного ОП-бинома «*Убогий – что уродливый: что есть, то и носит*» (Даль 1879, I, с. 73). В **отрицательной модификации** содержит отрицание в границах как параллелизма-бинома, так и интерпретирующей и/или комментирующей его части. Субъект уподобления в границах параллелизма-бинома не содержит

отрицания. Объект уподобления в параллелизме-биноме и один или два компонента интерпретирующей и/или комментирующей части репрезентированы с отрицательной частицей *не*. Содержательные основания бинома образных представлений являются общими у субъекта и объекта уподобления, но в одном из них реализуются, а в другом отрицаются: «*Талан – не туман, не мимо идёт*» (Даль 2000, с. 32); «*Грехи не пироги: пережевав, не проглотить*» (Даль 2000, с. 111); «*Берёза не угроза: где стоит, там и шумит*» (Даль 2000, с. 120). Субъект и объект в биноме не содержат отрицания. Компоненты интерпретирующей части представлены в сочетании с частицей *не*: «*Горе – что море: не переплыть, не выплакать*» (Даль 1879, I, с. 153).

Параллелизм с образным уподоблением разграничен **без экспликации средств уподобления**: «*Закон – дышло: куда хочешь, туда и воротишь*» (Даль 2000, с. 89) и **с экспликацией средств уподобления**: в положительной модификации «*Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит*» (Даль 2000, с. 173); в отрицательной модификации «*Бог не как свой брат, скорее поможет (или: проси, так поможет)*» (Даль 1879, I, с. 2). В качестве **средств экспликации уподобления образов** выступают подчинительные союзы *что, как* и др., реже – компаративы. Субъект и объект уподобления представлены **компонентами с обстоятельственным значением** и выражены тождественными грамматическими формами имен существительных в форме косвенного падежа: «*Из суда – что из пруда: сух не выйдешь*» (Даль 2000, с. 89). Субъект и объект уподобления представлены **компонентами с объектным и обстоятельственным значением** и выражены нетождественными грамматическими формами имен существительных, объективирующими нетождественный характер образов параллельных миров: «*На меня, что в яму: все валится*» (Даль 1879, I, с. 35). Модификации **без экспликации и с экспликацией** средств уподобления интегрированы в одном тексте: «*Деньги прах, а животы – что голуби: где поведутся*» (Даль 1879, I, с. 81).

Параллелизм с образным уподоблением разграничен **в его «чистой» и амплифицированной модификациях**.

«**Чистый**» параллелизм с образным уподоблением не осложнен амплификацией частей бинома. **В положительной модификации**: «*Торг – яма: стой прямо!*» (Даль 1879, II, с. 8), реализуется с экспликацией средств уподобления: «*Горе, что годы: бороздки прокладывает*» (Даль 1879, I, с. 145); **в отрицательной модификации**: «*Грязь не сало: потёр, оно и отстало*» (Даль 2000, с. 78).

Амплификация параллелизма с образным уподоблением отражает развитие ОП и осуществляется по **четырем основным векторам**.

Первый вектор амплификации представлен асимметричными и симметричными моделями распространения одной или двух частей бинома.

Асимметричные модели амплификации частей бинома в параллелизме с образным уподоблением характеризуются амплификацией субъекта или объекта уподобления. Асимметричная амплификация компонентов бинома реализуется на материале **левой субъектной части бинома**: «*Его ласка не*

коляска: не сядешь, да не поедешь» (Даль 2000: 66), посредством уточнения номинации «Лжа (ложь), что ржа: тлит» (Даль 2000: 99), ввода вариантов «Жених (Невеста) что лошадь: товар темный» (Даль 2000: 385). Амплификация **правой объектной части бинорма** характеризуется частотностью: «Политика – тухлое яйцо (неосторожно разобьёшь, так одна только вонь. Суворов)» (Даль 1879, II, с. 186), с уточнением номинации объекта: «Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются» (Даль 1879, I, с. 63), с союзом или: «Бог не Макеиш (или: Мокоиш, языческое божество), чем-нибудь да потешит» (Даль 1879, I, с. 4).

Симметричные модели представлены амплификацией субъекта и объекта посредством их распространения согласованным определением: «Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь» (Даль 2000, с. 198); с вводом в одну из частей вариантов компонента с атрибутивной семантикой: «Горе наше – ржаная (или: гречневая) каша, а поел бы и такой, да нет никакой» (Даль 1879, I, с. 73); с лексическим повтором атрибутивного компонента, актуализирующего сходные признаки образов разных миров: «Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца» (Даль 1879, I, с. 439). При нетождественной амплификации субъекта и объекта формируется псевдосимметрия частей: «Счастье без ума – дырявая сума (что найдёшь, и то потеряешь)» (Даль 1879, I, с. 44).

«Разрастание» компонентного состава субъекта и объекта уподобления формирует развернутые многокомпонентные образные параллели: «Овца руно растит, а скупой деньги копит – не про себя» (Даль 1879, I, с. 104).

Второй вектор представлен распространением интерпретирующей и/или комментирующей части. Генетическую основу амплификации составляет вариативность интерпретирующей и/или комментирующей части при тождественном параллелизме-бинорме: «Ночь матка: всё гладко» (Даль 1879, I, с. 180) – «Ночь матка – выплещись, где гладко» (Даль 1879, I, с. 675).

Интерпретирующая часть выражена однословной конструкцией: «Лжа (ложь), что ржа: тлит» (Даль 2000, с. 99). Распространение интерпретирующей части выявляется при сопоставлении текстов: «Торг – яма: стой прямо!» – «Торг – яма: стой прямо; берегись, не ввались; упадёшь – пропадёшь» (Даль 1879, II, с. 8).

В пословицах параллелизм с образным уподоблением в положительной или отрицательной модификации сопровождается дополнительным комментарием интерпретирующей части посредством союзов *то есть*, *или*, словами *и пр.*, уточнением, о ком идет речь (*о вдовце*): «Земля – тарелка: что положишь, то и возмёшь» (*т.е. каково обрабатываешь, сколько нажёму, каковы семена и пр.*)» (Даль 2000, с. 452); «Бог не мужик (*т.е. не обидит*): бабу отымет, а девку даст (*о вдовце*)» (Даль 1879, I, с. 3); «Человек не грибок, в день не вырастет (*или: не растет под дожджик*)» (Даль 2000, с. 161). Амплификации подвергается сегмент интерпретирующей части: «Брюхо не зеркало: что проглотил (что попало), то и чисто» (Даль 1879, II, с. 480).

Третий вектор амплификации представлен распространением одной из частей бинорма и интерпретирующей и/или комментирующей части: «Бог не как

свой брат, скорее поможет (или: проси, так поможет)» (Даль 1879, I, с. 2) и др.

Четвертый вектор представлен **амплификацией компонентного состава ОП**, которая осуществляется **вводом двух объектов уподобления** или **вводом двух параллельных построений**. Параллелизм с **вводом двух объектов уподобления** представлен тремя типами амплификации состава частей. 1) **Вводом в каждую часть бинома парного образа**: *«Мы с тобой, что рыба с водой: я на лед, а ты под лед»* (Даль 1879, II, с. 356). 2) **Вводом двух биномов, объединенных общей интерпретирующей частью**: *«Ночь, как день; дорога, как скатерть – садись да катись!»* (Даль 2000, с. 147). В двух биномах представлен одинаковый объект (вода) *«Деньги что вода. Богатство – вода: пришла и ушла»* (Даль 1879, I, с. 71). 3) **Вводом парного образа в одну из частей бинома**: в левой субъектной части *«Горох да репа – завидное дело: кто ни идёт, урвёт»* (Даль 1879, I, с. 165); в правой объектной части *«Денежка – молитва, что острая бритва (т.е. все грехи сбреет)»* (Даль 1879, I, с. 67).

Параллелизм с образным уподоблением разграничен **в его полной и редуцированной модификациях**. Выделены параллелизмы с образным уподоблением, в составе бинома которых эксплицирован только объект уподобления. Отсутствие картины из мира человека (субъекта) не нарушает целостного восприятия пословицы. Субъект уподобления подразумевается «по умолчанию» (условное обозначение < >): *«<Субъект уподобления> Как собака, на сене лежит: и сама не ест и другим не даёт»* (Даль 1879, I, с. 105).

Параллелизм с образным уподоблением разграничен **в его эксплицитной и имплицитной модификациях**. **Имплицитный** параллелизм с образным уподоблением объективируется при сопоставлении разных фольклорных текстов и определяется **по опорному (общему, стержневому) компоненту**. В качестве опорных выступают субъект, объект уподобления, интерпретирующая и/или комментирующая часть, в ряде случаев в сочетании друг с другом. Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления *«корова – вдова, обидчик»* формируется при опорном **макрокосмическом субъекте «казна»**: *«Казна шатущая корова: не доит её ленивый»* (Даль 1879, I, с. 285); *«Казна – не убогая вдова: её не оберёшь»* (Даль 1879, I, с. 285). Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления *«волк – багор – кислая муница»* формируется при опорном **микрокосмическом субъекте «солдат»**: *«Солдат, как волк: где попало, там и рвёт»* (Даль 2000, с. 355); *«Солдат – багор: что зацепил, то и потащил»* (Даль 2000, с. 355); *«Солдат, что багор: зацепил, потащил; сорвалось – не удалось»* (Даль 2000, с. 355); *«Солдат – кислая муница (дразнят гарнизонных)»* (Даль 2000, с. 355). Параллелизм макро- и микрокосмических субъектов уподобления *«денежки – животы»* формируется при опорном **макрокосмическом объекте «голуби»**: *«Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся»* (Даль 1879, I, с. 81); *«Животы – что голуби: где хотят, там и сидят»* (Даль 1879: I, с. 81). Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления *«кляча – попович»* формируется при опорном **микрокосмическом субъекте «удача»**: *«Удача – кляча: садись да*

скачи (или: скачи да кричи)» – «Удача – попович, просвирин сын (т. е. редкий удается)» (Даль 1879, I, с. 57). Параллелизм макрообъектов уподобления «палка – кляп» формируется двумя опорными компонентами – общим микрокосмическим субъектом «счастье» и общей интерпретирующей частью «в руки не возьмешь»: «Счастье не палка, в руки не возьмёшь» (Даль 1879, I, с. 56); «Счастье не кляп: в руки не возьмешь» (Даль 2000, с. 39–40).

В составе параллелизма с образным уподоблением бином является структурной основой для формирования **звукосимволического ОП** [3]: «Жена да муж – змея да уж (т.е. одна порода, заодно)» (Даль 2000, с. 182); также в результате связи бинома с интерпретирующей и комментирующей частями: «Бог не Никитка, повыломает лытки (т.е. накажет)» (Даль 2000, с. 25).

II. Ряд – вертикальный (нелинейный) тип УСК, представляющий группу слов одной части речи и одного лексико-семантического поля, в том числе с учетом их соотнесенности с гипертемой конструкции, которые расположены в смежных стихах (строках) и объединяют их.

Ассоциативные ряды (АР) (существительных, прилагательных, числительных, глаголов) и счетные ряды являются матрицами ОП.

АР существительных являются матрицами ОП-полиномов с собственно номинативными перечнями: параллелизм локусов в комбинации с вариативной частью: «Мой талант пошел по горам (или: пошел по рукам)» (Даль 1879, I, с. 35). В формуле заместительного обмена объектами [8]: «Не кидается девица на цветное платье, кидается девица на ясного сокола» (Даль 2000, с. 346).

АР прилагательных организуют ОП-полиномы с атрибутивными перечнями: «И стыдливый кусочек (т. е. последний) до поры лежит» (Даль 2000, с. 162).

АР глаголов являются матрицами ОП-полиномов с акциональными перечнями: «Родившая девка должна покрыть голову – покрыть грех» (Даль 1879, I, с. 16).

ОП в составе **АР числительных** свидетельствуют о развитии выявленных А.Т. Хроленко [20] фразеомоделей и их компонентного состава.

Модели АР числительных, где n – количественное числительное, n' – порядковое числительное, а также компоненты с квантитативным значением, разнообразно представлены в пословицах и поговорках.

Фразеомодель (1) $[n/n]$. Фразеомодель «семь – семь» «Служил **семь** лет, выслужил **семь** реп (прибавка: да и тех нет)» (Даль 2000, с. 71); без повтора квантитативного показателя «двенадцать – двенадцать» «**Двенадцать** апостолов и колен израильских» (Даль 2000, с. 258). Фразеомодель «пять – пять» формирует имплицитный ОП «В руке **пять** перстов» – «Православная церковь о **пяти** главах» (Даль 2000, с. 258). Эволюция проявляется в образовании фразеомодели с идентичным в частях ОП, но неопределенным квантитативным показателем «сколько – столько»: «Сколько в поле пеньков, столько б вам сынков, а сколько кочек, столько б дочек» (Даль 2000, с. 382).

Фразеомодель (2) с изменением второго квантитативного показателя эволюционирует $[n/(n+1)] \rightarrow [n/(n+/-x)]$. Развитие фразеомодели с изменением (увеличением) второго квантитативного показателя проявляется в

образовании моделей с первым количественным показателем, который выражен именем существительным «*троица – четыре*»: «*Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится*» (Даль 2000, с. 258); с различным увеличением второго количественного показателя: «*три – пять*» «*Торгу на три алтына, а долгу на пять*» (Даль 2000, с. 48); «*три – семь*» «*Три бабы – базар, а семь – ярмарка*» (Даль 2000, с. 48); «*семь – семьдесят семь*» «*В семь лет перебедали семьдесят семь бед*» (Даль 2000, с. 74). Выявлены фразеомодели с разнообразным **уменьшением** второго количественного показателя [$n/(n-x)$], **при этом** [$n-x=1$]: «*пять – один*» «*Пять перстов, а все одна рука*» (Даль 2000, с. 439); «*семь – один*» «*Семь бед – один ответ*» (Даль 2000, с. 120); «*десять – один*» «*Десятью примерь, одно́ва отрежь!*» (Даль 2000, с. 324). Первый компонент редуцируется «*два/два – один*»: «*Две ноги подходят, две руки подносят, одна голова кланяется (молодые)*» (Даль 2000, с. 389).

Фразеомодель (3) [$n/(n+1)$]. Фразеомодель «*два – третий*» «*Два гриба на ложку (а третий к стеблю пристал) (о жадном госте)*» (Даль 2000, с. 39); «*пять – шестой*» «*Без пяти просвир обедни нет, а шестая в запасе*» (Даль 2000, с. 258). Первый количественный показатель репрезентируется собирательным числительным: «*двое – третий*» «*Двое дерутся, третий не мешайся!*» (Даль 2000, с. 258); «*трое – четвертый*» «*На троих приспело, а четвертый сыт*» (Даль 2000, с. 410); наречием: «*трижды – четвертый*» «*Трижды поет, а в четвертый аминь отдаёт*» (Даль 2000, с. 340).

Фразеомодель (4) [$n_{\min}/n_{\max}$]. Представлена с максимальным количественным показателем, выраженным оборотом с терминальным значением «*полтора – пятьсот – нет цены*» «*Конь под ними полтора рубля, убор на коне в пятьсот рублей, молодец-то сидит, и цены ему нет (о молодом)*» (Даль 2000, с. 389).

Счётные ряды могут быть охарактеризованы как «атрибутивные словосочетания с тенденцией наиболее частых превращений в поэтические фразеологизмы» [21, с. 71]. **Счётный ряд, организованный по формуле [$n + \text{сущ.} : n' + \text{сущ.} \dots, (n + 1)' + \text{сущ.} \dots, (n + 2)' + \text{сущ.} \dots$]**, является матрицей ОП в составе счётного ряда: «*В редьке пять еств: редечка триха, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом да редечка так*» (Даль 2000, с. 417). В пословицах представлен в усеченной версии, как правило, без сочетания количественного числительного с существительным: «*Первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание*» (Даль 2000, с. 186).

Имплицитный ОП объективирует сопоставление образов параллельных миров в сходных контекстах: с гипертемой «*судьба – терпение – надежда*» «*Не всем чернецам (или: Не всякому старцу) в изумнах быть*» (Даль 1879, I, с. 30); «*Не у всякого жена Марья – кому бог даст*» (Даль 1879, I, с. 30); «*Клад не всякому дается*» (Даль 1879, I, с. 30); «*Не каждый конь ко двору приходится*» (Даль 1879, I, с. 30); «*Не всякий прут по закону (или по заказу) гнут*» (Даль 1879, I, с. 30); «*Не все коту Масленица, будет и Великий пост*» (Даль 1879, I, с. 30).

Дистантный ОП представлен в одном тексте не в контактной позиции его частей: «*Счастье на крыльях, несчастье на костылях*» (Даль 1879, I, с. 36).

III. Блок – линейно-вертикальный тип УСК, критерием выделения которого является наличие языковых скреп, по структуре эквивалентный предложению и состоящий из ряда стихов (строк) – от одного до нескольких.

Идентификационными показателями «участия» блочного построения в организации ОП является наличие **языковой скрепы**. Фразеологический статус блоков определяется реализацией на их основе разных художественных ситуаций.

Блочные конструкции ОП типологизированы по **языковым скрепам**.

Блоки образуются параллельным или последовательным сочетанием одинаковых или разных УСК. Параллельно организованные АР существительных: «*Осла знать по ушам, медведя по когтям, а дурака по речам*» (Даль 2000, с. 347). Последовательно организованные ОП-биномы: «*Здоровье лучше (краше, дороже) богатства (богатырства)*» (Даль 2000, с. 193).

Блоки образуются амплификацией УСК. Блочное построение организуется амплификацией ОП-бинома: «*Жид крещеный, вор прощенный, враг примиреный, конь леченый, да волк кормленный*» (Даль 1879, I, с. 20); с тавтологическими биномами: «*Брат – брат, сват – сват, а денежки не родня*» (Даль 2000, с. 191).

Блоки образуются серийным воплощением УСК. ОП строится на основе серии (цепи) счетных рядов в составе блока: «*Что дом, то содом; что двор, то гомор; что улица, то блудница*» (Даль 1879, с. I, 19).

Блоки образуются сочетанием УСК со способами-моделями организации синтаксических единств: сочетанием позиционного повтора и АР существительных «*Бог – человек / душа*» в финальной позиции частей «*Человек по-своему, а бог по своему*» (Даль 1879, I, с. 3); в инициальной позиции частей «*Жив бог, жива душа моя*» (Даль 1879, I, с. 4).

Языковые скрепы блочных построений в составе ОП демонстрируют вхождение фольклорных фразеологизмов меньших по объему в фольклорные фразеологизмы большие по объему, что свидетельствует о развитии ОП.

Системное функционирование УСК как матриц ОП демонстрирует еще один важный вектор взаимодействия ОП и УСК, связанный с наличием в составе ОП классических биномов и рядов, **не являющихся** параллельными построениями с образами макро- и микромиров. Включение в одну и/или обе части ОП классических биномов и рядов **не выполняет в отношении ОП структурообразующей функции.** УСК в зависимости от наличия или отсутствия их типологического, структурного и/или позиционного тождества в частях ОП служат **инструментом синтаксически тождественной, чаще – синтаксически различной организации его частей.** Биномы – атрибутивные пары: конструкция с эпитетами-прилагательными «*Златым перстнем обручились, со грехом разлучились*» (Даль 2000, с. 29); «*Смиренье – девичье ожерелье*» (Даль 2000, с. 378); конструкция с приложением: «*Горе-горюха: хоть горько, да упивайся*» (Даль 1879, I, с. 74). Биномы – сопряженные пары: репрезентативная пара (именная, глагольная) «*Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай!*» (Даль 2000, с. 298); «*Плачь не плачь, а есть-пить надо!*» (Даль 2000, с. 410). АР существительных: «*Рогатой скотины – ухват да мутовка; дворовой птицы – сыч да ворона*» (Даль 1879, I, с. 73).

Исследование эволюции ОП на базе УСК отражает субстанциональную многослойность и поэтапное развитие семантических основ пословичного текста, отражающего значимые участки фольклорно-языковой картины мира.

Список литературы

1. *Артеменко Е.Б.* Введение в языкознание. Вып. II. Воронеж: «Транспорт», 1973. 79 с.
2. *Доброва С.И.* Амплификация образного параллелизма как инструмент концептуальной и языковой эволюции художественной формы в фольклорном тексте [электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. №2(49). С. 99–122. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4902/ (дата обращения 15.06.2025).
3. *Доброва С.И.* Звукосимволический образный параллелизм в фольклорном тексте [электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2023. Т. 16. Вып. 8. С. 2648–2655. Режим доступа. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20230414> (дата обращения 15.06.2025).
4. *Доброва С.И.* К вопросу о типологии позиционных, концентрирующих и цепных повторов в фольклорном тексте (на материале частушки) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 1(278). С. 169–175.
5. *Доброва С.И.* Параллелизмы с образным уподоблением макро- и микромиров в фольклорном тексте [электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 2(49). С. 73–98. Режим доступа. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4901/ (дата обращения 15.06.2025).
6. *Доброва С.И.* Семантика субъектного плана и типология формул параллелизмов-биномов (на материале заговорных текстов) // Известия ВГПУ. 2013. № 1(260). С. 192–198.
7. *Доброва С.И.* Семиотические основы параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 34–37.
8. *Доброва С.И.* Теория развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора: специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. 593 с.
9. *Доброва С.И.* Типология образных параллелизмов в составе счетных рядов (на материале русских народных лирических песен) [электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3(42). С. 42–59. Режим доступа. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4109/ (дата обращения 15.06.2025).
10. *Доброва С.И.* Троичный образный параллелизм в фольклорном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 2. С. 15–19.

11. *Доброва С.И.* Эволюция народного мировосприятия в художественных образах (на примерах образного параллелизма) // Традиционная культура: Научный альманах. 2007. № 2(26)/2007. С. 107–112.
12. *Доброва С.И.* Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте [электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2(45). С. 94–113. Режим доступа. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/ (дата обращения 15.06.2025).
13. *Доброва С.И., Полкова Ю.В.* Поэтическая фразеология русской народной частушки // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: материалы Всероссийского научно-практического Форума, Воронеж, 11–23 апреля 2022 г. Воронеж, 2022. С. 42–48.
14. *Есперсен О.* Философия грамматики; перевод с английского: В.В. Пассек, С.П. Сафронова; под редакцией и с предисловием Б.А. Ильиша. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
15. *Катермина В.В.* Вербализация социальных отношений в паремиологическом фонде русского языка (на материале пословиц и поговорок с компонентом «Имя собственное») // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 73–76.
16. *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 165 с.
17. *Мелетинский Е.М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 364 с.
18. *Оссовецкий И.А.* Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 199–252.
19. *Оссовецкий И.А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. №5. С. 66–77.
20. *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. 164 с.
21. *Хроленко А.Т.* Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 190 с.
22. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка: пособие для пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1964. 316 с.

Источники

- Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 468 с.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. СПб: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. Т. 1. 685 с. Т. 2. 638 с.

GENERATIVE-PRODUCING EFFECT CONNECTIONS OF FIGURATIVE PARALLELISMS WITH FOLKLORE PHRASEOLOGICAL UNITS IN "PROVERBS AND SAYINGS THE RUSSIAN PEOPLE" BY V.I. DAHL

S.I. Dobrova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

The article is devoted to the study of the evolution of the connection of figurative parallelisms with folklore phraseological units. Based on the content of "Proverbs and Sayings of the Russian People" by V.I. Dahl, the phenomenon under study's generative-producing effect is demonstrated to be expressed in the high degree of producing (image-generating) ability of binomials, rows, and blocks as matrices of structure formation and the evolution of figurative parallelisms.

Key words: folklore, proverb, figurative parallelism, stable verbal complex (folklore phraseologism), binomials, rows, blocks.

УДК 81'373:791.221.24

АНАХРОНИЗМ КАК ИСТОЧНИК КОМИЧЕСКОГО В ЖАНРЕ МОКЬЮМЕНТАРИ

Н.О. Домнич

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию использования анахронизмов как стилистического приема в жанре мокьюментари для создания комического эффекта. Модернизирующие анахронизмы рассмотренные в статье вызывают метакогнитивный диссонанс, способствуя созданию иронично-сатиричного стиля и усилению абсурдности повествования в мокьюментари мини-сериале *Cunk on Britain*, а также используются для формирования образа некомпетентного рассказчика и сокращения дистанции между историческими событиями и современным зрителем.

Ключевые слова: архаизирующий анахронизм, модернизирующий анахронизм, мокьюментари, стилистический прием, комический эффект.

В русские словари слово анахронизм пришло из греческого языка имея буквальный перевод «против времени», указывая на несоблюдение хронологии. Так, в словаре С.И. Ожегова под анахронизмом понимается нарушение хронологической точности, ошибочное отнесение событий одной эпохи к другой, хронологически неточное выражение или изображение чего-либо [2]. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило анахронизм также понимается как вид речевой ошибки, однако с указанием на то, что в художественной речи анахронизм может являться мотивированным и несмотря

на нарушение контекстуальной уместности использования может являться стилистическим приемом [1].

Примеры использования анахронизмов можно встретить не только в текстах классических произведений русской литературы А.И. Тургенева, Ф.М. Достоевского, зарубежной литературы У. Шекспира и Ф. Шиллера, но и современных источниках медиасферы, например, в заголовках публицистических статей или в эфирах телепередач, выпусках новостей. Данный факт говорит об актуальности использования анахронизмов в качестве стилистического приема способствуя реализации мотивов автора [3].

Т.В. Шмелева указывает на то, что слова семантически несут в себе историческую память о реалиях, которые они именуют, то есть включают в себя хронотопную информацию, что обязывает автора использовать метапоказатели, например «как говорили тогда» или «как сказали бы сейчас», чтобы не нарушать правило согласования описываемых событий с образом автора и/или временем повествования. Стоит подчеркнуть, что необходимость согласования с хронотопом распространяется не только на упоминания событийного ряда, но и на имена собственные, например, персоналии и топонимы, ярким примером использования которых является город Петербург, который был неоднократно переименован и при упоминании которого необходимо использовать топоним соответствующий хронотопу топоним. Нарушение хронотопа может наблюдаться в двух направлениях, использованный анахронизм может отсылать в прошлое, делая повествование более архаичным, либо наоборот модернизировать его. Так, выделяют архаизирующий и модернизирующий анахронизмы, стилистический эффект от каждой разновидности анахронизма будет принципиально различным. Архаизирующий анахронизм заключается в осмыслении нового на фоне уже известного, апеллируя к опыту адресата, в то время как модернизирующий анахронизм выполняет функцию сокращения дистанции между упоминающимися реалиями и адресатом, также апеллируя к его опыту, но уже более актуальному. Обе разновидности анахронизма обладают потенциалом порождения комичности [3].

Рассмотрим примеры использования модернизирующих анахронизмов с целью создания комического эффекта в жанре мокьюментари, сформировавшемся в 1950-х годах. Сам термин образовался путем соединения слов “mock” (дразнить) и “documentary” (документальный), также в литературе встречается адаптированный термин псевдодокументальное кино или псевдодок. В киноиндустрии данный жанр был создан как попытка привлечь большее число зрителей и большее внимание к сюжету, исследователи считают, что стиль подачи материала как были или мифа увеличивает оказываемое на зрителя впечатление, даже в том случае когда подобный стиль подачи не маскируется и зритель сразу понимает, что сюжет вымышленный. Подобный эффект происходит от античных мифов, телешоу, рассказанных анекдотов повествующих о вымышленных персонажах и ситуациях. Данному жанру присущи такие черты как: иллюзия документальности, скептицизм к

достоверности исторических событий, издевка над культурным статусом документального жанра как источника достоверных событий, ироничности или саркастичность повествования. Используя коды и конвенции документалистики, ее способность точно и правдиво изображать социально-историческую реальность, ее стилистику и эстетику, псевдодокументальное кино ставит перед собой цель разрушить эти конвенции критикуя само содержание или вымышленность предмета отображения [4], а также создание ироничного или саркастичного отношения к отображаемым событиям. Нами были рассмотрены 6 серий мини-сериала “Cunk on Britain” (Канк о Британии) в жанре мокьюментари, который представляет собой комедийный сериал с глупым и слабо осведомленным об истории Британии интервьюером Филоменой Канк в главной роли, берущим комментарии об описываемых событиях у специалистов различных областей наук. В данном мини сериале легко считывается ирония над необразованностью интервьюера и нам историческими событиями и наблюдается сочетание достоверности фактологической и хронологической информации с внедрением ироничных и саркастичных комментариев и вопросов главного персонажа, делающих данный мини сериал доступным для большей аудитории, благодаря переходу от исключительно документального повествования к более развлекательному формату.

Методами исследования являются контент-анализ и стилистический анализ.

Приведем примеры использования модернизирующих анахронизмов имен собственных, персоналий, топонимов и явлений, нарушающих хронологичность восприятия.

“I’ll discover how we went from ancient man to Ed Sheeran.” (0:53)

Упоминание Эда Ширана, современного британского музыканта и певца, в контексте древней истории Британии является модернизирующим анахронизмом. Упоминая современную персоналию автор подразумевает изучение пути развития человека от древнего до современного. Еще одним примером отнесения современных персоналий к истории Британии является цитата:

“Richard III may have died but he gave birth to a series of celebrity kings and queens the Tudors very much the Kardashians of British history.” (28:53)

Король Ричард III является представителем династии Тюдоров, монархи из которой правили королевством Англией на протяжении 118 лет и является знаковой династией в истории Англии. Семья Кардашьян представляет собой американскую семью прославившуюся в сфере развлечений, участия в собственном реалити-шоу, дизайнерской и бизнес деятельности. Анахронизм использованный для проведения параллели между медийной семьей Кардашьян и династией правителей Тюдоров в данном контексте является модернизирующим, так как отсылает реципиента к современным реалиям и может носить социальный подтекст метафорично подразумевая «правление»

данной семьи в бизнес сфере и над умами современников иронизируя над современными общественными ценностями.

“If Shakespeare were alive today, he'd be sending his scripts to television and film companies.” (35:15)

Помещение У. Шекспира, исторического персонажа XVI–XVII веков, в современный контекст, на что указывает наличие телевидения и кинокомпаний, создает метакогнитивный диссонанс.

Еще одним примером модернизирующего анахронизма является реплика Дианы Морган из диалога о Сэмюэле Пипсе.

“If Pepys was alive today, do you think he'd be doing Snapchat?” (46:38)

Сэмюэл Пипс является автором знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев своего периода, а также важных событий, происходивших в Англии в XVII веке, таких как Реставрация английской монархии, англо-голландская война, эпидемия чумы в Лондоне, великий лондонский пожар и др. Американское мультимедийное приложение и сервис для обмена сообщениями для современных адресатов является аналогом устаревшего понятия личного дневника, в котором ведется запись происходящих с человеком событий, доступных для просмотра всем пользователям данного сервиса. Сэмюэл Пипс был своего рода первым человеком сделавшим записи о своей личной жизни, жизни современников и страны доступными всему миру.

“Just imagine something like this orange and then imagine it's not there then do that one by one with everything that exists until there's nothing at all. That's what Britain was like until the Big Bang.” (3:09)

Абсурдность и алогичность создания образа полной пустоты в космологических размышлениях интервьюера строится на анахронизме «именно такой Британия была до Большого взрыва». Британия, очевидно, появилась задолго после Большого взрыва.

“At this time Pangea was full of dinosaurs. A race of Godzilla monsters so scary normal human beings didn't dare exist until they'd all gone.” (3:40)

В данной цитате анахронизмом является упоминание вымышленного киноперсонажа Годзиллы, первое упоминание в фильме которого относится к 1954. Таким образом, комическое в данном эпизоде реализуется через анахронизм и фактологическую ошибку, так как биологический вид динозавров не имеет ничего общего с вымышленным персонажем.

“People wonder why the dinosaurs became extinct although it's hardly surprising they died out when you see the barbaric conditions they're kept in zoos.” (4:30)

Пример анахронизма на грамматическом уровне языка, использование глагола в настоящем времени по отношению к давно вымершим динозаврам, а также упоминание, что данный биологический вид вымер, создает диссонанс и иронию над плохими условиями содержания животных в современных зоопарках, намекая на возможное вымирание животных в зоопарках из-за ненадлежащего ухода.

“Over time all the countries decided to split away one by one to work on solar projects and Britain was no exception.” (5:14)

Абсурдность утверждения о причинах отделения материков друг от друга для работы над проектами по использованию солнечной энергии создается при помощи модернизирующего анахронизма, так как данные проекты относятся к XX веку нашей эры.

В четвертой серии сериала Диана Морган повествует о событиях Первой и Второй мировых войнах и использует ряд модернизирующих анахронизмов для приближения современных адресатов к описываемым событиям как один из способов порождения комического на трагическую тему, проводя параллель между трудностями тех времен с явлениями, реалиями, трудностями и проблемами современностями, например, *“... it isn't really that bad like running out of couscous or not being able to check Twitter in a tunnel” (1:25:44); “The first world war had loads of nicknames ...” (1:25:53); “World War One it's quite pessimistic numbering, isn't it? Or did they just know it was the start of a franchise?” (1:26:06); “The accommodation was scarcely worth two stars on TripAdvisor soldiers had to live in trenches.”; “A huge disaster like more sequels War 2 was proving less fun than War One.” (1:29:00)*

Использование таких модернизирующих анахронизмов как *Twitter*, *nicknames*, *franchise*, *TripAdvisor*, *sequels* сокращает дистанцию между современным адресатом и событиями прошлых лет, являясь стилистическим приемом создания абсурдности и иронии. Используя анахронизм *sequels* по отношению ко Второй мировой войне и говоря о том, что Вторая мировая война была еще трагичней и кровопролитней проводится параллель с современным мнением о том, что сиквелы книг, фильмов и других форм творчества являются худшего качества, чем первоначальное творческое произведение.

В рассказе о появлении кинематографа используется параллель с современным видеохостингом YouTube, выстраивая временную прямую на которой в хронологическом порядке выстраиваются театры, кинематограф и YouTube.

“The newly invented cinema was a cross between YouTube and theater.” (1:30:55)

Несмотря на то, что появление упомянутых ранее реалий располагается в хронологическом порядке, использование слова *newly* является метапоказателем, обозначающим в какой точке на временной прямой находится повествование, в таком случае использование реалии YouTube является нарушением хронотопа.

В реплике *“the only way racists could express their fury was to take part in race riots, which are sort of artisan pop-up festivals” (1:45:47)* присутствует анахронизм *pop-up festivals*, под которым понимается событие, произошедшее спонтанно и неожиданно при отсутствии значимого информационного повода, часто такие события в последствии сами становятся катализатором обсуждений и новостей. Феномен *pop-up* событий можно отнести к концу 1990-х, когда

появилось понятие *pop-up retail*, означавшее временные ярмарки и стихийные рынки, которые работали непродолжительное время, зачастую были приурочены к продаже товаров для различных празднований, например Рождества или Хэллоуина. Данный модернизирующий анахронизм семантически передает стихийный и спонтанный характер возникавших бунтов и расовых беспорядков.

Из приведенных примеров можно заключить, что использование модернизирующих анахронизмов, то есть разновременных лексических единиц, создает метакогнитивный диссонанс у адресата, при котором происходит смена фрейма с восприятия событий, явлений и реалий прошлого на восприятие современных и актуальных событий, явлений и реалий. Метакогнитивный диссонанс в свою очередь служит созданию комического эффекта. В данной статье понятие анахронизм было рассмотрено как стилистический прием создания комического эффекта, несмотря на то, что во всех приведенных примерах отсутствуют метапоказатели хронологической семантики анахронизмы оправданы общей комической тональностью речи Дианы Морган и служат средством создания образа малокомпетентного историка, который в комичной форме и простым языком рассказывает современникам о сложных, порой трагичных событиях прошлого, то есть являются намеренным допущением ошибок в использовании гетерохронных лексических единиц.

Список литературы

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009. 1359 с.
3. Шмелёва Т.В. Анахронизм как погрешность и как стилистический прием // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 146–159.
4. Jauregui C.O. «Eat it alive and swallow it whole»: Resavoring Cannibal Holocaust as a Mockumentary // Invisible Culture [An Electronic Journal for Visual Culture]. 2004. Issue 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.rochester.edu/invisibleculture/issue7/Jauregui/jauregui.html> (дата обращения 30.05.2025).

Источники

Samuel Creighton (2023) Cunk on Britain [мини-сериал Cunk on Britain] // ВК. 28 марта. Режим доступа. URL: https://vkvideo.ru/video537469125_456239186 (дата обращения 01.06.2025).

ANACHRONISM AS A COMEDIC DEVICE IN MOCKUMENTARY

N.O. Domnich

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the use of anachronism as a stylistic device in the mockumentary genre to create comic effects. Analyzing the mockumentary series *Cunk on Britain*, the study demonstrates how modernizing anachronisms generate metacognitive dissonance, thereby establishing an ironic-satirical tone and enhancing narrative absurdity. Furthermore, these temporal distortions serve to construct an incompetent narrator persona while bridging the temporal gap between historical events and contemporary audiences.

Key words: archaizing anachronism, modernizing anachronism, mockumentary, stylistic device, comic effect.

УДК 81`33

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОЦИАЛЬНОМ МЕДИА ДИСКУРСЕ

А.М. Дудина

*Белорусский государственный университет иностранных языков,
Республика Беларусь*

В статье исследуется функционирование метафоры в современном французском социальном медийном дискурсе. Изучается частотность определенного типа метафор в указанном типе дискурса в соответствии с классификацией А.П. Чудинова. Анализируется, как метафора, являясь одним из механизмов вариативности языка, играет ключевую роль в создании новых смыслов, усиливает аргументацию, способствует формированию определенного оценочного отношения к сообщаемому.

Ключевые слова: метафорическая вариативность; антропоморфная, социоморфная, натуроморфная, артефактная метафоры.

В лингвистических работах, посвященных исследованию метафоры, данный стилистический троп определяется как «вторичная номинация» [6], как «механизм речи» [2], как «идентификация» осмысляемого объекта [3]. Когнитивно-дискурсивное направление в исследовании метафоры – одно из последних, серьезный вклад в которое сделан Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5]. Исследуя взаимодействие языка и познания, сторонники когнитивной лингвистики утверждают, что метафора – одна из основных ментальных операций человека, который использует ее не только как троп, но и как средство познания ранее неизведанного, ведь сталкиваясь с чем-то новым, всегда проще оперировать уже хорошо знакомыми элементами [5, с. 27].

Традиционно метафора исследовалась на материале художественных текстов. Возникшая в последние десятилетия необходимость изучения метафоры не только в указанном типе текстов, но и в повседневной, институциональной и научной коммуникации обусловила обращение исследователей, в частности, к материалу массмедийного дискурса. Он представляет собой особый тип институционального дискурса, имеющего публичный характер и адресованного массовой аудитории [4]. В указанной связи несомненный интерес вызывает изучение того, как с помощью метафоры как механизма вариативности языка и как языкового средства эффективного и зачастую скрытого воздействия на читателя авторам медийных изданий удастся заставить читателя поверить автору статьи, привлечь его на свою сторону.

В фокусе настоящей работы – функционирование метафоры в социальном медиа дискурсе, представляющем собой совокупность высказываний, идеологий, норм и представлений, которые обсуждаются в обществе и влияют на восприятие различных социальных явлений [1, с. 9–14]. Социальный дискурс охватывает широкий спектр тем, таких как политика, экономика, культура, этнические и социальные группы, нормы поведения, права человека и т.д. Он ориентирован на формирование и поддержку ценностей социума и предстает основной площадкой взаимодействия различных социальных групп. Корпус настоящего исследования составили 90 метафор, извлеченных методом сплошной выборки из статей, опубликованных в рубрике «Société» в таких медийных изданиях, как *L'Humanité*, *Le Figaro*, *Le Temps*, *Le Parisien Dimanche*, *Libération*, *la Croix* за период с сентября 2023 по март 2025 гг.

При анализе практического материала в работе используется классификация метафор, разработанная А.П. Чудиновым. Лингвист выделяет четыре основных типа метафор: *антропоморфную*, в основе которой лежит интерпретация реальности через аналогии с человеком; *натуроморфную*, которая отражает реальность через призму живой и неживой природы; *социоморфную*, транслирующую восприятие реальности через социальные механизмы и понятия, и *артефактную*, благодаря которой различные явления описываются через созданные человеком предметы и технологии [7].

Остановимся лишь на некоторых аспектах метафорической вариативности в указанном типе дискурса.

Анализ исследовательского корпуса убедительно продемонстрировал доминирование социоморфных метафор в статьях рубрики «Société». Их использование позволяет авторам подать информацию сквозь призму понятных читателям реалий общественной жизни, прояснить сложные социальные проблемы, связанные с миграцией, социальным неравенством, кризисом современной семьи, проблемами молодежи, пенсионной реформой, преступностью и киберпреступлениями и т.д. Обратимся к примерам.

В статье «Peut-on taxer les riches?» (*L'Humanité* №24025, 12.09.2024) речь идет об активно обсуждаемом во французском обществе налоге на богатство. По мнению автора, одинаковая ставка на доходы малоимущих и весьма

обеспеченных провоцирует рост социального неравенства в обществе и, как следствие, усиливает кризис и расслоение общества. Социоморфная метафора, вербализируемая в высказывании «*Il est possible de lutter contre le nomadisme fiscale*» ‘Бороться с налоговым кочевничеством возможно’ объясняет суть указанного понятия, которое заключается в перемещении производства в другую страну с дешевой рабочей силой и низкими налоговыми выплатами с целью избежать высоких налогов во Франции. Как правило, существительное *nomadisme* ‘кочевничество’ используется для обозначения образа жизни народов, регулярно меняющих места проживания (в том числе в поисках лучшей жизни). Будучи употребленным в сочетании с прилагательным *fiscale* ‘налоговый’, оно переводит наше представление о неодушевленном понятии (деньги) в сферу одушевленных существностей (деньги, подобно людям, способны «кочевать из страны в страну в поисках лучших условий»), создавая необычный, яркий, запоминающийся образ. Метафора также косвенно указывает на международный характер проблемы, поскольку так действуют не только миллионеры-французы, но и представители элит других капиталистических стран. Тем самым метафора сигнализирует о необходимости слаженных действий, направленных на предотвращение манипуляций с налоговым резидентством и на обеспечение справедливого налогообложения.

Интерес представляет и следующий пример: «*Projet de loi immigration : Darmanin prêt à un “compromis” pour draguer la droite*» ‘Законопроект об иммиграции: Дарманен готов к «компромиссу», чтобы заручиться поддержкой правых (букв. готов флиртовать с правыми)’ (Libération, 01.02.2023). Для создания яркой социоморфной метафоры, описывающей непозволительные для чиновника высокого ранга действия, автором используется глагол *draguer* ‘флиртовать’ (который, как правило, употребляется в сочетании с существительным *les filles* ‘девушки’) в сочетании с существительным *la droite* ‘представители правых партий’. Так рождается образ, вступающий в противоречие с общим характером статьи, повествующей о сложной политической ситуации в правительстве Франции. Речь идет о предложенном министром внутренних дел Ж. Дарманеном проекте закона «об убежище и миграции», который включал в себя множество мер по усилению контроля за депортацией нелегальных мигрантов, о введении обязательного экзамена по французскому языку для членов семей тех, кто приезжает в страну с целью воссоединения семьи и др. Однако этот законопроект правительства (впервые за 25 лет!) был отвергнут депутатами. Уже одной емкой и яркой социоморфной метафоры довольно, чтобы читатель уловил скрытое в ней насмешливое отношение автора к неподобающему поведению Ж. Дарманена, готового для продвижения своего законопроекта на сделку с представителями партии противников.

Широко представлена в статьях социальной тематики и артефактная метафора, в которой одним из объектов сравнения является артефакт, т.е. предмет, созданный человеком. В такой метафоре свойства артефакта

переносятся на другой предмет или явление, чтобы сделать его описание более понятным и наглядным. Так, следующий пример заимствован из статьи «L'intelligence artificielle chinoise intrigue» (Le Parisien Dimanche № 24900, 15.09.2024), в которой речь идет о широком распространении искусственного интеллекта (ИИ) в китайском городе Шэньчжэнь, расположенном в провинции Гуандун на юго-востоке Китая. В статье рассматриваются различные аспекты использования ИИ в этом городе, включая установленные на светофорах камеры слежения за дорожным движением, системы распознавания лиц, автономные электрические автомобили и приложения для мгновенного перевода с иностранных языков на китайский и наоборот. Автор статьи затрагивает вопросы, связанные с геополитической изоляцией и отсутствием последних китайских разработок в области ИИ на международных рынках: «*La Chine souffre toujours de l'image d'une boîte noire technologique*» 'Китай все еще страдает от (закрепившегося за ним) образа *черного технологического ящика*'. Посредством артефактной метафоры *une boîte noire* автор подчеркивает, что Китай продолжает восприниматься на международной арене как закрытая страна, как «черный ящик», «вещь в себе»: технологические разработки и алгоритмы ИИ страны весьма эффективны, но они остаются закрытыми для внешнего анализа и взаимодействия. Благодаря удачно использованной артефактной метафоре автору удастся кратко и емко сообщить читателю об отношении к Китаю международного сообщества.

Артефактная метафора широко представлена и в статьях, затрагивающих серьезные политические темы. Например, в отрывке: «*Alors, on s'arc-boute ici comme là-bas, autour de nos vieux totems grimaçants, on s'accroche aux vieilles lignes de fracture, on préfère une bonne vieille Guerre froide ranimée à un axe occidental*» 'Итак мы держимся и здесь, и там за наши *старые гримасничающие тотемы*, мы цепляемся за старые линии разлома, мы предпочитаем старую добрую Холодную войну, возродившуюся на западе' (Le Figaro, 03.01.2023), – метафора описывает уже канувшие в небытие убеждения, верования и обычаи, которых люди продолжают придерживаться, несмотря на кардинально изменившийся мир. Использование прилагательного *grimaçant* 'гримасничающий, строящий рожи' в сочетании с существительным *totem* 'тотем' (обозначающим в примитивных верованиях животное, растение или предмет, обладающий магической силой) позволяет автору утверждать, что стремление не замечать нового, жить с оглядкой только на прошлое неизбежно «сыграет злую шутку», приведет к катастрофе, от которой он и предостерегает читателя.

В статье, озаглавленной «Miss beauté, et alors?» (Le Parisien du samedi № 24926, 14.12.2024), повествуется о конкурсе «Мисс Нидерланды», отмененном вскоре после того, как организаторы мероприятия заявили о необходимости радикальных перемен в данной сфере и предложили взамен ряд инициатив, побуждающих молодых людей «стать лучшей версией себя». В статье поднимаются вопросы о противоречиях в восприятии современным западным обществом устоявшихся традиций и гендерных ролей: в то время как

Нидерланды отказываются от «устаревших» атрибутов, Франция продолжает сохранять их как часть культурного наследия. Так, в отрывке: *«Peut-être qu'une écharpe et une couronne ne sont plus d'actualité». Ces mots, plantés comme des clous sur un cercueil de reine, ont été écrits par les organisateurs du concours Miss Pays-Bas, dont ils ont décidé l'abolition ce 12 décembre*» 'Быть может, лента и корона утратили свою актуальность. Эти слова, подобно гвоздям, вбитым в гроб королевы, были написаны организаторами конкурса Мисс Нидерланды, об отмене которого они сообщили 12 декабря', – артефактная метафора сообщает о том, что организаторы не просто закрывают шоу – они «отправляют в небытие» утратившее актуальность отношение к женщине только как к красивому объекту. Данное событие преподносится как осознанное действие, шаг в будущее. Отметим наличие в данном примере культурно-исторической аллюзии: «гроб королевы» отсылает читателя к трагическим событиям в истории государства, связанным с казнью монархов в эпоху революций, и одновременно переосмысливает их. Если в прошлом «смерть королей» была насильственной, то сейчас она становится актом доброй воли общества, отказывающегося от архаичных ритуалов (устаревают не только символы власти, но и гендерные стереотипы). Таким образом, благодаря использованию артефактной метафоры автор убеждает читателя в том, что решение об отмене конкурса красоты следует воспринимать как прогрессивное.

Антропоморфная метафора способствует интерпретации реальности через аналогии с человеком, зачастую сближаясь с таким стилистическим тропом как олицетворение. Указанный тип метафоры весьма эффективен в медийном дискурсе, поскольку человеку свойственно испытывать эмпатию к чему-то, имеющему человеческие черты. В следующем отрывке *«Le Liban s'enlise dans le marasme économique»* 'Ливан погружается в экономический маразм' (Le Temps, 10.04.2023) антропоморфная метафора описывает сложную ситуацию затянувшегося экономического кризиса в Ливане, характеризующуюся низкими темпами роста, высоким уровнем безработицы, инфляцией. Автор сравнивает экономику страны с немощным старцем, в состоянии полного упадка психофизической деятельности, и призывает правительство и общество к срочному проведению экономических реформ.

В следующем примере из статьи под заголовком *«Réforme des retraites: Bayrou met en garde Macron contre un passage en force»*: *«Alors que le camp présidentiel a affiché son unité, samedi soir, à l'occasion du lancement de son nouveau bébé Renaissance, des voix discordantes de la majorité se font entendre sur un sujet (très) sensible* 'В то время как президентский лагерь субботним вечером продемонстрировал свое единство по случаю запуска своего нового детища – партии «Возрождение», раздаются резкие голоса большинства по (очень) деликатному вопросу', Libération, 18.09.2023), – используется антропоморфная метафора *son nouveau bébé Renaissance* 'свое новое детище (партия) Возрождение'. С 2016 года Президент Франции Э. Макрон, представлял интересы партии «Вперед, Республика!». В 2022 году он принял решение объединить нескольких партий, входящих в президентский лагерь, в одну.

Таким образом была создана новая партия – «Возрождение». В данном контексте автор сравнивает созданную объединенными усилиями новую партию с ребенком, который требует серьезного ухода и внимания.

Используемая в новостях социальной тематики метафора природы демонстрирует, что даже в эпоху урбанизации и глобализации человек не утрачивает своей связи с природой, ведь происходящие в ней процессы помогают объяснить многие социальные конструкты. В статье «Crise des Ephad (Etablissement d'hébergement pour personnes âgées dépendantes): l'état sommé à réagir» (L'Humanité №24025, 12.09.2024) описывается плохое качество жизни пенсионеров в домах престарелых, отмечается актуальная для Франции проблема «старения экономики». С целью поиска решения обозначенных проблем было проведено специальное заседание совета министров, однако предлагаемая им реформа вызывает сомнения в ее эффективности: «*De son côté, monsieur Edouard a préféré mettre en garde contre un potentiel effet mirage d'une loi grand âge*» 'Со своей стороны, господин Эдуард предпочел предупредить о *потенциальном эффекте миража* закона о пожилых людях'. Используемая метафора природы *un potentiel effet mirage* означает, что предлагаемые реформы представляются эффективными, однако их реализация невозможна в сложившейся ситуации (старение нации, недостаточное финансирование, использование обещаний о проведении пенсионной реформы как пиар-ход в период выборов и т.д.). Кажущаяся удачной, реформа подобна «миражу в пустыне», т.е. природному явлению, в результате которого человеку являются мнимые видимые изображения различных предметов.

В следующем примере: «*Le gouvernement veut “résister aux vents contraires” avant l'épreuve du feu des retraites*» 'Правительство хочет *«противостоять встречным ветрам»* перед пенсионным испытанием на прочность' (Le Point, 04.01.2023), – протесты французов против пенсионной реформы сравниваются автором статьи с природной стихией (сильным встречным ветром, которому сложно противостоять). Интересно отметить, что автор выстраивает своеобразные «мостики» между заголовком и идеями, высказываемыми в разных частях статьи. Так, он использует цепочку натуроморфных метафор, перекликающихся с представленной в заголовке, для описания беспокойной ситуации в стране (*un climat assombri* par la guerre en Ukraine, la crise énergétique, l'inflation 'климат, омраченный войной в Украине, энергетическим кризисом, инфляцией'; sur l'âge de départ, syndicats et oppositions *sont vent debout* 'на старте (президентской гонки) профсоюзы и представители оппозиции яростно противостоят друг другу'). Тем самым натуроморфные метафоры создают своеобразный «остов» статьи, ярко и образно рисуя картину противостояния правительства и граждан Франции в вопросе о целесообразности пенсионной реформы.

В проанализированном корпусе обнаружены примеры всех четырех типов метафор. Незначительный перевес социоморфных (28 примеров из 90) и артефактных (24 примера) метафор свидетельствует о том, что общественные явления и проблемы легче воспринимаются сквозь призму социальных

механизмов и институтов или с опорой на практический опыт человека. Антропоморфные метафоры представлены 21 примером; они позволяют читателю перенести понятные каждому черты и качества человека на явления социальной жизни, окружающего мира. Натуроморфные метафоры, основанные на знании человека об окружающем мире, о животных, растениях, природных стихиях и процессах, представлены в нашем материале 17 примерами. Все рассмотренные типы метафоры (каждый по-своему) формируют определенное отношение к сообщаемому, делают представляемую информацию более доступной и эффективной, выделяют ключевые аспекты события или проблемы, влияют на восприятие и оценку происходящего в обществе, создают яркий образ описываемых событий, фактов, субъектов и объектов.

Отметим, что многие из обнаруженных в корпусе наших примеров метафоры не зафиксированы в толковых словарях и в национальном корпусе французского языка [Frantext], что позволяет квалифицировать их как редкие или новые и свидетельствует о значительной степени метафорической вариативности в социальном медиа дискурсе. Способность метафоры к вариативности отражает индивидуальный авторский стиль, позволяет оживить достаточно сдержанный язык медиа дискурса, передавая сложные, релевантные для общества идеи через яркие, запоминающиеся образы. Удачные новые метафоры могут быть подхвачены другими авторами и со временем стать частью языка. Будучи динамичным языковым механизмом, метафора продолжает оставаться востребованным и эффективным стилистическим тропом, обеспечивающим авторам медиа статей когнитивную и эмоциональную связь с широкой аудиторией и непосредственное воздействие на нее.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивная синергетика «живого» слова // *Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах.* Ставрополь: СКФУ, 2012. С. 9–31.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс // *Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; [пер. под ред.: Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной].* М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств: монография. М.: Едиториал УРСС, 2012. 376 с.
4. *Ишменев Е. В.* Политический медиадискурс: теория и национальные модели. Екатеринбург Дискурс-Пи, 2012. 127 с.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 254 с.
6. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* М.: Наука, 1988. С. 173–204.
7. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

METAPHORICAL VARIABILITY IN FRENCH SOCIAL MEDIA DISCOURSE

A.M. Doudina

Belorussian State University of Foreign Languages, Republic of Belarus

The article examines the functioning of metaphor in modern French social media discourse. The frequency of a certain type of metaphor in this type of discourse is studied in accordance with the classification of A.P. Chudinov. It is analyzed how metaphor, being one of the mechanisms of language variability, plays a key role in creating new meanings, strengthens argumentation, and contributes to the formation of a certain evaluative attitude towards the reported.

Key words: metaphorical variability; anthropomorphic, sociomorphic, naturomorphic, artifact metaphors.

УДК [81'33+81'38]:811.112.2

КОЛРОНИМ “BLAU” В СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.Д. Ерастова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В статье рассматриваются особенности колоронима “blau” в сказках братьев Гримм. С помощью программных инструментов была осуществлена сборка корпусов сказок на оригинальном немецком и русском языках объемом около 100 тыс. токенов каждый. Поиск контекстов колоронима “blau” по лемме-прилагательному в корпусах позволил проанализировать его значения и определить стратегии перевода “blau” на русский язык.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; колоронимы; синий цвет; голубой цвет; сказки братьев Гримм; перевод.

Как желтый цвет всегда несет с собой свет,
так про синий можно сказать,
что он всегда заключает в себе нечто темное.
И. В. Гете «Учение о цвете»

Физически цвет – это «данность, независимая от людей, однако, в разных языках и лингвокультурах представление цвета происходит своеобразно» [6, с. 64].

Долгое время синий цвет не играл значительной роли в европейской культуре. В античный период он практически не использовался, так как не

считался полноценным цветом. Ситуация изменилась лишь в XI веке, когда синий постепенно перестал быть второстепенным цветом и занял свое место в жизни человека, которое он занимает и по сей день.

Кельты и германцы применяли для получения синего красителя вайду (синильник) – растение семейства крестоцветных. Процесс извлечения пигмента из его листьев был сложным, но германцы активно использовали синий цвет: красили волосы, наносили на тело перед битвами. Римляне, по свидетельствам Цезаря и Тацита, относились к синему с пренебрежением, что замедлило его распространение в античном мире [7].

Переломным моментом стало использование синего в религиозном искусстве. С XII века Деву Марию начали изображать в синем мафории, что повысило статус этого цвета [1]. Христианское учение соотносит синеву с вечной божественной силой и важнейшими тайнами мироздания, ассоциируется с идеей жертвенности, покорности, кротости. В католичестве голубые или синие цветы подносят Деве Марии, изображенной в голубом плаще [2]. Дальнейший толчок дало развитие красильного дела. В 1704 году в Берлине случайно изобрели новый пигмент – берлинскую лазурь. Новый пигмент отличался насыщенностью, устойчивостью и доступностью, что способствовало его дальнейшему широкому применению [1].

В XVIII веке синий вошёл в моду: сначала в светлых тонах его носили женщины, затем и мужчины. К концу столетия он распространился среди знати и буржуазии, а в Германии и Швеции оставался популярным до начала XIX века [7]. Чтобы стать одним из самых важных цветов в европейской культуре, синему цвету пришлось пройти долгий путь от цвета, про который никто не думал, до «королевского» цвета.

Немецкое слово “blau”, обозначающее синий цвет, восходит к его форме в прагерманском языке – “blæwaz”. Данный термин имеет общий протоиндоевропейский корень с рядом слов в других языках:

- древнеанглийское “blaw”,
- древнесаксонское и древневерхненемецкое “blao”,
- датское “blaa”,
- шведское “blå”,
- древнефризское “blau”,
- среднеголландское “bla”,
- голландское “blauw” (Online Etymology Dictionary. URL:

<https://www.etymonline.com>).

В немецком языке наблюдается лексико-семантическая группа цветообозначений, производных от базового термина “blau”. К ним относятся: “Hellblau” (светло-синий / голубой), “Dunkelblau” (тёмно-синий), “Himmelblau” (небесно-голубой), “Königsblau” (королевский синий), “Ägyptischblau” (египетский синий) и другие составные номинации. Данные примеры демонстрируют, насколько хорошо различали синий цвет и все его оттенки в немецкой языковой картине мира.

По нашему мнению, “blau” будет переводиться на русский язык как «синий». В зависимости от сочетаний колоронима с существительными или наличия другого указателя в составном колорониме, например, в “hellblau”, где “hell” переводится как “светлый”, перевод может отличаться.

Согласно И. И. Спиридоновой, “blau” может покрывать весь спектр синего оттенков, тогда как “hellblau” служит уточняющим маркером для голубого цвета [9]. Существует еще несколько вариаций перевода “Blau” как существительного на русский язык, например, «лазурь» или «синева».

Семантическое поле “blau” широкое и охватывает не только нейтральное цветовое обозначение, но и всевозможные оттенки цвета, символику (например, “blau” может символизировать чистоту, благородность), а также идиоматические значения. Таким образом, можно заметить, что в немецком языке под колоронимом “blau” скрывается множество значений и оттенков синего цвета, что может значительно осложнять их перевод на русский язык.

В соответствии с целью нашего исследования – проанализировать употребления колоронима “blau” в оригинальных текстах сказок братьев Гримм и их переводе на русский язык – в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета были собраны два лингвистических корпуса: 4 344 контекста (для немецкого языка) и 5 596 (для русского языка) [4; 5]. В немецком корпусе был произведен поиск контекстов по лемме (или по части леммы) “blau”, а в русском корпусе был произведен поиск соответствий. Приведем ниже результаты анализа полученных данных.

В сказке «О рыбаке и его жене» (нем. “Von dem Fischer und seiner Frau”) часто упоминаются вода, море, описывается погода. Например, “Der Himmel war in der Mitte noch so ein bißchen blau, aber an den Seiten, da zog es herauf wie ein schweres Gewitter“ (рус. «Но все же на небе еще был замечен клочок лазури, хоть и явно было, что с юга надвигается буря»). В этом примере колороним “blau” используется для описания неба, при этом перевод на русский был осуществлен с помощью существительного «лазурь», а не с помощью колоронима. В толковом словаре С. И. Ожегова «лазурь» – 1. Светло-синий цвет, (устар. и высок.) синева небесная. 2. Природная светло-синяя краска (URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12849>). Соответственно, если переводить именно с указанием определенного цвета, то тогда в этом контексте можно использовать «светло-синий», или же «синева».

В следующем примере, из сказки «Мужичонка» (нем. “Das Burle”) колороним “blau” также употребляется в паре с существительным «небо» – “Nun gingen sie zusammen zum Wasser, da standen gerade am blauen Himmel kleine Flockwolken, die man Lämmerchen nennt, die spiegelten sich im Wasser ab, da riefen die Bauern“ (рус. «Пошли они гурьбою к воде, а день-то был ясный, и по голубому небу похаживали облачка, что зовутся барашками; они и в воде отражались, и мужики так и завопили»). В переводе контекста на русский язык был использован именно колороним «голубой». Очень часто в переводе описания неба будет звучать именно голубой, а не синий цвет. В случае с

голубым цветом носитель русского языка представляет ясное, дневное небо, в случае же с синим цветом – небо в вечернее время, или небо перед грозой. В итоге, учитывая видимость облаков как в дневное время, колороним “blau” в данном переводе именно «голубой», а не «синий».

В примере из сказки «Котомка, шляпа и рожок» (нем. “Der Ranzel, das Hütlein und das Hörnlein”) колороним “blau” – часть фразеологизма “blaue Flecken” (рус. «синяки, синие пятна»): “Und bald darauf kam er auch, ward aber nicht vor den König gelassen, sondern mußte mit blauen Flecken und jämmerlich zerschlagen wieder abziehen” (рус. «И вскоре после этого он тоже пришел, но его не пустили к королю, и ему пришлось уйти, весь в синяках и ужасно избитый»). Поскольку в русском языке нет прямого эквивалента для перевода данного фразеологизма, то перевод осуществляется через семантическое замещение с использованием лексических единиц, доступных в языке перевода. Также в данном случае возможен дескриптивный перевод. С помощью поиска в модуле «Фразеология 2» [5] было установлено, что данных фразеологизм употребляется в корпусе только один раз, поэтому сопоставить различные варианты перевода нам не представилось возможным.

Таким образом, мы можем сделать вывод о частоте использования колоронима “blau” в сказках братьев Гримм и его возможных переводах на русский язык. В корпусе из 46 собранных сказок было найдено лишь три упоминания колоронима, что подтверждает его незначительное употребление. По результатам сравнения контекстов на немецком и русском языках из трех вышеупомянутых использований два раза колороним “blau” переводился на русский язык как «лазурь» и «голубой». В последнем примере колороним “blau” был частью фразеологизма. По результатам проведенного исследования можно утверждать, что в большинстве случаев колороним “blau” в сказках братьев Гримм использовался для описания неба, в случае чего он переводится как «голубой».

Малое количество употреблений колоронима “blau” само по себе является информативным. Получается, что оттенки синего не встречаются в одежде персонажей. Религиозное значение синего (голубого) также не затрагивается, что говорит о светском характере сказок.

Список литературы

1. Аршанский Е.Я. Историко-искусствоведческий контекст в изучении естественных наук // Искусство и культура. 2017. № 3 (27). С. 90–94. EDN ZSSFIF.
2. Балалаева А.С., Ермолаева М.И. Психология синего цвета // Ярославский психологический вестник. 2021. № 1 (49). С. 85–89. EDN QVKMUM.
3. Горожанов А.И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

4. *Горожанов А.И.* Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.

5. *Горожанов А.И.* Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 132–138. DOI 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ.

6. *Горожанов А.И., Шевцова В.А.* Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 63–68. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63. EDN VOUQHW.

7. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 144 с. ISBN 978-5-4448-0506-0.

8. *Серов Н.В.* Цвет культуры: психология, культурология, физиология. М., СПб.: Речь, 2004. 672 с. ISBN 5-9268-0252-0.

9. *Спиридонова И.И.* Цветообозначения в языке: параллели между русским и немецким языками // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 119–125.

COLORONYM “BLAU” IN THE BROTHERS GRIMM’S FAIRY TALES: TRANSLATION CHALLENGES AND LINGUOCULTURAL INTERPRETATION

A.D. Erastova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article examines the features of the coloronym “blau” in the Brothers Grimm fairy tales. Using software tools, fairy tale corpora in the original German and Russian languages were assembled, each containing about 100 thousand tokens. Searching for the contexts of the coloronym “blau” by the lemma-adjective in the corpora allowed us to analyze its meanings and determine strategies for translating “blau” into the Russian language.

Key words: corpus linguistics, coloronyms, blue color, dark-blue color, brothers Grimm’s fairy tales, translation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛИТЕРАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

А.В. Зиньковская, Н.С. Лебедева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Аллитерация, как лингвостилистический прием, играет важную роль в создании запоминающихся и эффективных рекламных сообщений. В данной статье рассматривается использование аллитерации в английской социальной рекламе, анализируются примеры успешных кампаний и обсуждаются механизмы воздействия аллитерации на восприятие аудитории. Особое внимание уделяется тому, как аллитерация способствует эмоциональной окраске сообщений и повышает их запоминаемость.

Ключевые слова: аллитерация, лингвостилистические особенности, английская социальная реклама, восприятие аудитории, эффективность.

Социальная реклама представляет собой мощный инструмент для привлечения внимания к важным социальным проблемам и изменения общественного поведения. В условиях информационного перенасыщения использование стилистических приемов, таких как аллитерация, становится особенно актуальным. Аллитерация создает ритм и мелодичность, что делает сообщения более привлекательными и запоминающимися.

Аллитерация – это повторение одинаковых или схожих согласных звуков в начале слов, что придает тексту ритмичность и музыкальность. Этот прием часто используется в поэзии и литературе, но также активно применяется в рекламе для усиления эмоционального воздействия на аудиторию.

Исследования показывают, что ритмичные и мелодичные фразы легче воспринимаются и запоминаются. Это важно для социальной рекламы, где сообщения часто должны конкурировать с множеством других визуальных и аудиовизуальных стимулов [2].

Аллитерация может усиливать эмоциональную нагрузку сообщения. Повторяющиеся звуки создают ассоциации и могут вызывать положительные или отрицательные эмоции в зависимости от контекста. Социальные кампании, направленные на решение серьезных социальных проблем, могут использовать аллитерацию для создания более мощного эмоционального отклика у целевой аудитории [1].

Более того, исследования показывают, что аллитерация увеличивает вероятность запоминания информации. В контексте социальной рекламы это особенно необходимо, поскольку цель заключается в том, чтобы донести ключевые сообщения до широкой аудитории и побудить к действию [3].

Одной из ключевых функций аллитерации в социальной рекламе является привлечение внимания целевой аудитории. Повторяющиеся звуки создают

звуковую гармонию, что делает сообщение более заметным на фоне других рекламных материалов.

Например, слоган кампании по борьбе с курением: "Quit Smoking, Save Your Soul". В этом случае повторение звука "s" создает мелодичность и акцентирует внимание на важности проблемы.

Аллитерация также способствует лучшему запоминанию рекламных сообщений. Когда слова звучат приятно и ритмично, они легче запоминаются. Примером может служить слоган из кампании по безопасности на дорогах: "Drive Safely, Stay Alive". Здесь повторение звука "d" помогает создать запоминающийся образ, который остается в сознании потребителей.

Использование аллитерации может добавить эмоциональную окраску к сообщению, усиливая его воздействие на аудиторию. Например, в кампании по защите окружающей среды можно встретить слоган: "Protect Our Planet for a Prosperous Future". Повторение звука "p" создает ощущение единства и важности действия, что может побудить людей к действию.

Одним из ярких примеров использования аллитерации является кампания против домашнего насилия: "Stop the Silence, Stop the Violence". Этот слоган не только легко запоминается, но и создает эмоциональный отклик у аудитории, подчеркивая важность обсуждения проблемы.

В кампании по пропаганде здорового образа жизни также активно используется аллитерация: "Healthy Habits for Happy Hearts". Такой слоган не только привлекает внимание, но и создает положительное ассоциативное восприятие здорового образа жизни.

"Smoke Stinks, Stop Smoking!" Этот слоган использует повторение звука "s", чтобы создать запоминающийся и броский призыв к действию. Он не только привлекает внимание, но и вызывает негативные ассоциации с курением ("Smoke Stinks"), что может побудить людей задуматься о вреде этой привычки и отказаться от нее.

"Buckle Up for a Better Tomorrow!" Повторение звука "b" создает ритм и подчеркивает важность ношения ремней безопасности. Слоган не только запоминается, но и вызывает положительные ассоциации с будущим ("Better Tomorrow"), что может мотивировать водителей и пассажиров соблюдать правила безопасности.

"Reduce, Reuse, Recycle!" Этот знаменитый слоган использует аллитерацию для создания легкого и запоминающегося призыва к действию. Повторение звука "r" делает его мелодичным и легко воспринимаемым. Слоган акцентирует внимание на трех ключевых действиях, которые могут помочь в защите окружающей среды, что способствует осознанию важности этих действий.

"Break the Silence, Break the Cycle!" Здесь повторение звука "b" создает мощный эффект, подчеркивая необходимость действий против насилия. Слоган акцентирует внимание на том, что молчание лишь усугубляет проблему, и призывает людей говорить об этом. Он легко запоминается и вызывает эмоциональный отклик.

"Fit Food for Fabulous Futures!" Использование аллитерации в этом слогане делает его ярким и привлекательным. Повторение звука "f" создает ощущение энергии и позитивного настроения, подчеркивая связь между правильным питанием и успешным будущим. Это может вдохновить людей на изменение своих пищевых привычек.

"Safe Sex Saves Lives!" Этот слоган использует аллитерацию для создания четкого и лаконичного сообщения. Повторение звука "s" делает его легким для запоминания и акцентирует внимание на важности безопасного секса как способа защиты от инфекций и заболеваний. Слоган прост, но эффективен в передаче серьезного сообщения.

"Poverty Pains, People Unite!" В этом слогане повторение звука "p" создает ритм и подчеркивает важность единства в борьбе с бедностью. Слоган вызывает эмоциональный отклик, подчеркивая страдания людей из-за бедности и призывая к совместным действиям для изменения ситуации.

"Love Animals, Live Compassionately!" Использование аллитерации в этом слогане делает его мелодичным и запоминающимся. Повторение звука "l" создает позитивное настроение и подчеркивает важность любви к животным как части сострадательной жизни. Слоган может вдохновить людей проявлять заботу о животных и поддерживать инициативы по их защите.

"Protect Precious People!" Повторение звука "p" создает эмоциональную связь и подчеркивает важность защиты детей. Слоган легко запоминается и вызывает чувство заботы, что может побудить родителей и общество обратить внимание на безопасность детей.

"Fresh Fruits Fuel Families!" Использование аллитерации со звуком "f" делает слоган энергичным и запоминающимся. Он акцентирует внимание на важности свежих фруктов в рационе, что может вдохновить семьи на здоровое питание.

"Silence Supports Suffering!" Повторение звука "s" создает тревожное ощущение, подчеркивая, что молчание лишь усугубляет проблему насилия. Слоган призывает к действию и может побудить людей говорить о своих переживаниях.

"Save Water, Secure the Future!" Аллитерация со звуком "s" делает слоган ритмичным и запоминающимся. Он акцентирует внимание на важности сохранения воды как ключевого ресурса для будущих поколений.

"Diversity Dares to Dream!" Использование звука "d" создает позитивный и вдохновляющий слоган. Он подчеркивает силу разнообразия и мечты о справедливом обществе, что может мотивировать людей к активным действиям против расизма.

"Speak, Share, Save Lives!" Повторение звука "s" делает слоган легким для запоминания и акцентирует внимание на важности открытого общения о проблемах психического здоровья. Это может побудить людей обращаться за помощью или поддерживать других.

"Green Goals for Great Generations!" Аллитерация со звуком "g" создает оптимистичное сообщение, подчеркивающее важность экологических

инициатив для будущих поколений. Слоган вдохновляет людей действовать ради защиты планеты.

"Breathe Better, Beat Burnout!" Использование звука "b" делает слоган мелодичным и запоминающимся. Он акцентирует внимание на важности дыхательных практик для снижения стресса и предотвращения выгорания.

"Choose Change, Conquer Cravings!" Повторение звука "c" создает ритмичное и мотивационное сообщение. Слоган призывает людей делать выбор в пользу изменений в жизни и преодолевать зависимость, что может вдохновить на действия.

"Support Small, Sustain Success!" Аллитерация со звуком "s" делает слоган привлекательным и легким для восприятия. Он подчеркивает важность поддержки местных производителей для устойчивого развития экономики и общества.

Аллитерация является мощным инструментом в социальной рекламе, способствуя привлечению внимания, увеличению запоминаемости и добавлению эмоциональной окраски к сообщениям. Также было отмечено, что аллитерация способствует созданию ассоциативных связей между темой рекламы и положительными или негативными эмоциями. Использование этого стилистического приема позволяет создавать более эффективные рекламные кампании, способные изменить общественное мнение и поведение людей. Эффективное использование этого стилистического приема может значительно повысить воздействие рекламных сообщений на аудиторию, способствуя более успешной реализации социальных инициатив [4].

Психолингвистические и социокультурные аспекты использования аллитерации подчеркивают ее необходимость в эффективной коммуникации социальных инициатив. В условиях современного информационного перегруза использование таких стилистических приемов становится особенно актуальным для достижения целей социальной рекламы [7]. Будущие исследования могут сосредоточиться на сравнительном анализе эффективности аллитерации в различных языках и культурах, а также на изучении ее взаимодействия с другими языковыми средствами в контексте социальной рекламы [8].

Список литературы

1. *Дыкин Р.В.* Эффективность социальной рекламы: некоторые аспекты проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С.141–149.
2. *Зазыкин В.Г.* Психология рекламы и рекламной деятельности: Монография. М.: ИНТЕЛБУК; ЭЛИТ, 2009. 224 с.
3. *Зеленкова М.А.* Роль социальной рекламы в англоязычном и русскоязычном обществе [Электронный ресурс] // Журнал «Научный аспект». 2023. № 2. Режим доступа. URL: <https://na-journal.ru/2-2023-filologiya-lingvistika/4411-rol-socialnoi-reklamy-v-angloyazychnom-i-russkoyazychnom-obshchestve> (дата обращения: 04.12.2024).

4. *Ибатуллин Р.Н.* Социальная реклама как механизм управления общественным мнением в современном российском регионе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Уфа: Башкирский гос. аграрный университет, 2009. 169 с.

5. *Лебедева Н.С., Зиньковская А.В.* Особенности формирования лексических навыков на занятиях иностранного языка // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ, 2023. С. 29–34.

6. *Лебедева Н.С.* Использование интерактивного метода в обучении иностранному языку студентов высших учебных заведений с учетом психосберегающей организации образовательного процесса // Вестник государственного морского университета им. адм. Ушакова. № 42. Новороссийск: ГМУ им. адм. Ушакова, 2023. С. 129–132.

7. *Лебедева Н.С., Короткова И.П.* Метафора как лингвостилистический аспект английской социальной рекламы // Актуальные проблемы русского языка и культуры межличностных коммуникаций: сб. науч. ст. Астрахань: Астраханский гос. университет имени В.Н. Татищева, 2025. С. 67–71.

8. *Лебедева Н.С.* Инновационные образовательные технологии в обучении иностранному языку // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. № 1(38). 2022. С. 94–96.

THE USE OF ALLITERATION IN ENGLISH SOCIAL ADVERTISING

A.V. Zinkovskaya, N.S. Lebedeva

Kuban State University, Krasnodar

Alliteration, as a lingua-stylistic device, plays an important role in creating memorable and effective advertising messages. This article examines the use of alliteration in English social advertising, analyzes examples of successful campaigns, and discusses the mechanisms of alliteration's impact on audience perception. Particular attention is paid to how alliteration contributes to the emotional coloring of messages and increases their memorability.

Key words: alliteration, lingua-stylistic features, English social advertising, audience perception, effectiveness.

УДК 808:81'276.6:34

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ТЕДА БАНДИ

А.Д. Иванова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье исследуются стратегии речевого манипулирования в судебной коммуникации, имеющие важное значение в формировании убеждений суда и присяжных. На материале судебных прений по делу Теда Банди (1979,

Флорида) анализируются тактики убеждения, деконструкции, интерпретации действительности, а также стратегии самопрезентации и эмоционального воздействия. Особое внимание уделяется роли семантических и прагматических стратегий.

Ключевые слова: судебная коммуникация, речевое манипулирование, семантические стратегии, прагматические стратегии, риторические приемы.

Современная судебная коммуникация представляет собой сложный процесс взаимодействия, в котором стратегии речевого манипулирования играют важную роль в формировании убеждений суда. В состязательном процессе эффективность аргументов сторон зависит от умелого сочетания логических доводов и психологического воздействия. Это особенно заметно в громких резонансных уголовных делах. Эффективность судебной коммуникации непосредственно связана с задачами речевого воздействия.

По В.И. Карасику судебный дискурс представляет собой разновидность институционального общения, ориентированного на статусы участников. Это коммуникативная практика, в рамках которой суд разрешает правовые конфликты, опираясь на четко определенные роли, процедуры и нормы взаимодействия.

Судебная речь представляет собой целенаправленное речевое произведение, ориентированное на достижение конкретного эффекта – воздействия на судей и присяжных заседателей. Ключевой функцией судебной речи является именно воздействие на участников процесса, соответственно ее содержание определяется целевой установкой спикера. В зависимости от обстоятельств дела и позиции спикера (защита или обвинение) установка варьируется [8]. Стратегии данного жанра находят воплощение как в устных, так и в письменных формах. Устные жанры включают в себя судебную речь, допрос и прения сторон. Их главная особенность заключается в том, что обвинитель или защитник используют различные манипулятивные стратегии, отстаивая свою процессуальную позицию. Это позволяет им представить ситуацию в выгодном свете, опереться на коллективные представления, апеллировать к ценностям общества, вызвать у слушателей нужные эмоции за счет смысловой насыщенности языковых средств [3]. При этом от верного выбора стратегии и убедительности аргументации часто зависит исход дела – обвинительный или оправдательный приговор [9].

Судебные прения являются решающими в процессе формирования убеждения судей. Наибольшее влияние оказывает речь, которая [5]:

- 1) выстроена в соответствии с четкой стратегией;
- 2) полностью соответствует процессуальным требованиям;
- 3) учитывает специфику данной стадии процесса.

Важнейшей задачей защиты в судебном процессе выступает формирование позитивного образа обвиняемого. Однако, с психологической и социальной точек зрения, использование исключительно положительных характеристик является неэффективным, поэтому в профессиональной

практике адвокаты предпочитают стратегию опровержения негативных оценок, нежели прямой демонстрации достоинств. Данный подход позволяет избежать навязчивости в создании положительного образа, сохраняя убедительность аргументации [6].

Лингвистические исследования предлагают классификацию, в которой центральное место занимает семантическая (когнитивная) стратегия, направленная на реконструкцию доказательной картины событий. Ее также дополняют следующие стратегии: Коммуникативно-ситуационные, риторические, диалоговые [5].

Риторические стратегии в судебных прениях носят инструментальный характер и реализуются через определенные тактики, включающие приемы ораторского искусства и методы воздействия на аудиторию [5].

Критерием разграничения выступает фокус воздействия. Семантическая стратегия направлена на логическое осмысление фактов, а вспомогательные стратегии – на эмоциональное восприятие [4]. Семантические стратегии являются наиболее важными, поскольку они напрямую воздействуют на адресата, влияя на его мировоззрение и ценностные ориентиры. Именно семантические стратегии являются основным инструментом формирования картины происшествия. Благодаря им участники процесса выстраивают аргументацию, направленную на убеждение судьи и присяжных [5]. Данные стратегии реализуют определенные тактические приемы, идентификация которых требует комплексного анализа коммуникативного контекста [4].

Материалом для статьи послужили записи суда по делу Теда Банди в 1979 году во Флориде.

Теодор Банди – американский серийный убийца, чьи судебные процессы стали ярким примером использования манипулятивных стратегий в юридическом контексте. Банди активно участвовал в своей защите, используя приемы и тактики влияния на судей, присяжных и собственных адвокатов. В его поведении прослеживались различные приемы от создания образа «компетентного эксперта» до эмоционального шантажа.

Ключевыми среди семантических стратегий в судебной речи являются стратегии убеждения, деконструкции и интерпретации действительности [5]:

1. Стратегия убеждения занимает центральное место в судебных прениях. Наиболее отчетливо проявляется в обвинительных речах, где прокурор излагает позицию следствия в соответствии с обвинительным заключением. Однако, данная стратегия активно применяется и в других видах судебных выступлений. Рассмотрим ее основные тактики:

- тактика установления причинно-следственных связей – применяется для логического обоснования или опровержения обвинения путем демонстрации взаимосвязи между действиями подсудимого и наступившими последствиями;
- тактика экспликации временных связей – является разновидностью предыдущей тактики и концентрируется на хронологии событий, позволяя выстроить последовательную и убедительную картину произошедшего;

– тактика апелляции к авторитетам – в качестве авторитетного источника в данном случае выступает закон, а участники судебного процесса (прокуроры, адвокаты) строго ссылаются на конкретные правовые нормы. В анализируемом деле можно выделить следующие примеры ссылок на прецедентное право:

“...the total record in the case, C.Swan v. State, at 322 South 2nd 485, per in 1975.” (00:51:30)

“...reasoned judgment rather than an exercise in discretion. C. Rawlinson v. State at 358 South 2nd, 826, Florida, 1978.” (00:58:39); упоминание рассмотрения дела Верховными судами Флориды и США, а также ссылки на статьи законов (“Florida Statutes 947.16”)

2. Стратегия деконструкции направлена на разрушение доверия к аргументам оппонента в судебных прениях, внушая сомнения в ее обоснованности. Ключевым инструментом здесь является тактика дискредитации, которая направлена на достоверность показаний подсудимых, свидетелей, и потерпевших; репутацию участников процесса; действия и профессиональную компетентность следователей, адвокатов, судей, экспертов, их беспристрастность и объективность, например:

“It's not a matter of guilt or innocence, it's a matter of production of the evidence. I want to make that clear. Because the verdict of the jury notwithstanding in their apparent belief that the state's case showed to them beyond a reasonable doubt that I was guilty. That is not a matter of guilt or innocence in my mind.” – Банди утверждает, что вердикт основан не на фактах, а на умении обвинения «продать» свою версию. (00:13:40)

“But I didn't request a hearing, and I think it's important for the purposes of this record that I request a hearing on the matter of effectiveness of counsel. If the court would give me leave to raise that in the motion for a new trial, I'll do so.” (00:10:32). – Банди дискредитирует процесс, обосновывая это неэффективностью защиты, запрос на слушание по этому вопросу подрывает доверие к справедливости суда.

“I can't imagine how a jury sitting in a case for three weeks could come back with a verdict in a case like this in six hours. The instructions alone for myself would have taken several hours just to review and understand. So, I have an immense feeling of disappointment with the manner in which the jury deliberated this case.” (00:15:31) – таким образом Банди создает сомнения в объективности вердикта, подчеркивая недостаточность времени для анализа.

“I mean that's tough so my feeling is my suspicion is that there were things affecting members of the jury that were not in there.” (00:17:38) – Банди говорит о скрытом влиянии (предвзятость, СМИ).

3. Стратегия интерпретации действительности. О. С. Иссерс выделяет два основных способа воздействия на восприятие событий: интенсификацию (intensify) и приуменьшение (downplay) [2]. Данные стратегии предполагают избирательное управление информацией в зависимости от целей коммуникатора. Тактика интенсификации направлена на акцентирование значимости информации. В суде она часто используется как в обвинительных,

так и речах защиты. Тактика приуменьшения, напротив, заключается в смягчении и маскировке определенных аспектов в речи.

“I was convinced to its lack of strength, as it were.” (00:12:46) – в данном примере Банди минимизирует силу обвинения

“First and most important that comes to mind is the treatment that my family has been receiving from the news media.” (00:07:06) – акцент на нарушении прав для усиления восприятия несправедливости

Прагматические стратегии играют важную роль в судебных прениях, поскольку они опираются на компоненты коммуникативной ситуации [5]:

1. Стратегия самопрезентации. На судебном заседании формирование убедительного образа особенно значимо, это делает данную стратегию неотъемлемым элементом речевой тактики сторон. Рассмотрим ее основные проявления:

– статусно-ролевая тактика направлена на четкое обозначение процессуальных ролей участников процесса и регламентацию их речевого поведения. В обвинительных и речах защиты преимущественно используются официальные процессуальные термины. Личные местоимения и описательные конструкции применяются реже, что подчеркивает формальный характер судебной коммуникации;

– тактика построения имиджа занимает центральное значение в стратегии самопрезентации.

Последняя тактика не ограничивается самопрезентацией говорящего, а распространяется на создание образов всех процессуальных фигур:

1) имидж компетентного юриста – используется как обвинением, так и защитой для подчеркивания своей профессиональной квалификации;

2) имидж принципиального защитника;

3) имидж борца за правопорядок;

4) имидж невинно обвиняемого – применяется защитой для создания образа подсудимого как жертвы судебной ошибки, а также подсудимым в последнем слове для полного отрицания вины. Целью является создать у суда впечатление о возможной ошибке перед вынесением приговора, например:

“... what I have to say is that I'm innocent of the charges of which I've been convicted.” (00:12:03). Банди подчеркивает свою невиновность и несправедливость обвинения.

“But suffice it to say that, based on the evidence, I was not convinced in any objective sense as to the strength of the state's case. I was convinced to its lack of strength, as it were.” (00:12:43) – попытка представить себя жертвой слабой доказательной базы.

“Because it is not a sentence of me, it is a sentence of someone else who is not standing here today” (00:38:26) – абсолютное отрицание ответственности.

“... although the verdict found, in part, that those crimes had been committed, they erred in finding who committed them.” (00:38:00) – утверждение о процессуальных ошибках.

5) имидж раскаявшегося;

6) имидж «случайно оступившегося»;

7) имидж требующего справедливости;

“I think the court erred... But the error is human. And that's why we have appellate courts.” (00:31:12) – демонстрирует понимание системы, избегая прямой конфронтации с судом.

“A whole breadth of emotion and I guess that kind of indicates to me that your Honor's robe notwithstanding, you are human and I think that's the thing that stands out” (00:31:41) – подчеркивание человечности судьи создает видимость объективности.

8) имидж жертвы.

Например, Банди описывает себя как объект травли “vilification by media”, “taken out of context”, переключая внимание с преступлений на процессуальные нарушения.

– тактика адаптивного позиционирования – данная коммуникативная тактика предполагает сознательное выстраивание социальной идентичности между говорящим и аудиторией по принципу «мы – одной группы». В судебной практике преимущественно применяется в защитительных речах адвокатов или последнем слове подсудимого.

“The court has the power to control the behavior of persons in this courthouse.” (00:30:41) Банди апеллирует к суду как к защитнику порядка, пытаясь создать альянс («мы против СМИ»).

2. Эмоционально-настраивающая стратегия тесно связана с коммуникативным контекстом, поскольку успешная реализация стратегических задач во многом определяется условиями речевого взаимодействия. Данная стратегия наиболее часто применяется в резонансных делах, вызывающих общественный интерес, и находит отражение в обвинительных речах, формируя эмоциональный тон коммуникации. Тактики, используемые для реализации данной стратегии, представляют собой мощнейший инструмент целенаправленного воздействия на образ мысли аудитории, посредством формирования в их сознании нужных образов и эмоциональных реакций [7].

– тактика создания эмоционального фона, которая носит оценочный характер, например:

“Friends of mine were roughed up, pushed out of the way, my mother was virtually stricken with microphones.” (00:07:32) – описание страданий семьи в данном примере вызывает сочувствие.

Использование ярких метафор “bloodthirsty press”, “sharks” используется для формирования негативного образа СМИ.

– тактика комплимента в судебной речи применяется для сокращения дистанции между процессуальными оппонентами, подчеркивая общность их целей;

– тактика драматизации предполагает применение гипотопоза – живого образного описания событий. Данный прием активно используется как в обвинительных, так и речах защиты при презентации обстоятельств дела, а

также в последнем слове подсудимого с целью эмоционального вовлечения слушателей.

“The testimony showed that the frontal area of the brain of the skull was fractured, jagged, and exposed a portion of the brain.” (00:49:07) – подробное описание деталей преступлений особенно влияет на присяжных заседателей, склоняя их на сторону обвинения.

Повторяющиеся эпитеты “vicious”, “vile”, “wicked”, “shockingly evil”, которые использует сторона обвинения, способствуют созданию негативного отношения к персоне Банди.

“Well, I've waited a long time to make a closing statement in this case.” (00:11:32) подчеркивает значимость момента, усиливая внимание к его речи.

“total waste of humanity” – метафора, как итоговая оценка личности подсудимого.

– тактика имитации диалога, которая основывается на приеме олицетворения и преимущественно используется в речах защиты;

– тактика аналогии;

“The court is like a hydra... like some incredible Greek tragedy” (00:34:21)

Контрастные образы: “as a man, as a judge... wisdom of a god” – подчеркивает противоречивость позиции суда

– тактика противопоставления, использующая риторическую антитезу.

В научной литературе, посвященной методике судопроизводства, также предлагается классификация стратегий ведения процесса, включающая четыре основных типа: аналитический подход, агрессивную (наступательную) тактику, использование психологических уловок и кооперативную модель [10].

Таким образом, судебный дискурс сочетает строгие процессуальные нормы с разнообразными коммуникативными стратегиями, направленными на убеждения суда и присяжных. Следует учитывать, что арсенал риторических стратегий не ограничивается указанными тактиками – их выбор и комбинация определяются конкретными целями судебного воздействия. В этом проявляется комплексный характер коммуникативных практик в судебном дискурсе, где различные речевые техники объединяются в единую систему для достижения юридически значимого решения.

Список литературы

1. *Балашова Е.Ю., Богачева Е.А.* Прагма-коммуникативная стратегия убеждения в англоязычном судебном дискурсе (на материале образцов речи участников судебного процесса) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 2. С. 25–34
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омский государственный университет, 1999. 284 с.
3. *Кузнецова Е.А.* Интерпретация юридического текста (факта) как проблема точки зрения (к проблеме субъективности) / под ред. Н.Ю. Голева; Е.А. Кузнецова // Юрислингвистика – 3. Барнаул: АГУ, 2002. С. 165–172.

4. *Макович Г.В.* Коммуникативные стратегии сторон в судебном процессе и их отражение в судебном переводе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1(30). С. 68–71.
5. *Мальцева В.А.* Судебные прения: речевые стратегии и тактики // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 152–159.
6. *Никифорова Э.Ш.* Создание положительного образа подсудимого при построении стратегии защиты // МНИЖ. 2013. № 2(9). С. 84–84.
7. *Плаксин В.А., Катермина В.В.* Лингвистические особенности политической харизматичности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 227–246.
8. *Сараева Н.А.* Средство речевого воздействия в защитительных речах // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № Спецвыпуск 2. 2012. С. 43–45.
9. *Сараева Н.А.* Языковая личность и способы убеждения в защитительных речах // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № Спецвыпуск, 2013. С. 135–138.
10. *Штеба А.А.* Судебная экспертиза на стыке лингвистики и перевода // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 739–742.

Источники

Ted Bundy full sentencing for the Chi Omega trial // URL: <https://youtu.be/TPF18htFfQo?si=h-I85pIlynnmDn7C> (дата обращения 07.06.2026).

STRATEGIES OF VERBAL MANIPULATION IN JUDICIAL COMMUNICATION: THE CASE OF TED BUNDY

A.D. Ivanova

Kuban State University, Krasnodar

This article explores verbal manipulation strategies in judicial communication that play a crucial role in shaping judges' and jurors' convictions. Using the 1979 Florida trial of Ted Bundy as a case study, the paper analyzes persuasion tactics, deconstruction techniques, reality interpretation approaches, as well as self-presentation and emotional impact strategies. Particular emphasis is placed on examining semantic and pragmatic strategies in courtroom discourse.

Key words: judicial communication, verbal manipulation, semantic strategies, pragmatic strategies, rhetorical devices.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРНЕТ-АНТРОПОНИМИКИ

В.В. Казяба

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск*

Данная статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов, которые связаны с исследовательским материалом в рамках антропонимических исследований Интернет-коммуникации. В статье рассмотрены такие проблемные вопросы, как: антропонимический состав Интернета, правовая сторона вопроса о персональных данных пользователей, верификация материала с помощью дополнительных данных информантов, проблема объема выборки.

Ключевые слова: антропоним, антропонимика, Интернет-коммуникация, Интернет-антропонимика, исследовательский материал.

Изучение собственных имен человека в Интернет-пространстве прочно укрепилось в современной ономастической теории и практике, получив свое развитие в трудах множества отечественных и зарубежных исследований. Интернет-антропонимика представляет собой весьма любопытную область языкознания, в которой раскрываются совершенно новые, лингвокреативные, психолингвистические механизмы актуального ономастического словотворчества и словообразования вообще. Находясь практически в свободном доступе, виртуальные имена кажутся на первый взгляд весьма простыми и доступными для исследования, что, однако, оборачивается большим заблуждением в свете специфичности их функциональной среды, номинативных и прагматических особенностей, а также из-за их неразрывной связи с автором-номинатором, который одновременно выступает носителем имени. В рамках данной статьи позволим себе поделиться трудностями и проблемными аспектами, сопряженными с отбором и анализом Интернет-антропонимов в рамках лингвистических исследований.

Первая исследовательская трудность связана с обилием видов виртуальных антропонимов в Сети, а также неоднозначностью и дискуссионностью их онимического статуса. В подавляющем большинстве работ внимание уделяется так называемым никнеймам, юзерникам или именам профиля. Вместе с тем почти в каждом сервисе циркулируют иные единицы, которые заслуживают не меньшего внимания и определено точно – антропонимического статуса: отображаемые имена – display name (X, экс-Twitter¹), пользовательское имя, URL (uniform resource locator), ID аккаунта, уникальный идентификатор пользователя, имя страницы, адрес страницы,

¹ Деятельность социальной сети X (Twitter) ограничена Роскомнадзором на территории Российской Федерации.

handle – ник канала (Вконтакте, Instagram, Facebook², YouTube, Pinterest, Snapchat) и даже логин. В тени остаются и названия электронных почтовых ящиков, хотя выбор языковых единиц для них довольно часто коррелирует с личной информацией о владельце. Подобные языковые элементы – неотъемлемая часть виртуальной личности, напрямую ассоциированная с ней и ссылающаяся прежде всего на виртуальный прототип пользователя. Данные элементы действительно являются именными и обладают не меньшим номинативным и самопрезентационным потенциалом, чем привычные никнеймы. Кроме того, подобные онимы зачастую имеют особое техническое требование – быть уникальными и неповторяющимися, что подталкивает людей к активному языковому творчеству. В этом смысле интересен антропонимический анализ полной самономинации пользователя вида «х@у», где х – это традиционный никнейм или диада «имя – фамилия», отображаемые на странице профиля, а у – любой вид имени аккаунта/ профиля / страницы пользователя. Разные веб-сервисы и платформы будут демонстрировать различную степень языковой корреляции двух самономинативных элементов: от полного дублирования (*Max Corinsky@Max_Corinsky*, *Елена Уланова@elenulanova*) или частичных вариаций составляющих (*Horst Shammacher@hoshamm*, *Олег Антонов@olegmaster*) до несовпадения данных имен (*Marianne Sternmeyer@theschmetterling1*, *Игорь Бубнов@madhead*). Не менее любопытным оказывается изучение вариаций самономинаций среди тезок в рамках одного сервиса, что невозможно сделать без привлечения к анализу у-имен: *Иван Петров* → *i_v_petrov*; *ipetrow*; *petrov_ivan85*; *petrov.best*; *ivashkakakash*; *bulka853*; *kuzzal*.

Внимание на себя обращает и появление новых антропонимических подсистем в Интерне-пространстве. Так, игровые сервисы вроде Battle.net и Steam предлагают пользователю создать один платформенный никнейм и ряд других виртуальных имен, которыми можно пользоваться во время игр на площадке (см. Рис. 1). При этом пользователи не пренебрегают данной возможностью, протраивая личные антропонимиконы и подчеркивая зависимость своих самономинаций от сюжетной линии той или иной игры.

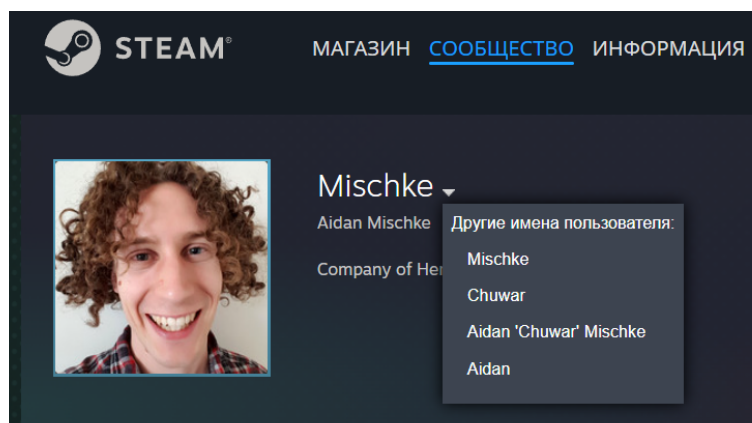

Рисунок 1. Пример аккаунта пользователя Steam

² Деятельность социальных сетей Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации.

Проблемным вопросом представляется законность сбора и обработки антропонимического материала в Сети. Все собираемые для изучения данные используются в научно-исследовательских целях, что по-разному трактуется и регламентируется государствами и требует уточнений в каждой отдельной стране. Так, например, подобные изыскания не нарушают Общий регламент защиты персональных данных в Европейском Союзе (EU-Datenschutz-Grundverordnung, 2018), а также Федеральный закон о защите данных Федеративной Республики Германия (Bundesdatenschutzgesetz, 2018). А в случае с российским Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 года может потребоваться разрешение субъекта персональных данных на работу с личными сведениями. Но, с другой стороны, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ не запрещает работу с общедоступной информацией, представленной в виде открытых данных. В целом никнеймы не являются персональными данными, но могут быть связаны напрямую с ними, поэтому нужно помнить об этике и законности обнародования подобной информации. В качестве решения можно не только получать согласие пользователей, но и заменять при публикации символы никнейма знаком астерикс, особенно в случае совпадения никнейма с реальным антропонимом автора [2]: *Jens_K*lter206, helenakro*z, ≈maria doeb1*nsteil≈*.

Привлечение персональных данных также играет важную роль для интерпретации виртуальных антропонимов. Всякий Интернет-антропоним погружен в дискурс пользовательской самопрезентации, и здесь речь идет не только о реальных имени и фамилии, а о такой сопутствующей информации, как, например, пол, возраст, место проживания, профессиональная принадлежность, семейный статус, хобби человека. Подобная информация позволяет не только произвести экстралингвистический анализ самономинаций в Сети, но вообще осуществить адекватную верификацию сделанных выводов, особенно в части номинативного потенциала, семантического и прагматического значения антропонимов. Так, никнейм *Вепрь78* пользователя *Андрея А.* на первый взгляд должен быть проинтерпретирован как зоонимическая единица, однако с учетом хобби пользователя – стрельба и оружие, а также фото профиля, где человек держит в руках одноименный карабин, значение виртуального «псевдонима» меняется.

Аналогичной ценностью обладают не только самопрезентационные данные пользователя, которые, нужно отметить, не всегда представлены в полном или необходимом объеме. Для восполнения исследовательских лакун целесообразно применять контент- и дискурс-анализ доступных к ознакомлению текстовых и медиафайлов пользователя. В публичном Интернет-дискурсе становится возможным не только вскрыть реальное имя обладателя никнейма, но и некоторые его экстралингвистические атрибуты. Пользователь с никнеймом *Mr.Heisenberg* оказывается вовсе не мужчиной и не владельцем данной фамилии. Благодаря публичной переписке с другими пользователями становится ясно, что это девушка, которая проходит сеанс химеотерапии

вследствие чего он потеряла волосы, как и главный герой ее любимого телесериала «Breaking Bad» Уолтер Уайт, называвший свое альтер-эго Гайзенбергом.

Наиболее ценные интерпретационные данные предоставляют личные опросы информантов, которые параллельно определению номинативно-семантического значения помогают вскрывать мотивы и объяснять механизмы самономинации в Интернет-пространстве. Немецкоязычный пользователь Альберт называет себя в Сети *Ali Mente*. Сам он объясняет выбор такого никнейма юмором, ведь «псевдоним» очень похож по форме на реальное имя, но отсылает к слову «алименты». Вместе с тем Альберт подмечает, что он и правда в разводе, а друзья называют его *Al* или *Ali*.

Еще один проблемный аспект связан с количеством репрезентативного материала для исследования. При обширной генеральной совокупности социологические исследования рекомендуют ограничиваться случайными выборками в объеме 2% от генеральной [1]. Однако если объем именника чата или тематического форума варьируется в среднем от 5 до 10 тысяч, то в отношении социальных сетей речь идет о десятках миллионов пользователей на отдельные страны. Внушительная генеральная совокупность в действительности не требует большой выборки. Расчет адекватного количества материала можно произвести с помощью статистических методов и формул (например, В.И. Паниотто) или воспользоваться любым доступным статистическим онлайн-калькулятором, который учитывает размер выборки, нормированное отклонение, вариацию для выборки, допустимую ошибку.

Итак, изучение Интернет-антропонимикона хоть уже и выработало определенную исследовательскую традицию и даже инструментарий, все еще сопряжено с рядом проблемных аспектов, касающихся самого исследовательского материала. Среди таких дискуссионных вопросов остаются: неоднозначность трактовки элементов самономинации с позиций их принадлежности к антропонимическому пласту, проблема привлечения к исследованию персональных данных пользователей и контента их аккаунтов или страниц, а также трудоемкость работы с информантами и определение размера репрезентативной исследовательской выборки в условиях крупных генеральных совокупностей Интернет-антропонимиконов.

Список литературы

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учеб. для вузов. М.: РГГУ, 2001. 317 с.
2. *Nicknamen international*. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen / Hrsg. von P. Schlobinski, T. Siever. Berlin: Peter Lang GmbH, 2018. 400 p.

RESEARCH MATERIAL AS A PROBLEM ASPECT OF INTERNET ANTHROPONYMICS

V.V. Kaziaba

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

The article is devoted to the consideration of problematic aspects that are associated with research material within the framework of anthroponymic studies in Internet communication. The article examines such problematic issues as: the anthroponymic composition of the Internet, the legal side of the issue of personal users' data, verification of material using additional data of informants, the problem of sample size.

Key words: anthroponym, anthroponymy, Internet communication, Internet anthroponymy, research material.

УДК 82'282

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ЭМОЦИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности выражения эмоций в художественном тексте. В статье отмечается, что с помощью невербальной коммуникации можно передать не только настроение и состояние героев, но и указать на принадлежность к мужскому или женскому полу, так как существуют паралингвистические средства и некоммуникативные движения, присущие фемининному и маскулинному типу поведения соответственно.

Ключевые слова: эмоции, художественный текст, невербальная коммуникация, тип поведения.

Проблема исследования выражения эмоций в художественном тексте является одним из наиболее актуальных вопросов современной психолингвистики и психологии и имеет большое теоретическое и прикладное значение. В последнее время наблюдается повышенное внимание лингвистов к психолингвистическому анализу текста, в общем, и различных способах выражения эмоций в художественном тексте, в частности. В своих исследованиях К. Е. Изард выделила следующие основные, или, как он их называл, «фундаментальные», эмоции, определяющие все основные: интерес, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд [3].

Из соединения фундаментальных эмоций возникают комплексные эмоциональные состояния, такие как, апример, тревожность, сочетающая в себе

страх, гнев, вину и интерес. Каждая из указанных эмоций лежит в основе целого спектра состояний, различающихся по степени выраженности (например, радость, удовлетворение, восторг, ликование, экстаз и т.д.).

Заслуживает внимания модель толкования названий эмоций А. Вежбицкой. Ученая разработала модель толкования названий эмоций в различных языках через понятия, интуитивно ясные и самообъясняющиеся, которые невозможно определить. По мнению А. Вежбицкой, «врожденные и универсальные понятия должны выявляться в описании многих языков мира (генетически и культурно различных)» [2, с. 233].

Предложенные в её работе толкования представляют собой своего рода прототипические модели поведения или сценарии, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств. Однако эти модели поведения можно рассматривать как формулы, предусматривающие строгое разграничение необходимых и достаточных условий (не для эмоций как таковых, но для эмоциональных понятий), и эти формулы не допускают размытости границ между понятиями.

В своей работе А. Вежбицкая классифицирует названия эмоций следующим образом:

«1. Эмоции, связанные с «плохими вещами» (*sadness, unhappiness, distress, upset, sorrow, grief, despair*).

2. Эмоции, связанные с «хорошими вещами» (*joy, happiness, content, pleasure, delight, excitement*).

3. Эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки, и вызывающими негативную реакцию (*fury, anger, rage, wrath, madness*).

4. Эмоции, связанные с размышлениями о самом себе, самооценкой (*remorse, guilt, shame, humiliation, embarrassment, pride, triumph*).

5. Эмоции, связанные с отношением к другим людям (*love, hate, respect, pity, envy*)» [2, с. 241].

Изучение репрезентации эмоций в тексте возможно и в рамках традиционного деления композиционно-речевых форм текста на повествование, рассуждение, описание, диалог, монолог и т.д., однако, на наш взгляд, более оправданным для этой цели представляется выявление особых эмотивных фрагментов текста. Безусловно, представляет интерес и изучение функционирования в тексте отдельных эмотивных лексем, реализующих тот или иной концепт, или исследование эмотивного потенциала той или иной грамматической формы, однако специфика текстового уровня исследования эмотивности предполагает также и изучение именно специфических текстовых эмоционально заряженных образований различной протяженности и структуры.

Основными эмотивными единицами текста являются эмотивные микротексты и эмотивные вкрапления. «Эмотивные микротексты – это фрагменты текста, вычлняемые на тематической основе и отражающие какое-либо эмоциональное состояние или состояния субъекта» [1, с. 84]. «Эмотивные вкрапления – это краткий комментарий субъекта речи о своих или чужих

чувствах и впечатлениях в структуре неэмотивных фрагментов текста» [1, с. 86]. Эмотивные микротексты имеют несколько разновидностей (типов), когнитивной структуре которых соответствуют прототипы, представляющие эмотивную ситуацию на уровне обыденного сознания.

Выявление эмотивных единиц текста чрезвычайно важно для решения такой актуальной проблемы, как выявление эмоциональной доминанты художественного текста. «Ведущая эмоция, фиксированная в тексте, проявляется для реципиента как эмоциональная доминанта текста, а производные – как модификации доминантной» [6, с. 119]. Использование понятия микротекста удобно также для интерпретации эмоций, нагнетающих эмоциональную доминанту (преддоминантных), и гасящих ее (постдоминантных). Пошаговая интерпретация эмотивных смыслов микротекстов в структуре художественного дискурса способствует так называемому расщеплению «склеенных текстовых эмоций» [9, с. 160].

Произведение допускает разные интерпретации и разные осмысления, но, тем не менее, все эти прочтения-интерпретации не совсем произвольны [8]. Возможность вычленения в тексте эмотивных микротекстов обусловлена той важностью, которую автор художественного произведения придает отражению в нем эмоционального мира человека.

Как показывают современные научные исследования, коммуникация рассматривается не только как акт осознанного, рационально оформленного речевого обмена информацией, но и как непосредственный эмоциональный контакт между людьми. Таким образом, коммуникация представляет собой категорию не чисто языковую, а прагматико-психолого-речевую.

Все неязыковые факторы играют вспомогательную роль в общении. Наука, занимающаяся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации, называется паралингвистикой.

К паралингвистическим средствам относятся лишь те функционально оправданные движения говорящего субъекта, которые необходимы ему для восполнения пробелов в вербальной коммуникации и ее усиления. В отечественной лингвистической литературе сложилось единое определение паралингвистических явлений, которые включают в себя определенные модуляции голоса, все виды кинетических движений, а также позы, сопровождающие или заменяющие речевое высказывание и несущие к его содержанию дополнительную информацию.

К невербальному языку следует также отнести некоммуникативные движения, которые сигнализируют о внутреннем эмоциональном состоянии говорящего. Некоммуникативные движения имеют место в тех случаях, когда говорящий не вполне отчетливо представляет себе модель последующего действия и ищет правильный путь в ходе ориентировочного поведения. Данные жесты называются «жесты гезитации» или «поисковые жесты». Заполняя паузы в речи, они сигнализируют о затруднениях говорящего в том или ином эмоциональном состоянии (ЭС). В то же время некоммуникативные движения не ассоциируются с определенным значением и носят произвольный,

независящий от самого человека характер. Они ненамеренно сопровождают речь и несут чисто эмоциональную нагрузку.

Это могут быть движения, действия:

1) направленные на самого говорящего. Сюда относятся отчетливые индивидуальные привычки, предназначенные для снятия внутреннего напряжения, например:

кусать губы — bite one's lips;

грызть ногти — bite (gnaw at) one's nails;

поднять брови — to raise eyebrows;

2) движения, направленные на какой-то предмет, находящийся на говорящем, например:

закрыть лицо платком — to cover face with handkerchief;

теребить в руках платок — fiddle / trifle with one's handkerchief;

растёгивать пуговицы — unbutton;

3) движения, направленные на какой-то предмет в окружении, например:

ломать спички — to break matches;

закурить сигарету — to lit a cigarette.

В последние десятилетия особое место в научных исследованиях занимают «гендерные исследования, в центре внимания которых находятся социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах, все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры» [5, с. 85].

Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен [7, с. 135], представляет собой один из параметров человеческой личности, отражающийся в языке и служащий затем средством конструирования идентичности.

Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний дает возможность сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, на способах представления этих смыслов языковыми средствами, на разного рода коннотациях и семантических приращениях, которые сопутствуют номинациям мужского и женского родов [4].

Хорошо известно, что невербальное поведение женщин отличается от аналогичного поведения мужчин. Анализ художественных произведений показал, что в некоммуникативных движениях в качестве адапторов-объектов, под которыми понимают материальные объекты и звуки от них, женщины используют *платок, шарф, карандаш*; мужчины – *спички, пуговицы, волосы*.

e.g. Alex, my boyfriend, *played with my hair* as I rested my throbbing head in his lap after the grueling day (Weisberger www).

e.g. ... and then, *covering her face with her handkerchief*, almost screamed with agony (Austen www).

Жест «махнуть рукой» – *give up as lost / hopeless* – типичен для мужчин.

e.g. Mr. John Dashwood *gave up as lost* when he heard about that (Austen).

Данный жест иллюстрирует пренебрежение, презрение, безнадежность, решимость, раздражение, досаду. Номинация данного жеста начинает использоваться авторами художественных произведений при описании ЭС мужчин в XIX веке, а при описании женщин данная номинация зафиксирована в художественной прозе второй половины XX века, что подтверждает тезис о культурно-исторической обусловленности гендерных стереотипов. В английском языке жест «ломать руки» репрезентируется словосочетанием “to clasp one’s hands” и является маркером фемининности. Значение жеста «отчаяние» содержится в языковой манифестации кинемы:

e.g. She *clasped her hands* in dismay (Austen www).

Номинации мимического движения «опустить глаза» – *drop one’s eyes; lower one’s gaze, look down* используются в художественных текстах в основном при описании женщин в ЭС стыда /смущения, горя, недовольства.

Напротив, мимическое движение «округлить глаза» – *to roll one’s eyes* используется для выражения шока, крайней степени удивления. Это в большей степени характерно для женских образов.

e.g. Lily *snorted and rolled her eyes* again (Weisberger www).

Помимо мимических движений, мы считаем необходимым выделить цвет лица как один из аспектов гендерной маркировки эмоций. Если говорить о фемининности, то для женских образов характерна бледность лица, что свидетельствует о чувстве страха или ужаса.

e.g. She *eagerly caught* a letter from the servant, and turning of a *deathlike paleness, instantly ran out of the room* (Austen www).

e.g. Marianne, now *looking dreadfully white*, and *unable to speak*, sunk into her chair, and Elinor, expecting every moment to see her faint, tried to screen her from the observations of others, while reviving her with lavender water (Austen www).

Анализ данных примеров позволяет сделать следующий вывод – девушку обуревают настолько сильные эмоции, что она готова упасть в обморок. Описательная лексика представлена тремя группами:

1) кинемами, обозначающими какое-либо телодвижение на месте – *sunk into her chair*,

2) кинемами, репрезентирующими резкое движение прочь – *instantly ran out, eagerly caught*,

3) кинемами, обозначающими смертельный ужас – *dreadfully white, deathlike paleness*.

Репрезентация мужских образов через цвет лица в большинстве случаев связана с краснотой.

e.g. He *coloured*, and stammered out an unintelligible reply (Austen www).

Этот прием передает чувства стыда или смущения, хотя эти эмоции традиционно приписываются женщинам. Но если речь идет о женском образе, используются лексически более эмфатичные маркеры.

e.g. She *blushed* at his hint; but this was even visibly gratifying to her (Austen www).

Как демонстрирует исследуемый материал, кинесика играет важную роль в описании и понимании эмоционального состояния персонажей. С помощью невербальной коммуникации можно передать не только настроение и состояние героев, но и указать на принадлежность к мужскому или женскому полу, так как существуют паралингвистические средства и некоммуникативные движения, присущие фемининному и маскулинному типу поведения соответственно. При описании женских характеров используются мимические движения глаз (*опустить, округлить*), рук (*всплеснуть руками*), изменение цвета лица (*белый, реже красный*), мужские образы довольно часто характеризуются резкими, отрывистыми жестами или движениями (*махнуть рукой*), манипуляциями с окружающими предметами (*закурить сигару*).

Итак, эмоции выступают как внутренний язык, как система сигналов, что особенно ярко проявляется в образах литературных персонажей. Эмоции являются составной частью культуры любого народа, поэтому они концептуализируются и вербализуются в его языке. Кинесика играет важную роль в описании и понимании эмоционального состояния персонажей. С помощью невербальной коммуникации можно передать не только настроение и состояние героев, но и указать на принадлежность к мужскому или женскому полу, так как существуют паралингвистические средства и некоммуникативные движения, присущие фемининному и маскулинному типу поведения соответственно.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1996. 608 с.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 293 с.
3. *Изард К.Е.* Эмоции человека. М.: Политиздат, 1980. С. 52–71.
4. *Катермина В.В.* Номинации человека в лексике и фразеологии: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 91 с.
5. *Кирилина А.В.* Семантика личных имен: гендерный аспект // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Волгоград, 2002. С. 135–141.
6. *Пищальникова В.А., Чернова М.М.* Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М.: Горно-Алтайск ГАГУ, 2003. 266 с.
7. *Прима А.М.* Концептуализация понятия «гендер» в романе Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй»: дис. канд. ... филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2009. 202 с.
8. *Фарино Е.И.* Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
9. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Источники

Austen Jane Sense and Sensibility // URL: https://archive.org/details/jane-austen_sense-and-sensibility.

Weisberger Lauren The Devil wears Prada // URL: <https://archive.org/details/devilwearsprad00weis>

NON-VERBAL LANGUAGE AS A WAY OF DESCRIBING CHARACTERS' EMOTIONS: GENDER ASPECT

V.V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the features of expressing emotions in fiction. The article notes that non-verbal communication can convey not only the mood and state of the characters, but also indicate their gender as there are paralinguistic means and non-communicative movements that are inherent in feminine and masculine behavior, respectively.

Key words: emotions; fiction; non-verbal communication; type of behavior.

УДК 81'42

РАЗВИТИЕ ЖАНРА ДЕТЕКТИВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ)

Н.В. Козлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена исследованию детективного жанра в современной литературе. Рассматривая новые вариации детективного романа, мы приходим к выводу, что данный жанр не теряет популярности уже более века и постоянно развивается, поощряя рождение различных поджанров. Для идентификации и определения этих поджанров в современной литературе используются неологизмы, заимствованные из английского и японского языков.

Ключевые слова: детектив, детективный жанр, современный детектив, неологизмы, иямису, хонкаку, икигай, cosy crime.

Детектив как жанр зародился более века назад, и с тех пор, переживая некоторые взлёты и падения, стремительно развивается. Что же такое детектив и в чём причина его популярности? Н.А. Купина даёт следующую дефиницию детективу: «детектив – жанр литературы, основанный на описании истории

совершения и разоблачения преступления, выявления преступника. Фабула детектива организована вокруг разгадывания загадки, связанной с убийством, ограблением, аферой и т. п.» [4, с. 107]. Детективный роман или рассказ является основой детективного жанра, который В. А. Байко определяет как «устоявшуюся литературную форму со строгой сюжетной конструкцией, основой которой является процесс раскрытия преступления, и типовым набором функционально окрашенных персонажей» [1].

Казалось бы, данный жанр достиг пика своего развития в 1920–30 гг. в Европе (период, который литературоведы окрестили «золотым веком детектива»). Яркими его представителями являются такие мастодонты жанра, как Агата Кристи, Гилберт К. Честертон, Дороти Сэйерс и другие. Их работы принято относить к чистому детективному жанру – классическому детективу. Под этим термином мы понимаем литературное произведение, написанное по правилам детектива и не вовлекающее другие литературные жанры.

Однако жанр как явление динамическое не может долго оставаться в рамках одной фабулы и локации. Так, детектив получил широкое распространение в азиатских странах, особенно в Японии, и разделился на множество вариаций и поджанров. Для обозначения всех этих новшеств необходимы новые термины, и здесь в дело вступают неологизмы. Под неологизмами мы понимаем «непосредственно новую лексику, а также другие категории слов, в частности, семантические неологизмы или функциональные новые слова» [5].

Согласно С.Ю. Капковой, детектив может «объединяться или комбинироваться с другими жанрами в рамках одного произведения: бытовой детектив, исторический детектив, мистический детектив и т.д.» [3]. Таких вариаций большое множество, но в этой статье мы рассмотрим только современные разновидности детектива, популярные среди любителей данного жанра.

Для начала обратимся к жанру хонкаку – классическому японскому детективу. Термин *honkaku* в переводе с японского означает «подлинный» или «традиционный». Хонкаку-детективы строятся по тому же принципу, что и классические европейские детективы начала XX века: «читатель должен знать ровно столько, сколько главный герой книги, и иметь такие же шансы раскрыть дело». Яркими представителями этого жанра принято считать Эдогаву Рампо и Содзи Симадзу, который вдохнул новую жизнь в этот жанр в конце XX века и продолжает удерживать его на пике популярности.

Япония богата на вариации детективного жанра. Так, следующим поджанром является икигай-детектив – японский эквивалент уютного детектива *cosy crime*, весьма популярного в последние годы. Икигай (от японского “*ikigai*”) означает “*a reason for being; the thing that gets you up in the morning*” («причина существования; то, что заставляет вас вставать по утрам» – *здесь и далее перевод наш*). Таким образом, икигай-детективы и *cosy crime* (*cosy mystery*) можно охарактеризовать как «поджанр детективной прозы, который отличается мягким подходом к расследованию преступлений. В таких книгах

акцент делается на логике, дедукции и атмосфере, а не на жестокости или психологическом напряжении. Действие в большинстве случаев разворачивается в небольших городках или деревнях, где все друг друга знают, а главные герои – это часто любители, которые вообще случайно оказываются в центре расследования». В детективах этого поджанра «празднуется жизнь, а не смерть».

Следующим примером, который мы рассмотрим, будет так называемый женский детектив-триллер – *“domestic thriller”*, также известный как *“chick noir,” “domestic noir”* или *“mommy thriller”*. Женский детектив-триллер, очевидно, использует центрального женского персонажа и происходит в доме, семье, затрагивая супружеские отношения и темы доверия, недоверия и подозрения (*“Using a more female centric approach to storytelling, domestic thrillers are set within homes, families and spousal relations and delve into the dynamics of trust, mistrust and suspicion”*). Целью этого поджанра является создание давящей, гнетущей атмосферы и психологического напряжения.

Далее вернёмся к поджанрам, пришедшим к нам из японской литературы. Например, обратимся к детективам в жанре иямису. *“Iyamisu”* – это поджанр детективной литературы, в котором немало внимания уделено отталкивающим эпизодам, а также раскрывается тёмная сторона человеческой души (*“a subgenre of mystery fiction which deals with grisly episodes and the dark side of human nature”*). Этот поджанр нередко называют *“eww mystery”* за большое количество сцен жестокости, насилия и просто неприятных эпизодов, тем самым выражая неодобрение происходящему на страницах романа.

Последним в данном исследовании мы рассмотрим поджанр фудосан. С японского языка слово *“fudosan”* переводится как «недвижимость» (*“real estate”*), а жанр *“fudosan mystery”* – это детектив, «где расследование построено на чертежах и схемах загадочного дома». На данный момент это самый малочисленный поджанр современного детектива, который на российском книжном рынке представлен романом Укэцу «Странный дом». Особенность этой разновидности детектива заключается в том, что чертежи и схемы приводятся в тексте по мере их описания и занимают минимум треть объёма книги, но их отсутствие может затруднить понимание сюжета. Грубо говоря, фудосан-детектив является чем-то средним между текстовым литературным произведением и графическим романом.

В своём исследовании П.А. Моисеев утверждает, что детектив несовместим с «психологизмом реалистического типа» в частности и «реализмом в целом» [6, с. 81]. Чем более реалистичным становится детектив и его действующие лица, тем меньше в нём остаётся собственно детектива. Однако, основываясь на вышеуказанных примерах, мы можем видеть, что психологизм и реализм – неотъемлемые аспекты многих современных поджанров, и их присутствие не делает современные детективы менее читаемыми или интересными. Безусловно, детектив нельзя отнести к высокому литературному жанру, но он удовлетворяет базовую потребность индивида в «зрелищах», что и делает его таким популярным.

Список литературы

1. *Байко В.А.* Основные жанровые признаки детективной прозы [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zhanrovyie-priznaki-detektivnoy-prozy?ysclid=mcciqczcvf851562447> (дата обращения: 05.06.2025).
2. *Булычева В.П.* Структурно-композиционные особенности детективного жанра [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/4068/?ysclid=lluxyqiohu982720561> (дата обращения: 05.06.2025).
3. *Капкова С.Ю.* Характеристики детективного жанра в современной детской английской эксцентрической литературе (на материале произведений Дж. К. Роулинг и Р. Даля) [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-detektivnogo-zhanra-v-sovremennoy-detskoy-angliyskoy-ekstsentricheskoj-literature-na-materiale-proizvedeniy-dzh-k-rouling-i-r-dalya?ysclid=mccitu7w4n504347862> (дата обращения: 05.06.2025).
4. *Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А.* Массовая литература сегодня: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 424 с.
5. *Липуриди С.Х.* Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2021. 28 с.
6. *Моисеев П.А.* Детектив на фоне мировой литературы: реалистическая манера повествования и детектив (случаи Сэйерс и Тэй) // Гуманитарные исследования. 2015. № 2(54). С. 80–86. EDN TZVFCR.
7. *Нефедов Д.Б.* Жанровая специфика подросткового детектива: теоретический аспект проблемы // Littera Terra: Материалы XII Межрегиональной (с международным участием) конференции молодых ученых, Екатеринбург, 1 декабря 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. С. 84–93. EDN DVIJXI.
8. *Шугаева Н.Ю.* Средства создания саспенса в классическом детективе и современном детективе-триллере // Вопросы иноязычной филологии и переводоведения: новые подходы и актуальные исследования: Сб. науч. ст. XXXVII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–18 октября 2024 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2024. С. 302–311. EDN RDCAIY.

Источники

- Онлайн-словарь молодёжных слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary* [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 05.06.2025).
- Официальный сайт издательства «Азбука»* [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://azbooka.ru/articles/cozy-crime-ili-uyutnyy-detektiv-knizhnyy-antistress-kotoryy-rabotaet> (дата обращения 05.06.2025).

Официальный сайт интернет-магазина «Читай-город» [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.chitai-gorod.ru/articles/chto_takoye_khonkakudetektiv_7_knig_dlya_znakomstva_s_zhanrom-4172?ysclid=mcdd52rnnz193985733 (дата обращения 05.06.2025).

Электронный портал для изучения японского языка “Tanoshii Japanese” [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.tanoshiijapanese.com/dictionary/entry_details.cfm?entry_id=178081 (дата обращения 05.16.2025).

Электронный портал “Mystery & Suspense” [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.mysteryandsuspense.com/what-is-a-domestic-thriller/> (дата обращения 05.06.2025).

Quillibris. Портал для писателей. Путеводитель по детективной литературе [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.quillibris.com/genre/crimi-guide#rec503053466> (дата обращения: 05.06.2025).

THE DEVELOPMENT OF THE DETECTIVE GENRE IN MODERN LITERATURE (USING THE EXAMPLES OF ENGLISH AND RUSSIAN NEOLOGISMS)

N.V. Kozlova

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the study of the mystery genre in modern literature. Considering new variations of the mystery novel, we come to the conclusion that this genre has not lost popularity for more than a century and is constantly evolving, encouraging the appearance of various subgenres. Neologisms borrowed from English and Japanese are used in modern literature to name and define these subgenres.

Key words: mystery, mystery genre, modern mystery, neologisms, iyamisu, honkaku, ikigai, cozy crime.

УДК 811:378.147:784

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПЕСНИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Н.Д. Кулишова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Для развития слуха и голоса полезно пение. Иностранный язык усваивается лучше на уровне эмоций. Музыка улучшает восприятие языка. Занимающиеся музыкой осваивают иностранный язык быстрее и осознаннее. Формирование речи играет ключевую роль в развитии человека.

Ключевые слова: пение, песни, иностранный язык, речь, интонация, выразительность, ритм, эмоции.

Для развития слуха и голоса (что важно для учителя и переводчика) очень полезно пение песен. Музыка выражает мысли и чувства людей. Иностранный язык лучше усваивается на уровне эмоций, а не рационального мышления. Каждое музыкальное произведение имеет определённое содержание, передаёт определённое настроение и имеет свой характер. Музыка улучшает языковое восприятие. «Восприятие обеспечивает непосредственно - чувственную ориентировку в окружающем мире. Будучи необходимым этапом познания, оно всегда в большей или меньшей степени связано с мышлением, памятью, вниманием, направляется мотивацией и имеет определённую аффективно-эмоциональную окраску» [3, с. 66]. В восприятии большое значение имеет артикулярный аппарат.

Занимавшиеся и продолжающие заниматься музыкой учащиеся, вне зависимости от их возраста, осваивают иностранный язык быстрее и осознаннее. Формирование речи играет ключевую роль в развитии человека. У каждого народа сформировалась своя речь. Но у каждого человека есть свой словарный запас. Его размер зависит от уровня индивидуального развития человека. В мыслительной деятельности речь выполняет функцию формирования воображения. «Качество выполнения как коммуникативной, так и семантической функции речи зависит от преобладания тех или иных сопровождающих речь компонентов – интонации, образности и выразительности речи, эмоциональности языка, живости мимических изменений и жестов и др.» [2, с. 395].

Для речи, также как и для музыки, характерны разные ритмы и тона. Одни и те же когнитивные процессы отвечают за восприятие языка и музыки. «С момента появления второй сигнальной системы развитие и совершенствование сенсорного восприятия шло таким образом, что лучшее восприятие звуковой волны человеческим ухом происходит в диапазоне от 1000 – 3000 Гц и 30 – 75 дБ, что соответствует человеческой речи. Особое значение для общения имеет эмоциональная сторона речи, произнесение тех или иных слов. В соответствии с этим речь делится на повествовательную, восклицательную, вопросительную и побудительную» [2, с. 396]. В дискурсивном процессе идёт усложнение системных свойств знака, что создаёт ему экспрессивность. Смысл текста говорящий соотносит со своей картиной мира, сложившейся благодаря не одному, а многим текстам. Один и тот же знак может вызвать разное смысловое восприятие сказанного, что будет зависеть от ритма, интонации, тембра, высоты звука и произношения на иностранном языке.

В методике преподавания иностранным языкам пению уделяется, к сожалению, мало внимания. А ведь песни, народные и современные, являются средством коммуникации для установления межличностных отношений. При совместном пении в группе создаётся общее коллективное настроение, что способствует лучшему взаимопониманию. Песни используются для запоминания текстов. Под музыку лучше запоминаются стихотворения. Особый ритм мелодии песни помогает и более быстрому запоминанию

информации. При прослушивании песни информация запоминается подчас на подсознательном уровне.

Общее звучание иностранного языка формируется из ударения, мелодии, ритма, типичного для данного языка звучания. Связь музыки и речи – факт неоспоримый. И музыка, и речь воспринимаются нами как сообщение, но переданное разными знаками: музыкальными и словесными. В обоих случаях мы имеем дело со звуко-фонемами. «Акустический образ фонемы возникает как абстракция и обобщение различных вариантов слышимых в речи звуков, или, иначе говоря, как выделение и обобщение устойчивых дифференциальных признаков фонем. Благодаря этому создаётся известная устойчивость (инвариантность) фонем. ... Выделение дифференциальных признаков фонем происходит в процессе словесного общения и подкрепляется благодаря пониманию слов различению их лексических значений. Развитие речевого слуха неразрывно связано с овладением правильной речевой артикуляцией [4, с. 283]. И слова, и мелодии формируют линейное последовательное высказывание. Как в музыке, так и в речи мы используем понятия такт, пауза, ритм, кульминация, композиция, период. Мы учимся понимать смысловые структуры песен благодаря нашим языковым компетенциям. Трудности возникают под влиянием родного языка и когда отсутствует необходимая языковая среда. Ухо начинающего изучать другой язык воспринимает только то, что ему знакомо, похоже на родной язык, слух настроен на усвоенные ещё в детстве произносительные навыки. Отсюда мы имеем нарушение произносительной нормы изучаемого языка, что приводит к нарушению взаимопонимания, к затруднению процесса коммуникации.

Развивать фонетический слух можно и нужно с помощью иноязычных песен. Каждый из нас может в большей или меньшей степени имитировать сказанное, услышанное. При изучении иностранного языка имитация будет скорее осознанной и включать зрительные, слуховые, двигательные ощущения. Правильное произношение играет главную роль в процессе коммуникации, оно во многом облегчает успех в понимании говорящих. И в родном языке, и в иностранном есть литературный язык и диалекты, отличающиеся произношением. Если на занятиях мы уделяем внимание образцовому литературному произношению, понятному всем говорящим на этом языке, то диалектальные особенности языка могут быть темой народных песен. Возьмём один куплет из известной немецкой народной песни

«Hab` mein` Wage voll gelade“

Hab` mein` Wage voll gelade“ voll mit Männern, alten,
als wir in die Stadt `nein kamen, murrten sie und schalten.
Drum lad` ich all mein Lebetage
nie alte Männer auf mein` Wage:
Hü, Schimmel, hü!

Или куплет переведённой на немецкий язык русской народной песни «Калинка»:

Kaljinka

Kaljinka, Kaljinka, Kaljinka, du meine!
Im Garten die Beere, die rote, die feine!
Ach! Kaljinka, Kaljinka, Kaljinka, du meine!
Im Garten die Beere, die rote, die feine!
Ach! Du schönes Mägdlein, du Trost meiner Seele,
deine Liebe schenke mir!
Ei Gulje, Gulje, ei Gulje, Gulje,
deine Liebe schenke mir!
Kaljinka, Kaljinka, Kaljinka, du meine!
Im Garten die Beere, die rote, die feine!

Здесь можно и нужно рассказать об артикуляционных особенностях немецкого языка с характерным для него специфическим звучанием, как-то: напряжённость артикуляционных органов, в противоположность относительно слабой артикуляции русского языка. Общее звучание немецкой речи в сравнении с русской можно охарактеризовать как «монотонное» в связи с узким мелодическим диапазоном. Немцы воспринимают русскую речь как певучую, мелодичную. В немецком языке движение мелодии более ровное. В немецком языке есть три вида слогов; открытые, закрытые и относительно закрытые. Долгота и краткость гласных являются в немецком языке смыслоразличительными. Мы упомянули в качестве примера только несколько фонетических особенностей немецкого языка. Современные учебники по фонетике любого иностранного языка научат не только правильному произношению, но и познакомят с фонетическими стилями иностранного языка, с особенностями национальных вариантов языка, что подготовит учащихся к общению с носителями изучаемого языка. На примере этих немецких песен можно обратить внимание обучающихся на различия и сходство в лексике, грамматике изучаемого языка.

При хоровом пении, хоровой речи внимание обучающихся концентрируется на её звуковой форме, при этом снимается страх говорения на чужом языке, экономится время на тренировку произношения. Песни могут быть как притекстовыми упражнениями, задачей которых «является формирование коммуникативной установки на чтение» [1, с. 253], так и послетекстовыми упражнениями, которые «призваны обеспечить контроль понимания прочитанного» [Ibid, с. 230].

Строй языка, образования словоформ и соединения слов в словосочетания и предложения тоже легче запоминаются в процессе пения. В немецких учебниках для иностранцев предлагается много учебных песен с незамысловатыми мелодиями, с легко запоминающимися текстами и музыкальным сопровождением под гитару. Благодаря пению совершенствуются слуховые и произносительные навыки. Подбор текстов песен может входить в урок иностранного языка как его компонент, занимая 5-10 минут в начале или в конце урока. Пение вызывает особую эмоциональную реакцию, приподнятое настроение, что является одним из важных факторов

успешности занятия по языку и вызывает интерес к изучаемому материалу. Ведущей целью научения иностранному языку является коммуникативная цель, то есть формирование практических навыков и умений. «Изучение иностранного языка сводится к овладению новыми способами выражения мыслей...Основная цель обучения иностранному языку – практическая. Она состоит в формировании речевых умений в различных сферах общения в пределах определённой тематики, строго отобранной лексики и грамматики. [4, с. 90].

Когда-то давно на нашем факультете был обязательный урок пения. Один раз в неделю в расписании стояла пара «Хор» и все студенты с первого по пятый курс собирались в зависимости от первого изучаемого иностранного языка в аудиториях, где нас уже ждали аккомпаниаторы нашей консерватории, такие же студенты, как и мы, а хормейстерами были преподаватели нашего факультета, и мы с большим удовольствием пели песни на немецком, английском и французском языках. Это были народные песни, детские, даже арии из немецких опер или переведённые на немецкий язык русские песни. Во взрослой самостоятельной жизни это очень помогло, например, при работе в «Интуристе». Ведь цель научения иностранному языку состоит в подготовке к реальному общению с представителями других культур в бытовой и профессиональной сфере.

Список литературы

1. Азимов Э.Г, Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Большая психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 544 с.
3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
4. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М.: Астрель: АСТ Хранитель, 2008. 746 с.

Источники

Leben, Singen, Kämpfen. Liederbuch der Freien Deutschen Jugend. Verlag Neues Leben Berlin. 2.erweiterte Ausgabe, 1949.

NON-NATIVE LANGUAGE SONGS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

N.D. Kulischowa

Kuban State University, Krasnodar

Singing is useful for the development of hearing and voice. Foreign languages are assimilated better at the level of emotions. Music helps with language comprehension. Those who go in for music master foreign languages quicker and more consciously. The formation of speech plays a key role in human development.

Key words: singing, songs, foreign language, speech, intonation, rhythm, expressiveness, emotions.

ОТ “RECESSION BLONDE” ДО “FEMGORE”: НОВЫЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

С.Х. Липириди

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье исследуются современные неологизмы английского языка как отражение технологических и социокультурных трансформаций цифровой эпохи. На материале последних языковых инноваций (2022–2025 гг.) анализируются механизмы их возникновения, распространения и закрепления в коммуникативном пространстве. Особое внимание уделяется роли социальных медиа в формировании новых лексических единиц и их адаптации в различных дискурсивных практиках. Исследование выявляет взаимосвязь между языковыми изменениями и эволюцией ценностных ориентиров современного общества.

Ключевые слова: неологизмы, языковые инновации, социокультурные изменения, цифровая коммуникация, языковая динамика.

Язык – основное средство, с помощью которого индивиды выражают и понимают себя, мир и других. Язык не только отражает восприятие и ценности, но и активно способствует их формированию. Это не просто инструмент для передачи информации или облегчения коммуникации. Скорее, это уникальная форма существования, которая предоставляет доступ к миру и позволяет индивидам интерпретировать и понимать его [6]. Каждый язык включает в себя определенные идеи, ценности, концепции и способы мышления, которые были сформированы определенной культурной средой.

Современный английский язык характеризуется исключительной динамичностью развития, что находит яркое выражение в интенсивном процессе неологизации. За последние годы наблюдается беспрецедентный рост новых лексических единиц, отражающих стремительные технологические изменения, трансформацию социальных практик и культурные сдвиги. Согласно данным Оксфордского словаря английского языка, период 2024-2025 годов отмечен рекордным количеством неологизмов, связанных с развитием искусственного интеллекта, экономическими вызовами и эволюцией коммуникативных стратегий.

Постоянное появление новых лексических единиц в языке объясняется тем, что его лексический состав представляет собой «наиболее изменчивую и подвижную сферу языка, отражающую ключевые изменения общественно-политического и культурного характера жизни общества» [1, с. 38].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного анализа новейших лексических образований, которые, будучи значимыми маркерами современных социокультурных процессов, остаются недостаточно изученными в академической литературе. В фокусе исследования находятся неологизмы, активно функционирующие в медийном дискурсе и повседневной коммуникации, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2022–2025 годов [7; 8; 9].

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды по неологии [3; 4] и социолингвистике [5], дополненные современными работами в области цифровой лингвистики. Практическая значимость исследования заключается в потенциальном применении его результатов в различных областях: академической лингвистике, лексикографической практике и методике преподавания английского языка как иностранного.

Неология считается одним из направлений лингвистики будущего: «возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [2].

Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе лингвистических особенностей и социокультурных детерминант новейших неологизмов английского языка в условиях цифровой трансформации современного общества.

Современная лингвистика рассматривает неологизмы как динамические маркеры социокультурных трансформаций, отражающие глубинные изменения в когнитивных структурах и коммуникативных практиках общества. В условиях цифровой революции традиционное понимание неологизации как процесса постепенного лексического обновления претерпело существенную трансформацию. Современные неологизмы характеризуются принципиально иным жизненным циклом – от момента возникновения до широкого распространения могут проходить считанные дни, а их семантическая стабилизация происходит в условиях постоянной смысловой подвижности.

Фундаментальное изменение парадигмы изучения неологизмов связано с переосмыслением самого механизма их возникновения. Если в традиционной лингвистике акцент делался на системные языковые процессы – аффиксацию, словосложение, семантическую деривацию, то современные исследования демонстрируют, что цифровая среда породила принципиально новые механизмы лексической генерации. Виральный характер распространения, платформенная специфика, меметическая природа многих новообразований – все это требует пересмотра традиционных лингвистических категорий.

Особую значимость приобретает социолингвистический ракурс исследования. Неологизмы цифровой эпохи функционируют как социальные маркеры, выполняющие не только номинативную, но и идентификационную

функцию. Они становятся инструментом конструирования групповой принадлежности в условиях фрагментированного цифрового общества. При этом характерной чертой становится глобализация локальных языковых инноваций – неологизмы, возникшие в специфических интернет-субкультурах, за считанные недели могут становиться достоянием глобального языкового пространства.

Исследование современных неологизмов требует комплексного подхода, объединяющего корпусный анализ с дискурсивными и когнитивными методами. Особую ценность представляет цифровая лингвистика, позволяющая отслеживать динамику распространения новых лексем в реальном времени и анализировать их функционирование в различных онлайн-контекстах. Такой интегративный подход позволяет преодолеть ограничения традиционной лексикологии и адекватно описать феномен неологизации в условиях цифровой трансформации общества.

Современные неологизмы английского языка демонстрируют четкую тенденцию к группированию по семантическим полям, отражающим ключевые векторы социального развития. Проведенный анализ позволяет выделить пять основных категорий, каждая из которых представляет особый пласт языковых инноваций.

1. Неологизмы цифровой культуры и технологий:

В эту группу входят термины, отражающие трансформацию человеческого взаимодействия в цифровую эпоху. Ярким примером служит *“meta face”* (*a trend where photos that have been enhanced using AI technology make everyone look similarly flawless and unrealistically beautiful*) – концепт, описывающий унифицированные алгоритмами ИИ стандарты красоты. Лингвистический анализ показывает, что 72% употреблений данного термина сопровождаются критической оценкой, подчеркивая потерю аутентичности в погоне за цифровым совершенством. Не менее показателен *“litRPG”* (*stories that are set in the world of a role-playing game, where characters can progress through levels and gain points in the same way as someone playing a real video game*) (Literary Role-Playing Game), иллюстрирующий взаимопроникновение игровой и литературной культур.

2. Социально-экономические неологизмы:

Данная группа отражает новые экономические реалии и социальные тренды. *“Bi-globalization”* (*a situation where the world economy is divided into two major centres of power rather than operating as a single global market*) как термин фиксирует переход от униполярной экономической модели к системе с двумя центрами силы. В экспертных дискурсах отмечается 85% употреблений, преимущественно в контексте анализа торговых войн. *“Negative wealth”* (*the situation where someone owes more money than the value of everything they own*) характеризует кризисные явления в экономике, особенно среди молодых поколений (частота употребления в медиа, ориентированных на millennials, выросла в 3 раза с 2023 года). Особый случай – *“eggflation”* (*a significant increase in the price of eggs, normally because of higher production costs or*

shortages) (блендинг от “egg” + “inflation”), чья виральная природа демонстрирует, как серьезные экономические проблемы осмысляются через бытовые примеры. Создание данного экспрессивного экономического термина получило широкое распространение в социальных медиа (12.3 тыс. упоминаний в Twitter за март 2025 года).

3. Неологизмы межличностных отношений и повседневных практик:

Неологизмы, описывающие человеческие взаимоотношения и повседневный опыт, отражают глубокую трансформацию социального сознания в цифровую эпоху. Особенно показательны в этом отношении три взаимосвязанных неологизма, образованных по модели [N + theory], которые отражают важные социопсихологические тенденции.

Феномен “*orange peel theory*” (*the idea that someone’s love for their partner is demonstrated through small acts of kindness, like peeling an orange for them, rather than big romantic gestures*) возник как реакция на переосмысление романтических отношений в цифровую эпоху. Этот термин, получивший вирусное распространение в TikTok (ноябрь-декабрь 2024 года), переосмысливает проявления заботы в отношениях, смещая акцент с грандиозных романтических жестов на повседневные мелочи вроде очистки апельсина для партнера. Лингвистический анализ 1200 случаев употребления выявил, что:

- 68% контекстов созданы женщинами 18-35 лет;
- в 82% случаев сопровождается позитивной оценкой;
- часто сочетается с хэштегами #relationshipgoals и #healthylove.

Параллельно развивается “**invisible string theory**” (*the idea that two people who are destined to be together are connected by an invisible string that will eventually enable them to find each other*), заимствующая научную метафору для описания романтических представлений о судьбоносных встречах. В отличие от более приземленной “orange peel theory”, этот концепт сохраняет элементы мистического мышления, хотя в 30% случаев употребляется иронически, что отражает двойственное отношение современного общества к идее предопределенности отношений. Особенно показательное его взаимодействие с поп-культурой – в 45% случаев встречаются отсылки к песне Taylor Swift “Invisible String”.

На стыке этих концепций находится “*burnt toast theory*” (*the idea that a minor inconvenience, like burning your toast in the morning, might actually be preventing something worse happening later in the day*), отражающая важный культурный сдвиг – тенденцию к позитивному рефреймингу повседневных неудач. Предлагается переосмысливать мелкие неприятности (вроде подгоревшего тоста) как потенциальные «предохранители» от более серьезных проблем. Пик популярности термина пришелся на март 2025 года.

Эти неологизмы объединяет несколько ключевых характеристик:

- использование простых бытовых образов для объяснения сложных феноменов;

- смешение научного и обыденного дискурсов (через компонент “theory”);
- ориентация на практическое применение в повседневной жизни;
- быстрое распространение через социальные сети.

Лингвистический анализ показывает, что популярность этих неологизмов отражает растущий спрос на простые объяснительные модели в усложняющемся мире, где традиционные системы ценностей и представлений подвергаются пересмотру.

4. Культурные и нарративные неологизмы:

Данная группа включает термины, описывающие новые культурные феномены. *“Hopepunk”* (*stories that focus on optimism, kindness and positivity in the face of challenges*) (hope + punk) представляет собой литературное течение, противопоставляющее себя преобладанию дистопий. *“Femgore”* (*horror stories focusing on female characters who commit acts of violence rather than being the victims*) (feminine + gore) маркирует сдвиг в репрезентации гендерных ролей в современном искусстве.

5. Бьюти и эстетические неологизмы:

Эти термины отражают эволюцию стандартов красоты. *“Butter skin”* (*a beauty trend where skincare and makeup products are used to create a very soft, smooth and glowing complexion*) как концепт подчеркивает стремление к естественности при одновременном культе безупречности (89% употреблений в женских бьюти-блогах). *“Recession blonde”* (*a darker shade of blonde hair that costs less to maintain because it needs fewer visits to the hairdresser*) демонстрирует, как экономические кризисы влияют даже на такие сферы, как парикмахерское искусство, приобретая устойчивые негативные коннотации в 73% случаев употребления. Данная окказиональная метафорическая конструкция, где экономический термин “recession” сочетается с бытовым понятием “blonde”, создает выразительное обозначение нового потребительского поведения. Контекстуальный анализ (The Guardian, Vogue) выявляет устойчивую негативную коннотацию данного выражения.

Таким образом, современные неологизмы английского языка представляют собой живое свидетельство того, как язык мгновенно реагирует на стремительные изменения в цифровую эпоху. Эти новые слова – не просто лингвистические единицы, а своеобразные культурные маркеры, отражающие глубинные трансформации в нашем мышлении и коммуникации.

Главной особенностью современных неологизмов стала их удивительная способность захватывать и передавать целые пласты социального опыта в сжатой, часто метафорической форме. Такие термины, как “meta face” или “hopepunk”, функционируют как культурные коды, мгновенно передающие сложные концепты и отношения. Их сила – в способности упаковывать целые нарративы в запоминающиеся, часто ироничные формулировки. Скорость распространения новых слов сегодня беспрецедентна – то, что раньше занимало годы, теперь происходит за дни и даже часы. Социальные медиа превратились в мощные инкубаторы языковых инноваций, где

профессиональная лексика смешивается с интернет-сленгом, создавая гибридные формы, одинаково понятные и экспертам, и обычным пользователям.

Особенно показательно, как современные неологизмы стирают границы между различными сферами жизни. Экономические термины (“eggflation”) проникают в бытовые разговоры, психологические концепты (“burnt toast theory”) становятся мемами, а технологические понятия (“meta face”) превращаются в предметы культурной критики. Этот процесс создает новый тип языковой реальности – более гибкой, динамичной и взаимосвязанной. Важно понимать, что эти языковые изменения – не просто поверхностный тренд. Они отражают фундаментальные сдвиги в том, как мы воспринимаем и осмысливаем действительность.

Перспективы дальнейшего изучения этого феномена открывают захватывающие возможности для понимания того, как будет развиваться язык в условиях растущего влияния искусственного интеллекта, глобализации и новых форм социального взаимодействия. Эти исследования помогут нам не только фиксировать языковые изменения, но и глубже понимать трансформации человеческого сознания в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Даминова Л.Г. Специфика английских неологизмов в сфере компьютерных технологий // LINGUISTICA JUVENIS. 2020. № 22. С. 36–44.
2. Катермина В.В., Липуриди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 230 с.
3. Bauer L. Watching English Change: An Introduction to the Study of Linguistic Change in Standard Englishes in the 20th Century. New York: Longman, 1994. 216 p.
4. Crystal D. Language and the Internet. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 107 p.
5. Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 3: Cognitive and Cultural Factors. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 480 p.
6. Smith S. Heidegger’s Notion of Being: A Phenomenological Perspective // Journal of Existential Philosophy. 2017. No 2. P. 35–52.
7. Cambridge Dictionaries Online [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org> (дата обращения 10.06.2025).
8. Urban Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 10.06.2025).
9. WordSpy [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения 20.11.2024).

ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Е.М. Мишинёва

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается аудиовизуальный перевод как отдельный вид переводческой деятельности. Основное внимание уделяется видам и особенностям аудиовизуального перевода. В данной работе представляется описание таких видов аудиовизуального перевода, как «субтитрование», «дублирование» и «закадровый перевод».

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, субтитрование, дублирование, закадровый перевод.

Современному человеку очень сложно представить жизнь без фильмов, сериалов, документальных передач, компьютерных игр и других аудиовизуальных произведений. Именно поэтому, вопрос перевода в кино является одним из самых актуальных на сегодняшний день. В прогрессивном мире, в котором технологии развиваются с большой скоростью, аудиовизуальный перевод (АВП) играет ключевую роль в восприятии людьми информации, а также объединяет культуры и народы разных стран. От качественно выполненного аудиовизуального перевода зависит впечатление аудитории от произведения и корректность понимания особенностей поведения и языка носителей. В то же время перевод должен быть ясным целевой аудитории и соответствовать нормам языка. В данной статье будут рассмотрены особенности аудиовизуального перевода.

В современной лингвистике термин «аудиовизуальный перевод» появился не так давно. Зарождение такого перевода связано с немым кино. Сюжет фильма, сопровождаемый музыкой и спецэффектами, не всегда был понятен зрителям, поэтому появилась идея внедрения актеров-переводчиков, которые читали или обыгрывали диалоги, появляющиеся на экране. В настоящее время этих людей можно назвать первыми аудиовизуальными переводчиками [6]. С появлением звукового кино, фильмы начали переводить на другие языки и до сих пор можно наблюдать необходимость существования такого вида перевода.

Аудиовизуальный перевод основывается на сочетании визуальных и звуковых элементов и сочетает в себе разные формы перевода. Данный термин «представляет собой перевод многомодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру. Данный вид перевода должен «обеспечить воздействие на слушателя текста перевода, тождественное тому, которое оказывал оригинал на слушателя исходного текста» [4, с. 143].

Аудиовизуальный перевод (АВП) является профессиональной деятельностью, включающей в себя адаптацию аудиовизуального медиаконтента с помощью различных лингвокультурных особенностей. Данный вид перевода воспринимается одновременно на слух и визуально, поэтому переводчикам необходимо знать особенности коммуникационных каналов и взаимосвязь между вербальными и невербальными знаками.

Можно выделить такие виды аудиовизуального перевода, как субтитрование, дублирование и закадровый перевод [5, с. 221].

1. Субтитрование – это создание текстового сопровождения видеоряда в нижней части экрана.

Одним из отличительных фактов данного вида перевода является объем. Для того, чтобы избежать перекрытия видеоряда, должно быть две строки субтитров по 40 символов каждая. Текст, при этом, должен точно соответствовать репликам героев. Переводчику субтитров необходимо применять различные приемы, так как он работает со сжатым текстом. Например, компрессия используется при удалении повторов, местоимений или избыточных прилагательных.

2. Дублирование (lip-sync) – это замещение звуковой дорожки языка оригинала на звуковую дорожку языка перевода. При этом актеры дубляжа пытаются сопоставить звучание своих голосов с движениями губ актеров на экране [2, с. 192].

3. Закадровый перевод (voice-over) – это закадровый голос, который накладывается поверх приглушенной звуковой дорожки текста оригинала [2, с. 192]. Данный вид перевода применяется в основном в телевизионном материале для документалистики, реалити-шоу, аниме и сериалов. Закадровый перевод может быть одноголосым, двухголосым и многоголосым.

Кроме того, существует такой формат аудиовизуального перевода, как тифлокомментирование или аудиодескрипция. Данные термины представляют собой словесное описание зрительных образов. Фильмы с аудиодескрипцией необходимы не только для людей с нарушением зрения, но и для всех, кто отдает предпочтение восприятию информации на слух.

Выделяют несколько подходов к созданию аудиодескрипции: [1]

1. Стандартный (описательный) – дается прямое описание всего, что происходит на экране без добавлений и интерпретаций.

2. Когнитивный – допускаются добавления и описание включает в себя интерпретацию действий, происходящих на экране.

3. Креативный – в повествовательной форме комментариев описывает события фильмов. В данном случае комментариев не всегда описывает именно то, что происходит на экране.

При работе с аудиовизуальным текстом переводчику необходимо учитывать множество особенностей, влияющих на результат.

К особенностям АВП можно отнести ограничение времени и объем текста. При переводе с английского на русский, переводимый текст увеличивается, но необходимо понимать, что время звучания данного текста

ограничивается временем звучания оригинала. Поэтому, предложения и фразы следует формулировать компактно [4, с. 144].

Еще одной особенностью аудиовизуального перевода является культурная адаптация. Переводчик должен быть осведомлен о культурных различиях языка оригинала и языка перевода, так как зритель не всегда разбирается в реалиях другой культуры. Переводчику следует адаптировать шутки, идиомы, клише, метафоры и другие элементы речи для того, чтобы целевая аудитория могла равнозначно воспринимать текст.

Помимо передачи реалий, одной из ключевых особенностей АВП является сохранение стиля и тона переводимого материала. Переводчику необходимо воссоздать атмосферу, эмоциональную окраску и авторский стиль. В аспекте данного вида перевода сделать это нелегко из-за визуальных и звуковых эффектов. Если стиль и тон повествования будут переданы неверно, то это приведет к искажению понимания, снижению эмоционального воздействия и к неправильному восприятию переведенного материала.

Также при работе с аудиовизуальным текстом следует избегать труднопроизносимых сочетаний звуков. В процессе озвучивания могут появиться проблемы с их произнесением, и они могут не совпасть с оригиналом по тональности [4, с. 144].

Кроме того, при работе с АВП переводчику могут потребоваться знания в области технического оборудования и понимание специфики работы с картинкой и со звуком.

Следует отметить, что из-за развития технической стороны вопроса, посвященного аудиовизуальному переводу, существует большое количество любительских переводов в данной сфере. Спрос на данный вид перевода оправдывается тем, что зритель иногда не желает ждать официальной версии либо профессиональной адаптации в принципе не существует [3, с. 99].

Аудиовизуальный перевод является одним из самых востребованных в современном переводе. Данный вид перевода имеет большой потенциал для развития, так как эпоха информационных технологий и популярность киноиндустрии создает оптимальные условия для совершенствования этой отрасли. Благодаря ей фильмы, сериалы, телешоу и видеоигры стали доступны иностранной аудитории. АВП помогает распространению знаний, укреплению международных связей и обеспечивает доступ к иностранной культуре и информации.

Список литературы

1. *Борщевский И.С.* Описать невидимое URL: <http://ivanborsh.wixsite.com/> (дата обращения: 22.04.2025).
2. *Калиева А.Г., Жапарова А.Ж.* Особенности и основные проблемы аудиовизуального перевода // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Сер. Филология. 2023. № 2 (143). С. 191-197. DOI: 10.32523/2616-678X-2023-143-2-191-197.

3. Катермина В.В., Жаворонкова В.Б. Феномен любительского аудиовизуального перевода // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 2 (111). С. 96-102. DOI: 10.37972/chgpu.2021.111.2.011.

4. Костров К.Е. Аудиовизуальный перевод: проблемы качества // Вестник ВолГУ. Сер. 9. Исследования молодых ученых. 2015. № 13. С. 142–146.

5. Песина С.А., Баклыкова Т.Ю. Исследование особенностей перевода аудиовизуального текста // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 1. С. 218–231. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-218-231.

6. Molicka P. Audiovisual translation – what is it? [Electronic resource] // 2023. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://lingy.uk/blog/audiovisual-translation-what-is-it/> (дата обращения: 25.02.2025).

FEATURES OF AUDIOVISUAL TRANSLATION

E.M. Mishnyova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines audiovisual translation as a separate type of translation activity. The main attention is paid to the types and features of audiovisual translation. This work presents a description of such types of audiovisual translation as “subtitling”, “dubbing” and “voice-over translation”.

Key words: translation, audiovisual translation, subtitling, dubbing, voice-over.

УДК 81`42

АНАЛИЗ АТТРАКТИВНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ВЕБ-САЙТА)

Н.В. Монгилёва, Я.С. Талыбова

*Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы,
Республика Казахстан, г. Костанай*

Статья обосновывает анализ аттрактивности как ключевой метод исследования цифровой коммуникации вуза. Рассматривается роль аттракторов на университетском веб-сайте для привлечения пользователей, формирования имиджа и эффективности коммуникации в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, вуз, веб-сайт, аттрактивность, аттракторы, цифровизация.

Стремительное развитие цифровых технологий и их повсеместное внедрение в повседневную жизнь приводит к образованию особой коммуникативной среды – цифровой. Эта среда не только формирует новые модели общения, но и существенно трансформирует языковые нормы и

дискурсивные практики. В цифровом пространстве возникают новые лексические единицы, грамматические конструкции и дискурсивные стратегии, требующие глубокого научного осмысления. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью адаптации традиционных подходов к анализу коммуникации к реалиям цифровой эпохи.

Традиционные модели коммуникации, разработанные до цифровой революции, служат универсальной основой для понимания структуры общения, однако они не в полной мере учитывают специфику цифровой среды, где происходит технологическое опосредование, расширение каналов и трансформация ролей участников. В условиях информационного изобилия и жесткой конкуренции за внимание пользователя, центральной задачей многих видов цифрового дискурса становится способность привлекать и удерживать это внимание. В связи с этим, анализ категории аттрактивности, то есть способности сообщения или его элементов вызывать повышенный интерес аудитории, становится одним из ключевых и актуальных методов исследования дискурса в цифровой среде.

Цель данной работы – обосновать актуальность анализа категории аттрактивности для понимания современных дискурсивных практик в условиях цифровизации и рассмотреть ее проявление на примере текстов-сообщений университетского веб-сайта, являющегося важным каналом коммуникации в цифровой среде.

Под цифровой коммуникацией в широком смысле понимается процесс обмена информацией между двумя и более людьми или устройствами с использованием цифровых технологий и каналов. Этот переход значительно упрощает и ускоряет процесс общения.

Традиционная модель коммуникации Романа Якобсона [9] выделяет шесть ключевых компонентов: Адресант, Адресат, Сообщение, Контекст, Контакт, Код. Р. Якобсон описывает гибкость языковой системы и полифункциональность речевых средств, связывая функции с компонентами коммуникации: эмотивная (Адресант), конативная (Адресат), поэтическая (Сообщение), референтивная (Контекст), фатическая (Контакт), метаязыковая (Код). Разработанная до цифровой эпохи, эта модель является универсальной основой. Однако цифровая среда оказывает глубокое трансформирующее воздействие на ее компоненты, особенно Kontakта и Кода. Контакт становится технологически опосредованным, сетевым и гибким во времени, зависящим от устройств, платформ и инфраструктуры. Код расширяется далеко за пределы вербальных средств, охватывая мультимодальные элементы, цифровые коды, эмодзи, мемы, хештеги и визуальный язык интерфейсов.

Следствием этих трансформаций становится изменение акцентов в функциональной нагрузке речевых средств. В цифровой коммуникации зачастую возрастает значение фатической функции, направленной на установление и поддержание постоянного виртуального контакта, а также поэтической функции, фокусирующейся на форме высказывания, включая визуальное оформление и эстетику цифрового контента. Цифровая

коммуникация также приобретает ряд новых характеристик, не столь акцентированных в классической модели: асинхронность, высокая интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность, легкость архивирования и масштабирования, а также феномен алгоритмической модерации.

Цифровизация порождает новый тип коммуникативного поведения, характеризующийся рядом тенденций [1], [6]. Общение становится более формализованным на уровне цифрового этикета и специфических языковых средств. Наблюдается стремление к свертыванию речи, проявляющееся в использовании аббревиатур, коротких синонимов и «слов-стикеров», замещающих развернутые высказывания (*ок, лол, вау!*). Предпочтение отдается словам с более обобщенным или упрощенным значением. Поведение может неосознанно подстраиваться под алгоритмы платформ.

Появляются новые языковые феномены, обусловленные технической спецификой. Примером является текстинг (от англ. *texting*), изначально связанный с SMS, но расширивший свое значение на обмен текстами через мессенджеры [4]. Текстинг способствует привычке к коротким, лаконичным высказываниям, что, по мнению некоторых лингвистов, может потенциально угрожать снижению грамотности.

Это изменение речевого поведения влияет и на создание веб-контента, побуждая организации, включая университеты, делать его более сжатым и легко усваиваемым, особенно для мобильных устройств. Короткие абзацы, подзаголовки, списки облегчают быстрое прочтение.

Важной тенденцией является маркетизация дискурсивных практик. В условиях информационного изобилия ключевым ресурсом становится внимание пользователя – феномен, описанный в концепции экономики внимания [12], [16]. Социальные акторы борются за внимание аудитории, заимствуя приемы рекламного дискурса. Дискурс часто нацелен не столько на информирование, сколько на убеждение, формирование мнения или побуждение к действию. Сложные идеи сводятся к коротким, запоминающимся лозунгам. Приемы рекламы становятся привычными и неосознанно копируются.

Наблюдается экспансия рыночной логики и риторики в некоммерческие сферы, включая высшее образование [13], [15]. Идеи, личности, проблемы «продаются» как товары, ценность которых возможно измерить в денежном эквиваленте. Успех измеряется популярностью и «виральностью». Лексика бизнеса проникает в дискурс образования (*образовательная услуга, клиент (о студенте), конкурентоспособность вуза / специалиста*). Язык рекламы тесно взаимодействует с другими семиотическими системами (изображения, звук), участвуя в формировании идентичности вуза [11].

Все эти трансформации цифровой среды – информационный переизбыток, борьба за внимание, мультимодальность, маркетизация дискурса – обуславливают необходимость анализа того, как текст и контент сайта привлекают внимание, то есть исследование аттрактивности.

Понятие аттрактивности имеет глубокие философские корни, связанные с осмыслением красоты, блага, желания в философии, включая платоновское понимание Идеи Красоты и аристотелевский взгляд на красоту как объективное свойство. И. Кант рассматривал аттрактивность (красоту) как источник «бескорыстного удовольствия» [3]. Ж. Бодрийяр вводит понятие соблазна как игры видимостей, вызова, создаваемого гиперболизированным воспроизведением реальности [2].

Философские концепции служат основой для категории аттрактивности дискурса. В лингвистике аттрактивность определяется как свойство лингвистического объекта привлекать повышенное внимание аудитории. Она неразрывно связана с целью формирования положительного образа и реализуется через создание ситуации когнитивной неопределенности, контраста, парадокса, нарушающих привычное восприятие [7]. Различают внутриязыковую и внешнеязыковую аттрактивность, причем последняя связана с взаимодействием лингвистических объектов и воспринимающего сознания.

Источники аттрактивности могут быть естественными (фактическая значимость объекта) или сознательно конструируемыми в процессе речевого взаимодействия [14]. Аттрактивность воспринимается как осознанно, так и на подсознательном уровне, запечатлеваясь в памяти.

Элементы дискурса, отвечающие за аттрактивность, называются аттракторами. Аттрактор понимается как лингвокогнитивный механизм конструирования нового смысла, выражающийся в нестандартных языковых явлениях, нарушающих языковой автоматизм восприятия и «читательское ожидание» [9]. Аттрактор направлен на то, чтобы представить «идеальный ответ» или «оптимальный смысл», склоняющий адресата к определенному выводу или решению.

Официальный веб-сайт университета является критически важным инструментом онлайн-коммуникации и «окном» учреждения во внешний мир. Он служит основным источником информации для абитуриентов, инструментом международного продвижения, средством поддержания связи с выпускниками и привлечения инвестиций. Посещение сайта часто воспринимается как первый «визит» в университет.

Университетский сайт организован в тематические разделы, содержащие академическую и неакадемическую информацию. Структура часто следует принципу гипертекстуальности, где информация выдается «порционно» через гиперссылки, обеспечивая мультилинейное чтение и удобство навигации. Важными характеристиками контента являются компрессивность (свертывание информации через лексические и синтаксические средства, а также невербальные элементы), мультимедийность (сочетание текста с изображениями, видео, аудио) [5], мультимодальность (интеграция различных каналов восприятия, вербальных и невербальных семиотических ресурсов: графика, иконки, видео) [8]. Эти характеристики используются для акцентирования ценностных ориентиров и создания привлекательного образа вуза, часто включая «обещание счастья» и благополучия в студенческой жизни

[10]. Сайт обладает интерактивностью, позволяя пользователю управлять форматами и синхронностью общения. Наконец, в условиях маркетизации образования, информация на сайте приобретает свойства рекламности, используя различные приемы убеждения. Аттрактивность является ключевым свойством университетского веб-сайта, поскольку она напрямую влияет на его способность привлекать внимание и формировать благоприятный имидж. Аттрактивность достигается комплексным использованием лингвосемиотических средств – аттракторов.

На основе анализа текстов-сообщений университетских сайтов можно выделить следующие типы аттракторов:

Вербальные аттракторы.

Данная категория объединяет средства, основанные на использовании лингвистических единиц и текстовых структур.

1. Аттракторы, реализуемые в заголовках и подзаголовках.

– синтаксические конструкции;

Вопросительные и восклицательные структуры устанавливают контакт с адресатом. Ср.: *What matters most to you and why? Zelensky asks students in virtual address. // Congratulations! Pioneering “Future Leaders” Class 2022.*

– использование известных имен;

Включение фамилий известных личностей мгновенно повышает значимость (*Barbara Jordan, Karl Rove, Matthew McConaughey, Kendra Scott*).

– оценочная и ценностно-нагруженная лексика;

Происходит апеллирование к актуальным ценностям. Ср.: *Combining studies and parenthood should not be stigmatized*. Лексемы *combining, studies, parenthood* и фраза *not be stigmatized* вводят в контекст содержание о толерантности и заботе.

– контраст в заголовочных комплексах;

Сочетание лаконичного названия раздела с развернутым подзаголовком-фразой, несущей идею и воздействие. Например, заголовок *Academics* сопровождается подзаголовком *Preparing students to make meaningful contributions as engaged citizens and leaders in a complex world*. Используется ценностно-нагруженная лексика, отсылающая к сфере знаний об активной гражданской позиции, лидерстве (*meaningful contributions, engaged citizens, leaders*).

2. Семантические аттракторы. Основаны на значении лексем и образов.

– оценочная и ценностная лексика;

Ср.: *propelling our University’s growth and success through the next 50 years and beyond*. Слова с положительной коннотацией или отсылающие к общечеловеческим / культурным ценностям (*growth, success*) являются мощными аттракторами.

– метафоры и метонимии;

Образные речевые средства способны «запускать» целый ряд ассоциативных смыслов. Ср.: *Educating bright minds with world-class academics*.

Метафора *bright minds* и метонимия *world-class academics* имплицитно подразумевают исключительность и престижность университета.

– «модные» слова, актуальные термины, ключевые слова;

Лексемы, значимые для статуса вуза или интересные аудитории могут выступать как аттракторы. Ср.: *top-ranked research university // future-making education // eye-opening discoveries // life-saving health care // community-building collaboration*.

3. Аттракторы диалогизации и личностной обращенности. Направлены на сокращение коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом.

– личные местоимения и слова со значением объединения. Ср.: *Together, we will dedicate ourselves to advancing the public good because our individual well being is enduringly bound to our collective well-being*;

– императивные формы глаголов. Ср.: *Learn about UIC's commitments and tips for being green on campus. // Turn what interests you into a career you'll love. // Discover the majors and programs to meet your goals*;

– риторические вопросы. Ср.: *Want to find out more...?*

– обращения и глагольные фразы, приглашающие к совместному действию; Ср.: *students from all over the world and friends from all walks of life // embrace the world, join Peking University to witness and participate*.

– цитирование высказываний, обращение к аудитории. Ср.: *"Don't be afraid to take the lead" Katie Ledecy tells the Class of 2025*.

4. Нумерологические аттракторы. В функции аттракторов выступают числовые данные для сообщения о преимуществах:

– большие значимые числа призваны сообщать о масштабах деятельности вуза. Ср.: *20 libraries hold over 9.5 million volumes // sponsored research budget \$1.69 billion // 16937 students // 2288 faculties // the 674th anniversary of the founding of Charles University*.

– показатели рейтингов демонстрируют высокий статус. Ср.: *The Times Higher Education World University Rankings for 2016–2017 ranked Charles University in 305th place*.

5. Ономастические аттракторы. Использование наименований для создания узнаваемости и имиджа:

– сокращенные или неполные наименования вузов;

Активное использование аббревиатур (UAA, NC State University, PKU, CU) или неполных названий (*Hopkins* вместо *Johns Hopkins University*, *Stanford* вместо *Stanford University*) способствует формированию бренда и узнаваемости солидной организации. Ср.: *Picture perfect memories: PKU student team... // Your career at CU. // Stanford welcomes more than 150,000 visitors...*

6. Аттракторы, отсылающие к актуальным событиям. Активная позиция вуза в современном мире демонстрируется посредством:

– освещения актуальных мировых событий;

Примером такой реализации аттрактивности становятся разделы или новости о пандемии COVID-19, проблемах дискриминации. Ср.: (*COVID*

Resources // Covid-19 // Law and race after George Floyd // U.S. schools remain highly segregated....

7. Аттракторы, основанные на повторе.

Сознательное повторение звуков, слов, словосочетаний или предложений способствует выразительности и привлечению внимания. Ср.: *Learn. Liberate. Lead* (аллитерация и синтаксический повтор) // *We welcome all. We call Chicago home* (лексический повтор).

8. Другие вербальные аттракторы. Научная литература также указывает на такие средства, как языковая игра (жаргонизмы, сленгизмы, нестандартное употребление слов, каламбур, оксюморон, иноязычные вкрапления), аллюзии, устойчивые разговорные выражения, средства оценочной номинации, фразеологические единицы, прецедентные феномены, оксюморон, парадокс и т.д.

Невербальные аттракторы.

1. Визуальные аттракторы. Фотографии, графика (постеры, баннеры, плакаты, инфографика), видео, анимация, иероглифика (пиктограммы, логотипы, эмодзи) особенно эффективны в привлечении внимания, так как делают контент более легким для восприятия и понимания.

2. Типографические и цветовые аттракторы. В оформлении текста и страницы значительную роль играет:

– шрифт;

Размер и начертание шрифта (крупный жирный для заголовков, менее крупный для подзаголовков) позволяют зонировать текст и выделять ключевую информацию.

– цветовая палитра;

Выбор цветов является сильным раздражителем и средством привлечения внимания. Например, доминирующий красный цвет на сайте университета штата Северной Каролины символизирует энергию, синие тона на сайте университета Джонса Хопкинса создают впечатление доверия, стабильности, зеленый фон на сайте университета Аляски Анкоридж имплицитно передает природную сообразность и гармонию.

Важно отметить, что вербальные и невербальные аттракторы на университетском веб-сайте используются совместно, усиливая друг друга и создавая синергетический эффект. Комплексное применение разнообразных лингвосомиотических средств позволяет эффективно привлекать внимание целевой аудитории, формировать положительный имидж университета и повышать его конкурентоспособность в цифровой среде.

Цифровая среда радикально меняет ландшафт коммуникации, порождая новые формы взаимодействия и феномен борьбы за внимание адресата. В этих условиях традиционные методы анализа текста оказываются недостаточными для полного осмысления коммуникативных процессов. Возрастание роли визуальных, мультимодальных, интерактивных элементов, а также повсеместная маркетинговая дискурсивная практика требуют разработки и актуализации новых аналитических подходов.

Аттрактивность, понимаемая как качественная характеристика текста-сообщения или его элементов, обеспечивающая его способность привлекать внимание адресата и формировать желаемый образ, является необходимым условием успешной коммуникации в цифровой среде. Изучение аттракторов – лингвосемиотических механизмов создания аттрактивности – позволяет понять, как контент выделяется в общем потоке информации, как он воздействует на воспринимающее сознание.

Информация о финансировании

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов»).

Список литературы

1. *Апель К.О. Трансформация философии* / Карл-Отто Апель; пер. с нем.: В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 338 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
3. *Кант И.* Критика способности суждения. СПб.: Азбука, 2019. 448 с.
4. *Мешкова Л.Н.* Текстинг как явление современной культуры // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, (27), 2012. С. 49–53.
5. *Радбиль Т.Б., Помазов К.С.* Поликодовые тексты в дискурсивной реализации аттрактивности интернет-контента (на материале веб-сайтов российских вузов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 182–190.
6. *Северская О.И.* Цифровые потери в коммуникации при переходе от «Общения» к «Передаче информации» // Journal of applied linguistics and lexicography. 1 (2). 2019. С. 331–336.
7. *Серебренникова Е.Ф., Орсова А.А.* Эффективность дискурса: взаимодополнительность событийности, аттрактивности, дестинации // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Байкальская Ривьера: Бурятский гос. ун-т, 2018. С. 41–48.
8. *Сорокина Ю.В.* Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1(76). С.168–170.
9. *Якобсон Р.* Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 469 с.
10. *Ahmed A.* Integrated Framework for Interaction and Annotation of Multimodal Data. 2010. *Electronic Theses and Dissertations*. № 68. Memphis. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://digitalcommons.memphis.edu/etd/68> (дата обращения 11.05.2025).

11. *Beasley R., Danesi M.* Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising. Walter de Gruyter GmbH & Co. 2002. New York. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL:<https://doi.org/10.1515/9783110888003> (дата обращения 11.05.2025).
12. *Davenport T.H., Beck J.C.* The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Harvard Business School Press. Boston. 2001. 255 p.
13. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Polity Press. Cambridge. 1992. 259 p.
14. *Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
15. *Molesworth M., Nixon E., Scullion R.* The marketisation of UK higher education and the student as consumer. London: Routledge, 2010. 264 p.
16. *Wu T.* The Attention Merchants: The Epic Scramble to Get Inside Our Heads. 2016. *Faculty Books*. 64. New York. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL:<https://scholarship.law.columbia.edu/books/64> (дата обращения 11.05.2025).

ANALYSIS OF ATTRACTIVENESS AS A KEY METHOD FOR STUDYING DIGITAL COMMUNICATION OF A UNIVERSITY (USING A WEBSITE AS AN EXAMPLE)

N.V. Mongilyova, Ya.S. Talybova

*Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly,
Republic of Kazakhstan, Kostanay*

The article justifies the analysis of attractiveness as a key method for studying digital communication of a university. It examines the role of attractors on the university website in attracting users, shaping the institution's image, and enhancing communication effectiveness within the context of digitalization.

Keywords: digital communication, university, website, attractiveness, attractors, digitalization.

УДК 32.019.5

ЦИФРОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ВИЗУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА НА ПРИМЕРЕ ОБЗОРА ПАТРИСТИЧЕСКИХ СТИКЕРПАРОВ В СОЦИАЛЬНОМ МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM

М.В. Николаева, А.А. Шестакова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена изучению политических стикерпаров в п социальном мессенджере Telegram на предмет поиска и классификации патристических стикерпаров как визуальных единиц констатирующих заинтересованность молодежи в политическом контенте. В статье

подчеркивается важность и необходимость использования патриотических стикерпаков в качестве формирования у современной российской молодежи позитивного и ответственного отношения к современному политическому курсу страны.

Ключевые слова: патриотизм, политический контент, стикерпак, мессенджер.

Среди всех жителей России 81% используют Интернет каждый день. По данным доклада “Человек в смартфоне” 103 миллиона россиян пользуются мобильным Интернетом ежедневно. Это более 85% населения, которые около 4 часов в день потребляет различный контент, сформированный источниками, в том числе и политическими. Социально-политический контент является одним из пяти жанров, составляющих 80% всего телепросмотра россиян. Исследования, проведенные в АНО “Диалог” выявило, что органы власти активно присутствуют в социальных медиа. Среди популярных органов власти был сформирован список самых тиражируемых и открытых источников, среди которых – Министерство Просвещения России, Росмолодежь, Росстат, Министерство культуры и другие государственные паблики органов власти, которые активно ведут диалог с населением и формулируют для них значимую социально-политическую повестку дня.

Актуальность данного исследования обосновывается также тем, что ГИИ включены в процесс создания и конструирования практик цифрового патриотизма среди студенческой молодежи и школьников. Цифровой патриотизм формируется посредством цифровых технологических платформ, в то же время институционализируется в российском политическом пространстве. Необходимо понять, как патриотические установки формируются через цифровые сервисы и как цифровые сервисы трансформируются под влиянием сформированных патриотических ценностей. Цифровой патриотизм подразумевает использование цифровых технологий для продвижения национальных интересов и ценностей.

В данной статье представлен анализ политических стикерпаков на тему патриотизма в Интернет-среде. Авторы делают попытку проследить наличие и распространенность использования патриотических стикерпаков для того, чтобы выработать рекомендации органам власти, публичным политикам, госпабликам и другим заинтересованным лицам использовать визуальный компонент для маркирования наиболее важного политического контента. “Вирусность” и распространенность стикерпаков вызвана наибольшим интересом у молодежи, которым по-прежнему характерно клиповое мышление, нежелание потреблять и изучать информацию, превышающую размеры, которые не охватывает глаз.

Показательный пример цифрового патриотизма можно проследить в патриотических нарративах символической политики через стикеры, эмодзи и гиф-картинки в популярных мессенджерах. Авторы используют метод кейс-стади для того, чтобы проанализировать какие патриотические стикерпаки

существуют в онлайн-пространстве на данный момент и каким образом они влияют на патриотические представления и установки молодежи.

В цифровой среде существует единое мнение относительно понятия “стикерпак”. Стикерпак – это набор из нескольких стикеров (наклеек), объединенных общей темой или идеей, обычно напечатанных на одном листе и вырезанных по контуру. Они используются для украшения различных поверхностей, выражения индивидуальности, продвижения брендов и в качестве развлекательного элемента в цифровых коммуникациях. В онлайн-пространстве стикерпаки используют в основном в цифровых мессенджерах (Telegram, WhatsApp и др.) в качестве альтернативы эмодзи.

Рисунок 1. “Патриотический стикерпак V”

Рисунок 2. “Патриотический стикерпак Z”

В сервисе Телеграмм при поиске стикерпаков по запросу «Патриотизм» нет ни одного примера «оцифровки» патриотизма, что констатирует факт отсутствия визуального сопровождения патриотического контента в одном из самых популярных сервисов для коммуникации у молодежи. Однако, при запросе патриотического маркера «Россия» сервис предлагает набор стикеров, включающих визуальный ряд, связанный с поддержкой СВО и персонифицированным образом лидера страны, представленный как имиджевая составляющая его внутренней и внешней политики. Таким образом, визуальный политический контент нуждается в цифровых примерах патриотизма, включающих не только военные кампании (Великая Отечественная война и Специальная военная операция), но и положительные истории раскрытия культурного, духовного, исторического представления патриотизма, продемонстрированного учителями, врачами, учёными,

волонтерами, добровольцами и другими гражданами, реализующими свой патриотический потенциал на благо Родине.

Визуальный массив данных, выбранный нами для анализа составил порядка 100 стикерпаков, которые условно были разделены на три группы с доминирующим политическим компонентом. Мы можем сделать вывод о том, что в каждой группе есть политический контент и контекст, но к сожалению отсутствует патриотическая визуализация, так как все анализируемые нами стикерпаки включали политическое содержание современности.

Первую группу стикерпаков мы охарактеризовали как современный цифровой патриотизм СВО, так как ключевая символика и значимость стикерпаков связана именно с данным политическим событием. Насыщенность символами и эмоциональная привязанность пользователей к актуальному политическому конфликту подтверждает востребованность и распространенность данных стикерпаков, обозначенных на Рисунке 1 и Рисунке 2.

Вторая группа стикерпаков посвящена политическому лидеру России, В.В. Путину. Персонифицированная авторская направленность декларируется особой популярностью Президента РФ у современной российской молодежи. Молодые пользователи могут не проявлять интереса к политике, но свою симпатию и политическую эмпатию к В.В. Путину они испытывают подобным цифровым образом, маркируя свой текст стикерпаками, посвященными образу российского политического лидера.

Третья группа выделенных нами политических стикерпаков основана на включение в визуальный компонент государственной символики, отличительные политические знаки, которые актуализированы цифровой формой и применяются в коммуникации между молодыми пользователями. Несмотря на то, что все три группы политических стикерпаков имеют тесное отношение с патриотизмом, ни одна из групп не отделяет понятие политики и патриотизма. Именно поэтому мы делаем вывод о том, что необходима разработка стикерпаков, которые бы нивелировали политический компонент, что сделало бы их более востребованными среди молодого поколения, которые аполитичны ввиду разных причин.

Подобные цифровые решения способны консолидировать современную молодежь не только посредством исторических событий, происходивших в прошлом, но и актуализировать патриотическую тематику в популярном трендовом измерении цифровых экосистем и мессенджеров в повседневной коммуникации.

Изучение практик цифрового патриотизма, а точнее ее измерение визуальной насыщенностью в молодежной студенческой среде и среди школьников включает оценку опыта образовательных, гражданских, социальных и других инициатив. Формирование визуальных технологий в цифровых платформах, сервисах и ГИИ, транслирующих патриотические ценности и установки у студенческой молодежи и школьников позволит задействовать все каналы коммуникации государства и общества. Полученные

Результаты исследования могут быть предложены в качестве основных рекомендаций по введению политической коммуникации между государством, молодёжью и школьниками.

DIGITAL UNITS OF VISUAL POLITICAL CONTENT ON THE EXAMPLE OF A REVIEW OF PATRIOTIC STICKER PACKS IN THE SOCIAL MESSENGER TELEGRAM

M.V. Nikolaeva, A.A. Shestakova

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the study of political sticker packs in the social messenger Telegram in order to find and classify patriotic sticker packs as visual units that indicate the interest of young people in political content. The article emphasizes the importance and necessity of using patriotic sticker packs to form a positive and responsible attitude towards the country's modern political course among modern Russian youth.

Key words: patriotism, political content, sticker pack, messenger.

УДК 81'373:004.032.26

КЛИШЕ (ШАБЛОННЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ) КАК ОДИН ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В последнее десятилетие создание и распространение некачественного и дезинформирующего текстового контента в медиадискурсе становится возможным с помощью генеративных нейросетей. Современное общество нуждается в защите от потребления синтетически созданной информации, в связи с чем авторы статьи предлагают собственную классификацию лингвистических признаков сгенерированного текста в медиадискурсе для распознавания искусственно созданного текстового контента с помощью нейросетей. В качестве примера лингвистических признаков генерации в данной статье рассмотрены клише и шаблонные слова/фразы.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект (ИИ), медиадискурс, сгенерированный текст, лингвистические признаки сгенерированного текста, клише, шаблонные слова и фразы.

В период внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в создание медийного контента меняется и процедура написания текстов. Звено «человек как автор» в коммуникативном взаимодействии «человек как автор» → «человек как реципиент» заменяется на «нейросеть как автор».

Интернет переполнен контентом, созданным с помощью ИИ, в котором часто отсутствует индивидуальный творческий подход и авторский стиль. Текст, написанный нейросетью, несмотря на постоянное обучение и совершенствование языковых моделей, все еще отличается от написанного человеком. В настоящий момент в компьютерной лингвистике нет единой и полной классификации лингвистических признаков, по которым можно распознать сгенерированный текст, однако авторы статьи предприняли попытку выявления лингвистических признаков генерации текста нейросетью.

Нейросеть генерирует новые массивы текстов, используя одни и те же слова и структуры. Лексика является реально существующей и невыдуманной, однако ее положение в предложениях, логика постановки и количество повторов подвергают авторство текста сомнению. Распознавание типичной для нейросети лексики может помочь понять, почему повествование в некоторых текстах организовано по предсказуемой схеме.

Большие языковые модели (large language models – LLMs), например, GPT, генерируют текст, предсказывая следующее слово в цепочке, исходя из шаблонов, полученных в результате обучения на большом количестве данных. Таким образом, определенные слова и словосочетания появляются в сгенерированном тексте с высокой частотностью [6].

В сгенерированных текстах демонстрируются те же настроения и предубеждения, что и в наборах данных, на которых обучались LLMs: от религиозной дискриминации до дискриминации по признаку пола [9, с. 5], например, ИИ ассоциирует профессоров в основном с пожилыми мужчинами в связи с материалами, базирующимися на стереотипах, сложившихся в обществе (см. рисунок 1).

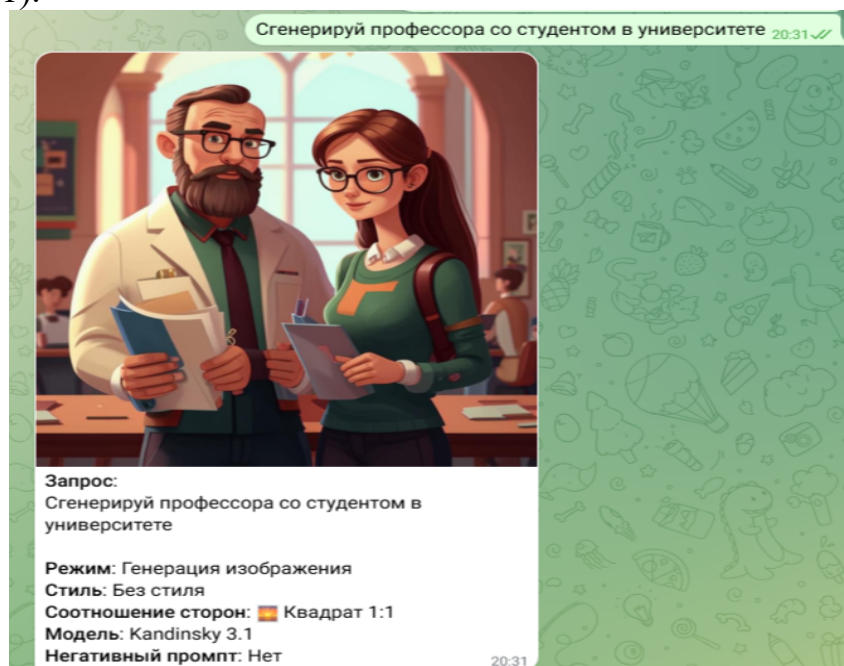

Рисунок 1. Генерация изображения нейросетью Kandinsky в результате обучения на материалах, содержащих стереотипные положения

В зарубежных исследованиях по компьютерной лингвистике феномен типичных, повторяющихся слов в сгенерированных текстах носит название “AI words” [5], “buzzwords” [6], “high-frequency AI words” [6] или “redundant vocabulary” [9, с. 2]. Авторы статьи предлагают использовать термин «клише». В контексте сгенерированного текста «клише» рассматривается не в традиционном его понимании слов-связок (linking words) в письменной и устной речи, а в значении часто повторяющихся слов в различных текстовых жанрах, которые стали типичными для нейросетей. Определение, данное в Cambridge Dictionary, содержит семантический компонент частого употребления слова/фразы: “Cliché – a phrase, remark, or opinion that has very often been said or expressed before and is therefore not original and not interesting” («Клише – фраза, замечание или мнение, которые очень часто произносились или высказывались ранее и поэтому не являются оригинальными и интересными») [4]. По наличию подобных клишированных слов и выражений можно доказать, что текст был сгенерирован.

В настоящем исследовании предпринята попытка классифицировать некоторые наиболее часто встречающиеся клише в сгенерированных текстах в различных типах Интернет-медиадискурса, выделенных по коммуникативным функциям. Выбор слов нейросетью часто обусловлен жанром требуемого текста [5] (см. таблица 1).

Таблица 1. Типы нейросетевых клише, публикуемые в различных жанрах Интернет-медиадискурса

Тип Интернет-медиадискурса	Русскоязычный	Англоязычный
клише общего типа (любой тип и жанр Интернет-медиадискурса)	«Не просто..., а...»; «... – это не просто, это...»; «Важно отметить, что...»; «Важно понять, что...»; «Не только ..., но и ...»; «В современном мире...» [2].	“It’s important to consider...”; “Moreover, ...”; “Remember that ...”; “It’s worth noting that ...”; “Let’s dive in...” [10]; delve into, underscore, pivotal, realm, key / a key takeaway [6], innovate, discover, tapestry, explore, boost, daunting, streamline, core / at its core, vital, comprehensive, ultimately [5], bustling, testament / a testament to ... [8].
политический (может быть представлен постами в	инициатива, процессы, решения, демократический, бюрократический, гражданский,	initiative, democracy / democractic, bureaucracy / bureaucratic, administrative, paramount, characterized,

социальных сетях, дипфейками и текстами публичных выступлений)	общественный, административный, ключ, ключевой, крайне важный [7].	<i>significant, pivotal, unravel, shed light, key</i> [11].
туристический (заметки для путешественников на веб-сайтах)	<i>рай, открытие, ... откройте для себя ..., уникальный, разнообразный, ключевой.</i>	<i>gem, crystal-clear, bragging rights, jaw-dropping, paradise, treasure, charm</i> [3].
новостной (сгенерированные новости) и газетно-публицистический (информационно-аналитические статьи в газетах)	<i>решения, задача, значимость, сложный, ключевой [1], планируется, ожидается.</i>	<i>unprecedented, tumultuous, key.</i>

Наблюдение за конкретными языковыми паттернами помогает определить, существует ли автоматизированный контент в тексте (см. рисунки 2, 3).

В последние годы нейронные сети прошли путь от простых сортировщиков картинок на смартфонах до помощников в решении глобальных задач в науке. Современные нейросети способны заменить или дополнить усилия человека во всех случаях, когда решение нужно принимать на основе предыдущего опыта.

Рисунок 2. Пример сгенерированного текста с типичным для нейросети словом «решение» [1]

⚡ Для нас демократия — это ключ к общему благосостоянию. Важно защищать интересы всех граждан, поддерживая развитие частной инициативы.

Я обещаю не возводить административные барьеры перед бизнесом и общественной инициативой. Чиновники должны служить народу, а не наоборот. Только объединив усилия всех жителей области, возможно добиться прогресса и улучшить качество жизни каждого человека.

Рисунок 3. Пример сгенерированного текста с типичными для нейросети словами «ключ», «инициатива», «административный» [7]

Стоит также помнить, что искусственный интеллект определенно продолжит быть вовлеченным в создание медиаконтента в ближайшее время, однако, не стоит полностью полагаться на его «творчество», которое, на первый взгляд, упрощает деятельность человека. Исследование сгенерированных текстов различных жанров показало, что нейросети, несмотря на их постоянное обучение и совершенствование, все еще демонстрируют заметные различия по сравнению с текстами, созданными человеком.

Список литературы

1. Нейросети создали новый выпуск газеты РБК [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.computerra.ru/287374/nejroseti-sozdali-novyj-vypusk-gazety-rbk/> (дата обращения 11.05.2025).
2. Штамп на штампе: 10 любимых клише ChatGPT, которые выдают вашу статью с головой (один неожиданный) [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://vc.ru/chatgpt/1558247-shtamp-na-shtampe-10-lyubimyh-klishe-chatgpt-kotorye-vydayut-vashu-statyu-s-golovoi-odin-neozhidannyi> (дата обращения 27.05.2025).
3. As Told to Buzzy on BuzzFeed [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy> (дата обращения 11.05.2025).
4. Cliché [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cliche?q=cliches> (дата обращения 10.05.2025).
5. Common AI Words – What to Look Out For in Your Writing [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://textero.io/guides/common-ai-words> (дата обращения 12.05.2025).
6. Decoding AI Language: Common Words and Phrases in AI-Generated Content [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.grammarly.com%2Fblog%2Fai%2Fcommon-ai-words%2F&utf=1> (дата обращения 13.05.2025).
7. GPT Померанцев [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://t.me/Pomerantsev_Илья (дата обращения 11.05.2025).
8. How to and not to sound like ChatGPT – AI cliches phrases [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://thereach.ai/2024/03/15/how-to-and-not-to-sound-like-chatgpt-ai-cliches-phrases/> (дата обращения 12.05.2025).
9. Muñoz-Ortiz A., Gómez-Rodríguez C., Vilares D. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text // Artificial Intelligence Review. 2024. V. 57. №265. С.1–28.
10. The Ultimate List of Common AI Words and Their Uses [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://undetected.ai/blog/common-ai-words/> (дата обращения 12.05.2025).
11. What are the most common AI words? [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://diagnoseo.com/blog/common-ai-words/> (дата обращения 12.05.2025).

TEMPLATE WORDS AND PHRASES (CLICHÉS) AS ONE OF THE LINGUISTIC FEATURES OF THE GENERATED TEXT IN MEDIA DISCOURSE

N.N. Olomskaya, E.A. Yurova

Kuban State University, Krasnodar

In the last decade, the creation and spread of low-quality and disinforming text content in media discourse has become possible with the help of generative neural networks. Modern society needs to be protected from the consumption of synthetically created information, and therefore the authors of the article propose their own classification of the linguistic features of the generated text in media discourse to recognize artificially produced text content using neural networks. As an example of linguistic signs of generation, this article discusses clichés and template words/phrases.

Key words: neural network, artificial intelligence (AI), media discourse, generated text, linguistic features of the generated text, clichés, template words and phrases.

УДК 811.112.2'37

ДЕРИВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: МЕХАНИЗМЫ И ТРАЕКТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Ю.И. Петракова

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

Статья посвящена проблеме реализации производящих возможностей лексических единиц в двух номинативных процессах – словообразовании и семантической деривации. На материале наименований животных в немецком языке выявлена их единая траектория реализации производящего потенциала в обоих номинативных процессах и установлен доминирующий статус словообразования.

Ключевые слова: номинация, словообразование, семантическая деривация, производящая единица, производная единица, вторичное значение, производящая активность.

Изучение производящего потенциала лексических единиц, т. е. их способности становиться основой для создания новых номинаций, в эпоху цифровизации перестало быть сугубо теоретической проблемой, превратившись в практическую необходимость для решения ряда задач, связанных с технологиями автоматического анализа и синтеза речи. Столь же значимо обращение к номинативным ресурсам языка и с точки зрения преподавания иностранных языков. В условиях современного

информационного потока, когда лексические новообразования появляются с беспрецедентной скоростью, принципиально важным становится формирование у учащихся компетенций самостоятельного декодирования языковых единиц [9, р. 573; 7, р. 1027; 10, р. 381; 6, р. 159–176]. Как отмечают исследователи в области лингводидактики, понимание деривационных закономерностей языка-цели позволяет учащимся быстрее осваивать лексику, выявлять связи между словами и лучше понимать значения производных единиц [11, р. 207 и далее; 5; 8].

Существование двух основных способов создания наименований – словообразования и семантической деривации – выдвигает на первый план проблему реализации производящего потенциала лексических единиц в данных номинативных процессах. На комплексное решение этой проблемы направлено предлагаемое нами исследование, программа которого охватывает несколько этапов: 1) определение в рамках лексико-семантической группы (ЛСГ) производящих полей, формируемых единицами, которые участвуют в словообразовании и семантической деривации; 2) установление закономерностей распределения производящей активности лексических единиц в данных номинативных процессах; 3) выявление производящего ядра, представленного теми конститuentами ЛСГ, на базе которых образуется наибольшее количество словообразовательных и семантических дериватов.

Материалом исследования послужили наименования животных, извлеченные из словаря „Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen“ (DWS), – всего 505 единиц. Корпус словообразовательных производных и вторичных значений составлен на основе данных словообразовательных и толковых словарей немецкого языка (DWW, DNW, DRNW, DWDS, DOW). Прежде чем перейти к описанию производящей активности исследуемых лексических единиц, необходимо прокомментировать полноту выборки дериватов обоих типов. Ввиду динамичности, открытости лексикона, сложностей фиксации абсолютно всех возможных вторичных значений и производных (в том числе семантически прозрачных дериватов), указанные словари вряд ли могут претендовать на исчерпывающее представление результатов словообразования и семантической деривации. Тем не менее, привлечение комплексной лексикографической базы, охватывающей несколько авторитетных источников, включая словари неологизмов, позволяет значительно повысить репрезентативность выборки.

На первом этапе исследования было установлено, что производящие поля словообразования и семантической деривации существенно различаются по объему. Если в словообразовании в качестве производящих баз участвует 159 наименований животных, то семантическая деривация задействует всего 63 единицы. Преобладающий выбор словообразования в качестве способа пополнения лексикона объясняется как мощным аффиксальным аппаратом немецкого языка (до 770 единиц, согласно «Словарю словообразовательных элементов немецкого языка» [3, с. 13]), так и высокой активностью субстантивного словосложения [4, р. 1] и транспозиционных механизмов. В

совокупности это позволяет говорящему эксплицитно маркировать создаваемые наименования и открывает широкие возможности для выполнения разнообразных смысловых заданий.

В отличие от словообразования, обладающего богатым арсеналом номинативных средств, семантическая деривация, как внутрисловный процесс, осуществляется значительно реже. Также следует отметить, что отсутствие формальной маркированности у наименований, представленных вторичными значениями, усложняет их декодирование, требуя от коммуникантов дополнительных когнитивных усилий и ограничивая тем самым продуктивность семантической деривации в системе способов номинации. При этом нельзя не признать, что при выборе производящих единиц семантическая деривация имеет и свою особую сферу действия, определяемую, вероятно, специфическими моделями полисемии, не свойственными словообразованию, и функционально-стилистическими особенностями порождаемых номинативных единиц. Это особенно отчетливо наблюдается на уровне единичных наименований животных, которые не участвуют в словообразовании, но имеют вторичные значения: *Haubenlerche* ‘жаворонок хохлатый’ > ‘(шутл.) монахиня’, *Paradiesvogel* ‘райская птица’ > ‘необычно одетый, ведущий себя человек’, *Rhinozeros* ‘носорог’ > ‘(груб) тупица’, *Trampeltier* ‘двугорбый верблюд’ > ‘(груб.) неуклюжий человек, увалень’. Однако, подчеркнем, подавляющее большинство наименований животных, активных в семантической деривации, востребованы и в словообразовании: *Fliege* ‘муха’ > ‘галстук-бабочка’, *Fliegengitter* ‘москитная сетка’, *Fliegenwedel* ‘веер от мух’, *Igel* ‘еж’ > ‘недружелюбный, неуживчивый человек’, *Igelborste* ‘ежиные колючки’, *sich einigeln* ‘съежиться, свернуться клубком’, *Löwe* ‘лев’ > ‘созвездие Льва’, *Löwenmähne* ‘львиная грива’, *Löwenstärke* ‘львиная сила’ и др.

Поскольку круг производящих единиц в словообразовании и семантической деривации в значительной степени совпадает, ключевое значение приобретает вопрос о дифференциации их порождающего потенциала в этих двух типах деривационных процессов, что и составляет предмет второго этапа нашего исследования. Количественные данные о порождаемых наименованиях однозначно подтверждают доминирование словообразования как основного механизма реализации производящего потенциала (соотношение словообразовательных производных и вторичных значений составляет 2223 и 134 единицы соответственно). Тем не менее, при всех существенных количественных расхождениях распределение активности лексических единиц в словообразовании и семантической деривации демонстрирует единую системную закономерность. Ранжирование наименований в зависимости от количества образуемых на их базе производных позволяет выявить небольшое подмножество единиц с высоким производящим потенциалом и значительно более обширный пласт лексем с умеренной деривационной активностью (рис. 1, 2).

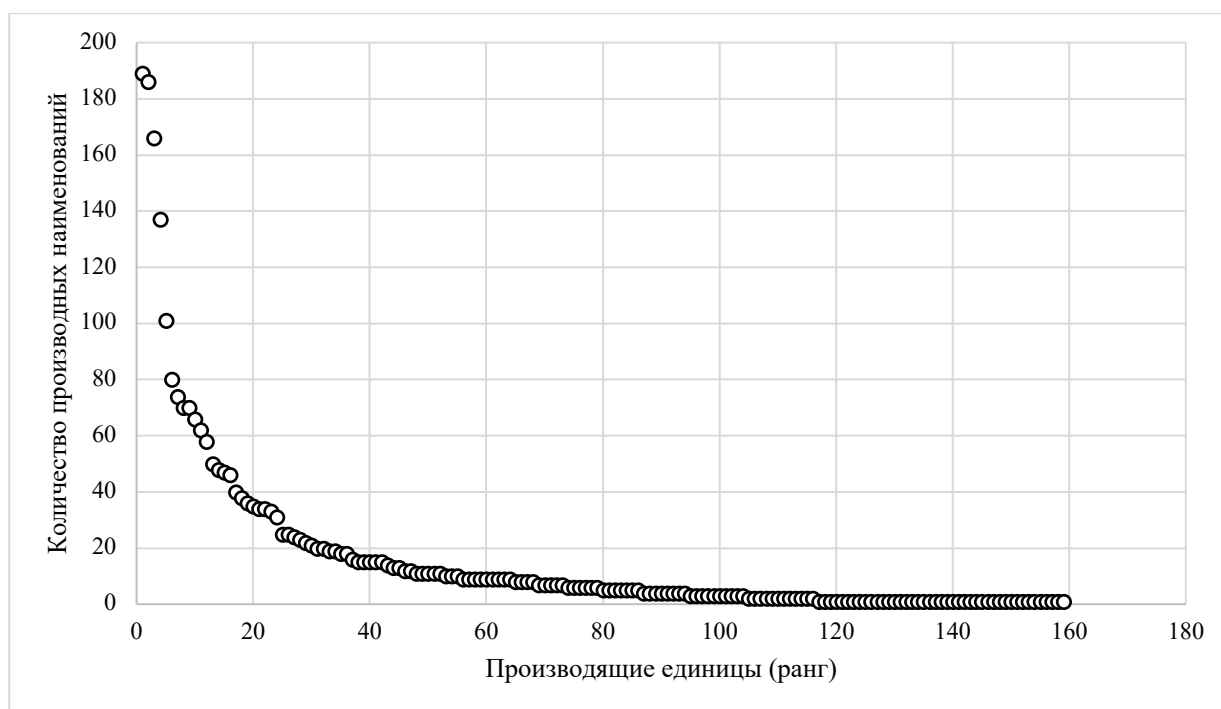

Рисунок 1. Распределение производящей активности наименований животных в словообразовании

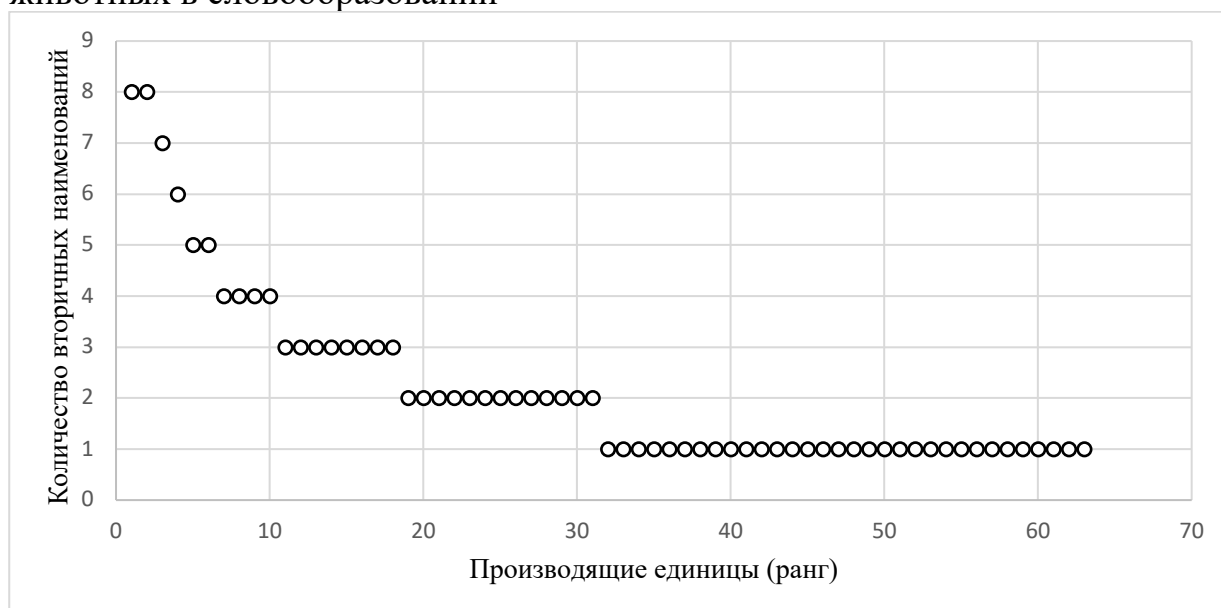

Рисунок 2. Распределение производящей активности наименований животных в семантической деривации

Асимметричное распределение производящего потенциала лексических единиц в процессах вторичной номинации может быть истолковано с нескольких позиций. С одной стороны, общий характер распределения соответствует закону Ципфа об обратной пропорциональной зависимости между частотностью слова и его рангом в частотном списке [2, с. 53–61]. С другой стороны, наблюдаемые отклонения (например, близость производящей активности единиц с рангами 1 и 2 для обоих способов) указывают на

необходимость учёта дополнительных условий, модифицирующих влияние частотности на производящий потенциал. К таким условиям можно отнести принцип экономии языковых усилий, в основе которого лежит «стремление к удобству, стремление к облегчению во всех трех областях языковой деятельности: в области произношения (фонации), в области слушания и восприятия (аудиции) и, наконец, в области языкового мышления (церебрации)» [1, с. 348]. Это удобство обеспечивается использованием в качестве производящей базы наименований таких животных, которые хорошо знакомы представителю немецкой лингвокультуры, используются в социальной практике, обладают разветвленной системой культурных коннотаций. Так, центральное положение в системе производящих единиц занимают наименования *Bär* ‘медведь’, *Fisch* ‘рыба’, *Hund* ‘собака’, *Pferd* ‘лошадь’, *Vogel* ‘птица’ для словообразования и *Bär* ‘медведь’, *Eule* ‘сова’, *Hirsch* ‘олень’, *Katze* ‘кошка’, *Schlange* ‘змея’, *Schnecke* ‘улитка’ для семантической деривации. Тот факт, что в исследуемых номинативных процессах члены производящего ядра почти не совпадают, свидетельствует как о различиях приоритетных моделей номинации в словообразовании и семантической деривации, так и о разной степени влияния социокультурных, когнитивных и лингвистических факторов на выбор конкретной номинативной процедуры. Однако обнаруженные расхождения не противоречат общему принципу концентрации деривационной активности у небольшого числа лексем. Регулярно избирая в качестве производящих единиц данные наименования, говорящий расширяет и фиксирует с помощью производных сеть семантических связей исходной единицы, что в свою очередь способствует ее закреплению в языковом сознании (ср. также с моделью «ассоциативной плотности», согласно которой рост семантических сетей осуществляется за счет небольшого количества наиболее активных узловых единиц [12]).

Таким образом, в результате исследования был выявлен ряд тенденций, характеризующих участие лексических единиц немецкого языка в словообразовании и семантической деривации. На материале наименований животных установлено, что словообразование служит основным механизмом реализации производящего потенциала лексических единиц. Это проявляется как на уровне их вовлеченности в деривационные процессы (159 производящих баз в словообразовании против 63 в семантической деривации), так и на уровне порождаемых наименований (2223 vs. 134 единицы соответственно). При этом, независимо от действующего номинативного механизма, конститuenty лексико-семантической группы демонстрируют единую траекторию реализации производящего потенциала, которая заключается в порождении подавляющего большинства дериватов на базе узкого круга лексем и рассеянии оставшихся производных среди многочисленных единиц с умеренной и низкой активностью. Подводя итог, можно заключить, что наблюдаемая асимметрия является, вероятно, одним из проявлений фундаментального принципа языковой организации, обеспечивающего когнитивную экономию при одновременном сохранении номинативного разнообразия.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. I, 384 с.
2. Гребенищикова А.В. Основы квантитативной лингвистики и новых информационных технологий. М.: Флинта, 2015. 152 с.
3. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; под рук. М.Д. Степановой. М.: Рус. яз., 1979. 536 с.
4. *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Aufl. Berlin: De Gruyter, 2012. 484 S.
5. *Gu Y., Johnson R.K.* Vocabulary learning strategies and language learning outcomes // *Language Learning*, 1996. Vol. 46(4). P. 643–679.
6. *Koeppel R.* Deutsch als Fremdsprache: spracherwerblich reflektierte Unterrichtspraxis. 3., überarb. und erw. Aufl. Stuttgart: Schneider Verlag Hohengehren, 2016. 450 S.
7. *Köster L.* Wortschatzerwerb und Wortschatzvermittlung // *Deutsch als Fremd- und Zweitsprache: ein internationales Handbuch*. Hrsg. H.-J. Krumm, C. Fandrych, B. Hufeisen, C. Riemer. Berlin: De Gruyter, 2010. S. 1021–1032.
8. *Krauß S.* Das selbstgesteuerte Wortschatzlernverhalten von DaF-Studierenden: Medienwahl, Vorgehensweisen und Reflexion des Lernprozesses / Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Gießen, 2019. 400 S.
9. *Luchtenberg S.* Neue Wörter im Deutschen. Überlegungen zu ihrer Bedeutung beim Zweitspracherwerb und ihrer Vermittlung im Unterricht des Deutschen als Zweit- und Fremdsprache // *Info DaF*. 1995. №22. S. 568–580.
10. *Nation P.* Learning vocabulary in another language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 640 p.
11. *Schmitt N.* Vocabulary learning strategies // *Vocabulary – description, acquisition and pedagogy* / Ed. by N. Schmitt. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 199–227.
12. *Steyvers M., Tenenbaum J.B.* The large-scale structure of semantic networks: statistical analyses and a model of semantic growth. *Cognitive Science. A Multidisciplinary Journal*. 2005. Vol. 29(1). P. 41–78. DOI: 10.1207/s15516709cog2901_3

Источники

- DWS – Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 9. überarb. u. erw. Auflage. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. 1097 S.
- DWW – Splett J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch: in 19 Bd. – Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 19 Bd.
- DNW – Quasthoff U. Deutsches Neologismenwörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. 690 S.

DRNW – Steffens D., Nikitina O. A. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch = Немецко-русский словарь неологизмов. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2016. 2 Bd.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.dwds.de> (date of access: 27.05.2025).

DOW – Duden – Das Onlinewörterbuch [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.duden.de> (date of access: 20.05.2025).

DERIVATIONAL RESOURCE OF THE LEXICAL SYSTEM: MECHANISMS AND TRAJECTORIES OF REALIZATION

J.I. Petrakova

Belorussian State University of Foreign Languages, Minsk

The article addresses the issue of the realization of the derivational potential of lexical units within two naming processes: word formation and semantic derivation. Based on the analysis of animal names, a unified trajectory of the realization of their derivational potential in both naming processes has been identified, and the dominant status of word formation has been established.

Key words: naming, word formation, semantic derivation, base unit, derived unit, secondary meaning, derivational activity.

УДК 81'27:316.77

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

А.М. Прима, Н.Б. Шершнев

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья представляет эволюцию гендерных исследований в отечественной лингвистике, начиная с их становления в 1990-х годах, и выделяет три основных направления: лингвокультурологическое, социо-психолингвистическое и коммуникативно-дискурсивное. Особое внимание уделяется анализу гендерной специфики в использовании графических средств интернет-коммуникации (эмотиконы, мультипликация гласных, астериски), выявлению различий в вербальных и невербальных стратегиях мужчин и женщин, а также трансформации гендерных маркеров в цифровой среде.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, интернет-коммуникация, графические средства, эмотиконы, гендерные стереотипы, фемининность, маскулинность.

Гендерные исследования в лингвистике раскрывают, как язык отражает, формирует и закрепляет гендерные нормы, стереотипы и социальные иерархии, что позволяет понять механизмы языковой дискриминации. Они также способствуют развитию гендерно-нейтрального общения, изучению различий в

речевом поведении и влиянию гендерного фактора на коммуникацию в разных языках и культурах.

Характеризуя основные тенденции развития гендерных исследований в российском академическом пространстве, истоки которых восходят к середине 1990-х годов, следует подчеркнуть их выраженную теоретико-методологическую ориентацию на западные научные парадигмы. Современные аналитики отмечают рецептивный характер освоения гендерной проблематики отечественной наукой, что проявляется в адаптивном заимствовании концептуальных моделей и исследовательских подходов, разработанных в рамках западной академической традиции

Формирование научного интереса к гендерной проблематике в российской лингвистике связано с появлением фундаментальных трудов, обобщающих достижения зарубежной науки в данной области. Знаковыми в этом отношении стали работа А.В. Кирилловой «Развитие гендерных исследований в лингвистике» [18] и исследование Е.И. Горошко «Гендерная проблематика в языкознании» [5], которые познакомили отечественных учёных с концепцией социокультурной природы гендера, противопоставленной его биологическому детерминизму.

Становление гендерных исследований в России происходило в рамках нескольких научных направлений:

- Московская школа (МГЛУ), где с 1999 по 2007 год были изданы коллективные монографии и сборники, включая «Гендер как интрига познания» [25];
- Лингвокультурологическое направление (НГЛУ), представленное работами [2], [9], [27] и др.;
- Пермская социопсихолингвистическая школа под руководством Т. И. Ерофеевой [1], [4], [11].

Теоретическое осмысление гендерных исследований в лингвистике впоследствии было обобщено в аналитических статьях [3], [10], [20], систематизировавших накопленные знания.

Е.А. Картушина выделяет три направления современной гендерной лингвистики в России:

- социолингвистические гендерные исследования, направленные на изучение жанрового и тематического своеобразия коммуникативного поведения мужчин и женщин;
- психолингвистические исследования, выявляющие особенности восприятия понятий «мужественность» или «женственность» в коллективном сознании;
- лингвокультурологические исследования, направленные на изучение репрезентируемых в языке представлений, связанных с мужчинами и женщинами [16].

Сходную классификацию предлагают А.В. Кирилина и М.В. Томская, выделяющие

1) лингвокультурологическое направление (исследует гендерные стереотипы, концепты «мужественность» и «женственность»);

2) социо- и психолингвистическое (изучение русского языкового сознания, устных и письменных текстов);

3) коммуникативно-дискурсивное (особенности женской и мужской коммуникации) [21].

Наибольшую исследовательскую проработку в контексте гендерной асимметрии получили паремиологический и фольклорный уровни языка. В рамках данного направления выявлены этнокультурные особенности репрезентации концептов маскулинности и фемининности, наиболее полно систематизированные в монографии В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» [24]. Автор отмечает, что для русского языкового сознания не характерна бинарная оппозиция «слабый пол» (женщина) versus «сильный пол» (мужчина). Противоречивость концепта «женщина» в русской лингвокультуре проявляется не через противопоставление мужчине, а через соотнесение с обобщённым концептом «человек». Фразеологический анализ демонстрирует акцентуацию нравственного аспекта женского образа, что отражает традиционные ценности русской культуры с её христианскими корнями: свободное сексуальное поведение оценивается как девиация от нормы, закрепляющей за женщиной роли добродетельной девицы и преданной супруги.

Обратимся к концептуальному анализу гендерных репрезентаций. Так, В.А. Ефремов в своих исследованиях фокусируется на способах языковой объективации концептов мужчины и женщины через анализ номинативных единиц [12]. Применяя диахронически-синхронический подход, учёный идентифицировал ядерные и периферийные элементы лексической системы, характеризующие гендерные концепты вне социальных и этнокультурных детерминант. Исследование показало, что концептуальное пространство «мужчина – женщина», являясь частью суперконцепта «человек», включает ряд субконцептов («девушка», «юноша» и др.). Эволюция номинативных средств в данном поле не только отражает социокультурные трансформации, но и служит их маркером, что позволяет рассматривать динамику гендерных концептов как индикатор изменений в русской концептосфере. Особое внимание уделяется устойчивым языковым рефлексам, гендерная маркированность которых проявляется в лексико-грамматических особенностях и сохраняющихся патриархальных стереотипах, влияющих на формирование гендерных образов в языковом сознании.

В рамках структуры гендерных концептов теоретическое обобщение исследований позволяет выделить в концептах «мужественность» и «женственность» три ключевых аспекта:

1) предметный (физиологические характеристики, половая принадлежность);

2) образный (модели поведения);

3) ценностный (аксиологические доминанты).

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых гендерно маркированной лексике, А.В. Кирилина справедливо отмечает наличие существенных лакун в данной области [19]. Большинство исследований ограничивается анализом апеллятивной лексики, тогда как изучение русской антропонимики и роли личных имён в конструировании гендерной идентичности представляет значительный научный интерес [17].

Выявим коммуникативно-дискурсивный аспект гендерных исследований в российской лингвистике. Современные исследования гендерных различий в речевом поведении охватывают три ключевых направления анализа:

- 1) фонетические особенности речи;
- 2) стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия;
- 3) специфику выбора лексико-синтаксических средств для реализации коммуникативных интенций.

Основная цель подобных изысканий заключается в определении степени влияния гендерного фактора на речевую деятельность в соотношении с другими социальными параметрами (возраст, образование, социальный статус и др.). Экспериментальные исследования фонетических особенностей, проведенные Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [13], выявили существенные различия в:

- 1) темпоральной организации речи;
- 2) паузальном членении;
- 3) количественных и качественных характеристиках гласных;
- 4) особенностях эмоциональной интонации с характерным для женской речи растягиванием ударных гласных versus удлинением согласных в мужской речи, что заключается в растяжке ударного гласного в эмоциональной женской речи (Такой ми-и-ленький, хоро-о-шенький!) при более характерной для мужской речи растяжке согласного (Р-р-аз, и в дамки!).

Новейшие исследования в области супraseгментной фонетики [14] с учетом возрастного фактора подтвердили:

- 1) бóльшую амплитуду интонационных колебаний в женской речи;
- 2) повышенную эмоциональность женской артикуляции;
- 3) экономичность и стабильность артикуляционных характеристик мужской речи.

Что касается гендерной специфики письменного дискурса, укажем, что анализ письменной речи, проведенный Е.И. Горошко [6, 7, 8], позволил установить ряд закономерностей.

Для мужского стиля характерны:

- 1) использование жаргонизмов;
- 2) частое употребление вводных конструкций с модальностью уверенности;
- 3) ограниченный репертуар средств выражения эмоций;
- 4) преобладание глаголов активного залога.

Женский стиль отличается:

- 1) широким использованием модальных конструкций с оттенком неуверенности;
- 2) предпочтением возвышенной лексики;
- 3) высокой частотностью определений и обстоятельств.

Наиболее всеобъемлющей и прагмаориентированной областью лингвистического взаимодействия является медиапространство [23]. Обратимся к гендерным аспектам интернет-коммуникации. Перенос коммуникации в цифровую среду обусловил появление исследований гибридной «устно-письменной» речи [22]. Первоначальные работы были посвящены анализу феномена «плавающего» гендера, изучению стратегий гендерной мимикрии через выбор ников и речевых характеристик, выявлению случаев гендерной дискриминации в сети [8].

В отличие от зарубежных данных, российские исследования [15] не подтвердили гипотезу об усилении гендерного противостояния в условиях анонимного общения, что свидетельствует о культурной специфике данного феномена.

Обобщая гендерные различия в интернет-коммуникации, отметим, что проведённые исследования демонстрируют устойчивую взаимосвязь между гендерной принадлежностью и особенностями речевого поведения в цифровой среде. Как отмечает И.А. Якоба [26], данная корреляция проявляется в определенных закономерностях.

Для женского коммуникативного стиля характерны:

- 1) ориентация на языковую норму;
- 2) склонность к детализированному изложению информации;
- 3) преобладание неконфликтных стратегий взаимодействия.

Мужской стиль коммуникации отличается:

- 1) активным использованием жаргонизмов и терминологической лексики;
- 2) доминированием в диалогическом взаимодействии;
- 3) тенденцией к инициации тематических сдвигов;
- 4) прямолинейностью и категоричностью высказываний.

Как показывают сравнительные исследования, выявленные различия в значительной степени воспроизводят закономерности, характерные для оффлайн-коммуникации. Однако в условиях виртуального взаимодействия наблюдается их специфическая трансформация: одни параметры получают более выраженное проявление, тогда как другие нивелируются. Данная динамика объясняется комплексом факторов, включая эффект анонимности и особенности цифровой коммуникативной среды.

Выявим специфику проявления гендерных маркеров в онлайн-пространстве. Сравнительный анализ показывает, что в условиях интернет-общения происходит акцентуация отдельных гендерных характеристик (например, усиление категоричности мужских высказываний), а также редукция других дифференцирующих признаков (снижение нормативности женской речи). Данная двойственная тенденция свидетельствует о сложном

характере трансформации гендерных стереотипов в цифровой среде, где традиционные модели речевого поведения подвергаются как воспроизведению, так и модификации.

Работы в данном направлении [26] имеют важное значение для понимания механизмов переноса гендерных стереотипов в цифровую среду, анализа трансформации коммуникативных стратегий в условиях опосредованного общения и разработки моделей гендерно-ориентированного дискурс-анализа. Полученные данные подтверждают необходимость дальнейшего изучения динамики гендерных маркеров в условиях эволюции цифровых коммуникативных практик.

Обратимся к анализу гендерных различий в использовании коммуникативных средств в социальной сети «ВКонтакте». Материалом для исследования послужили популярные паблики социальной сети «ВКонтакте»: «ШВТ» и «ВПШ». Всего в объект исследования вошло 200 речевых актов, из них – 107 реплик принадлежат женщинам, 93 – мужчинам.

Изучение гендерной специфики графических средств в интернет-коммуникации показало, что графический уровень интернет-общения, компенсирующий отсутствие паралингвистических средств, демонстрирует существенные гендерные различия как в количественном, так и качественном аспектах. Эти различия проявляются в особенностях использования эмотиконов и пиктограмм, астерисков и приёмов мультипликации гласных

Гендерно-специфические паттерны использования эмотиконов заключаются в следующих закономерностях. Эмотиконы с семантикой угрозы, включая милитаристские изображения, используются исключительно мужскими пользователями. Эмотиконы, выражающие отвращение через физиологические ассоциации, демонстрируют резкий гендерный дисбаланс (мужчины – 91%, женщины – 9%). Примеры: 🤮, 🤢 и 🤨.

Однако отметим, что в сообществе ВПШ наблюдаются специфические тенденции: общее сокращение количества эмотиконов в пользу стандартных пиктограмм (:), (:), ;)). Также в женских сообщениях, адресованных мужчинам, преобладают :- (улыбка/шутка), ;- (ироническое подмигивание) (процентное соотношение – женщины – 77%, мужчины – 23%).

В целом гендерные различия в графическом выражении эмоций заключаются в том, что для женской коммуникации характерны мультипликация гласных для передачи эмоциональной интенсивности (хороооший, кошмаааар, неееет) и активное использование астерисков для эвфемизации obscene лексик, в то время как мужские пользователи крайне редко применяют графические средства для смягчения obscene лексик (2% случаев против 98% у женщин). В молодёжном паблике ВПШ отмечается некоторая модификация этих тенденций: женщины реже используют астериски, предпочитая аббревиатурные формы (збс, чзх, ппц).

Проведённый анализ позволяет констатировать существенные гендерные различия в использовании графических средств, возрастную динамику

коммуникативных стратегий и специфику компенсаторной функции графики в зависимости от гендерной принадлежности

Подводя итоги, укажем, что на графическом уровне, выполняющем в интернет-коммуникации функцию замены прагматических средств, наблюдаются значительные количественные и качественные различия в использовании эмодиконов, пиктограмм, астерисков и приемов мультипликации гласных. Особенности их употребления свидетельствуют о различиях в степени категоричности и эмоциональности модальных значений, выражаемых женщинами и мужчинами.

Список литературы

1. *Автухович Ю.Э.* Влияние факторов «Специальность» и «Гендер» на употребление видовых форм глагола // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 33–40.
2. *Бодрова А.А., Коробова Н.В.* Лексические оппозиции как способ актуализации гендерных стереотипов в кинотексте // Вестник ЧелГУ. 2010. №34. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-oppozitsii-kak-sposob-aktualizatsii-gendernyh-stereotipov-v-kinotekste> (дата обращения: 14.05.2025).
3. *Божанова Н.Г.* Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 5 (109). С. 69–74.
4. *Гаранович М.В.* Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских. Пермь: ПГНИУ, 2020. 228 с.
5. *Горошко Е.И.* Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 20.12.2024).
6. *Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. М.: МГЛУ, 1999. С. 44–60.
7. *Горошко Е.И.* Гендерные аспекты интернет-коммуникаций: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. 21 с.
8. *Горошко Е.И.* Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик интернета // Educational Technology and Society. 2008. Т. 11. № 2. С. 388–411.
9. *Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород: НГЛУ, 2005. 405 с.
10. *Егорова М.А., Степаненко Ю.А.* История развития гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике // Global and regional research. 2020. С. 461–466.
11. *Ерофеева Т.И.* Социолект: стратификационное исследование. Пермь: ПГУ, 2009. 240 с.

12. *Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: РГПУ, 2010. 40 с.
13. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 224–241.
14. *Инь Сяо* Фонетические суперсегментные параметры гендерной и геронтологической стратификации русской звучащей речи: автореф. ... канд. филол. наук. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. 22 с.
15. *Каллистратидис Е.В.* Игровые трансформы узуальных обозначений лиц мужского пола как средства репрезентации категории маскулинности в неформальной интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 10. С. 3034–3039.
16. *Картушина Е.А.* Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: автореф. ... канд. филол. наук. Ижевск.: Удмуртский государственный университет, 2003. 23 с.
17. *Катермина В.В.* Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 1998. 297 с.
18. *Кирилина А.В.* «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21–27.
19. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
20. *Кирилина А.В.* Гендер. Лингвистические аспекты. М.: МЦГИ, 2000. 155 с.
21. *Кирилина А.В., Томская М.В.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–134.
22. *Лутовинова О.В.* Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11(71). С. 58–65.
23. *Самойлова А.В., Шершнева Н.Б.* Аксиологический потенциал англоязычных слов 2022 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 3092–3098.
24. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 264 с.
25. *Халеева И.И.* Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М.: МГЛУ, 1999. С. 7–14.
26. *Якоба И.А.* Особенности интернет-коммуникации // Вестник ИрГТУ. 2012. № 3 (62). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennostiinternetkommunikatsii-sotsiologicheskiiy-lingvisticheskiiy-gendernyyaspekty> (дата обращения: 10.05.2025).
27. *Boxer D., Gritsenko E.* Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage // Women and Language. 2005. Т. 28. № 2. P. 1–11.

Источники

Паблик «ВППШ» — [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/pravdashowtop> (дата обращения: 15.05.2025).

Паблик «ШВТ» — [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/shvt> (дата обращения: 15.05.2025).

GENDER ASPECT OF GRAPHIC MEANS IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET DISCOURSE

A.M. Prima, N.B. Shershneva

Kuban State University, Krasnodar

The article presents the evolution of gender studies in Russian linguistics, starting from their formation in the 1990s, and identifies three main areas: linguacultural, socio-psycholinguistic and communicative-discursive. Particular attention is paid to the analysis of gender specificity in the use of graphic means of Internet communication (emoticons, vowel prolongation, asterisks), identifying differences in the verbal and non-verbal strategies of men and women, as well as the transformation of gender markers in the digital environment.

Key words: gender linguistics, Internet communication, graphic means, emoticons, gender stereotypes, femininity, masculinity.

УДК 81'33

ИДЕОЛОГИЯ ВСЕЛЕННОЙ «ЗВЕЗДНОГО ПУТИ»: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ОППОЗИЦИЙ “WAR – PEACE”, “FREEDOM – SLAVERY”

С.Р. Раева

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В данной статье исследуется идеологический компонент кинодискурса на примере оригинального сериала «Звездный путь» (1964-1969). Анализ лингвистического корпуса скрипта сериала позволяет выявить многогранность понимания ключевых оппозиций «война/мир» и «свобода/рабство». Показано, что лексема «мир» не является однозначно положительной категорией и тесно связана с понятиями идеологии и власти. Раскрываются конкурирующие представления о мире и риторические стратегии, используемые персонажами. Особое внимание уделяется анализу нарушений максим Грайса, позволяющих понять скрытые мотивы персонажей.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, киноскрипт, идеологический компонент, оригинальный сериал «Звездный путь», оппозиция «война/мир», оппозиция «свобода/рабство».

Изучение идеологического компонента в оригинальных и переводных текстах является сегодня чрезвычайно актуальной темой лингвистических исследований [3; 4; 10].

По нашим наблюдениям, большинство таких работ проводится на материале новостного и политического дискурса [5; 6; 7]. Обращение к кинодискурсу в рамках подобной тематики встречается заметно реже [8; 9], что говорит о необходимости более тщательного изучения материала кинофильмов как значимого средства транслирования идеологических принципов на широкую аудиторию.

Особенную важность в этом отношении имеют популярные киносериалы, имеющие поклонников по всему миру. Одним из таких произведений является оригинальный сериал «Звездный путь» (1964–1969), скрипт которого мы выбрали в качестве объекта нашего исследования.

Целью настоящего исследования является изучение контекстов скрипта оригинального сериала «Звездный путь», содержащих лексемы с оппозиционным значением “war” / “peace”, “freedom” / “slavery”. Для этого в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета был собран лингвистический корпус скрипта указанного сериала объемом 256 621 токен или 16 725 реплик [1; 2].

Предварительный анализ показал, что слово «мир» (peace) встречается 37 раз в 34 предложениях конкорданса, что свидетельствует о значимости этой темы в сериале. Примеры демонстрируют, что понятие «мира» ассоциируется с различными персонажами (Петри, Ходин, Кирк, Сурак, Спок, Грин, Маккой) и локациями (коридор, медицинская лаборатория, мостик, фермерский дом, тюрьма и др.), что указывает на многогранность его понимания.

Прагматический анализ выявил разнообразие речевых актов, в которых используется лексема «мир». Это и декларативы, констатирующие невозможность мира (“There cannot be peace between us.” / «Между нами не может быть мира»), и комиссивы, выражающие намерение добиваться мира (“We sent emissaries to our opponents to propose peace.” / «Мы послали эмиссаров к нашим противникам, чтобы предложить мир»), и экспрессивы, демонстрирующие отношение к миру как ценности (“To gain peace at the price of accepting such a queen is no victory.” / «Достичь мира ценой принятия такой королевы - это не победа»), и директивы, предлагающие пути достижения мира (“However, I too, am a Vulcan, bred to peace. Let him attempt it.” / «Однако и я, я тоже вулканец, воспитанный для мира. Пусть попытаться»). Нарушения максим Грайса, в частности максимы качества, позволяют увидеть скрытые мотивы персонажей и подчеркнуть конфликтность ситуации. Например, признание персонажа о нежелании мира при непосредственной близости к врагу, демонстрирует противоречие между публичными заявлениями о стремлении к миру и личными чувствами ненависти и агрессии. Повторение фразы «Я пришел с миром предложить мир» (KIRK : [Bad guy base] : We came in peace. ROCK : [Bad guy base] : And you may go in peace / КИРК: [База злодеев]: Мы

пришли с миром. РОК: [База злодеев]: И вы идите с миром) может указывать на отсутствие искренности.

Дискурсивный анализ раскрывает наличие конкурирующих представлений о мире. Идеалистическое представление, характерное для персонажей Сурака и Спока, видит мир как высшую ценность, требующую настойчивости и самопожертвования. Прагматичный или циничный взгляд, свойственный персонажам Грину и Петри, выражает скептицизм и рассматривает мир как недостижимую утопию или инструмент манипуляции. Также, прослеживается восприятие мира как победы или поражения, в зависимости от условий его достижения. Таким образом, можно заключить, что в оригинальном сериале «Звездный путь» «мир» не является однозначно положительной категорией, а представляет собой сложное и многогранное понятие, подверженное различным интерпретациям. Анализ выявил, что дискурс о мире переплетен с понятиями идеологии и власти.

Что касается слов «свобода» и «рабство», стоит отметить прежде всего частотность их употребления: freedom : 11, slavery : 1. Проведенный анализ показал, что хотя концепция свободы часто представляется как универсальное благо, более тщательное изучение ее употребления в корпусе «Звездного пути» раскрывает сложное и многогранное понимание, сформированное конкретными, часто идеологизированными контекстами. Одной из важных особенностей, выявленных нами в ходе исследования, является относительность в понимании «свободы». Вместо того чтобы представлять ее как абсолютное явление, персонажи, особенно капитан Кирк, активно упоминают ее в связи с другими ценностями. Например, объяснение Кирка Ваалу связывает свободу с уверенностью в себе, работой и любовью:

[freedom] : freedom : 7751 : 2-5 : KIRK : [Vaal] : You'll learn to care for yourselves, with our help. And there's no trick to putting fruit on trees. You might enjoy it. You'll learn to build for yourselves, think for yourselves, work for yourselves, and what you create is yours. That's what we call freedom. / Вы научитесь заботиться о себе с нашей помощью. И нет никакого секрета в том, что фрукты растут на деревьях. Возможно, вам это даже понравится. Вы научитесь строить сами, думать сами, работать сами, и то, что вы создадите, будет вашим. Это то, что мы называем свободой.

Такая трактовка раскрывает определенное идеологическое оформление, предполагая, что свобода – это не просто отсутствие ограничений, а положительное свойство, достигаемое посредством определенных действий и отношений.

Интересно, что имеются также намеки на потенциальные опасности свободы. Обвинение Беле (“Yes, you were free, if you knew how to use your freedom. You were free enough to slaughter and to burn all the things that had been built!” / «Да, вы были бы свободны, если бы вы знали, как пользоваться вашей свободой. Вы были бы достаточно свободны, чтобы уничтожать и сжигать все, что было построено!») подчеркивает возможность злоупотребления свободой, что приводит к разрушению и хаосу. Это ставит под сомнение упрощенное

представление о свободе как о безоговорочном благе и предполагает необходимость осознания ответственности.

Связь свободы с «человеческим духом», как это было сформулировано Корби и Маддом, позиционирует ее как фундаментальную ценность, возможно, даже определяющую характеристику человечества. Это соответствует общей оптимистической и гуманистической направленности сериала. Однако эта связь также поднимает вопросы о том, кто считается «человеком» (human) и кто имеет право на свободу. Тонкая, но значимая дихотомия возникает из данных: «свобода передвижения и выбора» (Корби) против свободы Одоны, выраженной как «пространство» (space) и возможность «парить» (float). Первое предполагает внутреннюю, активную свободу, основанную на автономии и самоопределении. Второе предполагает внешние или ситуационные свободы, основанные на отсутствии ограничений и доступе к возможностям.

Термин «рабство» (slavery) появляется только один раз и представлен как прямой антитезис свободе и немедленно осуждается. Кирк называет это тем, чему «наша раса» дает другое и негативное название, укрепляя идею о том, что рабство морально предосудительно и несовместимо с ценностями Федерации. Ссылка на «ошейник послушания» подчеркивает тему контроля и господства, лежащую в основе рабства, еще больше подчеркивая его негативность.

Slavery : 9871 : 2-17 : KIRK : [Kirk's cell] : Our race has another name for it. Slavery. This collar of obedience, is Galt the only one who can operate it? / Наша раса это называет иначе. Рабством. Этот ошейник покорности, неужели только Голт может им управлять?

Предварительный анализ частотности употребления лексемы “war” (74 упоминания в предоставленных отрывках) подчеркивает значимость темы, хотя сама по себе цифра может и не отражать всей сложности и многогранности проблемы. Разнообразие действующих лиц, от капитана Кирка и рационального Спока до эмоционального доктора Маккоя, ромуланских командиров и представителей враждующих цивилизаций, позволяет рассмотреть феномен войны с различных точек зрения.

Одной из ключевых тем, выявленных при анализе корпусных данных, является контраст между неизбежностью и нежелательностью войны. С одной стороны, война представляется как неотъемлемая часть истории галактики, как нечто, от чего невозможно убежать (“War. We didn’t want it, but we’ve got it” / «Война. Мы не хотели ее войны, но всё равно ее получили»). Эти реплики Кирка часто отражают вынужденный характер участия Федерации в конфликтах, подчеркивая, что война является последним средством, к которому прибегают только в крайнем случае. С другой стороны, та же лексема “war” звучит в устах доктора Маккоя в категорически негативном контексте: “War is never imperative” / «Война не всегда необходима». Эта фраза отражает гуманистические ценности Федерации и подчеркивает, что человеческая жизнь и мирное сосуществование являются приоритетными. Таким образом, в сериале создается постоянная напряженность между необходимостью защиты идеалов свободы и недопустимостью насилия.

Интересным аспектом является противопоставление порядка и хаоса в контексте войны. Кирк характеризует реальную войну как “a very messy business” («очень грязное дело»), в отличие от компьютерных симуляций, которые демонстрируют упорядоченность и предсказуемость. Это противопоставление подчеркивает, что война в реальном мире влечет за собой страдания, разрушения и непредсказуемые последствия, в то время как в «идеальном» мире симуляций можно избежать человеческих жертв и сохранить порядок. Однако сериал также критикует подобный «идеальный» подход, показывая его бесчеловечность и отчужденность от реальности.

Еще одним важным мотивом является рассмотрение войны через призму технологий. С одной стороны, как отмечает Спок, слабость провоцирует войну: «And if Romulans retain this martial philosophy, then weakness is something we dare not show.» / «Если ромуланцы все еще верны этой военной доктрине, то слабость – это последнее, что мы можем себе позволить.» С другой же, технический прогресс сам по себе не решает проблему конфликтов, а наоборот, лишь усугубляет их, принося в галактику «машины разрушения» и невиданные ранее способы уничтожения. Эпизод с «машиной судного дня» (The Doomsday Machine) является яркой иллюстрацией этой идеи: сверхоружие, созданное для сдерживания, в конечном итоге приводит к тотальному опустошению и ставит под угрозу существование целых цивилизаций.

Риторические стратегии, используемые персонажами при обсуждении войны, отражают различные идеологические позиции. Часто используются предупреждения (Romulan Commander: “No need to tell you what happens when we reach home with proof of the Earthmen’s weakness” / Ромуланский командер: «Вам и так известно, что случится, когда мы принесем домой доказательство слабости землян») для оказания давления на оппонентов и оправдания своих действий. Вопросы, задаваемые Маккоем (“Based on what? Memories of a war over a century ago?” / «Основываясь на чём? На воспоминаниях о войне, которая была больше ста лет назад?»), ставят под сомнение стереотипы и предрассудки, лежащие в основе конфликтов. Декларативные утверждения Спока (например, о необходимости демонстрировать силу) используются для обоснования рационального подхода к войне, основанного на логике и расчете. Все эти приемы создают многоголосую риторику, в которой нет однозначных ответов и простых решений.

Анализируя лексические и грамматические особенности дискурса, можно выявить доминирующие фреймы, используемые для концептуализации войны. Часто используется фрейм игры, особенно при описании войны клингонами (Kor: “This is war, a game we Klingons play to win” / «Это война, и для нас, клингонов, это игра, в которой важна только победа»). Такое представление дегуманизирует конфликт, превращая его в стратегическую игру с определенными правилами и целями. Однако этот фрейм противопоставляется гуманистическому фрейму, в котором война предстает как трагедия и катастрофа, влекущая за собой человеческие страдания и разрушения.

Итак, в идеологическом плане «Звездный путь» (1964-1969) отражает противоречия, характерные для эпохи его создания. Заметим, что достаточно смелым шагом со стороны авторов сериала, даже с учетом относительной деэскалации напряженности между СССР и США, было введение в сериал русского (Russian) энсина Павла Андреевича Чехова, играющего важную роль среди офицеров мостика и четко, с гордостью обозначающего свою культурную принадлежность:

7067 : 2-2 : CHEKOV : [Temple] : He disappeared again like the cat in that Russian story. / ЧЕХОВ: [Храм] : Он исчез опять как кошка в той русской сказке.

9607 : 2-16 : CHEKOV : [Briefing room] : The area was first mapped by the famous Russian astronomer Ivan Borkoff. / ЧЕХОВ: [Комната совещаний] : Эта область впервые была нанесена на карту русским астрономом Иваном Борковым.

8346 : 2-8 : CHEKOV : [Throne room] : This place is even better than Leningrad. / ЧЕХОВ: [Тронный зал] : Здесь даже лучше, чем в Ленинграде.

К слову сказать, мостик Энтерпрайза многонационален. Лейтенант Ухура представляет африканские племена, говорящие на суахили, лейтенант Сулу японец.

Заклучим, что, с одной стороны, сериал транслирует необходимость защиты свободы и демократии от внешней угрозы, что находит отражение в риторике Кирка и других офицеров Федерации. С другой стороны, подчеркивается важность дипломатии, взаимопонимания и поиска мирных решений, даже с самыми непримиримыми врагами. Диалектика силы и дипломатии является центральной темой сериала и отражает стремление авторов к созданию более гуманного и справедливого мира, подсознательному поиску путей из ситуации противостояния мировых держав, моделированию будущего Земли, в котором возможно мирное сосуществование различных культур, сплоченных борьбой за выживание в бесконечной вселенной.

Список литературы

1. *Горожанов А.И.* Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11(892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

2. *Горожанов А.И.* Скрипт телесериала как объект корпусного исследования (на материале саги «Звездный путь») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 3 (897). С. 17–24. EDN UWZHKG.

3. *Гриценко Е.С.* Гендерные аспекты манипулирования в политической риторике (на материале английского языка) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 3. С. 67–75. DOI 10.28995/2686-7249-2025-3-67-75. EDN TDGFSI.

4. Гусейнова И.А., Горожанов А.И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22, № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. EDN CPMSKP.
5. Гусейнова И.А., Решетников К.Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13(894). С. 37–45. EDN YWYXMZ.
6. Денисова Г.В., Гусейнова И.А., Горожанов А.И. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023-2024 гг.) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405. EDN PJWEBZ.
7. Кокурина И.В. Фрейм «опасность» в программе немецкой партии «Альтернатива для Германии» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 44–51. DOI 10.46726/И.2023.2.5. EDN TIDLIS.
8. Ломова О.Е. Кинодискурс в контексте культуры и гендерной асимметрии общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 74. С. 18–32. EDN UEDCNY.
9. Тимофеев А.А., Гэн С. Идеологические эмоционально-смысловые оттенки советской и китайской киномузыки: сравнительный анализ // Искусство и образование. 2025. № 2(154). С. 68–76. EDN VJWMED.
10. Яркина Л.П., Пугачев И.А. Перевод идеологии в свете функционально-коммуникативного подхода // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 78–83. DOI 10.20339/PhS.6s-22.078. EDN LLQORW.

IDEOLOGY OF THE STAR TREK UNIVERSE: A CORPUS ANALYSIS OF THE OPPOSITIONS “WAR – PEACE”, “FREEDOM – SLAVERY”

S.R. Raeva

Moscow State Linguistic University, Moscow

The given paper examines the ideological component of film discourse using the original Star Trek series (1964-1969) as an example. An analysis of the linguistic corpus of the series script reveals the multifaceted understanding of the key oppositions “war/peace” and “freedom/slavery”. It is shown that the lexeme “peace” is not an unambiguously positive category and is closely related to the concepts of ideology and power. Competing ideas about the world and rhetorical strategies used by the characters are revealed. Particular attention is paid to the analysis of violations of Grice’s maxims, which allow one to understand the hidden motives of the characters.

Key words: corpus linguistics, film script, ideological component, original Star Trek series, opposition “war / peace”, opposition “freedom / slavery”.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОНЦЕПТОВ ДЕТЕКТИВНЫХ ТЕКСТОВ

А.В. Раловец

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей использования цифровых технологий для анализа концептуального пространства детективных текстов. В статье рассматриваются три программных средства – GeoGebra, Plotly и RAWGraphs – как наиболее универсальные решения для представления данных в разных аспектах концептуального анализа. Установлено, что в немецком детективе авторы делают акцент на процедурной составляющей расследования. Сюжетная динамика напрямую связана со строго регламентированными действиями и следственными алгоритмами. Российский детектив наоборот характеризуется преобладанием эмотивной составляющей, ключевыми являются личностные мотивы, внутренняя рефлексия и ценностные конфликты. Таким образом, фокус смещается с формализованных процедур на личные переживания героев.

Ключевые слова: детектив, концепт, концептуальное пространство, визуальная репрезентация, цифровые программы.

Самое важное — использовать технологии не только для снижения издержек и повышения эффективности, но и как способ задействовать энергию, идеи и лучшие качества людей, их желание работать вместе с теми, кто разделяет их интересы и стремление деятельно улучшать собственную жизнь и жизнь человечества в целом.

Маргарет «Мег» Уитмен

Детективный роман считается одним из самых значимых и популярных жанров литературы [6, р. 155], популярность которого объясняется сочетанием интеллектуальной интриги, этической направленности и напряжённого сюжета. Поэтому произведения детективного жанра часто относятся к литературе, ориентированной на максимально широкую читательскую аудиторию [5, р. 519]. В основе детектива лежит не только разгадка тайны, но и противостояние добра и зла, при этом такой жанр обладает устойчивой структурой, включающей преступление, расследование и финальное раскрытие загадки. Как подчёркивает Э.А. Варлакова, наличие интеллектуальной

головоломки является отличительной чертой детектива, позволяющей выделить его на фоне других приключенческих текстов [1, с. 9]. Детектив всегда предполагает активный диалог между автором и читателем, последний становится соучастником расследования, выдвигает гипотезы и оценивает улики, что обеспечивает высокий уровень вовлеченности и удерживает внимание читателя на протяжении всего повествования. Именно поэтому в детективах задействуются разнообразные лингвопрагматические средства, направленные на создание определенной атмосферы.

Классическая форма жанра основана на логике и анализе событий, преступление часто служит отправной точкой истории. Если же интрига отсутствует, а все детали раскрыты заранее, такое произведение утрачивает черты детектива. Преступление в детективной истории «всегда имеет логическое объяснение и носит реальный характер», поэтому в конце произведения чувство тревожности и неопределенности у читателя сменяются удовлетворенностью от решения загадки [4, с. 166].

Несмотря на разнообразие стилей и подходов, этот жанр остаётся обширным пространством для новаторства и творчества [2, с. 155], так как современные детективы адаптируются к реалиям времени. Одним из ключевых факторов этой трансформации становится влияние современных технологий. На настоящий момент в детективной литературе всё чаще появляются элементы цифровых технологий: на смену традиционным методам расследования приходят высокотехнологичные инструменты, такие как современные информационные базы данных, новейшие судебно-экспертные программы, усовершенствованные технологии геолокации и т. д. Всё это придаёт сюжетам реалистичность и усиливает интригу. Однако вместе с технологическим прогрессом возникают новые вопросы, касающиеся этичности, конфиденциальности и личных границ. Таким образом, современные технологии становятся неотъемлемой частью детективного повествования, обогащая его структуру и открывая новые возможности для развития жанра.

Процессы цифровизации затрагивают не только сами детективные произведения, но и влияют на методы их аналитики. Современные компьютерные программы позволяют использовать автоматизированные системы моделирования, алгоритмы обработки больших объемов текстовых данных и т. д. Особый интерес в этом контексте представляют концепты, формирующие каркас детективного дискурса. Их экзистенциальная значимость заключается в том, что именно они структурируют сюжетные сценарии, задают типологию персонажей и модулируют читательские ожидания. Под концептом в нашем исследовании понимается комплексная дискретная единица человеческого мышления, основная единица обработки, хранения и передачи знаний о мире, вербализующаяся с помощью слова [3]. Также практически все исследователи концептов признают, что при их изучении необходимо применение специфического метода, который только формируется в современной науке [2, с. 96]. Современная лингвистика при этом смещает

акценты от формальной структуры к когнитивной глубине текста, уделяя особое внимание концептам, выступающим в роли организующих смысловых единиц.

Эмпирической базой настоящего исследования стали классические детективы, являющиеся эталонными произведениями детективного жанра. В статье рассматривается произведение «Rauhnacht: Kluftingers fünfter Fall» (2010), созданное в соавторстве немецких писателей Фолькера Клюпфеля и Михаэля Кобра, а также произведение Татьяны Мартовой «Тайну прошепчет лавина» (2021). Оба текста демонстрируют черты герметичного повествования и следуют структурным и сюжетным канонам классического детективного жанра. При этом немецкий роман представляет собой коммерчески успешный бестселлер, получивший широкое признание как на национальном, так и на международном уровне, тогда как российский текст, оставаясь популярным в отечественном литературном пространстве, заслуживает внимания благодаря центральному положению женского персонажа-детектива, что обуславливает особый отклик среди женской читательской аудитории. Включение как немецкоязычного, так и русскоязычного материала позволило успешно осуществить сравнительно-аналитический обзор функционирования концептов в данных произведениях.

Для визуального анализа концептов всё чаще применяются цифровые инструменты, позволяющие наглядно представить сложные взаимосвязи между понятиями, их характеристики и структуру концептуального пространства. В данной статье рассматриваются три программных средства — GeoGebra, Plotly и RAWGraphs — как наиболее универсальные решения для представления данных в разных аспектах концептуального анализа. Каждая из этих программ обладает уникальными возможностями и позволяет рассматривать концепты с определённой аналитической перспективы.

GeoGebra применяется для построения наглядных двумерных моделей, отражающих сравнение концептов по ключевым признакам. В контексте теории концептуальных пространств каждый признак концепта может быть представлен как ось координат:

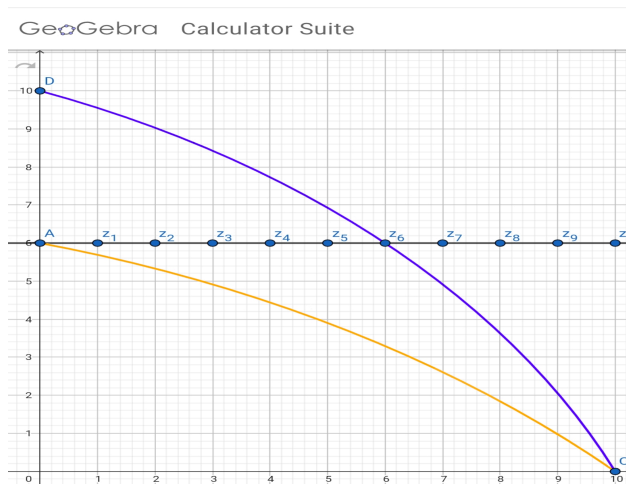

Рисунок 1. Взаимосвязь концептов «Семья» и «Профессионализм»

Данный график иллюстрирует влияние семейных связей на профессиональные действия героев детективов. Родственные и эмоциональные привязанности часто оказываются препятствием в ходе расследования, смещая акценты с рационального подхода на личный выбор. В таких сюжетах драматическое напряжение строится на внутреннем конфликте между служебным долгом и чувствами.

В данном случае оранжевая линия репрезентирует концепт «профессионализм» в российском детективе, а фиолетовая линия репрезентирует тот же концепт в немецком детективе. Можно заметить, что рассматриваемый концепт в российском детективе ограничивается прямой А. Эта особенность существенно отличает российский детектив от западных моделей, обозначенных фиолетовым цветом, где личная жизнь героев не влияет на профессиональные навыки. В русском произведении эмоциональная вовлеченность становится смыслообразующим элементом, так как детектив руководствуется не только логикой, но и собственными переживаниями.

Далее рассмотрим более динамичный пример:

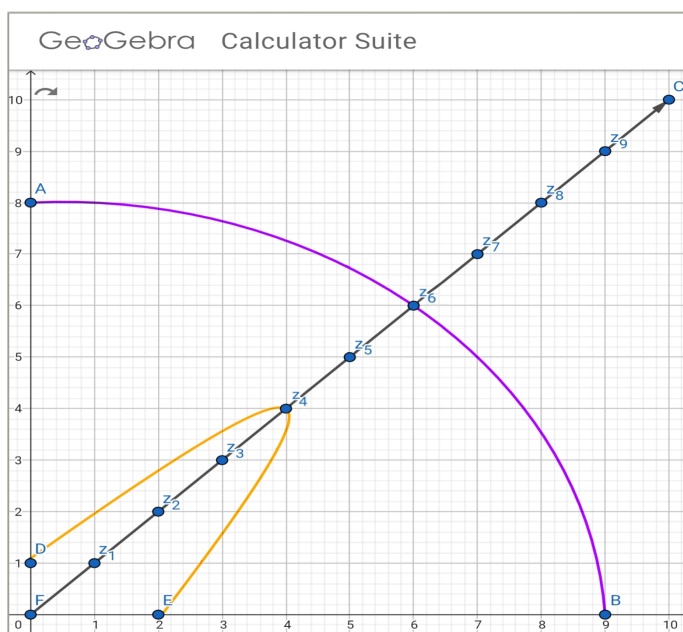

Рисунок 2. Сравнение концепта «Задержание преступника»

С точки зрения многомерного концептуального пространства задержание преступника можно рассматривать по трем ключевым осям: использование оружия (X), динамика задержания (C), интенсивность диалогов (Y). Каждая из них определяет особенности повествовательной структуры.

В немецком детективе использование оружия достигает 8 баллов, динамика задержания оценивается в 6 баллов. Интенсивность диалогов высокая (9 баллов), поскольку ключевым моментом задержания преступника является момент попытка переговоров, морального давления и убеждения преступника сдаться.

В российском детективе использование оружия минимально (1 балл), динамика оценивается в 4 балла. Интенсивность диалогов составляет 2 балла, так как в данном случае важнее не убеждение, а предостережение, возможность избежать насилия. В плане стилистики диалог сведен к лаконичным фразам, часто с элементами внутренней рефлексии: персонаж размышляет, анализирует ситуацию, оценивает последствия, но не стремится к переговорам с убийцей.

Таким образом, российский детектив передает реалистичность сцены, избегая излишней драматизации, тогда как немецкий детектив формирует более театральную, структурированную модель задержания, построенную на четкой игровой логике.

Программа Plotly обеспечивает визуализацию, которая особенно полезна при анализе концептов в многомерном пространстве. Используя заданные числовые параметры, Plotly помогает отразить, насколько близки или далеки концепты друг от друга.

Настоящее визуальное моделирование (Рис. 3), выполненное средствами Plotly, представляет собой многомерную схему, отражающую особенности формирования бытовых и этических концептов в текстах русского и немецкого детектива. Каждая точка на графике – это лексический маркер, отражающий определённый концепт.

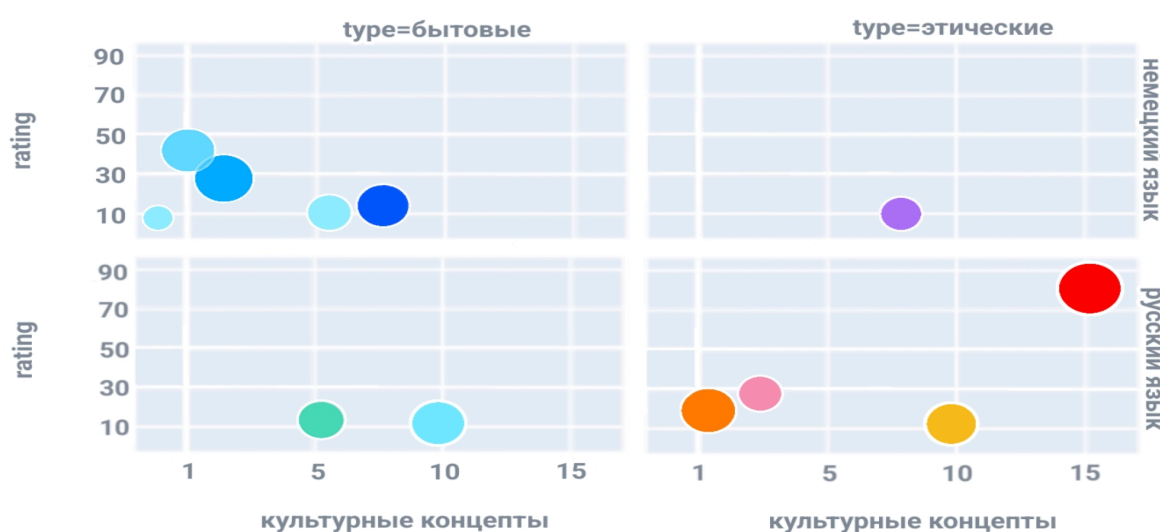

Рисунок 3. Сравнение бытовых и этических концептов рассматриваемых произведений

Размер круга указывает на интенсивность концепта: чем больше круг, тем шире его смысловое и стилистическое распространение в тексте.

Расположение по оси Y (по горизонтали) отражает градацию от 1 до 15 баллов, где 1 – это нейтральная лексика, а 15 – эмоционально насыщенная лексика (яркие эмоциональные конструкции, речевые обороты, метафор и т. д.).

Ось Y демонстрирует частоту употребления: чем выше точка, тем чаще концепт встречается в тексте.

Для каждого концепта был выбран свой цвет, при этом в российском детективе преобладает эмоциональная сфера, отмеченная тёплыми тонами:

- золотистый цвет репрезентирует концепт «честь»;
- красный цвет репрезентирует «любовь», самый важный этический концепт произведения;
- розовый цвет обозначает «сострадание»;
- оранжевый символизирует «самоотверженность»;
- зелёный связан с гармонией и символизирует «уют»;
- более холодный голубой цвет олицетворяет сдержанность и соответствует концепту «личные границы».

В немецком произведении подавляющее большинство концептов холодных оттенков, что подчеркивают рациональное мышление немцев. В порядке градации оттенков от более яркого к более тусклому можно рассмотреть следующие концепты: *Gerechtigkeit* (Справедливость), *Ordnung* (Порядок), *Pflicht* (Долг), *Regeln* (Правила), *Traditionen* (Традиции). Самый маленький концепт – это *Sparsamkeit* (Экономность), так как он упоминается в тексте всего несколько раз.

Таким образом, данная программа предоставляет большие возможности для анализа концептов в ходе лингвокультурных исследований, сравнивающих мировосприятие носителей разных языков.

RAWGraphs используется для анализа внутренней структуры и связей между концептами или их группами, особенно когда важно показать типологические или иерархические отношения. Программа поддерживает импорт табличных данных и множество способов визуализации.

В данной работе была рассмотрена взаимосвязь концептов базового авторского поля с концептами периферийной области (рис. 4). При этом в исследовании, проведенном с использованием визуализационной платформы RAWGraphs, были выявлены устойчивые ассоциативные связи между базовыми авторскими концептами немецких, а также русских детективных текстов и их периферийной зоной. Для анализа были отобраны три ключевых концепта: «убийца» (*Mörder*), «анализ фактов» (*Analyse von Fakten*) и «задержание преступника» (*Festnahme*), формирующие определенную композиционную схему, в которой убийца совершает преступление, его пытаются поймать при помощи анализа фактов, и в итоге происходит задержание преступника. На графике в правой его половине визуализированы значимые связи этих базовых авторских концептов с концептами периферийного поля: «психологическая неустойчивость» (*psychologische Instabilität*), «ненависть» (*Hass*), «страх» (*Angst*), «профессионализм» (*Professionalität*), «самоотверженность», «надежда», «горе».

Анализ концептуального пространства позволяет сделать важные выводы, касающиеся двух рассматриваемых культур. Например, в немецком детективе главный герой является профессионалом своего дела, хотя часто испытывает страх. В российской модели, напротив, центральным смысловым вектором становится самоотверженность. Таким образом, график не только

визуализирует соотношение значений, но и раскрывает различия в авторских стратегиях построения морально-психологического портрета героя.

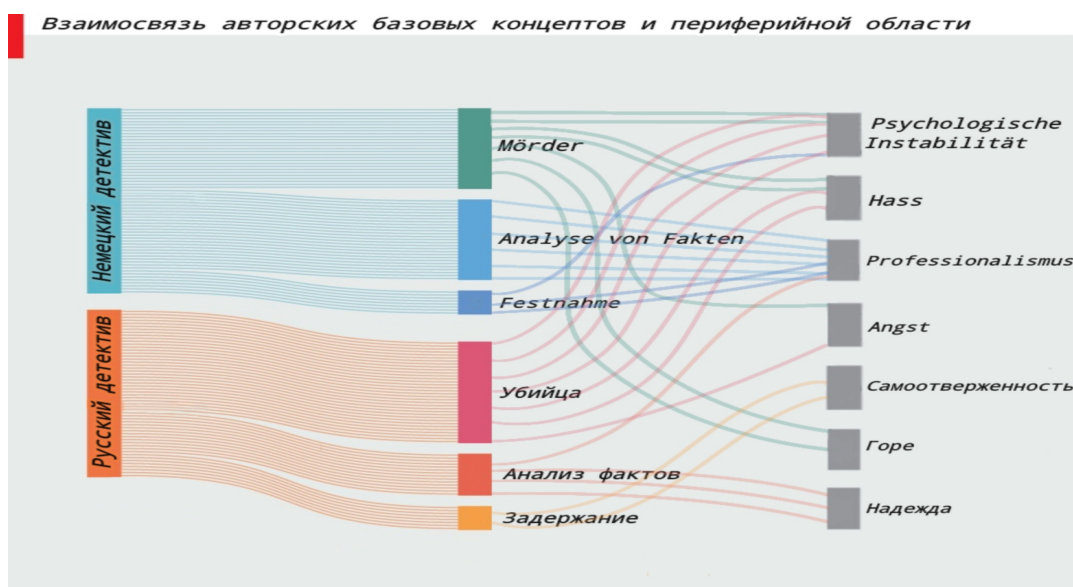

Рисунок 4. Взаимосвязь авторских базовых концептов и периферийной области.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены три современные программы, позволяющие проводить многогранную аналитику концептуального пространства. Рассмотрев два анализируемых произведения, можно сделать вывод, что в российском детективе чрезвычайно важны различные эмоции, а в немецком детективе неотъемлемой компонентой являются бытовые концепты, а также концепты, отражающие определенные процедуры.

Список литературы

1. Варлакова Е.А. Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2012. 21 с.
2. Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: Языки Народов Мира, 2022. 259 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад. 2007. 315 с.
4. Серебрякова С.В., Кравцова А.В. Жанрово – тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 164-171.
5. Niyazova G., Raupovathe L. The main signs and reasons for the popularity of the detective genre // Society and innovations. Special Issue. 2021. №2. P. 516-524
6. Salemi M. The Detective Novel: Origins and Evolution // Journal For Educators, Teachers and Trainers. 2024. Vol.15(5). P. 147–156.

Источники

Мартова Т. Тайну прошепчет лавина. М.: Эксмо, 2021. 320 с.

Kobr M., Klüpfel V. Rauhnacht: Kluftingers fünfter Fall. München: Piper Verlag GmbH, 2010. 358 S.

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES FOR THE VISUAL REPRESENTATION OF CONCEPTUAL FEATURES IN DETECTIVE TEXTS

A.V. Ralovets

North-Caucasus Federal University, Stavropol

This article explores the specific features of using digital technologies to analyze the conceptual space of detective texts. It focuses on three software tools – GeoGebra, Plotly, and RAWGraphs — as some of the most versatile solutions for visualizing data across various dimensions of conceptual analysis. Research has shown that in German detective fiction, authors place a strong emphasis on the procedural aspects of the investigation. The narrative dynamics are directly tied to strictly regulated actions and investigative algorithms. In contrast, Russian detective fiction is characterized by a predominance of the emotive dimension, where personal motives, internal reflection, and value-based conflicts of the characters become central. Thus, the focus shifts from formalized procedures to the protagonists' personal experiences.

Key words: detective, concept, conceptual space, digital tools.

УДК 81'324:004.8:32

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Н.А. Рябченко, О.П. Малышева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья исследует трансформацию методологического ландшафта политической лингвистики под влиянием искусственного интеллекта, иллюстрируя данную динамику на материале парламентских выборов в Индии 2024 г. Генеративные модели ИИ перевели предвыборную коммуникацию в формат межмодального, многоязычного и гиперперсонализированного политического дискурса. В статье выделяются три технологических кластера – синтез аудио- и видео-контента, мгновенный многоязычный перевод (Bhashini) и микротаргетирование – формирующие новые корпуса данных и снижающие

эпистемологический порог доверия к аудиовизуальным сообщениям. Анализ этих технологических кластеров позволяют выделить четыре перспективных направления для политической лингвистики: (1) количественный анализ многоязычных сдвигов риторики; (2) описание жанра синтетического политического сообщения; (3) экспериментальная прагматика персонализации; (4) разработка эталонных корпусов «дипфейк – оригинал» для обучения детекторов позиции, пропаганды и синтетического контента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая лингвистика, нейросети, машинное обучение, NLP, цифровая политическая коммуникация, выборы в Индии.

Современная политическая лингвистика активно интегрирует достижения в сфере искусственного интеллекта (ИИ), становясь полем интенсивного междисциплинарного взаимодействия. Появление глубоких нейросетей, доступность вычислительных мощностей и возможность формирования больших языковых корпусов существенно изменяют методологический арсенал политической лингвистики и открывают перспективы решения задач, которые ранее считались нерешаемыми или труднодоступными с точки зрения затрат ресурсов и времени. ИИ становится основным инструментом не только в прикладной политической лингвистике (машинном переводе, автоматическом генерировании цифрового политического контента), но и фундаментальной – исследованиях, фокусирующихся на семантике, синтаксисе, прагматике политического дискурса и прогнозировании его развития. Использование методов машинного обучения, нейросетевых подходов и статистического моделирования позволяет исследователям выявлять скрытые закономерности в дискурсивных полях, формирующих политический дискурс, работать с большими объёмами лингвистических данных и решать задачи, требующие высокой аналитической точности, скорости и возможности прогнозирования.

Использование искусственного интеллекта на парламентских выборах в Индии в 2024 году показывает нам, как технологии генеративных моделей ИИ становятся системообразующим фактором электоральной коммуникации и тем самым формируют новый эмпирический материал для новых исследований в области политической лингвистики и ИИ. Анализируя семифазный ход предвыборной кампании и опыт участия более чем 970 млн избирателей, мы можем выделить три ключевых кластера применения ИИ с точки зрения политической лингвистики: синтез мультимодального контента, многоязычная адаптация речи в режиме реального времени, гиперперсонализированное микротаргетирование политического контента. Все предвыборные штабы крупных партий Индии массово продуцировали дипфейк-видео и клон-аудио, создавая реалистичные убедительные инсценировки с участием известных политических деятелей. По оценке агентства Blackbird AI около 75% индийских пользователей цифрового пространства столкнулись с политическими дипфейками, и каждый четвертый воспринял их как подлинный политический контент [2]. Дипфейк индустрия становится отдельным сегментом

политического рынка, что с высокой вероятностью в будущем приведет к радикальному снижению когнитивного порога доверия к аудиовизуальному политическому контенту [1]. С точки зрения политической лингвистики, это означает формирование нового направления исследований – анализ синтетического дискурса, в которых семиотическая правдоподобность подрывает традиционные механизмы верификации высказываний.

Впервые в истории индийских политики в ходе парламентских выборов 2024 года был реализован масштабный проект многоязычной синхронной трансляции выступлений крупных политических деятелей в режиме реального времени. Приложение NaMO со встроенной моделью ИИ Bhashini переводило выступления премьер-министра Н. Моди с языка хинди на 24 региональных варианта [3]. Применяемая технология сочетала автоматическое преобразование речи в текст (Speech2Text), машинный перевод и голосовой клон с сотнями диалектов, что для прикладной лингвистики дает возможность анализировать оперативное «переключение кода» (code-switching) на уровне официального (правительственного) дискурса и выявлять, как риторические фреймы трансформируются или обесмысливаются при мгновенном межязыковом переносе.

Благодаря технологиям ИИ такие стартапы, создали и реализовали инструменты гиперперсонализированного микротаргетирования. Технологические компании, обеспечивающие работу предвыборных штабов, генерировали для мессенджеров миллионы кастомизированных видеосообщений, адресованных конкретным избирателям: обращение по имени и озвучивание послания клоном голоса кандидата, позволили создать у избирателей впечатление личного общения с политиком [4]. Подобные инструменты порождают вариативные корпуса эффективных убеждающих речей (persuader-speech) с точной разметкой демосегментов, позволяющих эмпирически подтверждать, как минимальные лексико-прагматические сдвиги влияют на перлокутивный эффект.

Прошедшие выборы в Индии 2024 года становятся точкой формирования четырех концептуальных направлений развития исследований в области политической лингвистики и ИИ:

1) анализ многоязычного дискурсивного сдвига: корпус синхронных переводов Bhashini позволяет исследовать изменение модальности, эволюции метафоры при автоматическом переносе;

2) анализ жанровой эволюции: диффейк-послания формируют гибрид «текст-голос-видео», что требует переосмысления «иллокутивной силы» и «средств создания комического эффекта»;

3) анализ прагматики персонализации: вариативные обращения по имени или в соответствии с полом избирателя становятся “лабораторией” для изучения адресного фрейминга и его влияния на убеждение;

4) создание корпусов «диффейк – оригинал»: исследования, связанные с созданием и расширением эталонных корпусов «диффейк – оригинал» как аннотированных наборов данных, получаемых из предвыборных материалов,

предназначенных для обучения и проверки прозрачных моделей автоматического определения позиции, выявления пропаганды и распознавания синтетического политического контента.

Выборы-2024 в Индии стали не только крупнейшей электоральной апробацией генеративного ИИ, но и вызовом для политической лингвистики, поскольку фокус исследования сместился с анализа исключительно текстового политического контента к межмодальной, многоязычной и высокоперсонализированной агитации. Будущие исследования должны объединять корпусные методы, семиотический анализ и этико-регулятивные перспективы, чтобы описать динамику «пост-аутентичного» цифрового политического дискурса и разработать метрики доверия к нему, устойчивые к синтетической пертурбации.

Список литературы

1. Anadi. Deep Fakes, Deeper Impacts: AI's Role in the 2024 Indian General Election and Beyond [Электронный ресурс] // GNET. 11.09.2024. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://gnet-research.org/2024/09/11/deep-fakes-deeper-impacts-ais-role-in-the-2024-indian-general-election-and-beyond/> (дата обращения: 14.06.2025).

2. Kohlman E. Indian Voters Inundated with Deepfakes During the Largest Democratic Exercise in the World [Электронный ресурс] // Blackbird.AI Blog. 2024. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://blackbird.ai/blog/india-election-deepfakes/> (дата обращения: 14.06.2025).

3. Rakesh K.M. AI Tool to Power BJP's South Push, Nammo App to Translate PM Modi's Speeches in Real Time [Электронный ресурс] // The Telegraph India. 31.03.2024. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.telegraphindia.com/elections/lok-sabha-election-2024/ai-tool-bhashini-to-power-bjps-south-push-nammo-app-to-translate-pm-modis-speeches-in-real-time/cid/2010167> (дата обращения: 14.06.2025).

4. Shah F. AI Companies Are Making Millions Producing Election Content in India [Электронный ресурс] // Rest of World. 30.04.2024. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://restofworld.org/2024/india-elections-ai-content/> (дата обращения: 14.06.2025).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL LINGUISTICS: PRINCIPAL RESEARCH DIRECTIONS AND METHODOLOGICAL APPROACHES

N.A. Ryabchenko, O.P. Malysheva

Kuban State University, Krasnodar

This article examines how artificial intelligence is reshaping the methodological landscape of political linguistics, using the 2024 Indian parliamentary elections as a case study. Generative AI models have transformed pre-electoral communication into a multimodal, multilingual, and hyper-personalised political

discourse. The study identifies three technological clusters – audio-visual content synthesis, real-time multilingual translation (Bhashini), and micro-targeted messaging – that generate new data corpora and lower the threshold of credibility for audio-visual messages. Building on this analysis, the article outlines four promising research vectors for political linguistics: (1) quantitative analysis of multilingual rhetorical shifts; (2) genre-oriented description of synthetic political messages; (3) experimental pragmatics of personalisation; and (4) development of benchmark “deepfake – original” corpora for training detectors of viewpoint, propaganda, and synthetic content.

Key words: artificial intelligence, political linguistics, neural networks, machine learning, NLP (natural language processing), digital political communication, Indian elections.

УДК 81'42:82-31

АНТИТЕЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»

А.В. Самойлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Проблема использования средств выразительности является ключевой в литературоведении и филологии. Данная работа посвящена анализу антитезы как одного из наиболее эффективных средств экспрессивности в романе викторианской эпохи. Было выявлено, что данный стилистический прием лежит в основе изображения ряда философско-поэтических понятий, фигурирующих в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», а также формирует архитектонику художественных образов и персонажей.

Ключевые слова: антитеза / антитетичность, лингвостилистический прием, художественный образ, экспрессивность, эмоциональность.

Являясь письменным произведением, обладающим эстетической значимостью и содержащим в себе культурное наследие, художественный текст реализует эстетическую функцию с целью активизации эмотивного отклика реципиента [6]. Воздействие на эмоционально-когнитивную сферу читателей невозможно без использования художественных, лингвостилистических и композиционных решений в рамках текстового массива. Целью данной работы является анализ приема антитетичности при создании системы художественных образов в романе Э. Бронте «Грозовой перевал». В перечень задач для достижения поставленной цели входило рассмотрение сущности, видов и характерных признаков понятия «антитеза», а также анализ художественных примеров, содержащих антитезу в качестве базового принципа описания, наряду с лингвостилистическими средствами ее воплощения. Таким образом объектом исследования являлся художественный прием антитетичности, а предметом – лингвостилистические средства его реализации. Актуальность

работы обусловлена необходимостью более точного понимания принципов построения англоязычных художественных текстов эпохи романтизма, а также необходимостью выявления взаимосвязи между авторским замыслом и его реализацией посредством лингвостилистических приемов. Прием антитезы является эффективным средством воздействия на механизмы восприятия, оценивания, последующей интерпретации и формирования окончательного мнения относительно прочитанного.

«Антитезные отношения являются одними из основных ментальных конструкторов, с которыми человек сталкивается в процессе восприятия окружающего мира, поскольку противопоставление как когнитивный феномен находит отражение во всех сферах человеческой жизни» [3, с. 123]. Антитетичность в широком смысле подразумевает «принцип мировосприятия, заключающийся в обнаружении противоположности двух явлений; в искусстве – это прием, запечатлевающий контрастность понятий, характеров, психологических состояний, ситуаций, атрибутов быта и т. п. [4].

Антитеза в художественном произведении – это стилистический прием, основанный на резком противопоставлении образов, понятий, идей или черт характера. Она служит для усиления выразительности, создания контраста и более глубокого раскрытия смысла произведения. В современном литературоведении антитезой является обозначение всякого содержательно-значимого контраста. Однако в отличие от контраста, который может быть и неявным, намеренно скрытым, антитеза всегда демонстрируется открыто. В литературе эпохи классицизма антитеза использовалась как эстетический и философский принцип изображения полярности человеческой природы, который получил наиболее полное и предельное выражение в период романтизма [1].

В художественном тексте можно выделить несколько видов антитезы:

- антитеза философско-поэтического типа. Данный тип подразумевает дуализм противоречащих друг другу понятий, которые могут как превалировать друг над другом, так и сливаться со своей противоположностью в изображаемом предмете. К таким парам относятся оппозиции «добро» – «зло», «красота» – «уродство», «юность» – «старость», «любовь» – «ненависть» и т.д.;

- антитеза образов и мотивов. Несмотря на то, что данный тип антитезы преимущественно соотносим с философско-поэтическим, его применение реализуется на сюжетно-композиционном уровне, когда, к примеру, определенными действиями и реакциями персонажей движут полярные внутренние мотивы, подразумеваемые, но не выраженные эксплицитно. Антитезу могут образовывать и самостоятельные элементы художественного целого, к примеру отдельные единицы, составляющие пространственно-временной план произведения;

- антитеза персонажей. Она может быть представлена «парными» героями, враждующими между собой. Не во всех случаях ими являются протагонисты и антагонисты, персонажи могут быть противопоставлены друг

другу, либо дублировать друг друга, не будучи вовлеченными в неприкрытое противоречие;

– антитеза жанров подразумевает совмещение в рамках одного художественного произведения ряда жанровых разновидностей, отвечающее индивидуально-авторскому замыслу и направленное на создание наибольшего эстетико-идейного воздействия;

– антитеза стилистическая, являющаяся лингвистическим приемом и решающая поставленную задачу номинирования противоположных понятий на уровне отдельных отрезков текста [4].

К основным характерным чертам антитезы можно отнести контрастность в виде ярко выраженного противопоставления элементов; смысловую нагрузку посредством углубления смысла через контраст; выразительность, реализующуюся в эмоциональном воздействии на читателя, акцентировании внимания; структурность в форме четкого оформления в тексте при помощи параллельных конструкций, противопоставлений в предложениях, оксюморонных сочетаний и т.д.

Антитеза в литературе является достаточно привычным явлением, однако каждому автору, использующему данный прием, характерны свои уникальные решения. Антитеза позволяет автору выделить ключевые моменты, создать напряжение и побудить читателя к размышлению. Она делает текст более ярким и запоминающимся. Так, в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» читатель может отметить использование разных видов антитетичности, однако в данной работе особое внимание будет уделено антитезе образов и персонажей, а также антитезе философско-поэтического типа.

Антитетичность образов реализуется в первую очередь через противопоставление образов основных локусов романа – поместий «Грозовой перевал» и «Мыза скворцов». Поместье семьи Эрншо после смерти его законных владельцев переходит в руки приемного сына хозяина – Хитклифа. Первое упоминание Грозового Перевала в произведении – это не просто введение локации, а важный символический аккорд, задающий тон сюжетной линии. “Wuthering Heights is the name of Mr. Heathcliffs dwelling. «Wuthering» being a significant provincial adjective, descriptive of the atmospheric tumult to which its station is exposed in stormy weather. Pure, bracing ventilation they must have up there at all times, indeed: one may guess the power of the north wind blowing over the edge, by the excessive slant of a few stunted firs at the end of the house; and by a range of gaunt thorns all stretching their limbs one way, as if craving alms of the sun” (Bronte, p. 46). Название поместья метафорично, поскольку в лексемах “wuthering” и “heights” объединена семантика яростной природной стихии и неприступности дома. Словосочетания “atmospheric tumult”, “stormy weather”, “the power of north wind”, “gaunt thorns” подчёркивают суровость этого места, где царят холод и мрак. Даже природа здесь выглядит угнетённой: корявые шиповники, словно нищие, тянут ветви к солнцу, а низкорослые ели свидетельствуют о бесплодности этой земли, лишённой тепла и света. Детали быта в поместье также пронизаны природной символикой: “<...> the hearth was

an absolute tempest of worrying and yelping” (Bronte, p. 48). И экстерьер, и интерьер поместья объединяются в единый образ, стирая границу между домом и стихией. Даже домашний очаг на Грозовом перевале, традиционный символ уюта, в романе превращается в миниатюрную бурю, отражая неукротимую энергию, злобу и ярость своих хозяев. Метафора “an absolute tempest of worrying and yelping” содержит лексемы с эмоционально-экспрессивными компонентами значения, что наиболее наглядно отражает атмосферу поместья.

Полной противоположностью образу Грозового перевала является образ поместья семьи Линтон Мыза скворцов. “Thrushcross Grange represented order and civility, a stark contrast to the wildness of the moors” (Bronte, p. 226). Болотистая местность, вересковые пустоши составляют пейзаж, окружающий Грозовой перевал и являющийся его неотъемлемой частью, что делает само поместье максимально отдаленным от цивилизации. В то время как Мыза скворцов в представленной цитате эксплицитно противопоставляется перевалу. Стабильность и порядок, царящие на Мызе, окружающий поместье ухоженный парк составляют яркий контраст с постоянно бушующей непогодой, необустроенностью, хаосом и бескрайними пустошами Грозового перевала. Такой же контраст представлен и в описании внутреннего убранства Мызы, при чем описание принадлежит Хитклифу, наиболее одиозному, свободолюбивому и не признающему блага комфорта персонажу. Тем не менее интерьер поместья не оставляет и его равнодушным, вызывая восторг: “<...> it was beautiful – a splendid place carpeted with crimson, and crimson-covered chairs and tables, and a pure white ceiling bordered by gold, a shower of glass-drops hanging in silver chains from the centre, and shimmering with little soft tapers. <...> We should have thought ourselves in heaven!” (Bronte, p. 89). Эпитеты “splendid”, “beautiful” “pure” отражают всю роскошь убранства. Вероятно, автором не случайно был выбран столь контрастный колоратив “crimson” для описания интерьера поместья. Поскольку «цвет является своеобразной знаковой системой, имеющей аксиологическое значение и служащей средством коммуникации» [2, с. 80], данный колоратив призван наиболее наглядно подчеркнуть непохожесть пространств двух поместий. Колористика Грозового перевала представлена цветовой гаммой натуральных природных оттенков, в то время как Мыза являет собой пример культивированного обществом и ее новомодными тенденциями пространства.

Такую же контрастную дихотомию противоположностей составляют образы Хитклифа до и после исчезновения. Данный контраст передан через описание его внешности глазами экономки поместья Мыза скворцов миссис Дин: “Now, fully revealed by the fire and candlelight, I was amazed, more than ever, to behold the transformation of Heathcliff. He had grown a tall, athletic, well-formed man; beside whom my master seemed quite slender and youth-like ... A half-civilized ferocity lurked yet in the pressed brows, and eyes full of black fire, but it was subdued; and his manner was even dignified: quite divested of roughness, though stern for grace” (Bronte, p. 135). В юношеском возрасте Хитклиф оставался необузданным дикарем, несмотря на то, что был усыновлен благородным

хозяином Грозового перевала мистером Эрншо: он не отличался физическим развитием, был совершенно лишен манер и не поддавался воспитанию. Однако свободолюбие, духовная близость, установившаяся между ним и дочерью мистера Эрншо, совместно проведенные годы взросления, общие интересы породили в Кэтрин первые юношеские чувства к Хитклифу. Внезапное появление Хитклифа спустя несколько лет после свадьбы Кэтрин и Эдгара Линтона, его кардинальные изменения во внешности становятся своеобразным триггером к возвращению той сильной привязанности, которую Кэтрин испытывала еще в юности. Соответственно антитеза образов использована автором в качестве аргумента, убеждающего читателей в обоснованности эмоциональных перемен у главной героини.

Антитетичность образов героев усиливается посредством метафоризации, в частности уподобления пространственным объектам: “Doubtless Catherine marked the difference between her friends, as one came in and the other went out. The contrast resembled what you see in exchanging a bleak, hilly, coal country for a beautiful fertile valley; and his voice and greeting were as opposite as his aspect. He had a sweet, low manner of speaking, and pronounced his words as you do: that’s less gruff than we talk here, and softer” (Bronte, p. 110). Образ Хитклифа уподобляется унылому пейзажу холмов угольного района, в то время как образ Эдгара – красивой плодородной долине; мелодичность и мягкость голоса также оказывает располагающее впечатление, в отличие от грубости и резкости Хитклифа.

Антитеза философско-поэтического типа также представлена в анализируемом романе. К примеру, объектом, совмещающим антитетичное противопоставление, является абстрактное, но играющее ключевую роль для развития сюжетной линии понятие – любовь Кэтрин к Хитклифу и Эдгару Линтону. Дуализм противоречащих друг другу отношений сливается в изображаемом объекте, заставляя Кэтрин страдать до последних дней: “My love for Linton is like the foliage in the woods: time will change it, I’m well aware, as winter changes the trees. My love for Heathcliff resembles the eternal rocks beneath: a source of little visible delight, but necessary” (Bronte, p. 122). Автор использует комбинацию лингвостилистических средств, состоящую из сравнений (“like the foliage in the woods”, “as winter changes the trees”, “resembles the eternal rocks”) и темпорально-пространственных метафор (“time will change it”, “winter changes”, “the eternal rocks”) [7]. Главная героиня испытывает чувства к обоим мужчинам, но отдает себе отчет в том, какая из двух привязанностей более долговечна, но при этом не осуществима. Принцип антитезы используется для акцентирования силы переживаний и эмоционального дисбаланса, составляющих сущность представленного персонажа. Тот же принцип представлен и в еще одном рассуждении Кэтрин о природе собственной души: “<...> so he shall never know how I love him: and that, not because he’s handsome, Nelly, but because he’s more myself than I am. Whatever our souls are made of, his and mine are the same; and Linton’s is as different as a moonbeam from lightning, or frost from fire” (Bronte, p. 120-121). Использование сравнительной конструкции “as different as” для

выражения антитезы (“moonbeam” ↔ “lightening”, “frost” ↔ “fire”) подчеркивает глубокое противоречие натур, характеров, образа жизни и жизненных ценностей Хитклифа и Эдгара Линтона. При этом, делая разумный выбор в пользу Линтона, сердце Кэтрин остается до последних дней предано Хитклифу.

При раскрытии образа Хитклифа, автор также прибегает к использованию антитезы философско-поэтического типа на примере религиозного символа рая. Так, Хитклиф, рассуждая о своей скорой кончине, противопоставляет собственный образ рая привычному концептуальному понятию: “<...> I tell you, I have nearly attained *my* heaven; and that of others is altogether unvalued, and uncoveted by me!” (Bronte, p. 363). Следует пояснить, что земной рай в представлении Хитклифа – это встреча с ушедшей возлюбленной Кэтрин Эрншо. Более восемнадцати лет Хитклиф страдает от своей невосполнимой потери и осознания невозможности увидеть Кэтрин хотя бы единожды наяву. Навязчивая идея встречи с возлюбленной превращается в параноидальное расстройство: и без того крайне недоверчивый к миру персонаж живет в мире ложных умозаключений, нарушения связи с реальностью, саморазрушения, под конец жизни сопровождающегося бредовыми идеями и галлюцинациями. За несколько дней до смерти Хитклифу предстает образ Кэтрин, и эта долгожданная иллюзорная «встреча» составляет его представление об истинном рае, в корне противоречащее общепринятым религиозным канонам о не сотворении кумира и рае как высшей точке духовного катарсиса. В представленной цитате антагонистический характер упоминаемого понятия выражен графическим стилистическим средством – курсивом при написании притяжательного местоимения “*my*”, а также семантикой глагольных форм с отрицательным значением “unvalued and uncoveted”.

Наконец, еще один тип антитезы – антитеза персонажей – широко представлена в анализируемом романе. Читатель наблюдает за развитием отношений между следующими парными антиподными образами: Хитклиф – Эдгар Линтон, Кэтрин Эрншо – Эдгар Линтон, Кэти Линтон (дочь Эдгара и Кэтрин Линтон) – Линтон Хитклиф (сын Хитклифа и Изабеллы Линтон). При рассмотрении образов главных персонажей было уделено внимание антагонистическим чертам образов Хитклифа, Эдгара Линтона и Кэтрин Эрншо. Соответственно считаем более целесообразным проанализировать антитетичную пару Кэти Линтон и Линтона Хитклифа. Кровное родство не становится преградой для заключения крайне неудачного союза, целью которого было вступление Хитклифом-старшим в наследство и приобретение в полноправную собственность обоих поместий – Грозового перевала и Мызы скворцов. Это стало возможным после смерти его сына – Линтона Хитклифа, поскольку после вступления в брак собственность супруги переходила во владение мужа [5]. Линтон Хитклиф изображен автором как весьма противоречивый персонаж, унаследовавший болезненность и нервозность от матери и жестокость и высокомерие от отца. Будучи во многом похожей на мать, Кэтрин Линтон, юная Кэти тем не менее отличалась большей

добросердечностью, привязанностью к отцу и искренностью душевных порывов. Антитеза персонажей наглядно подтверждается следующей цитатой: “He wanted all to lie in an ecstasy of peace; I wanted all to sparkle and dance in a glorious jubilee. I said his heaven would be only half alive; and he said mine would be drunk: I said I should fall asleep in his; and he said he could not breathe in mine, and began to grow very snappish” (Bronte, p. 280). В данном эпизоде герои описывают свои представления об идеальном летнем дне, однако в основе описания лежат скорее жизненные принципы, которыми руководствуются их натуры при выстраивании своей линии жизни. Болезненный, капризный, недовольный жизнью Линтон не способен на искреннюю радость от созерцания движения, развития природы и всего живого, его идеал – статичное пребывание в мире собственных иллюзий и жалоб. Ему претит все, что дышит свободой, весельем и жизнелюбием, поэтому любого, кто находится с ним рядом Линтон старается подчинить собственным прихотям и раздражению. Натура Кэти совершенно иная – она жаждет жизни, хочет насладиться ею во всех проявлениях, испытывает радость от слияния с природой и следования ее законам. Параллельные конструкции, основанные на антитетичном принципе, ряд антонимичных (либо контекстуально антонимичных) сопоставительных словосочетаний (“lie in an ecstasy of peace” ↔ “sparkle and dance in a glorious jubilee”, “half alive” ↔ “be drunk”, “fall asleep” ↔ “could not breathe”) иллюстрируют глобальное различие между картинами мира персонажей и во многом объясняют бесперспективность их союза.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что принцип антитетичности лежит в основе изображения ключевых персонажей романа, а также используется в качестве эффективного лингвостилистического приема для акцентирования контраста при описании отдельных образов и философско-поэтических понятий.

Список литературы

1. Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1415с.
2. *Липуриди С.Х., Катермина В.В.* Аксиология неологизмов с колоративным компонентом (на материалах онлайн-словарей) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 79–90.
3. *Матвеева Е.В.* Антитеза: противопоставление и сопоставление // Гуманитарные науки. № 7. 2017. С. 123–126.
4. *Песков А.М., Турбин В.Н.* Антитеза, антитетичность // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://feb-web.ru/feb/lermenc/Lre-ABC/lre/lre-0331.htm> (дата обращения 18.06.2025).
5. *Прима А.М., Штанченко З.А.* Женщины викторианской Англии // Наука и культура: поиски и открытия: мат-лы XVI Международной научно-практической конференции РГАЗУ. Балашиха: РГАЗУ, 2022. С. 140–147.

6. Самойлова А.В., Балаева М.В. Об особенностях стилистического анализа художественного текста // Филология в контексте коммуникации и современной культуры. Т. 2. С. 23–30. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44150830> (дата обращения 18.06.2025).

7. Samoylova A.V., Spachil O.V. Artistic time in D. Keyes' novel "Flowers for Algernon" // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 747–756. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-747-756> (дата обращения 18.06.2025).

Источники

Бронте Э. «Грозовой перевал». [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://онлайн-читать.рф/эмили-бронте-грозовой-перевал/> (дата обращения 06.06.2025).

Bronte E. Wuthering Heights. Bungay: Penguin Books Ltd., 1974. 375 p.

ANTITHESIS OF ARTISTIC IMAGES IN E. BRONTE'S NOVEL «WUTHERING HEIGHTS»

A.V. Samoylova

The issue of using expressive means is a key topic in literary studies and philology. This work is dedicated to analyzing antithesis as one of the most effective expressive devices in a Victorian-era novel. It has been established that this stylistic device underlies the depiction of a number of philosophical and poetic concepts featured in E. Bronte's novel "Wuthering Heights", as well as shaping the architecture of artistic images and characters.

Key words: antithesis, linguostylistic device, artistic image, expressiveness, emotionality.

УДК 37.016:81'243

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ФУНКЦИИ

А.В. Самойлова, А.В. Элмасын

Кубанский государственный университет, Краснодар

В работе дается краткий обзор теоретических основ понятия «педагогическая технология», в частности описываются его характерные признаки и основные функции. Личностно-ориентированная направленность современных педагогических технологий составляет основное отличие от традиционных форм обучения и обуславливает субъективно-смысловой характер образовательного процесса.

Ключевые слова: педагогическая технология, личностно-ориентированные технологии, технологии деятельностного типа.

В современном обществе образовательная среда представляет собой динамично развивающуюся сферу, находящуюся под влиянием значительных социально-технологических трансформаций. В условиях ускоренного развития цифровых технологий и изменения парадигм обучения всё большую актуальность приобретают современные образовательные технологии. Необходимость адаптации традиционных методов преподавания к новым условиям обусловлена процессами межкультурной коммуникации, а также потребностью в интеграции инновационных подходов в учебный процесс [6]. Это открывает возможности для освоения и практического применения разнообразных инструментов и педагогических технологий в сфере образования. Целью данной работы является теоретический обзор понятия «педагогическая технология», а также рассмотрение ее характерных признаков и функциональной направленности.

Педагогическая технология может трактоваться более обобщенно, как систематичное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного учебного процесса [1, с. 5–6], либо более прагмаориентированно в качестве совокупности психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств. Б.Т. Лихачев расценивал ее как «организационно-методический инструментарий педагогического процесса» [7, с. 104].

Педагогические технологии обладают рядом признаков:

1) целенаправленность. Данный признак предполагает ориентированность на достижение конкретных образовательных целей. В отличие от случайного или стихийного процесса обучения, технология предполагает чёткую постановку задач, в частности формирование знаний, умений, навыков, развитие личности обучающегося и т. д. Цель становится ведущим элементом, вокруг которого строится вся система учебной деятельности. Целенаправленность обеспечивает логическую связь между содержанием, методами и результатами обучения. Без ясно сформулированных целей невозможно говорить о систематическом подходе к обучению;

2) целостность. Целостность указывает на то, что все компоненты педагогической технологии (цели, содержание, методы, формы организации, средства обучения) взаимосвязаны и функционируют как единое целое. Каждый элемент подчинён общей цели и взаимодействует с другими для достижения конечного результата. Соответственно целостность позволяет рассматривать педагогические технологии не как набор разрозненных приёмов, а как гармонически организованную систему, где каждый компонент выполняет свою функцию в общем образовательном процессе;

3) научная обоснованность. Педагогическая технология должна быть основана на достоверных научных данных, теоретических положениях психологии, педагогики, возрастной физиологии и других смежных наук. Это обеспечивает её эффективность и соответствие современным образовательным требованиям. Научная обоснованность является гарантией того, что

используемые методы и приёмы не противоречат законам развития личности и процессам усвоения знаний, а также соответствуют возрастным и индивидуальным особенностям обучающихся;

4) результативность. Любая технология всегда ориентирована на получение конкретного и измеримого образовательного результата. Этот результат может выражаться в уровне усвоения материала, развитии определённых компетенций, изменении поведения или мотивации учащихся. Результативность является ключевым критерием оценки педагогической технологии;

5) планируемость. Данный признак означает, что все этапы реализации технологии заранее продуманы и спланированы: поурочные и тематические планы, последовательность действий педагога и учащихся, контроль за ходом и результатами обучения. Планируемость обеспечивает управляемость образовательным процессом и позволяет минимизировать риски отклонений от намеченных целей. Она также важна для повторяемости и воспроизводимости технологии в разных условиях;

6) высокая эффективность, под которой понимается способность технологии давать максимальный результат при минимальных затратах времени, сил и ресурсов. Эффективная технология позволяет достигать образовательных целей быстрее и качественнее, чем традиционные методы. Эффективность может оцениваться как с точки зрения педагога (экономия времени, снижение нагрузки), так и с точки зрения учащегося (повышение мотивации, улучшение усвоения);

7) системность. Системность подразумевает наличие внутренней структуры и чёткой организации всех компонентов технологии. Она выступает как совокупность взаимодействующих элементов, имеющих определённую функциональную роль в достижении цели. Системность обеспечивает устойчивость и воспроизводимость технологии;

8) комфортность для всех участников образовательного процесса. Этот признак связан с созданием благоприятных условий и включает психологический комфорт, доступность материалов, удобство использования технологий, учёт индивидуальных особенностей и потребностей. Комфортность влияет на уровень вовлечённости, мотивации и удовлетворённости как учащихся, так и педагогов;

9) надёжность, что означает устойчивость или степень адаптации технологии к внешним воздействиям, в частности разным образовательным контекстам, уровню подготовки педагога и возможностей материально-технического обеспечения, а также возможность её применения в различных условиях без существенной корректировки. Надёжная технология даёт стабильные результаты при соблюдении заданных параметров [9].

Перечисленные признаки педагогической технологии одновременно являются основными критериями, которые позволяют отличить технологию от просто метода или приёма обучения. При наличии всех этих характеристик

можно говорить о педагогической технологии как модели системного и эффективного управления обучением.

Зачастую проводится сопоставление традиционных и инновационных типов обучения, для которых используемые педагогические технологии могут варьироваться. Если говорить о традиционном обучении, то оно подчинено ряду дидактических принципов, включающих наглядность, научность, последовательность и системность, подражание, упражнение [5]. Традиционное обучение является наглядной и структурированной системой, однако зачастую учащиеся оказываются слабо мотивированы, ввиду значительной зависимости от учителя. Альтернативу составляет комбинированный подход, сочетающий в себе сильные стороны традиционного обучения и инновационные методы с использованием современных педагогических технологий. Такой подход позволяет учащимся выйти за пределы учебной среды, обеспечивает применение полученных ранее знаний на практике в проблемных ситуациях, а также предоставляет опыт общения и широкого поиска информации [4]. Это значительно расширяет спектр функций, выполняемых педагогическими технологиями. Так, к универсальным типовым функциям педагогических технологий относятся установление контакта с аудиторией; объяснение, введение и закрепление нового материала; получение «обратной связи», повышение интереса учащихся; отвлечение внимания и снятие напряжения; контроль сформированности знаний и умений; повторение материала; сплочение аудитории [3].

Многозадачность современных педагогических технологий обуславливает комплексность и прагматику их функционала. Так, В.А. Сластенин выделял следующий ряд функций:

- организационно-деятельностная функция педагога заключается в планировании и структурировании как собственной деятельности, так и учебной деятельности обучающихся. Она предполагает не только организацию процесса со стороны педагога, но и возможность совместного управления образовательной деятельностью, а также развитие навыков самостоятельной организации учебной работы у учащихся;

- проектировочная функция выражается в способности всех участников образовательного процесса прогнозировать результаты своей деятельности, а также предопределять уровень достижений обучающихся. Эта функция обеспечивает целеполагание и ориентацию на конкретные образовательные результаты;

- коммуникативная функция направлена на установление эффективного взаимодействия между всеми субъектами образовательного процесса, а именно, педагогом, учащимися и родителями. Её реализация способствует формированию единого информационно-коммуникационного пространства и обеспечивает взаимопонимание в образовательной среде;

- рефлексивная функция подразумевает осознание участниками образовательного процесса собственной роли в конкретной ситуации, оценивание достигнутых результатов, а также анализ и интерпретацию опыта

взаимодействия. Рефлексия выступает важным механизмом саморазвития и профессионального роста;

– развивающая функция направлена на создание условий, способствующих личностному, интеллектуальному и профессиональному развитию всех участников образовательного процесса. При этом особое внимание уделяется формированию комфортной образовательной среды, поддерживающей мотивацию и активность субъектов обучения [10].

Классификации педагогических технологий обширны и вариативны. Исходя из указанных функциональных направлений, целесообразным видится их разделение на личностно-ориентированные технологии и технологии деятельностного типа [8]. Однако фактически, природа используемых педагогических технологий предполагает слияние личностно-ориентированного и деятельностного подходов при реализации различных форм учебной деятельности, в частности оценивания учебных успехов, проблемного обучения, проектного обучения, критического мышления, дидактической игры, модульного обучения, метода “case study”. Участие в данных видах деятельности направлено на формирование «субъективных картин мира», что предполагает преобладание субъективно-смыслового обучения над информативным [2, с. 22].

Список литературы

1. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
2. *Ваганова О.И., Алешугина Е.А., Коновалова Е.Ю., Барабина И.Е.* Личностно-ориентированные технологии в теории и практике вузовского обучения // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 20–23.
3. *Зайцев В.С.* Современные педагогические технологии. Челябинск: ЧГПУ, 2012. 411 с.
4. *Ильина О.Н.* Использование современных образовательных технологий на уроках английского языка // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал: мат-лы Международной научно-практической конференции. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2020. С. 19–22.
5. *Коменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
6. *Кониева Д.И., Самойлова А.В.* Ролевая игра как средство реализации коммуникативного подхода в обучении иностранному языку // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты: сб. науч. ст. по мат-лам XVI Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2025. С. 576–582.
7. *Лихачев Б.Т.* Педагогика. М.: ВЛАДОС, 2010. 647 с.

8. Мезенцева О.И. Современные педагогические технологии. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 140 с.
9. Муравьева Г.Е. Проектирование технологий обучения. Иваново: ИПКиППК, 2001. 123 с.
10. Сластенин В.А. Педагогика. М.: Академия, 2013. 496 с.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES: NOTION, FEATURES, FUNCTIONS

A.V. Samoylova, A.V. Elmasyan

Kuban State University, Krasnodar

The paper provides a brief overview of the theoretical foundations of “pedagogical technology” concept, particularly it describes its characteristic features and main functions. The student-centered orientation of modern pedagogical technologies is the key distinction from traditional forms of education and it determines the subjective-meaningful nature of the educational process.

Key words: pedagogical technology, student-centered technology, activity approach.

УДК 81'23

ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗАПАХА ТРАВЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 19–20 ВВ.)

А.А. Сахно

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена исследованию вопросов вербального представления ольфактрного невербального компонента «запах травы» в аспекте русской литературы. Выделяются и описываются характерные особенности классификации запахов. Особое внимание уделено роли растительного кода в русском лингвокультурном пространстве. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке лингвистики и психолингвистики.

Ключевые слова: ольфакция, запах, запах травы, растительный код, вербализация, лингвокультурное пространство.

Мир человека на невербальном уровне ольфакции и гастики представляет собой совокупность запахов и вкусов. Лингвистика при этом служит инструментом для их систематизации и манифестации, способом выражения производных ощущений и эмоций. В основе вербализации того или иного

паралингвистического явления лежат конвенциональные положения, культурное и кросс-культурное познания. А сам процесс вербального представления возможно представить в качестве сенсорной и когнитивной корреляции.

Ольфакция – явление фундаментальное, построенное на принципах гештальта. В силу того, что кардинальными для анализа и выстраивания информации запахов выступают структуры правого полушария головного мозга, ольфакторное восприятие тесно связано с эмоциональным статусом и, соответственно, с системой ассоциаций. Данный тезис подтверждают исследования, согласно которым у дегустаторов-специалистов в области запахов правое полушарие является ведущим для обработки информации, а запоминание запахов и способность их вербально представлять имеют когнитивные и семиотические предпосылки. Так, память на запахи отличается некоторыми занятными особенностями: она функционирует вне времени, запахи слабо запоминаются в начале, а со временем – хорошо, в процессе обработки запаха не имеет значения был он ранее знаком или нет, ольфакторные механизмы работают на принципах интеграции [5, 6, 7].

Затрагивая вопрос исследования систематизации ольфакторных проявлений, целесообразно вспомнить наиболее полную и часто употребляемую классификацию И. Цваардемакера: эфирные запахи (ацетон), бальзамические (ваниль), ароматические (гвоздика), чесночные (сероводород), противные (клопы), каприловые (сыр), амбромускусные (мускус), тошнотворные (скатол) и пригорелые (бензол) [9].

Также интересна классификация Е. Крокера и Л. Хендерсона, основанная на четырех видах запахов: ароматный, кислый, жженный и каприловый (от лат. – «козлиный»). Согласно теории остальные запахи по своей сути являются производными от взаимодействия четырех базовых и выражаются в виде четырехзначных чисел. Главной особенностью данной классификации выступает наличие такого показателя как градус интенсивности. Е. Крокер и Л. Хендерсон настаивают на том, что не существует в природе какого-либо вещества, которое состоит из одного компонента запаха [8].

В свете актуальной тематики хотелось бы выделить труд Э. Синотта, обозначающий следующие категории: естественные запахи (тела, природы), искусственные (запах парфюма и других химических соединений), символические (ольфакторные метафоры). Внимание заслуживает акцент на последнем паралингвистическом классе ольфакторных метафор, который пересекается с вопросом вербализации ольфакторных проявлений [10].

Данное исследование посвящено изучению процессов вербализации ольфакторных проявлений концепта «травы» в русской литературе.

Для начала обратимся к символу травы в лингвокультурном пространстве. Растительный код является фундаментальным в лингвокультурном поле русского языка. Это базовый архетип, содержащий в себе и воззрения о сотворении мира и начале жизни, о вечной борьбе добра и зла. На протяжении своего существования растительный мир

идентифицируется с человеком, а человек с растениями. Этот смысл, в свою очередь, отражается в народном фольклоре.

Концепт «трава» выступает составляющей растительного кода. Самая распространенная реакция на стимул «трава» согласно Ассоциативному тезаурусу русского языка является «зеленая» [1]. В соответствии с терминологией Воронежской концептологической школы концепт «трава» представляет собой «мыслительную картинку», что означает концепт с чувственно воспринимаемым ядром. Классическим примером травы в русском лингвокультурном поле являются ромашка, одуванчик, полынь, лопух, лебеда и многочисленная категория лекарственных растений.

Характерной особенностью народного отношения к траве служит «созерцательность»: травой любят, ее вдыхают, на ней отдыхают и раздумывают о смысле бытия [4, 2, 3].

Обратимся непосредственно к примерам вербального представления ольфакторных проявлений в языковом поле. В процессе работы были прослежены дискурсивные манифестации лексем «запах» и «аромат». Материалом для исследования послужили отрывки из художественных произведений русской литературы 19–20 веков. Так, были выявлены следующие способы вербализации:

Метафоры.

Использование метафор позволяет описать запахи посредством переноса свойств на другие объекты, при этом важную роль играет наличие образности и символизма:

*«Кругом в жидкой траве белели ландыши, и от всей поляны **поднимался свежий запах молодой травы, приятно облежавший грудь**, все еще стесненную смолистыми испарениями елей» (Тургенев).*

*«Эти тающие при лунном свете очертания горных вершин с бегущими мимо них облаками, этот опьяняющий **запах скошенной травы**, несущийся с громадного луга перед Ноһеуег, эти звуки йодля 20, разносимые странствующими музыкантами по отелям, – все это нежило, сладко волновало и покоряло» (Салтыков-Щедрин).*

*«Лунный свет, пробиваясь сквозь листья и цветы яблони, самыми причудливыми, светлыми пятнышками разбегался по лицу и всей фигуре лежавшей навзничь Катерины Львовны; в воздухе стояло тихо; только легонький теплый ветерочек чуть пошевеливал сонные листья и **разносил тонкий аромат цветущих трав** и деревьев. Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к темным желаниям» (Лесков).*

Эпитеты.

Наличие эпитетов подчеркивает особенно яркие характеристики запахов, придает им выразительность:

*«Воздух был необыкновенно прозрачен, гулок и весь **напоен ароматами** созревающих овощей и **душистых огородных трав**» (Салтыков-Щедрин).*

«А сено, лежащее под головой, примешивает в это время свой тонкий аромат к резкому, горьковатому запаху росистой травы» (Куприн).

Олицетворение.

Данный художественный прием помогает передать настроение общей картины. «Оживляя» степь, автор красочно описывает сложную ароматическую композицию полевых трав.

«Степь опьяненно дышала ароматами цветущих трав, за канавкой комками чернели полевые пионы» (Вересаев).

Характеристики интенсивности.

К данной группе относятся примеры, направленные на описание высокой концентрации того или иного запаха.

«Когда я проснулся, – все уже потемнело; вокруг разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырела; сквозь тонкие жерди полураскрытой крыши слабо мигали бледные звездочки» (Тургенев).

«Шагая в ногу с Иноковым, он как бы таял в свете солнца, в жарком воздухе, густо насыщенном запахом иссушенных трав» (Горький).

«Нет, дождь пойдет, – возразил мне Калиныч, – утки вон плещутся, да и трава больно сильно пахнет» (Тургенев).

Эмотивные описания.

Эмоциональная окраска усиливает впечатление от запаха, помогает более экспрессивно передать его особенности.

«Стояла вторая половина июля, и трава уже поспела для покоса. Ничего красивее нельзя себе представить, как эти чудные горные луга, усеянные лесными островками и по всем направлениям изрезанные бойкими горными речками. От травы утром поднимался такой аромат, что кружилась голова. Как только мы вышли из завода, наш Лыско совсем пропал, так что я думал, что он потерялся» (Мамин-Сибиряк).

«Совершенно особенный воздух царил в этой комнатке: пахло росным ладаном, деревянным маслом, какими-то душистыми травами и еще бог знает чем-то очень приятным, заставлявшим голову непривычного человека тихо и сладко кружиться» (Мамин-Сибиряк).

Таким образом, исследование способов вербализации ольфакторных проявлений и последующие обращения к художественным произведениям русской литературы позволяют сделать выводы:

– ольфакция представляет собой сложную, многоплановую структуру невербальной коммуникации, подразумевающую классификации согласно признакам ольфакторных проявлений;

– растительный код является одним из базовых столпов русской лингвокультурной картины мира;

– вербализацию концепта «запах травы» возможно реализовать посредством нескольких стратегий: с использованием метафор, эпитетов, олицетворений, характеристик интенсивности, эмотивных описаний. Данные приемы служат прекрасным способом передать ольфакторные проявления, описать сложные композиции ярко и выразительно.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. *Зиньковская А.В.* Проблемы коммуникативной лингвистики и языковая система // Материалы международной очно-заочной научно-практической конференции. Краснодар: Экоинвест, 2011. С. 52–53.
3. *Оломская Н.Н., Бажан А.С.* Искусствоведческий дискурс: специфика и классификация // Казанский лингвистический журнал. Vol. 5. №. 3. 2022. С. 346–359.
4. *Тарасова И.А. Семейн Л.Ю.* ТРАВА versus GRASS: природа или культура // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. №7. С. 294–304.
5. *Черниговская Т.В.* Семиотика запахов: вербализация, синестезия, память // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003, 2004. Т. 5. С.171–176.
6. *Chernigovskaya T.* Olfactory and visual processing and verbalization: Crosscultural and neurosemiotic dimensions // 1st International Semiotics Congress SENSE & SENSIBILITY: How can Language cope with color and smell? Bremen: University of Bremen, 2002. P.14–15.
7. *Chernigovskaya, T., Arshavsky, V.* Olfactory and visual processing and verbalization: Cross-cultural and neurosemiotic dimensions // Language on colors and odors. Bremen: University of Bremen, 2004. P. 227–239.
8. *Crocker E.C.* Comprehensive methods for classifications of odors // Proc. Scient. Sec. Toilet Goods Assoc. №6. 1946. P.1–3.
9. *Zwaardemaker H.* L'odorant. Paris: Doin, 1925. 305 p.
10. *Synott A.* The body social: symbolism, self, and society. London: New York: Routledge, 1993. 309 p.

Источники

- Горький М.* Жизнь Клим Самгина [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.litres.ru/book/maksim-gorkiy/zhizn-klima-samgina-7390015/chitat-onlayn/> (дата обращения 14.06.2025).
- Вересаев В.В.* В тупике [электронный ресурс]. Режим доступа. https://kartaslov.ru/русская-классика/Вересаев_В_В/В_тупике/3#p2857 (дата обращения 14.06.2025).
- Куприн А.И.* Прапорщик армейский [электронный ресурс]. Режим доступа. https://kartaslov.ru/русская-классика/Куприн_А_И/Прапорщик_армейский/1#p19 (дата обращения 14.06.2025).
- Лесков Н.С.* Леди Макбет Мценского уезда [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/ledi-makbet-mcenskogo-uezda-18578990/chitat-onlayn/> (дата обращения 14.06.2025).
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Зеленые горы [электронный ресурс]. Режим доступа. https://kartaslov.ru/русская-классика/Мамин-Сибиряк_Д_Н/Зелёные_горы/1#p86 (дата обращения 14.06.2025).

Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.litres.ru/book/mihail-saltykov-schedrin/za-rubezhom-319572/chitat-onlayn/> (дата обращения 14.06.2025).

Салтыков Щедрин М.Е. Современная идиллия [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.litres.ru/book/mihail-saltykov-schedrin/sovremennaya-idilliya-320082/chitat-onlayn/> (дата обращения 14.06.2025).

Тургенев И.С. Новь. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.litres.ru/book/ivan-turgenev/nov-71652049/chitat-onlayn/?page=5> (дата обращения 14.06.2025).

Тургенев И.С. Записки охотника [электронный ресурс]. Режим доступа. https://kartaslov.ru/русская-классика/Тургенев_И_С/Записки_охотника/17#p1694 (дата обращения 14.06.2025).

APPROACHES TO THE ISSUE OF THE SMELL OF GRASS VERBALIZATION WITHIN RUSSIAN LINGUOCULTURE (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN LITERATURE OF 18TH- 19TH CENTURY)

A.A. Sakhno

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of the verbal presentation olfactory nonverbal component “smell of grass” verbal presentation within Russian literature. The characteristic features of the smell classification are distinguished and described. Particular attention is paid to the role of floral code from the perspective of Russian linguacultural field. The work has an interdisciplinary character, it is done at the junction of linguistics and psycholinguistics.

Key words: olfactory system, smell, smell of grass, floral code, verbalization, linguacultural field.

УДК 324

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СТРАТЕГИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ КАНДИДАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РФ 2024 Г.)

А.Ю. Сизоненко

Кубанский государственный университет, Краснодар

В рамках настоящего исследования был проведён комплексный анализ стратегий ведения президентской кампании в России в 2024 году. Методологической основой послужил синтез качественного и количественного подходов: содержательный анализ медиаматериалов, экспертное интервьюирование, а также мониторинг цифровой активности избирателей на платформах социальных сетей. Особое внимание уделяется использованию медиа-дискурса и коммуникационных стратегий для формирования имиджа и

взаимодействия с избирателями. Эффективные PR-технологии играют ключевую роль в мобилизации электората и повышении информированности. Статья подчеркивает важность современных PR-методов в избирательном процессе и способствует пониманию механизмов политической практики в России.

Ключевые слова: избирательные кампании, президентские выборы, политический PR, стратегии кандидатов, онлайн-технологии.

Современное общество характеризуется возрастающей значимостью политической коммуникации, что, в свою очередь, вызвано усилением демократизации социального и политического устройства государства. В последние годы определённые проблемы, лежащие в рамках политического дискурса, активно обсуждаются как средствами массовой информации, так и научным сообществом. В XXI веке избирательные кампании трансформировались в сложный высокотехнологичный механизм апробации кандидатов, согласования интересов политических элит и общества. Исход выборов в значительной степени зависит от того, как была проведена предвыборная кампания, как были выстроены отношения между основными политическими акторами, между элитами и обществом. Это справедливо и для таких политических систем, где конкуренция носит ограниченный характер. Специфика политической коммуникации, направленной на борьбу за политическую власть или её удержание, всё ещё остаётся недостаточно изученной для составления целостной картины этого явления. Современный период оказался достаточно сложным для проведения избирательных кампаний в условиях специальной военной операции, геополитических вызовов и массированных фейковых атак в онлайн-пространстве в отношении России и русских в целом, но как заявил 17 марта 2024 г. глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Валерий Фадеев: «в условиях ведущейся Западом войны против России выборы президента проходят четко, в конституционных рамках» [3].

В настоящее время более традиционные ресурсы политиков, такие как финансовый капитал, административный ресурс, организационный капитал и прочие становятся менее эффективными. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых можно назвать снижение идеологических разногласий между основными системными участниками политического процесса, все большую виртуализацию политики и общественной жизни в целом, усталость граждан демократических государств от смещения политической борьбы на выборах преимущественно в PR-плоскость, растущую апатию и абсентеизм избирателей, теряющих доверие к основным политическим институтам.

Социальная проблема, лежащая в основе исследования, заключается в том, что в настоящее время сложилось противоречие между существующими моделями классических избирательных кампаний, их актуальностью и необходимостью использования новых PR-технологий, соответствующих вызовам сетевого общества.

Главной теорией исследования избирательных технологий стал принцип объективности, который позволил рассмотреть их с различных политических позиций. С использованием системного подхода было изучено взаимовлияние и взаимодействие избирательных технологий в российском избирательном процессе. В рамках этого подхода было выявлено, что избирательные технологии являются разновидностью политических технологий, включая другие виды технологий, такие, как информационные, административные и другие.

При изучении различных типов избирательных технологий был применён метод компаративного анализа, который позволил выявить и оценить особенности каждого типа технологий в соответствии с целями и задачами, которые они ставят перед использованием. Было выявлено, что конвенциональные и неконвенциональные избирательные технологии имеют свои преимущества и недостатки, и их использование зависит от контекста.

Важное место в исследовании занимает стереотипность восприятия электоратом навязанных образов кандидатов. Для анализа механизма манипулятивного воздействия на электоральное поведение были применены теории стереотипизации, атрибуции, идентификации, которые относятся к области социальной психологии. В результате было выявлено, что стереотипы восприятия кандидатов могут быть использованы для манипулирования электоральным поведением и что они могут быть изменены с помощью различных коммуникационных стратегий и технологий.

Другой теорией послужит сетевой подход в рамках политических исследований. Большинство зарубежных учёных в процессе исследования сетевого анализа делают упор на социальные сети, как на центры притяжения пользователей. Также существуют исследования, в которых анализу подвержены лидеры мнений. Следовательно, исследование политического контента и процессов, продуцируемых ими, определяется выбором социальной сети и / или инфлюенсера (лидера мнения).

Универсальность сетевого анализа, многообразие исследуемых показателей сети привели к тому, что сетевой подход используется практически во всех сферах научного знания. Помимо социологов и антропологов сетевой анализ широко используется в политологии для исследования политических сетей, социальных сетей в контексте локальной политики, сложных сетей в публичной политике и др.

Для данного исследования была также выбрана теория массовой коммуникации, которая была подробно рассмотрена на основе трудов нескольких учёных: П. Лазерфельда, Д. Маккуэйла, М. Кастельса [2], Ю. Хабермаса, М. Макклюэна, В. Березина, Н. Терина и А. Киселева. В исследовании основное внимание уделено изучению эффектов медиавоздействия на человека на всех этапах контакта с СМИ: до, во время и после потребления информации.

В работе использовалась классическая концепция медиавоздействия, разработанная Г. Лассуэллом, П. Лазерфельдом, Б. Берельсоном, У. Шраммом,

а также концепция всеобщей социальной ответственности СМИ, созданная Д.Маккуэйлом. Рассмотрены теории эффектов медиавоздействия, такие как когнитивная, аффективная, поведенческая, настойчивая.

Эффект медиавоздействия рассматривался как совокупность всех количественных и качественных изменений, которые происходят в сознании и поведении человека в результате контакта со средствами массовой информации. Было выявлено, что эффекты медиавоздействия могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от цели, задач и содержания сообщений, а также от психологических и социокультурных характеристик аудитории.

Цель исследования – выделить и описать наиболее эффективные стратегии и технологии PR-деятельности, реализованные в ходе избирательных кампаний на примере выборов Президента Российской Федерации в 2024 году.

В исследовании использовались такие методы, как обобщение и систематизирование полученной информации, анализ теоретических и эмпирических данных, анализ контента, компаративный анализ, а также сетевой и визуальный анализ. С помощью компаративного анализа мы сопоставили между собой избирательные кампании на пост Президента России. С помощью этого вида анализа появилась возможность в определении наличия (отсутствия) закономерностей в рамках исследуемых объектов. Данные методы позволили определить условия реализации предвыборных кампаний, а также их особенности. Для контент-анализа были использованы массивы данных, опубликованные в социальных сетях кандидатов, а также их фото и видео материалы. Также использовался метод case-study, позволивший проанализировать отдельные практики, применяемые для достижения наиболее качественного эффекта.

Таким образом, с помощью вышеперечисленных подходов мы рассмотрели проблему более детально, сопоставив положения теоретической базы данной проблематики и анализ её практического применения.

Было исследовано понятие «президентской избирательной кампании» с точки зрения различных подходов. Основой изучения данного вопроса выступает законодательная база, именно Конституция Российской Федерации. Основным законом, регулирующим проведение избирательных кампаний, является Федеральный закон от 10 января 2003 года №19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Другим не менее важным нормативно-правовым актом в поле исследования избирательных кампаний Президента РФ является Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» играет важную роль в обеспечении конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в сфере политического участия. Он определяет правила и порядок проведения выборов и референдумов, обеспечивает защиту прав избирателей и участников

процесса, а также гарантирует прозрачность и честность избирательного процесса.

С точки зрения функционального подхода основная суть избирательных кампаний заключается в сборе голосов электората, которые являются носителями народного суверенитета, это отмечает в своих работах Ю.Веденеев.

Другим подходом к определению избирательной кампании является маркетинговый подход. Учёные, использующие данный подход в своих исследованиях – Т. Гринберг, И. Недяк. Подход заключается в ее понимании как сложного маркетингового процесса, направленного на формирование имиджа кандидата и продвижение его политической программы на рынке избирательных голосов. Основная концепция, лежащая в основе маркетингового подхода к избирательной кампании, – это идея, что для достижения победы кандидат или партия должны рассматривать избирателей, как потенциальных клиентов, которые имеют свои потребности, ожидания и желания, которые нужно удовлетворять. Следовательно, будущий кандидат должен создать свой политический «продукт» и продвигать его на рынке избирательных голосов.

Коммуникативный подход в выборах заключается в передаче информации от кандидата к избирателям. Основное внимание в данном подходе уделяется установлению каналов коммуникации между кандидатом и электоратом. Технология агитации строится на основе коммуникативного процесса, состоящего из пяти элементов: коммуникатора (того, кто передает сообщение), сообщения (содержание передаваемого), канала (способ передачи), аудитории и эффективности воздействия сообщения. Различают массовую и адресную коммуникацию.

Далее были описаны все президентские предвыборные кампании, проведенные с 1991 года. Выборы Президента являются одним из ключевых событий, определяющих дальнейшее развитие внешней и внутренней политики страны.

Первые выборы Президента России состоялись в 1991 году. Специфика выборов того года была в том, что это были выборы Президента РСФСР – главы одной из республик в составе СССР. Этот факт вносил множество особенностей в механизм организации избирательной кампании. Тогда в очень сжатые сроки была создана нормативная база, способная регулировать избирательный процесс.

Вторые выборы пришлось на 1996 год, эта выборная президентская гонка считается одной из самых неоднозначных в истории России. Выборы проходили в два тура – 16 июня и 3 июля. Отметим, что избирательная кампания того времени впервые в российской практике обрела яркий характер, использовалось множество политтехнологий, таких как: черный пиар, нарушение избирательного законодательства, крупные финансовые вложения и многое другое.

Третья президентская гонка наступила раньше срока, а именно 26 марта 2000 году и была связана с отставкой Бориса Ельцина. Победа Владимира

Путина, поддержанного значительной частью электората, обозначила переход к новому этапу развития страны, характеризующемуся усилением роли государства и укреплением вертикали власти.

Следующие выборы состоялись 2 марта 2008 года. Выборы завершились убедительной победой Дмитрия Медведева, который набрал более 70% голосов избирателей. Его успех был обусловлен сочетанием административного ресурса, поддержки Владимира Путина и электоральных предпочтений граждан, стремившихся к сохранению политической стабильности и преемственности курса развития страны.

В 2008 году в Конституцию РФ были внесены поправки согласно Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [1]. Приведённый закон внёс изменения относительно срока полномочий Президента России с 4 до 6 лет. Данные изменения применялись, начиная с выборов Президента РФ, которые состоялись в 2012 году. Поправки были направлены на повышение стабильности и эффективности государственного управления на высшем уровне.

Президентские выборы в Российской Федерации 2012 года состоялись 4 марта в соответствии с решением Совета Федерации. В результате Владимир Путин одержал убедительную победу, набрав более 63% голосов избирателей. Его успех был обусловлен сочетанием административного ресурса, медийной поддержки, а также электоральных предпочтений граждан, стремившихся к сохранению политической стабильности и преемственности курса развития страны.

Российская президентская избирательная кампания 2018 года характеризовалась разнообразием стратегий и технологий, использованных кандидатами. Интересна также региональная стратегия, отдельные кандидаты уделяли большое внимание работе в регионах, налаживанию контактов с местными элитами и активистами. Использовались различные нестандартные подходы – от провокационных высказываний до вовлечения популярных персон и инфлюенсеров.

В 2020 году в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, которые, среди прочего, обнулили предыдущие сроки действующего Президента. Таким образом, предыдущие сроки Владимира Путина на посту Президента были обнулены, позволяя ему баллотироваться еще на два срока.

В ходе прикладного исследования избирательных кампаний в рамках восьмых выборов Президента Российской Федерации, были охарактеризованы следующие стратегии.

«Стратегия расширения социальной базы поддержки и развитие сбалансированных онлайн- и офлайн-тактик образа «народного кандидата» В.А. Даванкова» приведено подробное исследование предвыборной кампании В.А. Даванкова. Кандидат начал свою предвыборную активность с посещения города Смоленска, где была проведена встреча с местными предпринимателями. Данное решение представляется весьма грамотным с

точки зрения PR и стратегии взаимодействия с ключевыми электоральными группами. С 17 января 2024 года были открыты первые общественные штабы поддержки Владислава Даванкова в ключевых российских регионах – Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и Томске. Это стало важным шагом в развёртывании его предвыборной инфраструктуры и налаживании прямого взаимодействия с избирателями на местах.

Для усиления узнаваемости и консолидации сторонников Даванкова была разработана единая фирменная стилистика его избирательной кампании. В ее основе лежали лаконичные графические элементы, выдержанные в партийной сдержанной цветовой гамме с преобладанием фирменных оттенков. Этот подход должен был транслировать образ Даванкова как рационального, прагматичного и ответственного политика, нацеленного на решение практических проблем.

Агитационная реклама Даванкова была представлена в широком спектре каналов – от федеральных телеканалов до наружных рекламных конструкций в крупных городах. Предвыборный баннер Владислава Даванкова демонстрирует комплексный подход к визуальному позиционированию кандидата и транслирует ключевые элементы его избирательной стратегии.

Важным направлением агитационно-рекламной работы стало продвижение Владислава Даванкова в онлайн-пространстве. Был создан его официальный сайт, где размещались ключевые тезисы предвыборной программы, новости кампании, фото- и видеоматериалы. Кандидат активно вел личные аккаунты в социальных сетях, что позволяло ему напрямую общаться с избирателями, оперативно реагировать на актуальную повестку и вовлекать их в обсуждение ключевых вопросов. Помимо этого, в сети распространялись вирусные видеоролики, креативные баннеры и другие рекламные форматы, транслирующие основные идеи и месседжи Даванкова.

«Стратегия демонстрации государственного авторитета В.В. Путина и применение тактик концентрации социального капитала доверенных лиц президента в регионах РФ» исследуется предвыборная кампания действующего Президента РФ. Владимир Путин является одним из самых опытных и влиятельных политических лидеров в современной России. Его биография и неоднократное участие в президентских выборах сыграли ключевую роль в обеспечении его успеха на очередных выборах в 2024 году. За плечами Путина – четыре срока на посту президента России, а также опыт работы в качестве премьер-министра. Это дало ему огромные преимущества в понимании механизмов государственного управления, выстраивания эффективных коммуникаций с ключевыми политическими игроками и мобилизации электоральной поддержки.

8 декабря 2023 года действующий Президент РФ объявил о своем решении баллотироваться на пятый президентский срок. Заявление было сделано во время церемонии вручения наград российским военным, воевавшим на Украине. Выступая перед собравшимися, Путин подчеркнул, что принял это решение после тщательного обдумывания и консультаций с ведущими

политическими силами страны. Избирательная кампания Владимира Путина на выборах 2024 года с самого начала была отмечена нестандартными подходами. Вместо масштабных предвыборных митингов и теледебатов Путин сделал ставку на активность в регионах и подчеркивание своей роли как действующего главы государства, продолжающего решать актуальные государственные задачи. Это позволяет ему рассчитывать на мощную мобилизацию ресурсов и широкую коалицию избирателей во время предстоящей президентской кампании. Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону рассмотрено как продуманный ход избирательной кампании 2024 года. Оно отвечало сразу нескольким важным тактическим задачам – расширение аудитории, создание позитивного образа кандидата, апелляция к консервативным избирателям и демонстрация международного авторитета. В совокупности эти факторы способствовали эффективному продвижению Путина как кандидата на пост президента Российской Федерации.

Избирательная кампания Владимира Путина в 2024 году была выстроена чрезвычайно грамотно и продуманно, опираясь на комплексную стратегию, включавшую в себя как традиционные, так и инновационные инструменты политического маркетинга. В совокупности все эти элементы – позиционирование, публичные выступления – создавали целостный, узнаваемый и привлекательный для электората образ Владимира Путина как надежного гаранта суверенитета, стабильности и социального развития России.

«Л.Э. Слуцкий как преемник В.В. Жириновского» и использование тактик прямого и символического общения с электоратом» описывается предвыборная кампания Л.Э. Слуцкого. Одним из приоритетных направлений работы предвыборного штаба Слуцкого стало формирование его позитивного и узнаваемого образа в глазах избирателей. Для этого был разработан четкий набор ключевых посылов, акцентирующих опыт Слуцкого как опытного политика-государственника, приверженца традиционных ценностей и в то же время способного предложить некоторые рыночные реформы. Также особое внимание уделялось подчеркиванию связи Слуцкого с политическим наследием Владимира Жириновского.

Отдельное внимание необходимо уделить наружной рекламе Леонида Слуцкого во время его избирательной кампании 2024 года. Все баннеры были выдержаны в традиционной для ЛДПР цветовой гамме: голубой фон, крупная фотография кандидата и текст «Дело Жириновского живёт», написанный ярким желтым цветом. Данное цветовое и визуальное оформление было явно направлено на то, чтобы установить преемственность между Слуцким и основателем партии Владимиром Жириновским, недавно ушедшим из жизни.

Оценивая эффективность стратегии и тактических решений, реализованных Леонидом Слуцким в ходе его избирательной кампании на пост президента Российской Федерации в 2024 году, следует признать, что, несмотря на масштабные информационно-коммуникативные усилия его команды, ему не удалось одержать окончательную победу на выборах.

«Стратегия «борца с капитализмом» и идеологическая эксплуатация рекламно-агитационных тактик Н.М. Харитонов через региональные партийные представительства» рассмотрены особенности кампании четвёртого кандидата на выборах.

В 2004 году Николай Харитонов был одним из зарегистрированных кандидатов на пост Президента России, тогда он занял второе место и набрал 13,69% голосов, что втрое больше по сравнению с 2024 годом – 4,31%. Участие Николая Харитонova в президентских выборах 2004 года стало важным фактором, оказавшим влияние на характер и особенности его избирательной кампании в 2024 году. Такой опыт позволил Харитонову сохранить свою электоральную базу, даже несмотря на временной разрыв в 20 лет.

Официальное выдвижение Харитонova в качестве кандидата от Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) легитимировало его статус в глазах электората, придавая ему необходимый политический вес и авторитет. Это событие знаменовало собой завершение внутрипартийных консультаций и согласование его кандидатуры с ведущими силами «левопатриотического» политического лагеря.

Одним из ключевых элементов успешной предвыборной гонки Харитонova стало создание широкой сети активистов и волонтеров, обеспечивавших непосредственное взаимодействие с избирателями на местах. Для этого Харитонов опирался на разветвленную структуру региональных отделений КПРФ, являвшихся основой для рекрутирования и мобилизации добровольцев. Особое значение придавалось отбору наиболее опытных и идеологически мотивированных активистов, способных эффективно вести агитационную работу.

Кампания Харитонova визуальнo характеризовалась выраженными коммунистическими мотивами – красно-черная цветовая гамма, серп и молот, использование образов советской символики. На плакатах также присутствует лозунг «Поиграли в капитализм и хватит!». Данный рекламный плакат Николая Харитонova характеризуется ярко выраженными идеологическими смысловыми акцентами. Центральный слоган отсылает к критическому восприятию кандидатом проводившихся в России либеральных экономических реформ последних десятилетий. Визуальное оформление плаката выполнено в традиционной гамме. Центральное место на плакате занимает крупный портрет самого Николая, что позиционирует его как решительного и авторитетного лидера, способного осуществить заявленный курс на «преодоление капитализма».

Настоящее исследование посвящено эффективным стратегиям и технологиям PR-деятельности, использованным в избирательных кампаниях на примере выборов Президента Российской Федерации в 2024 году. В ходе работы охарактеризованы успешные стратегии кандидатов. Анализ президентских выборов в России с 1991 по 2018 год показывает трансформацию от относительно открытых выборов к усилению власти и ограничению политической конкуренции, что отражает централизацию

политической системы. Это развитие будет определять вектор политического прогресса в стране на ближайшие годы.

Применение онлайн-технологий также имеет важное значение. В условиях растущей зависимости общества от сети медиа-дискурс и коммуникационные стратегии становятся ключевыми факторами успеха политических кампаний. Социальные медиа открывают новые возможности для взаимодействия с широкой аудиторией и формирования имиджа кандидата. Эффективные PR-технологии должны использоваться с максимальной целенаправленностью для достижения поставленных целей.

Избирательная кампания Владимира Путина в 2024 году была выстроена чрезвычайно грамотно и продуманно, опираясь на комплексную стратегию, включавшую в себя как традиционные, так и инновационные инструменты политического маркетинга. Важной частью стратегии Путина стало умелое позиционирование себя в качестве политика, отстаивающего традиционные ценности. Интервью Такеру Карлсону было важным аспектом, особенно с точки зрения цифровизации политической кампании. Одним из ключевых аспектов этого интервью было активное позиционирование Владимира Путина как лидера, способного обеспечить стабильность и безопасность. Такой подход позволил создать положительный имидж кандидата, который в условиях современного медиа-пейзажа воспринимается как более эффективный и актуальный. В совокупности все эти элементы – позиционирование, публичные выступления – создавали целостный, узнаваемый и привлекательный для электората образ Владимира Путина как надежного гаранта суверенитета, стабильности и социального развития России.

Избирательная кампания Леонида Слуцкого в 2024 году продемонстрировала его стремление к использованию современных инструментов и методов ведения предвыборной борьбы. Команда Слуцкого активно использовала различные каналы массовой коммуникации, включая социальные сети, мессенджеры и платформы для видеохостинга, чтобы донести свои сообщения до целевой аудитории. Это включало не только стандартные посты и рекламные объявления, но и интерактивные форматы, такие как прямые эфиры, опросы и конкурсы, что способствовало вовлечению избирателей и созданию онлайн-сообщества сторонников. Вместе с тем результаты выборов указали на необходимость дальнейшего развития и совершенствования применяемых Слуцким стратегических и тактических подходов. Очевидно, что для достижения желаемого электорального успеха требуется более глубокое понимание мотиваций и ожиданий различных групп избирателей, а также более гибкое реагирование на динамично меняющиеся политические и социально-экономические условия.

Избирательная кампания Николая Харитонов в 2024 году была комплексной и многоканальной, сочетая традиционные и современные инструменты работы с избирателями. Основными приоритетами стали формирование привлекательного имиджа кандидата и продвижение его

предвыборной программы. Это создало предпосылки для эффективной мобилизации электората.

Особое внимание уделялось визуальному брендингу, который апеллировал к коммунистической и патриотической символике, вызывая ассоциации с советским прошлым и образом сильного государства. В рекламной коммуникации акцентировалась критика либеральных реформ и призывы к радикальной смене экономического курса. Такой подход позволил Харитонову позиционировать себя как сторонника левой альтернативы действующей власти, укрепляя образ политика, способного отстаивать интересы граждан и обеспечивать кардинальные перемены. В совокупности с другими элементами кампании эта стратегия усиливала мобилизацию традиционалистского и протестного электората, повышая шансы Харитонova на успех в президентской гонке.

Таким образом мы выделили следующие стратегии и тактики: стратегия расширения социальной базы поддержки и развитие сбалансированных онлайн- и офлайн-тактик образа «народного кандидата» В.А. Даванкова; стратегия демонстрации государственного авторитета В.В. Путина и применение тактик концентрации социального капитала доверенных лиц президента в регионах РФ; стратегия «Л.Э. Слуцкий как преемник В.В. Жириновского» и использование тактик прямого и символического общения с электоратом; а также стратегия «борца с капитализмом» и идеологическая эксплуатация рекламно-агитационных тактик Н.М. Харитонova через региональные партийные представительства.

Результаты анализа позволили установить, что наиболее успешные кампании характеризовались высокой степенью адаптивности к внешнеполитическим и информационным вызовам, активным внедрением персонализированных цифровых каналов коммуникации и фокусом на эмоциональную составляющую политического дискурса. Существенное значение имела также согласованность между федеральной и региональной повесткой, что способствовало мобилизации ключевых электоральных групп.

Таким образом, представленный опыт комплексного анализа демонстрирует эффективность системного подхода к оценке избирательных стратегий и может быть использован для дальнейших исследований в сфере политического PR и электоральной социологии.

Список литературы

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83180/ (дата обращения 05.10.2024).

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000. 608 с.

3. Фадеев заявил, что в условиях СВО выборы в РФ проходят в конституционных рамках [электронный ресурс]. Режим доступа. URL:https://news.rambler.ru/politics/52443694/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 03.02.2024).

EXPERIENCE IN COMPREHENSIVE ANALYSIS OF STRATEGIES AND TECHNOLOGIES OF CANDIDATES' ELECTION CAMPAIGNS (FOR THE EXAMPLE OF THE 2024 PRESIDENTIAL ELECTIONS OF THE RF)

A.Yu. Sizonenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

This study provides a comprehensive analysis of the strategy for conducting the presidential campaign in Russia in 2024. The methodological basis provides a synthesis of qualitative and quantitative approaches: it contains an analysis of media materials, expert interviews, and monitoring of voters' digital activity on social media platforms. Particular attention is paid to the use of media discourse and communication methods to form an image and interact with voters. Effective PR technologies play a key role in mobilizing the electorate and increasing information content. The article requires compliance with modern PR methods in the electoral process and adherence to the principles of political practice in Russia.

Key words: election campaigns, presidential elections, political PR, candidate strategies, online technologies.

УДК 82-32

МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В ПРОЗЕ ХАРУКИ МУРАКАМИ: ОТ ФАБУЛЯЦИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ АЛЛЮЗИИ И ЦИТАТЕ

О.В. Сначиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена анализу механизмов смыслопорождения в романе Харуки Мураками «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» (1985) через взаимодействие фабуляции, литературных аллюзий и цитат. Исследуется, как фабуляция создаёт эффект абсурда, отражая кризис идентичности в современном мире, тогда как аллюзии на русскую классику (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский) выступают экзистенциальным якорем для героя. Особое внимание уделено контрасту между хаотичным фабульным нарративом и устойчивыми интертекстуальными отсылками, раскрывающим авторскую

концепцию русской литературы как источника духовной опоры. На примере ключевых сцен демонстрируется, как цитаты трансформируют травматический опыт персонажа, а фабуляция подчёркивает дисгармонию внешнего мира. В заключении делается вывод о двойственной природе прозы Мураками, где столкновение этих приёмов формирует уникальный философский подтекст.

Ключевые слова: Харуки Мураками, фабуляция, интертекстуальность, литературная аллюзия, цитата, постмодернизм, «Страна Чудес без тормозов и Конец Света».

Харуки Мураками (род. 1949) – один из самых известных японских писателей-постмодернистов. На сегодняшний день Х. Мураками – автор пятнадцати романов, двенадцати сборников рассказов, документальной литературы и книг для детей. Постмодернизм в литературе – явление сложное, ему трудно подобрать одно единственное определение, дать исчерпывающую оценку, но есть одна черта, характерная всем постмодернистским текстам – это внутритекстовый диалог с различными видами творческой деятельности человека: музыкой, живописью, литературными произведениями, массовой культурой; так называемая интертекстуальность, которая помогает художественному тексту стать многомерным, динамичным, полным глубоких связей с мировым творческим потоком. Мы уже писали об особенностях интертекстуальных связей в названиях произведений Х. Мураками [4], диалоге японского писателя с произведениями А.П. Чехова [10] и Франца Кафки [5].

Цель данной статьи – определить специфику фабуляции в романе Харуки Мураками «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» (1985), проследить функции литературных аллюзий и цитат в построении смысловых пластов романа и проанализировать механизмы их взаимодействия.

Фантастический историзм или магический реализм, которые вполне можно объединить термином фабуляция / *fabulation* – Роберта Скоулза [8; 9], используемый для обозначения намеренного смешения реального и вымышленного в постмодернистской прозе – характерный для художественных произведений Харуки Мураками приём. Понятие фабуляция пришло в литературоведение из психиатрии, где оно известно как психическая фабуляция или конфабуляция – создание ложных рассказов, воспоминаний, где смешано надуманное с реальным. В теории литературы понятие описывает постмодернистский прием, «смесь вымышленного с реальным в речи и памяти» [6, с. 180] и широко используется в анализе произведений писателей-постмодернистов [1; 2; 7].

Анализ фабуляции, цитирования и литературных аллюзий в романе «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» в качестве контрастирующих нарративных стратегий позволяет выявить авторскую позицию Харуки Мураками, согласно которой художественная литература выступает единственным подлинным источником экзистенциальной истины и духовной опоры в кризисные моменты человеческого существования.

Роман состоит из двух параллельных сюжетных линий. Первая повествует о безымянном герое, который оказывается в загадочном Городе, отделённом от внешнего мира высокой стеной. Здесь он работает «Считывателем» – расшифровывает старые сны из черепов единорогов, хранящихся в Библиотеке. Постепенно он теряет свою тень и память, но обретает покой в этом странном, почти утопическом мире. Приводит повествователя в этот мир технология управления сознанием, примененная к повествователю без его согласия. Поиски освобождения от навязанной матрицы приводят его в «Страну Чудес» – сюрреалистический подземный мир, контролируемый таинственной организацией. Роман исследует темы потери идентичности, бегства от действительности и поиска смысла в абсурдном мире, сочетая элементы научной фантастики, детектива и философской притчи.

Безымянный протагонист (повествование ведётся от первого лица) постепенно приходит к осознанию того, что он стал объектом исследовательского эксперимента не только без осознанного согласия, но даже и без предоставления информации об его последствиях. Враждебно настроенные по отношению к «государству» агенты таинственной организации используют методы психологического давления и физического насилия с целью принудить повествователя-протагониста к сотрудничеству. Оказавшись в ситуации полной изоляции, персонаж обращается к литературному тексту как к источнику духовной поддержки: «Открыл томик Тургенева и стал читать “Рудина”. На самом деле я хотел почитать “Вешние воды”, но отыскать их в разгромленной квартире оказалось слишком непросто, а “Рудин”, если подумать, ничем не хуже “Вешних вод”. <...> В последний раз я перечитывал “Рудина” еще студентом, лет пятнадцать назад. Теперь, столько лет спустя, валяясь в постели с забинтованным пузом, я испытывал к Рудину особую симпатию. Все-таки человек не развивается с возрастом, хоть тресни. Характер формируется годам к двадцати пяти, и потом уже, как ни бейся, себя не переделаешь. Остается только наблюдать, насколько окружающий мир соответствует твоему характеру. Возможно, благодаря виски – но мне было жаль Рудина» (Мураками 2024, с. 217).

Чтение «Рудина» возвращает героя к периоду студенчества, создавая мост между травматическим настоящим и более цельным прошлым «я», дает временное убежище от текущей боли через механизм регрессии. Симпатия к Рудину – типичному «лишнему человеку» – позволяет проецировать собственную ситуацию на классический образ, что: легитимизирует его переживания через культурный канон, создает эффект «разделенного страдания», трансформирует чувство беспомощности в фаталистическое принятие. Особенно значим контраст между физической беспомощностью («забинтованным пузом») и интеллектуальной и эмоциональной активностью чтения, автономией сознания даже в условиях внешнего принуждения.

В конечном итоге повествователь не может остановить действие деструктивной программы, заложенной в его мозг – он проживает заключительный день своей жизни. Повествователь открывает газету и

просматривает сообщения: «Японский МИД выражает глубокое сожаление по поводу американской политики высоких процентов, Бюджетный комитет Конгресса США обещает рассмотреть вопрос о кредитах Центральной Америке, министр финансов Перу критикует экономическую диверсию Штатов, а МИД ФРГ настойчиво требует выправления торгового дисбаланса с Японией. Сибирь недовольно Израилем, а Израиль Сибирью. После избиения восемнадцатилетним отпрыском собственного отца одна из газет открыла “линию психологической помощи”. Ничего, абсолютно ничего, что могло бы хоть как-то мне пригодиться в последние часы жизни» (Мураками 2024, с. 508).

Отрывок представляет собой смесь реальных элементов и абсурдного вымысла, типичный случай фабуляции, где реальные структуры и термины вплетены в вымышленный, нарочито алогичный нарратив. С одной стороны, Японский МИД, Бюджетный комитет Конгресса США, министр финансов Перу, МИД ФРГ – реальные институты, которые действительно могут выражать позицию по экономическим вопросам. С другой – вымышленные или даже фантасмагорические элементы: Сибирь не является политическим субъектом (это регион России), а конфликт между ней и Израилем – чистый абсурд. А термин «диверсия» («экономическая диверсия Штатов») – здесь используется в искажённом значении (обычно это скрытый подрыв, а не открытая экономическая политика). Отрывок создает эффект гротеска или сатирического комментария на бессмысленность политических заявлений, которые не имеют отношения к реальной проблеме, с которой столкнулся повествователь.

Отрывок заключает субъективный, почти экзистенциальный комментарий, резко контрастирующий с предыдущими «официальными» заявлениями. Что же делать протагонисту, у которого истекают последние минуты жизни? Он покупает попкорн, кормит голубей и продолжает внутренний диалог с одним из любимых героев Ф.М. Достоевского, вспоминая слова, сказанные Алешей Карамазовым Коле Красоткину: «Послушайте, Коля, вы между прочим будете и очень несчастный человек в жизни. Но в целом все-таки благословите жизнь. <...> Вообще-то Алеша очень много всего понимал... Но на этих его словах я засомневался. Я не знаю, можно ли быть несчастным человеком, но в целом прожить счастливую жизнь. <...> Я попробовал вспомнить имена всех братьев Карамазовых. Митя, Иван, Алеша – и еще сводный, Смердяков. Интересно, сколько людей на свете помнят братьев Карамазовых по именам?» (Мураками 2024, с. 523–533).

Заключительная сцена не оставляет сомнений в том, что повествователь на себе испытывает истинность слов Алеши Карамазова. «Полуденное солнце заглядывало в ветровое стекло, словно обнимая меня. Я закрыл глаза и почувствовал, как его лучи ласкают мне веки. Я чуть не прослезился: подумать только, проделав такой долгий путь, лучики эти прилетели на мою планету затем, чтобы согреть мне веки... Провидение Космоса не обошло вниманием даже мои усталые глаза. Возможно, ты и прав, Алеша Карамазов. Наверное,

даже ограниченным жизням Провидение дарит пускай и ограниченное, но счастье» (Мураками 2024. с. 533).

Как уже отмечалось в научных исследованиях [3], для героя Мураками подлинный смысл обнаруживается не в хаотичном потоке реальных событий, а в литературной традиции. В отличие от фабульных фрагментов, где доминируют абсурд и экзистенциальная фрагментарность, сцены с аллюзиями на русскую классику (в частности, на тексты И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского) лишены иронии или намеренного искажения. Персонаж, будучи жертвой дегуманизирующего технократического общества, вступает в диалог с русскими писателями XIX века, обретая в их произведениях единственную форму устойчивой истины. Таким образом, нарратив Харуки Мураками структурно противопоставляет два типа дискурса: 1) хаотичную фабуляцию, отражающую бессмысленность современного мира, и 2) интертекстуальные включения, выполняющие функцию экзистенциального якоря.

Список литературы

1. *Ахметзянова Д.Р.* Постмодернистские особенности сборника рассказов Бахи Тахира «я ходил к водопаду» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. № 6. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskie-osobennosti-sbornika-rasskazov-bahi-tahira-ya-hodil-k-vodopadu> (дата обращения: 14.05.2025).

2. *Ломакина И.Н.* Особенности историографической метапрозы (на материале Джулиана Барнса «Артур и Джордж») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. № 3. С. 321–325.

3. *Репина А.А., Радаева Э.А.* Экзистенциальные мотивы Ф.М. Достоевского в творчестве Х. Мураками // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. № 77. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-motivy-f-m-dostoevskogo-v-tvorchestve-h-murakami> (дата обращения: 14.05.2025).

4. *Спачиль О.В.* Многовекторность интертекстуальных связей в названиях произведений Харуки Мураками // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. С. 281–287.

5. *Спачиль О.В.* Харуки Мураками и Франц Кафка: обратное превращение // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 4. С. 219–231. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-4-219-231

6. *Чотчаева М.Ю., Сосновский В.Т.* Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 2(197). С. 177–

182. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-kulture-i-literature-sovremennosti> (дата обращения: 14.05.2025).

7. Шерчалова Е.В., Тулушева Е.С. В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 932–943.

8. Scholes R. The Fabulators. New York: Oxford University Press, 1967. 180 p.

9. Scholes R. Fabulation and Metafiction. Urbana: University of Illinois Press, 1979. 222 p.

10. Spachil O.V. Exploring the intersection of Anton Chekhov and Haruki Murakami: a slow reading analysis of “Drive My Car” // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 498–508. DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-3-498-508

Источники

Мураками Х. Страна Чудес без тормозов и Конец Света / пер. с японского Д. Коваленин. М.: Эксмо, 2024. 539 с.

MECHANISMS OF MEANING-CREATION IN HARUKI MURAKAMI'S PROSE: FROM FABULATION TO LITERARY ALLUSION AND QUOTATION

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the mechanisms of meaning-creation in Haruki Murakami's novel *Hard-Boiled Wonderland and the End of the World* (1985) through the interplay of fabulation, literary allusions, and quotations. The study explores how fabulation generates an effect of absurdity, reflecting the crisis of identity in the modern world, while allusions to Russian classics (particularly the works of I.S. Turgenev and F.M. Dostoevsky) serve as an existential anchor for the protagonist. Special attention is given to the contrast between the chaotic fabulative narrative and stable intertextual references, which reveals Murakami's conceptualization of literature as a source of spiritual resilience. Analyzing key scenes, the article demonstrates how quotations reshape the character's traumatic experiences, whereas fabulation underscores the dissonance of external reality. The conclusion highlights the dual nature of Murakami's prose, in which the tension between these techniques produces a distinct philosophical subtext.

Key words: Haruki Murakami, fabulation, literary allusion, quotation, postmodernism, *Hard-Boiled Wonderland and the End of the World*.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ “MAY” И “MUST” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Степанова

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

Данная статья посвящена установлению специфики употребления модальных глаголов “may” и “must” в современных англоязычных научных текстах. С помощью созданного сбалансированного лингвистического корпуса объемом 16 233 предложения был проведен анализ контекстов автоматически выделенных 733 примеров употребления рассматриваемых модальных глаголов, который позволил сделать ряд выводов о стратегиях выражения модальности, используемых специалистами для представления результатов своих исследований в научной литературе.

Ключевые слова: лингвистический корпус, модальность, научный дискурс, научная статья, корпусный менеджер, английский язык

Изучение специфики языковой реализации категории модальности в различных типах дискурса является актуальным направлением современных лингвистических исследований. Так, в научной электронной библиотеке eLibrary.ru за последние пять лет зафиксировано 412 публикаций, в которых рассматривается вопрос выражения модальности в различных типах дискурса, к примеру, медийный, экономический, политический, юридический, поэтический, научный, публицистический, научно-педагогический, военно-политический, автобиографический, художественный дискурс и другие.

Важность исследования модальности в академическом и научном дискурсе определяется необходимостью анализа восприятия научных аргументов и обеспечения эффективной коммуникации в профессиональном сообществе. Изучение научного дискурса позволяет также выявить средства выражения авторами степени уверенности в представляемых фактах и выводах и определить способы аргументации своей позиции. При анализе языковых средств выражения модальности в научном дискурсе предметом исследования становятся, например, прагматические функции предикатов [11], восклицательные конструкции [14], способы вербализации эксплицитных и имплицитных оценок [10], логико-семантические аспекты модальных глаголов [2].

Принято выделять различные виды модальности применительно к научному тексту:

1) эпистемологическая (доказательная) модальность, в которой любое высказывание оценивается с точки зрения правдивости и достоверности от абсолютной уверенности до полной неуверенности;

2) деонтологическая модальность, выражающая отношение к действиям окружающих или своим действиям, которые определяются как должные или обязательные;

3) гипотетическая модальность, когда автор рассматривает реальность или нереальность действий на основе рассуждений, собственного опыта и фактической информации;

4) желательная модальность, при которой выражается сожаление и желание изменить существующее положение дел к лучшему;

5) декларативная модальность, для которой, в отличие от гипотетической модальности, характерна высокая категоричность [8; 13].

Исследование специфики употребления модальных глаголов в научном дискурсе имеет важное значение для выявления стратегий, которые применяют специалисты для убеждения читателей в достоверности полученных выводов и правомерности научных фактов [9]. Анализ модальности позволяет также установить, как авторы демонстрируют свою компетентность и, при этом, некоторую осторожность в своих утверждениях и заключениях.

В предлагаемой работе ставится цель изучить особенности выражения модальности в англоязычном научном дискурсе на примере модальных глаголов “may” и “must”. Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

1) автоматически сформировать список контекстов употребления рассматриваемых модальных глаголов;

2) провести количественный анализ употребления отобранных для исследования модальных глаголов;

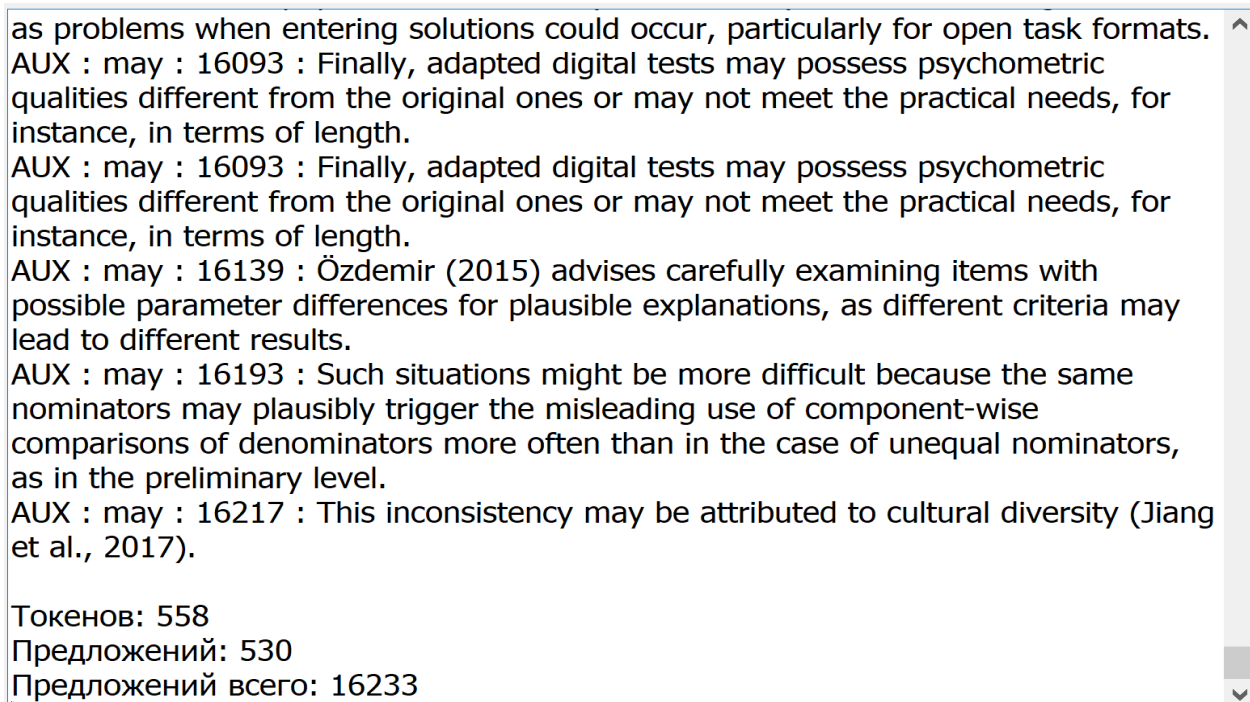
3) осуществить качественный анализ отобранных контекстов для выявления особенностей использования авторами модальных глаголов.

Материалом исследования послужили тексты современных научных статей периодического журнала *Frontiers in Education*, организованные в репрезентативный сбалансированный лингвистический корпус общим объемом 16 233 предложения. Следует отметить, что корпус был создан в автоматическом режиме с использованием программы-генератора, которая является модулем программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [3; 5].

Методологической базой исследования послужили работы, посвященные проблемам корпусной лингвистики и обработке больших данных в целом [1; 7], а также методам работы с корпусами текстов и их программным обеспечением, разработанным в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета совместно с Минским государственным лингвистическим университетом [4; 6; 12].

Результатом решения первой задачи послужил созданный автоматически список контекстов употребления исследуемых модальных глаголов, содержащий 558 примеров употребления модального глагола “may” и

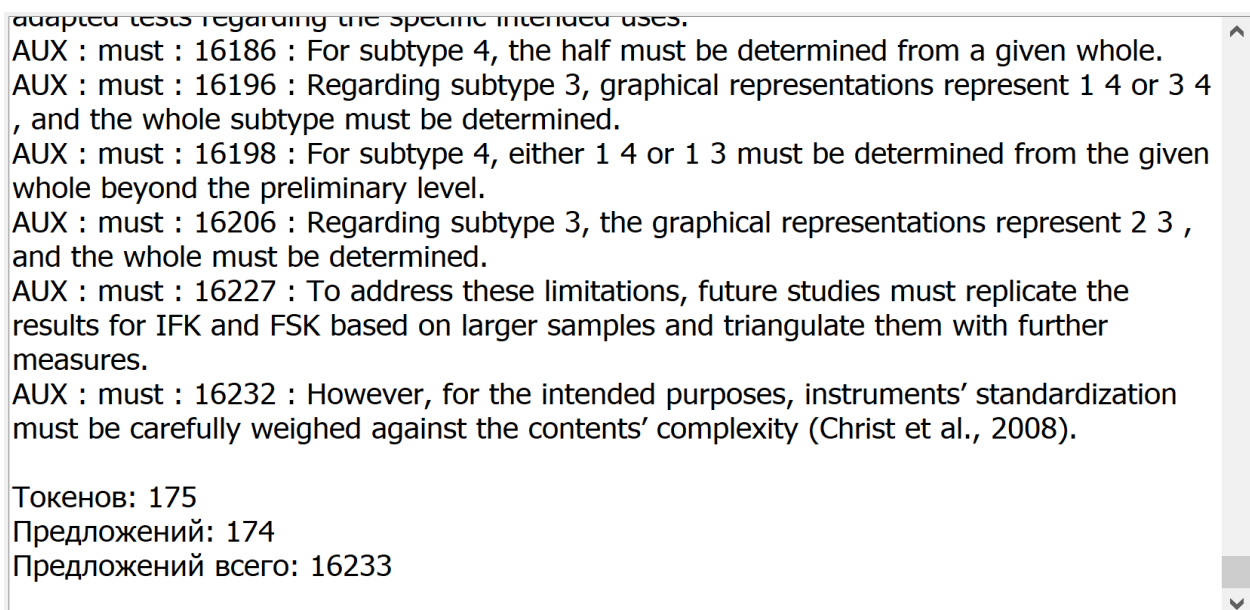
175 примеров употребления модального глагола “must” (фрагменты полученных списков данных приведены на рис. 1 и рис. 2):

as problems when entering solutions could occur, particularly for open task formats.
AUX : may : 16093 : Finally, adapted digital tests may possess psychometric qualities different from the original ones or may not meet the practical needs, for instance, in terms of length.
AUX : may : 16093 : Finally, adapted digital tests may possess psychometric qualities different from the original ones or may not meet the practical needs, for instance, in terms of length.
AUX : may : 16139 : Özdemir (2015) advises carefully examining items with possible parameter differences for plausible explanations, as different criteria may lead to different results.
AUX : may : 16193 : Such situations might be more difficult because the same nominators may plausibly trigger the misleading use of component-wise comparisons of denominators more often than in the case of unequal nominators, as in the preliminary level.
AUX : may : 16217 : This inconsistency may be attributed to cultural diversity (Jiang et al., 2017).

Токенов: 558
Предложений: 530
Предложений всего: 16233

Рисунок 1. Фрагмент списка контекстов употребления модального глагола “may”

adapted tests regarding the specific intended uses.
AUX : must : 16186 : For subtype 4, the half must be determined from a given whole.
AUX : must : 16196 : Regarding subtype 3, graphical representations represent 1 4 or 3 4 , and the whole subtype must be determined.
AUX : must : 16198 : For subtype 4, either 1 4 or 1 3 must be determined from the given whole beyond the preliminary level.
AUX : must : 16206 : Regarding subtype 3, the graphical representations represent 2 3 , and the whole must be determined.
AUX : must : 16227 : To address these limitations, future studies must replicate the results for IFK and FSK based on larger samples and triangulate them with further measures.
AUX : must : 16232 : However, for the intended purposes, instruments' standardization must be carefully weighed against the contents' complexity (Christ et al., 2008).

Токенов: 175
Предложений: 174
Предложений всего: 16233

Рисунок 2. Фрагмент списка контекстов употребления модального глагола “must”

Как видно на рис. 1 и 2, программа-генератор выбирает из созданного корпуса текстов предложения, в которых употребляются заданные модальные глаголы. В каждой строке указывается порядковый номер предложения, при этом, если в предложении модальный глагол встречается более одного раза, то данное предложение дублируется столько раз, сколько раз в нем встречается токен. В качестве примера можно привести предложение под номером 16093 на

рис. 1, которое включено в список контекстов дважды. В заключительной части списка представлена сводная информация, содержащая общее количество токенов, количество предложений, в которых встречаются данные токены, а также общее количество предложений в корпусе, что позволяет получить полное представление о частотности употребления заданных токенов в конкретной репрезентативной выборке контекстов.

При решении второй задачи был проведен сравнительный количественный анализ употребления модальных глаголов в исследуемом корпусе. Результаты данного анализа позволили сделать ряд важных выводов о специфике современного англоязычного научного дискурса. Так, значительное преобладание модального глагола “may” по сравнению с глаголом “must” (соотношение частотности употребления 3:1) отражает суть самого процесса исследования, которая заключается, в частности, в научном поиске, в формулировании гипотез и предположений, признании возможных альтернативных мнений и интерпретаций, обсуждении результатов и обозначении определенных ограничений.

В рамках решения данной задачи были проанализированы также формы инфинитивов, которые следуют за модальными глаголами. В исследуемом корпусе научных текстов модальный глагол “may” только в 12 % случаев встречается с инфинитивом основного глагола в страдательном залоге, например, *may be attributed to, may be digitized, may be categorized, may only be achieved through, may also be connected with, may be related to, may be accompanied by, may be associated with, may (not) be used, may be seen, may be limited, may not have been identified, may have been reduced, may have been also affected*. При этом, наблюдается тенденция к употреблению инфинитива в страдательном залоге с модальным глаголом “must” – такие употребления зафиксированы в корпусе в 25 % случаев, к примеру, *must be validated through, must (not only) be established, must be integrated into, must be noted, must be interpreted, must be taken into account, must be considered, must be evaluated, must be addressed*. Перфектный инфинитив употребляется с модальным глаголом “may” в 10 % отобранных контекстов, в то время как с модальным глаголом “must” такой инфинитив встречается только в одном предложении, например, *may have improved, may have contributed to, may have changed, may have led, may have been defined, may have been achieved, must have been animated by*. Следует предположить, что выбор модального глагола и формы инфинитива основного глагола определяются видами модальности научного дискурса.

В рамках решения третьей задачи был проведен качественный анализ отобранных контекстов для выявления особенностей употребления модальных глаголов и их влияния на передачу информации в научном дискурсе. В исследуемом корпусе модальный глагол “may” преимущественно используется для выражения эпистемологической модальности. Это означает, что данный модальный глагол призван передавать степень уверенности автора в истинности высказываемого утверждения. Важно отметить, что степень уверенности может варьироваться в достаточно широком диапазоне – от

осторожной гипотезы («допускаю возможность») до относительно высокой степени уверенности («заявляю об уверенности»). Например, в следующих предложениях авторы допускают вероятность действий:

115. *Conversely, a society that undervalues education and teachers **may weaken** their motivation.* – И наоборот, общество, которое недооценивает образование и учителей, **может ослабить** их мотивацию. (Здесь и далее перевод наш – Д.С.)

12513. *Despite this, staff turnover is high which **may be attributed** to low pay, insecure working conditions, and limited career/training advancements.* – Несмотря на это, текучесть кадров высока, что **может быть связано** с низкой заработной платой, нестабильными условиями труда и ограниченными возможностями карьерного роста/повышения квалификации.

Более того, проведенный анализ показал, что употребление модального глагола “may” с перфектным инфинитивом служит для выражения гипотетической модальности и используется для формулирования гипотез о причинах действий и событий, имевших место в прошлом. Такой подход позволяет авторам выдвигать предположения, избегая категоричных утверждений, что является спецификой научного дискурса, например:

4111. *The hospital’s goal is to utilize AI to overcome the challenges, which **may have affected** the students’ fears about their future careers.* – Цель медицинского учреждения – использовать искусственный интеллект для преодоления трудностей, которые **могли повлиять** на опасения студентов относительно их будущей карьеры.

4687. *First, the outdoor data collection during the Optical Engineering lessons **may have limited** students’ written reflections, as they focused more on gathering temperature data than on deeper conceptual reflection.* – Во-первых, сбор данных на открытом воздухе во время занятий по оптической инженерии **мог ограничить** письменные размышления учащихся, поскольку они больше концентрировались на сборе данных о температуре, чем на более глубоких концептуальных размышлениях.

Модальный глагол “must” в исследуемом научном дискурсе используется в основном для выражения деонтической модальности. Данная функция модального глагола связана с выражением долженствования, необходимости, обязательности, часто в контексте описания методов исследования или интерпретации полученных данных. Например, в следующих предложениях авторы указывают на необходимость соблюдения определенных процедур или конкретных методов для проведения исследований, выражают настоятельную рекомендацию:

2681. *Decision-making is a social and interactive process that spans multiple levels of the educational systems in which data and research **must be interpreted** –* Принятие решений представляет собой социальный и интерактивный процесс, охватывающий несколько уровней систем образования, на основании которого **необходимо интерпретировать** данные и результаты исследования.

3698. *However, this conclusion **must be viewed** with caution.* – Однако, к этому выводу **следует относиться с осторожностью**.

7618. *When choosing a communication aid, there are several factors that **must be considered**, and the various aids have advantages and disadvantages.* – При выборе средства коммуникации **необходимо учитывать ряд факторов, а различные средства имеют свои преимущества и недостатки**.

Таким образом, модальный глагол “must” не столько выражает уверенность автора в истинности утверждения, сколько обозначает обязательные условия, которые должны быть выполнены для достижения достоверных результатов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в современном научном англоязычном дискурсе категоричные утверждения используются достаточно редко и с осторожностью. Учитывая необходимость объективности и обоснованности выводов, предпочтение отдается более мягким формулировкам, выражающим различную степень уверенности. Кроме того, на примере сформированных списков контекстов употребления модальных глаголов “may” и “must” была установлена четкая взаимосвязь между грамматической формой инфинитива основного глагола, следующего за модальным глаголом, и функцией, выполняемой модальным глаголом в исследуемом типе дискурса, что позволяет говорить о наличии системной связи между грамматическими средствами и семантическими оттенками выражаемой модальности.

Анализ употребления модальных глаголов в научных текстах как одного из средств выражения модальности позволяет определить стратегии, которые используют ученые для убеждения в достоверности своих исследований. Полученные результаты могут быть использованы для повышения качества научных публикаций и обучения написанию научных текстов на английском языке. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на изучении употребления модальных глаголов в различных типах дискурса и на аспектах расширения функционала используемого корпусного менеджера. Все эти направления исследований будут способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования современного англоязычного научного дискурса.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Инструментарий лингвистики в лингвистической экспертизе: корпусные технологии // Язык. Право. Общество: сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 16–19 мая 2023 года / Под общей редакцией О.В. Барабаш, редколлегия: О.В. Барабаш, Н.А. Павлова, С.С. Пашковская. Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. С. 54–58. EDN RDCIFQ.

2. Васильева Ю.В. Сопоставительный анализ модальных глаголов may и might как операторов эпистемической модальности // Язык и культура в эпоху

интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2-1. С. 244–253. EDN OVXWKE.

3. *Горожанов А.И.* Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11(892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

4. *Горожанов А.И.* Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. DOI 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.

5. *Горожанов А.И.* Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.

6. *Горожанов А.И., Степанова Д.В.* Актуальное представление лексем с компонентом ‘Auto’ в немецкоязычных СМИ (на материале корпуса новостных текстов Westdeutsche Allgemeine Zeitung) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 4 (71). С. 17–22. DOI 10.37724/RSU.2024.71.4.002. EDN UEMBTM.

7. *Каменский М.В., Ломтева Т.Н., Кабылкина Н.С.* Языковая игра в текстовом пространстве анимационного сериала: лингвокультурный и лингвопрагматический анализ с применением корпусной методологии. Ставрополь: Параграф, 2021. 236 с. ISBN 978-5-6046318-8-1. EDN VHMILE.

8. *Мильруд Р.П., Антипов И.В.* Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. 2009. № 1 (5). С. 29–38. EDN MUCVQX.

9. *Нуриева Н.С., Ражева Е.С.* Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 2. С. 63–74. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74. EDN QUNQXX.

10. *Райскина В.А.* Средства выражения оценочности в современном научно-историческом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 2(42). С. 75–83. DOI 10.25688/2076-913X.2021.42.2.08. EDN SWFIAM.

11. *Сахарова А.В.* Языковые средства выражения объективной эпистемической модальности в научном дискурсе // Научный диалог. 2020. № 4. С. 151–163. DOI 10.24224/2227-1295-2020-4-151-163. EDN OISFDP.

12. *Степанова Д.В.* Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2023. № 6(127). С. 123–130. EDN FMBTKO.

13. *Сытько А.В.* Модальные источники деонтических высказываний в публичной речи немецких политиков // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы III Международной научно-практической конференции, Минск, 14–15 марта 2019 года / Редколлегия: О.Г. Прохоренко [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 146–152. EDN ZAXMYH.

14. *Цымбал А.Ю.* Восклицательные конструкции как средство выражения авторской модальности в англоязычном академическом дискурсе // Современная филологическая наука: достижения и инновации: Сборник материалов Международного симпозиума, Иваново, 23–25 мая 2024 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. С. 479–481. EDN DWZTTC.

A STUDY OF MODAL VERB USAGE IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE MODAL VERBS “MAY” AND “MUST”)

D.V. Stepanova

Belorussian State University of Foreign Languages, Minsk

The article aims to identify the specific features of the use of the modal verbs “may” and “must” in contemporary English scientific texts. An analysis of 733 automatically identified examples of these modal verbs, extracted from a linguistic corpus of 16 233 sentences, was conducted to reveal the key strategies used by researches to express modality and present research summary in scientific articles.

Key words: linguistic corpus, modality, scientific discourse, research article, corpus manager, English language.

УДК 81'42

АТТРАКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЕРАТИВОВ В ЗАГОЛОВКАХ ТЕКСТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВЕБ-САЙТОВ

А.В. Ткаля, Н.В. Монгилёва, Ф.Е. Акназарова

*Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы,
Республика Казахстан, г. Костанай*

Статья посвящена анализу императивных конструкций, используемых в заголовках и сопровождающих их малоформатных текстах на англоязычных образовательных веб-сайтах. Рассматривается аттрактивная функция императивов в контексте речевого воздействия, направленного на привлечение внимания, мотивацию и эмоциональное вовлечение пользователя.

Ключевые слова: образовательные сайты, малоформатный текст, заголовок, императивные конструкции, аттрактивная функция, цифровизация.

В условиях цифровизации и медийного расширения образовательной сферы особое значение приобретает онлайн-коммуникация университетов и образовательных платформ. Веб-сайты таких институтов выступают не только витринами академических достижений, но и самостоятельными коммуникативными пространствами, формирующими определенный образ образовательной организации в глазах внешней аудитории.

В связи с трансформацией форматов общения и способов представления информации в цифровой среде XXI века, ключевую роль играют тексты образовательных сайтов. Они служат инструментами информирования, продвижения услуг и взаимодействия с пользователями, при этом, не только передавая содержание, но и активно влияя на коммуникативный процесс – формируя ожидания, убеждая, мотивируя и привлекая внимание.

Текстовая коммуникация неизбежно преобразуется, что выражается в активном распространении лаконичных текстовых форматов, функционально адаптированных под динамику информационных потоков [5]. В этой связи актуальным является рассмотрение малоформатных текстов.

В ряде исследований термин «малоформатный текст» используется для обозначения текстов, отличающихся минимальным объемом, сжатостью содержания и адаптацией к условиям современной цифровой коммуникации, подразумевая под этим мгновенную передачу информации и воздействие на аудиторию [1, 4]. Примером малоформатного текста является заголовок. Заголовок представляет собой структурно-смысловой компонент текста, характеризующийся высокой степенью информационной плотности и прагматической направленности. Его задача не только кратко обозначить содержание нижеследующего текста, но и побудить к его прочтению [3]. В данном случае речь идет о целенаправленном привлечении внимания реципиента за счет образности, экспрессивности, эмоциональной и оценочной окраски заголовка, что особенно актуально для адресантов, стремящихся представить свои идеи широкой аудитории [6, с. 293].

Особый интерес в этом контексте представляют заголовки с императивными конструкциями, которые встраиваются в стратегию прямого побуждения к действию. В рамках публичной онлайн-коммуникации императивы используются не только как директивные акты, но и как средство аттракции внимания и психологической вовлеченности [2].

В центре настоящего исследования – анализ императивных конструкций, используемых в заголовках и сопровождающих их малоформатных текстах, размещенных на англоязычных образовательных веб-сайтах, с целью описания их аттрактивного потенциала.

Для иллюстрации рассмотрим заголовок, в котором использование императива направлено на создание образа образовательного процесса как гибкого, интерактивного и ориентированного на результат. Заголовок *Learn from anywhere with live interactive group and one-to-one classes taught by expert teachers* (Education) открывается глаголом *learn* в форме повелительного наклонения. Этот призыв направлен на побуждение к началу обучения в

удобном, гибком формате, независимо от местоположения обучающегося. В сочетании с обстоятельством *from anywhere* императив приобретает дополнительную привлекательность: он не ограничивает, а, напротив, расширяет возможности, тем самым усиливая аттрактивную функцию текста. Императив *learn* здесь выполняет функцию речевого вовлечения и одновременно апеллирует к автономии пользователя. Предложение обучаться в *live interactive group and one-to-one classes* дополняет мотивирующий призыв конкретным и престижным форматом обучения, что повышает доверие и усиливает ценностную составляющую высказывания.

Заголовок *Choose your monthly plan with benefits* начинается с глагола *choose*, который используется для акцентирования выбора и демонстрации преимуществ образовательного продукта. Это побуждение к самостоятельному выбору образовательного формата, ориентированного на личные предпочтения пользователя. Императив *choose* активизирует речевое взаимодействие и подчёркивает индивидуализированный подход, тогда как дополнение *with benefits* акцентирует выгоды, усиливая аттрактивную функцию обращения.

Заголовок *Target your goals with online courses designed around your needs* содержит глагол *target*, который побуждает реципиента сосредоточиться на своих целях, используя конкретный инструмент – онлайн-курсы. Императив *target* придаёт высказыванию целеустремлённый характер, акцентируя внимание не просто на обучении, а на его персонализированной направленности. Употребление притяжательного местоимения *your* усиливает индивидуализацию и делает обращение лично значимым.

Сопровождающий заголовок малоформатный текст продолжает использовать повелительные наклонения в списке: *choose your lesson themes, set your study goals, create your lesson schedule*. Все три глагола – *choose, set, create* побуждают пользователя к активному участию в построении собственной образовательной траектории. Эти команды направлены на формирование ощущения контроля, гибкости и самостоятельности, что особенно ценно для аудитории, выбирающей онлайн-обучение.

Связь между заголовком и малоформатным текстом строится через систему согласованных императивов. Заголовок задаёт общую цель – нацеленность на достижение личных результатов с помощью адаптированного курса, а далее текст предлагает конкретные шаги для реализации этой цели. Таким образом, повелительные формы используются как структурообразующий элемент, выстраивающий логичную, поэтапную модель вовлечения: от мотивации (*target*) к действию (*choose, set, create*). В совокупности они формируют привлекательное и активизирующее сообщение, ориентированное на самостоятельного, целеустремлённого обучающегося.

Следующий пример демонстрирует использование повелительного наклонения в контексте выбора образовательной траектории и продвижения по уровням владения английским языком. Заголовок *Choose the right program for your English level* начинается с глагола *choose*, который активизирует читателя, побуждая его к вовлечённости в образовательный процесс и подчёркивая

персонализированный подход. Это служит речевым механизмом привлечения внимания и формирования первого шага к обучению.

Малоформатный текст сохраняет побудительную структуру за счёт серии императивов: *say goodbye to the language barrier, overcome the plateau effect, get closer to the level of native speakers*. Эти глаголы апеллируют к результату – преодолению барьеров, продвижению вперёд, достижению более высокого уровня. Такая императивная динамика поддерживает мотивационный тон заголовка, создавая ощущение движения, развития и достижимости цели. Таким образом, сочетание императивов в заголовке и сопровождающем тексте формирует цельное и побуждающее обращение. Императивные конструкции направляют читателя к действию и создают образ обучения как последовательного и доступного процесса.

В заголовке *Enjoy live classes every day* глагол *enjoy* задаёт позитивный и энергичный тон всему сообщению. Императив в данном случае выполняет аттрактивную функцию: он предлагает не просто участвовать в занятиях, а воспринимать их как приятную часть повседневной жизни.

В сопровождающем тексте *Dive in, keep trying* и *practise regularly* дополнительно используются императивы, которые продолжают мотивационную линию заголовка. Эти формы побуждают к регулярным действиям, поддерживают установку на настойчивость и создают образ обучения как естественного, неформального и доступного процесса. Их использование усиливает аттрактивную функцию, делая обращение живым и динамичным.

Связь между заголовком и сопровождающим текстом основывается на едином мотивационном послы: участие в образовательной активности представлено как естественный и непринуждённый процесс. Императив *enjoy* задаёт эмоциональный тон и побуждает воспринимать обучение как источник удовольствия.

Заголовок *Meet the right tutors for you* также начинается с императива *meet*, побуждающего к установлению контакта с преподавателями. В сопровождающем тексте используется императив *build* – *Build a team of tutors that matches your learning style and interests* – который усиливает акцент на персонализированном подходе. Повелительные конструкции направлены на установление устойчивого взаимодействия, адаптированного под индивидуальные предпочтения пользователя, и тем самым реализуют аттрактивную функцию.

Заголовок *See your progress* содержит глагол *see* в повелительной форме, который обращает внимание на результат обучения. Это побуждение основано на визуализации достигнутого, что мотивирует пользователя продолжать обучение. Императивная конструкция выполняет аттрактивную функцию, подкрепляя установку на развитие и достижение целей.

Дополнительные побуждающие формы содержатся и в сопровождающем тексте: *Strengthen your skills, keep learning, watch yourself grow*. Эти императивы направлены на поэтапное развитие – от закрепления навыков до непрерывного

обучения и отслеживания прогресса. Такая структура текста усиливает мотивационную линию обращения и делает его ориентированным на личностный рост.

Заголовок *Start today. Learn for life* содержит два императива – *start* и *learn*, которые структурируют обращение как призыв к немедленному началу и к долгосрочному образовательному процессу. Такое сочетание усиливает побуждающий эффект и формирует устойчивую установку на обучение как на ценность на протяжении всей жизни.

В совокупности, исследованные императивные конструкции формируют серию мотивационных обращений, направленных на вовлечение пользователя, акцент на результат и персонализацию учебного процесса. Все рассмотренные заголовки реализуют аттрактивную функцию, структурируя высказывания как побуждения к действию и обещание значимого прогресса.

Анализ заголовков с императивными конструкциями, представленных на различных образовательных сайтах, подтверждает их высокую эффективность как инструмента привлечения внимания и мотивации аудитории. Повелительное наклонение активно используется для структурирования обращений, направленных на побуждение к действию, формирование эмоционального отклика и создание положительного отношения к обучению. В заголовках реализуется преимущественно аттрактивная функция: пользователю предлагаются чёткие, краткие и эмоционально окрашенные формулировки, побуждающие к участию в образовательном процессе.

Сопровождающие малоформатные тексты, содержащие дополнительные императивы, развивают основную мысль заголовка, конкретизируют возможные действия и усиливают мотивационную направленность обращения. Таким образом, использование императивных конструкций в заголовках и текстах образовательных платформ способствует формированию целенаправленного, убедительного и персонализированного послания, что особенно важно в условиях цифрового взаимодействия и высокой конкуренции.

Информация о финансировании

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов»).

Список литературы

1. *Апостолίδи А. А.* Лингвостилистические характеристики малоформатного новостного медиатекста // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 1611–1615.

2. *Болотина М. А., Волкова И. С.* Императив как средство воздействия в текстах социальной рекламы (на материале русского и английского языков) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2012. № 2. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativ-kak-sredstvo-vozdeystviya-v-tekstah-sotsialnoy-reklamy-na-materiale-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 13.06.2025).
3. *Лазарева Э. А.* Заголовок в газете: Монография. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
4. *Сахарный Л. В.* Морфема как текст и морфема как часть текста // Морфемика: принципы и методы системного описания. Л.: Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова, 1987. С. 157–169.
5. *Трунова Е. А.* Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Русистика. 2010. № 1.
6. *Филоненко Т. А.* Аттрактивные заголовки в научной речи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Сер.: Педагогика и психология, Филология и искусствоведение. 2008. № 2. С. 290–296.

Источники

Ske.li. Education [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ske.li/education> (дата обращения 24.05.2025).

THE ATTRACTIVE POTENTIAL OF IMPERATIVES IN THE HEADLINES OF EDUCATIONAL WEBSITE TEXTS

A.V. Tkalya, N.V. Mongilyova, F.E. Aknazarova

*Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly
Republic of Kazakhstan, Kostanay*

The article is devoted to the analysis of imperative constructions used in headlines and accompanying small-format texts on English-language educational websites. The study focuses on the attractive function of imperatives in the context of verbal influence aimed at capturing attention, motivating the user, and ensuring emotional engagement.

Key words: educational websites, small-format text, headline, imperative constructions, attractive function, digitalization.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА «РАБОТА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

О.Д. Фивейская, Н.А. Земскова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья изучает возникновение и употребление пословиц, высказываний и устойчивых выражений о работе и трудовой деятельности человека в литературном языке, народном творчестве и повседневной речи. В статье подчеркивается, что труд облагораживает человека, служит основным целесообразным и общественно полезным занятием, требующим умственного и физического напряжения для создания материальных и духовных благ. Отношение к работе является одной из главных тем образных высказываний английского и русского языков.

Ключевые слова: пословица, труд, работа, устойчивое выражение, фразеологизм, восприятие, ассоциация, культурные ценности, языковое сознание, народное творчество, фольклор.

История человеческой цивилизации насчитывает несколько десятков тысяч лет. Тем не менее, учёные всего мира не могут прийти к единому мнению о точном времени появления «человека разумного». Чарльз Дарвин утверждал, что движущей силой эволюции является борьба за выживание и естественный отбор. Автор трудовой теории происхождения человека, Фридрих Энгельс, изложил свои умозаключения в очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» в 1870-х годах. Использование первобытных инструментов работы, формирование руки, преобразование окружающей среды привело к развитию головного мозга, изменению тела и появлению речи. Древний человек приспосабливался к меняющимся условиям природы, создавал орудия труда, охоты и земледелия.

Общества и социумы развивались, появлялись новые народы, культуры и традиции. В любом языке с возникновением новых сфер деятельности и новых реалий формируется система наименований, устойчивых высказываний, понятий, образов, фразеологизмов, пословиц и поговорок. Н.В. Кожанова считает, что «чтобы адекватно отразить, воспроизвести и закрепить в языковой картине мира новые идеи и понятия, языковая система в целом и лексика в особенности вынуждена перестраиваться, дифференцироваться, порождать новые единицы, репрезентирующие те или иные фрагменты картины мира, а зачастую и интегрировать лексические единицы, принадлежащие иным языкам» [2, с. 42].

Для поддержания разнообразных и многоуровневых контактов и форм общения необходимо не только знание языка, но и знание норм и правил иностранной культуры, обмен информацией между различными группами,

включая людей с разным религиозным, социальным, этническим и образовательным происхождением [4, с. 46].

В процессе познания и межкультурной коммуникации информация об окружающей действительности обобщается до уровня концепта. В таком виде она хранится в сознании индивида, а его объективация происходит посредством редукции сложного ментального образования до упрощённого конкретного смысла в каждом акте общения и доминации [1, с. 93]. Представитель определённой культуры, овладевая языком, приобретает специфический для носителя данного языка взгляд на мир и принимает концептуальную картину мира, соответствующую его культурной среде. Лингвисты этого направления языкознания стремятся выявить общие и отличительные черты в системах концептуализации различных языков [3, с. 89].

Концепт «работа» охватывает различные сферы профессиональной деятельности, связанные с выполнением трудовых задач и реализацией навыков, умений, знаний, а также достижение целей, мотивацию, условия труда, работоспособность, отношения в коллективе и другие аспекты. К ключевым словам концепта «работа» можно отнести понятия «труд», «дело», «бизнес», «занятие», «ремесло», «занятость», «усилие», «профессия», «деятельность», «функционирование», «служба». В английском языке – work, job, employment, labor, occupation, toil, production, craft, duty, activity и другие синонимы.

Концепт обладает следующими характерными признаками:

- является минимальной единицей человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализуется с помощью слова и имеет полевую структуру;
- является основной единицей обработки, хранения и передачи знаний, а также основной ячейкой культуры;
- концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
- концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику [1].

Концепт «работа» обозначает деятельность, приносящую доход, а также трудолюбие, ответственность и охватывает всю совокупность знаний, ассоциаций, переживаний, личный опыт, успехи и неудачи в профессиональной деятельности. Устойчивые высказывание, связанные с понятием «работа», в русском языке можно разделить на три группы:

- пословицы о месте труда в жизни человека;
- пословицы о положительном влиянии работы и негативном отношении к лени;
- пословицы о двойственной природе человека.

Первая группа определяет работу как жизненно важную потребность человека, требующую больших усилий и определённых навыков в работе:

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Хочешь есть калачи, так не сиди на печи.

На бога уповай, а без дела не бывай.

Кто не ленив пахать, тот будет богат.
Не сиди сложа руки, так не будет и скуки!
Работа – лучший приварок.
По работе еда вкусней.
Кто не работает, тот не ест.
Дело мастера боится.
Терпенье и труд всё перетрут.
Глаза страшатся, а руки делают.

Усердной работе противопоставляется лень, праздность, нежелание трудиться:

Бить баклуши.
Лень мужика не кормит.
Где работают - там густо, а в ленивом доме – пусто.
Труд человека кормит, а лень портит.
Ленивый сидя спит, лёжа работает.
Ленивому и лениться лень.

Вторая группа пословиц выражает положительное, отрицательное или ироничное отношение к последствиям трудовой деятельности:

Работа черна, да денежка бела.
Горька работа, да хлеб сладок.
Работает, как ребёнок, а ест, как детина.
Кто рано встаёт, тому бог подаёт!
На дело не набивайся, а от дела не отбивайся!
Работы столько, что куры не клюют.
Скучен день до вечера, коли делать нечего.
Двое пашут, а семеро руками машут.

Третья группа передаёт двойственную природу человека, его нежелание всегда жить по совести и зарабатывать праведным трудом:

От трудов праведных не нажить палат каменных.
Пойду погулять, на белый свет позевать.
Всех работ не переработаешь.
Работа не волк, в лес не убежит.
У бога дней впереди много: наработаемся.
Легко пришло, легко и ушло.

В английских пословицах и поговорках человек должен относиться к любой работе с полной мерой ответственности и прилагать достаточно усилий, чтобы она принесла пользу:

Never do things by halves.
If a job is worth doing, it is worth doing well.
Early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise.
A cat in gloves catches no mice.
Actions speak louder than words.
Never put off until tomorrow what you can do today.
Diligence is the mother of success.

One day is worth two tomorrow.
He works best who knows his trade.

Лентяй в английском фольклоре является отрицательным героем, осуждаемый и порицаемый обществом, а праздность рассматривается как крайне негативное явление:

By doing nothing we learn to do ill.
Idleness is the mother of all evil.
An idle brain is the devil's workshop.
Jack of all trades, master of none.

В английских пословицах и фразеологизмах труд служит не только средством выживания, но и источником материального благополучия. Трудолюбивый человек отдаёт все свои знания и умения работе, не забывая об отдыхе и прибыли:

As busy as a bee.
To work like a horse.
The work shows the workman.
No sweet without sweat.
A woman's work is never done.
No pain, no gain.
In the morning mountains, in the evening fountains.
Business before pleasure.

Интересно упомянуть параллельные высказывания с совпадающим сходством образов и причинно-следственной связью в обоих языках:

Grain by grain and the hen fills her belly.
Курочка по зёрнышку клюёт, да сыта бывает.
No bees no honey, no work no money.
Без пчёл не будет мёда, а без работы денег.
An oak is not felled at one stroke
С одного удара дуб не свалишь.
A busy bee has no time for sorrow.
Трудолюбивой пчёлке некогда грустить.
A good horse must not be spurred.
Хорошей лошади хлыст не нужен.

Современные исследователи отмечают, что в пословицах и образных высказываниях присутствует поучительный смысл, активно используются такие приёмы, как аллитерация, ассонанс, рифма и другие звуковые механизмы, наполняющие высказывание своим внутренним ритмом и художественной окраской [7, с. 120].

Очень часто в разных языках встречаются похожие пословицы и поговорки и в этом нет ничего странного, ведь они отражают простые истины, общие для людей всего мира. Сравнение английского и русского языков позволяет выделить общие универсальные значения, характерные для пословиц о работе:

1. Упорный труд приводит к хорошим результатам.

2. Профессионализм и мастерство необходимы для успеха.
3. Умение и сноровка – лучшие помощники в работе.
4. Безделье и лень порождают бедность.
5. Работа должна сочетаться с отдыхом.
6. Праздность – источник всех бед.
7. О человеке судят по его делам.
8. Всю работу не переделаешь.
9. Делу время, потехе час.

В заключении отметим, что устойчивые фразеологизмы английского и русского языков служат важным источником получения страноведческой, лингвистической и культурологической информации при изучении концептов в современной науке о языке. Пословицы и поговорки отчетливо и полно фиксируют особенности менталитета народа, «дух нации», что объясняется их целостностью, лёгкой воспроизводимостью в коммуникации и регулярностью употребления. Образные высказывания – это зеркало, отражающее состояние общества на разных этапах его развития и фиксирующее его быт, нравы, культуру и традиции [6].

Список литературы

1. *Гарифулина А.Р.* Концепт «Трудолюбие» как фрагмент языковой картины мира // Вестник Вятского государственного университета. 2011. С. 93–94.
2. *Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г.* Англицизм тематической группы «Профессии и должности редакционно-издательской деятельности»: структурно-словообразовательные особенности // Филологические науки в 21 веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 41–44.
3. *Жуков К. А.* Концепт «Труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира // Вестник Новгородского государственного университета. № 29. 2004. С. 46–47.
4. *Зиньковская А.В., Лебедева Н.С.* Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации // Филологические науки в 21 веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 45–48.
5. *Логинова Т.Г.* Реализация концепта work/труд в английских и русских пословицах и поговорках // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2014. С. 87–91.
6. *Мукадасова Ч.Р.* Вербализация концепта «труд» в татарском и немецком языках // Филология и культура. 2012. № 1(27). С. 56–60.
7. *Фивейская О.Д., Земскова Н.А.* Пословица как элемент устного народного творчества и житейской мудрости // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 116–122.

Источники

Русские пословицы – Викицитатник [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ru.wikiquote.org> (дата обращения 12.06.2025).

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.politpros.com/library/28/259/> (дата обращения 12.06.2025).

Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 12.06.2025).

Native English [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.native-english.ru> (дата обращения 12.06.2025).

THE VARYING PERCEPTIONS OF THE CONCEPT «WORK» IN ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

O.D. Fiveiskaya, N.A. Zemskova

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the origin and usage of proverbs, sayings and fixed expressions related to work and human labor in literary language, folk art and everyday speech. The article emphasizes that labor ennobles people, serving as the central, purposeful and socially beneficial activity, requiring both intellectual and physical effort to create material and spiritual wealth. The attitude to work is one of the main topics of the figurative statements of English and Russian languages.

Key words: proverb, work, labor, set expression, phraseological unit, perception, association, cultural values, language consciousness, folk art, folklore.

УДК 82–312.4

ВЛИЯНИЕ СЕТЕВОГО ДИСКУРСА НА ПРИНЯТИЕ ГУБЕРНАТОРАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

А.А. Харитонов

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей влияния сетевого дискурса на принятие политических решений среди губернаторов регионов Российской Федерации. В статье приведены примеры ситуаций, когда главам регионов приходилось реагировать на активное освещение проблемы среди граждан в сети.

Ключевые слова: сетевой дискурс, политическое решение, кейс, цифровая публичность, гражданская активность, общественное давление.

Сетевой дискурс в последние годы стал значимым фактором, влияющим на повестку регионального управления в России. Губернаторы, находясь под постоянным давлением со стороны цифровой публичности, вынуждены учитывать настроения граждан, транслируемые через социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы. Особенно это актуально в условиях снижающейся доверительности к традиционным СМИ: население всё чаще формирует своё представление о работе власти на основе контента в Telegram-каналах и региональных пабликах «ВКонтакте». Таким образом, цифровое пространство становится полем, где граждане не просто наблюдают за политикой, но и активно вмешиваются в неё, создавая определённый запрос от властей.

Дискурс – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. Контексте; может выражаться как в устном высказывании, так и в письменной речи.

Что же касается политического дискурса, то по определению Т.А. ван Дейка, политический дискурс – это текст и разговоры профессиональных политиков или политических институтов, таких как президент, премьер-министр и другие члены правительства, парламент или политические партии, как на местном, национальном, так и на международном уровнях [1]. А.П. Чудинов отмечает, что политический дискурс – это сложное коммуникативное явление, которое должно включать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [2].

Реактивность губернаторов на сетевые повестки подтверждается множеством кейсов, когда решения по кадровым перестановкам, инфраструктурным проектам или экстренным мерам принимались под давлением общественного резонанса в цифровой среде. Быстрые комментарии в Telegram, проведение стримов, формирование «обратной связи» через социальные сети стали важным элементом регионального политического стиля. Неспособность отреагировать на цифровую критику или неправильно выстроенная коммуникация в онлайн-пространстве зачастую приводит к снижению рейтинга доверия или даже отставке главы региона. Таким образом, сетевой дискурс влияет не только на форму взаимодействия власти и общества, но и на содержание конкретных управленческих решений.

Более того, сетевой дискурс в регионах России выполняет функцию латентной экспертизы: граждане, активисты и блогеры становятся источниками альтернативной информации о реальном состоянии дел, включая проблемы ЖКХ, медицины, экологии и образования. Эти сигналы всё чаще воспринимаются администрациями не как шум, а как неформальный канал общественного контроля. В условиях, когда социологические замеры не всегда отражают реальную картину, сетевые нарративы становятся для губернаторов индикатором кризисов, источником политического риска, а иногда и средством легитимации собственных решений. В результате цифровая среда превращается

в неформальный, но действенный инструмент политического управления на уровне регионов.

В ходе исследования были отобраны примеры, когда высшее должностное лицо (мэр города, губернатор региона, глава администрации) принимало политическое решение исходя из возросшего запроса граждан в сетевом пространстве.

Критерием отбора кейсов будем считать ситуации, когда проблема не была решена при ее появлении, однако, при привлечении общественного внимания к этой проблеме, высшее должностное лицо принимало решения по ее устранению в виде законодательных актов или кардинальным подходом к устранению проблемы.

Дизайн кейс-стади:

- проблема, которая возникла до привлечения внимания общественности через сетевое пространство;
- реакция властей и влияние общественного давления (сетевого дискурса);
- роль сетевого дискурса в разрешении проблемы.

1) **Разлив мазута в Керченском проливе** – экологическая катастрофа, произошедшая 15 декабря 2024 года из-за разлома корпусов двух российских нефтяных танкеров класса «Волгонефть» – «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» – во время шторма в Керченском проливе.

15 декабря 2024 года в Керченском проливе произошла крупная экологическая катастрофа – из-за шторма потерпели крушение два танкера «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239», перевозившие около 9,2 тыс. тонн мазута. В результате повреждения корпусов нефтепродукты начали активно вытекать в море. Один моряк погиб, остальные члены экипажа были эвакуированы.

Объёмы разлива, по оценке специалистов, составили от 2,4 до 3,7 тыс. тонн мазута. Загрязнение охватило более 50 километров береговой линии, включая побережья Крыма и Краснодарского края. От катастрофы пострадала фауна: погибли более 200 морских птиц и около 70 дельфинов.

Аварийные и спасательные работы начались в первые часы после происшествия: проводилась локализация разлива и спасение экипажей. Однако активное вмешательство федеральных властей началось только 26 декабря – спустя 11 дней после катастрофы. Именно тогда Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) России ввело режим чрезвычайной ситуации (ЧС) федерального уровня. Это решение было принято после обращения губернатора Краснодарского края Вениамина Кондратьева, который сообщил о необходимости расширения ресурсов для ликвидации последствий.

С введением ЧС федерального уровня удалось мобилизовать значительные силы: к очистке были привлечены более 10 тыс. человек и около 360 единиц техники. Операции велись круглосуточно, несмотря на тяжёлые погодные и экологические условия.

Позднее правительство России выделило 1,5 млрд рублей на ликвидацию последствий: утилизацию загрязнённого песка, восстановление берегов и биомониторинг.

Общественное давление сыграло важную роль в активизации официальных действий. Уже в первые сутки после инцидента в соцсетях начали распространяться фотографии загрязнённых пляжей, пострадавших животных и свидетельства очевидцев. Это вызвало общественный резонанс, критические публикации в медиа и резкую реакцию экологических организаций. Волонтёры и местные жители начали собственные акции по очистке и спасению животных, параллельно оказывая информационное давление на власти.

Сетевой дискурс стал ключевым механизмом мобилизации общественности и обострения контроля за действиями властей. Пользователи платформ, таких как Telegram и VK, активно распространяли материалы с места происшествия, комментировали бездействие региональных чиновников и координировали гражданские инициативы по очистке берегов.

Некоторые некоммерческие экологические организации использовали сетевые каналы для публикации независимых экспертных оценок и давления на ответственные ведомства. Кроме того, международные СМИ подхватили тему, что усилило внимание к ситуации и способствовало росту репутационных рисков для российских властей.

Данный случай подтверждает важную роль цифровых коммуникаций в управлении экологическими рисками: своевременное распространение информации и общественное вовлечение способны инициировать более оперативные и масштабные реакции со стороны государства.

2) Разлив дизельного топлива в Норильске.

29 мая 2020 года на территории ТЭЦ-3 Норильско-Таймырской энергетической компании (НТЭК), принадлежащей ПАО «Норильский никель», произошёл разлив около 21 тысячи тонн дизельного топлива. Причиной катастрофы стало проседание свайного основания резервуара, вызванное таянием вечной мерзлоты, на чём настаивали представители компании. В результате нефтепродукты попали в почву, а также в реки Амбарная, Далдыкан и озеро Пясино, создав угрозу экосистеме всего Таймыра.

Катастрофа стала одной из крупнейших в истории России по масштабу техногенного загрязнения в арктическом регионе. Росприроднадзор оценил экологический ущерб в 148 миллиардов рублей. Кроме того, загрязнение вызвало колоссальные затраты на ликвидацию последствий, необходимость восстановления биоценозов и нанесло урон репутации ответственных компаний.

Первоначально действия властей носили локальный характер: было возбуждено уголовное дело, в Норильск выехала комиссия, а МЧС направило силы для сбора топлива. Однако значимый поворот в ситуации произошёл после активного общественного обсуждения в интернете и в СМИ. Широкое освещение привело к вмешательству федеральной власти: 3 июня президент

России Владимир Путин провёл совещание с губернатором Красноярского края и руководством «Норникеля», после чего на ситуацию обратили внимание все федеральные органы.

По итогам расследования были возбуждены несколько уголовных дел, в том числе по статьям о нарушении экологической безопасности. Также Росприроднадзор подал иск к «Норникелю» на сумму 148 млрд рублей, который компания впоследствии удовлетворила в полном объёме.

Более того, на фоне происшествия был принят целый ряд новых регламентов и усилены требования по мониторингу состояния инфраструктуры в условиях вечной мерзлоты. Общественное давление в сети стало ключевым стимулом к разработке изменений в нормативной базе. В частности, в 2021 году правительство внесло поправки в законодательство, касающиеся контроля за строительными объектами в зоне вечной мерзлоты.

Сетевой дискурс стал мощным инструментом общественного давления. Тысячи пользователей социальных сетей, а также экологи и журналисты, подняли вопрос об ответственности за аварию, её причинах и последствиях.

Особенно активно обсуждались несоответствия между официальной позицией компании и реальным ущербом, зафиксированным независимыми исследователями. Благодаря публичному давлению, власть была вынуждена действовать оперативно и масштабно.

3) Протесты на Куштау.

В августе 2020 года в Республике Башкортостан начался масштабный конфликт, связанный с планами «Башкирской содовой компании» (БСК) по промышленной разработке горы Куштау – одного из шиханов, имеющих природную, историческую и культурную ценность. Гора является памятником природы и важной частью башкирской национальной идентичности. В ответ на эти планы местные жители, экологи и активисты организовали стихийный палаточный лагерь и массовые акции протеста, выступая за сохранение шихана.

Протесты сопровождались резонансом в обществе: происходили столкновения между защитниками Куштау и охранниками, работающими в интересах компании. Были зафиксированы случаи задержаний активистов. Общественный резонанс достиг федерального уровня, в результате чего на ситуацию вынуждено было отреагировать руководство республики.

Уже в ходе эскалации конфликта глава региона Радий Хабиров пообещал приостановить разработку месторождения до достижения общественного согласия. Позднее было принято решение о признании горы особо охраняемой природной территорией.

Первоначально власти республики поддерживали действия БСК, указывая на важность проекта для экономического развития региона. Однако после роста протестных настроений и широкого освещения событий в медиапространстве, было принято решение приостановить разработку шихана. Глава Башкортостана публично выступил перед участниками протестов и пообещал найти компромисс.

Позднее, в сентябре 2020 года, было объявлено, что гора Куштау передается в федеральную собственность для последующего предоставления статуса особо охраняемой природной территории. Кроме того, было начато разбирательство в отношении деятельности БСК и обсуждение возможной смены собственника предприятия. Эти шаги стали ответом на беспрецедентный уровень общественного давления и поддержку, выраженную через социальные сети и региональные СМИ.

Протестное движение в защиту шихана Куштау в 2020 году получило широкий общественный резонанс благодаря поддержке со стороны известных общественных и культурных деятелей.

Участие популярных личностей способствовало резкому росту информационного охвата темы, придало протесту легитимности в глазах широкой общественности и оказало дополнительное давление на региональные власти. Этот случай стал примером того, как участие публичных фигур может существенно повлиять на ход локального конфликта, трансформируя его в федеральную повестку.

В итоге можно сказать, что сетевой дискурс стал важным фактором принятия ситуационных политических решений на региональном уровне в России. Губернаторы и другие представители власти вынуждены учитывать общественные настроения, сформированные в цифровой среде, поскольку они оказывают прямое влияние на их рейтинг доверия и политическую устойчивость. Исследованные кейсы – от экологических катастроф до социальных угроз – демонстрируют, что цифровая мобилизация граждан способна не только обострить внимание к проблеме, но и инициировать конкретные управленческие действия. Таким образом, цифровое пространство превращается в неформальный, но действенный механизм политического давления и канал общественного контроля, влияющий на содержание и темпы принятия решений.

Список литературы

1. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. – М.: Либроком, 2013. 344 с.
2. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

Источники

Введен режим ЧС федерального уровня из-за разлива мазута в Керченском проливе [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.interfax.ru/russia/1000818> (дата обращения 17.06.2025)

Власти Башкирии изменили статус горы Куштау после протестов [электронный ресурс]. Режим доступа.

<https://www.rbc.ru/society/02/09/2020/5f4f799c9a7947e972640e98> (дата обращения 17.06.2025)

Глава Башкирии после протестов выдвинул ультиматум по горе Куштау [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.rbc.ru/society/21/08/2020/5f3fb3a59a7947eeae6799a> (дата обращения 17.06.2025)

Государство подключилось к защите шихана [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/4459455> (дата обращения 17.06.2025)

Протесты на Куштау [электронный ресурс]. Режим доступа. https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_на_Куштау (дата обращения 17.06.2025)

Путин на 11-й день после разлива мазута в Керченском проливе решил ввести ЧС федерального уровня [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://ru.krymr.com/a/news-mazut-kerchenskiy-proliv-chs/33253774.html> (дата обращения 17.06.2025)

Разлив дизельного топлива в Норильске [электронный ресурс]. Режим доступа. https://ru.wikipedia.org/wiki/Разлив_дизельного_топлива_в_Норильске (дата обращения 17.06.2025)

Разлив мазута в Керченском проливе [электронный ресурс]. Режим доступа. https://ru.wikipedia.org/wiki/Разлив_мазута_в_Керченском_проливе (дата обращения 17.06.2025)

Разлив мазута в Керченском проливе признали ЧС федерального уровня. Как будут справляться с экологической катастрофой [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://rg.ru/2024/12/26/reg-ufo/mchs-v-zone-razliva-mazuta-vveden-rezhim-chs-federalnogo-haraktera.html> (дата обращения 17.06.2025)

Режим ЧС федерального уровня ввели после разлива мазута в Черном море [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/26/1083981-rezhim-chs-federalnogo-urovnya> (дата обращения 17.06.2025)

Режим ЧС федерального уровня из-за мазута в море: чем это поможет [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://crimea.ria.ru/20241227/rezhim-chs-federalnogo-urovnya-iz-za-mazuta-v-more-chem-eto-pomozhet-1142962867.html> (дата обращения 17.06.2025)

Спор вокруг Куштау вышел на новый уровень [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/4458531> (дата обращения 17.06.2025)

СПЧ Башкирии сообщил о нескольких десятках задержанных активистов на горе Куштау [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://tass.ru/obschestvo/9221439> (дата обращения 17.06.2025)

Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" от 24.06.1998 N 89-ФЗ (последняя редакция) [электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения 17.06.2025)

THE INFLUENCE OF ONLINE DISCOURSE ON GOVERNORS POLITICAL DECISION-MAKING

A.A. Kharitonov

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the consideration of the features of the influence of online discourse on political decision-making among governors of the regions of the Russian Federation. The article provides examples of situations when heads of regions had to respond to active coverage of the problem among citizens on the network.

Key words: online discourse, political decision, case, digital publicity, civic activity, public pressure.

УДК 81'373.45:070

ДЕРИВАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ СМИ

М.М. Цатурян, М.А. Саркисян

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению проблем деривационных и семантических процессов в структуре лексики современных СМИ. В статье подчеркивается, что появление заимствований обусловлено не только потребностью в создании нового названия для ранее неиспользуемых объектов, но и более экспрессивно выражать мысли. Эта группа слов характеризуется заимствованиями-проникновениями, которые имеют частичные или полные синонимы в русском языке. Заимствование лексики считается природным и неотъемлемым компонентом развития языка, способом пополнения лексического состава.

Ключевые слова: заимствованная лексика, деривационные модели, словообразование и новообразование, медиа-коммуникация.

В настоящее время заимствования англицизмов активно используются в масс-медиа, их привлекательность заключается в том, что они создают в рекламе эффект открытости миру. Именно активное использование в рекламе англицизмов подтверждает усиление процесса заимствования русским языком в наши дни. Поскольку в современном обществе возрастает значимость межкультурной коммуникации, вопрос о заимствованиях в языке остаётся быть актуальным в научных исследованиях (Л.П. Крысин [3], В.В. Катермина [2], А.В. Зиньковская [1], М.М. Цатурян и М.А. Саркисян [6] и др.). Достаточным условием заимствованного слова можно считать выполнение четырех требований: 1) написание слова с помощью графических единиц

заимствующего языка; 2) произношение в соответствии с фонетикой заимствующего языка; 3) грамматическое оформление слова; 4) употребление слова в определенной подсистеме языка, не менее чем в двух речевых жанрах литературного языка или регулярное употребление термина в определенной терминологической системе. Л.П. Крысиным [3] разработаны ряд критериев для отбора недавно заимствованной лексики и включения ее в словари иностранных слов: – собственно языковые (необходимость разграничения содержательно близких, но все же различающихся понятий, например: offshore – оффшор: «центр совместного (международного) предпринимательства, предоставляющий иностранным участникам льготы при проведении ими финансово-кредитных операций», hacker – хакер: «компьютерный взломщик, тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и иных учреждений с целью добыть нужные сведения, заразить эти сети вирусом»; наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т.п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов, например, система обозначений в сфере вычислительной техники); – коммуникативные (потребность в наименовании новой вещи, нового понятия, например: hamburger – гамбургер, skateboard – скейтборд; коммуникативная актуальность того понятия, которое обозначается этим словом, например: show – шоу, PR – пиар: public relations – «связи с общественностью», sponsor – спонсор); – социально-психологические (престижность иноязычного слова по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим, например: presentation – презентация вместо представление, exclusive – эксклюзивный вместо исключительный).

Одним из важнейших источников выражения масс-медийного языка (наряду с разговорными элементами, терминологической лексикой, метафорами), по мнению исследователей (Л.П. Крысин [3], Л.В. Рацибурская [5], А.В. Петров [4]), считается частое употребление заимствованной лексики.

Стремительное пополнение языков новой заимствованной лексикой обуславливает активный процесс словообразования. В свою очередь, увеличение количества заимствований в языках сопряжено как социально-политическими, так и экономическими изменениями в общественной жизни. Исходя из формальных, семантических и функционально-стилистических свойств заимствованной лексики, а также степени адаптации её в русском языке выделяются различные типы лексико-грамматических неоминаций. Гибридная неоминация формируется на основе функционально-деривационных моделей:

1. Модель: «заимствованная основа + исконный суффикс»;
2. Модель: «исконный префикс + заимствованная основа»;
3. Модель: «заимствованная основа + заимствованное слово»;
4. Модель: «заимствованный префикс + исконное слово».

Экспансия возможностей словообразования – основа для образования лексических инноваций. Русский язык отличается способностью стремительно

адаптировать заимствования при помощи добавления к производным исконных аффиксов. Заимствованная лексика служит базой для создания имён существительных с добавлением суффиксов: -чик-, -ник- / -овец-, -изм-, -ист- / -ец-, -щик-, -ств(о), -ость. Например, в текстах СМИ мы находим:

- оффшорник (от англ. offshore – «вне берега» + рус. суффикс -чик-) – представитель компании, которая не ведет коммерческую деятельность на территории страны, где она зарегистрирована;

- интернетчик (от англ. Inretnet – «интернет» + рус. суффикс -чик-) – активный пользователь в сети Интернет;

- спамщик (от англ. spam – «спам» + рус. суффикс -щик-) – человек, рассылающий спам;

- айтишник (от англ. Information Technology – «информационные технологии» + рус. суффикс -ник-) – специалист в сфере информационных технологий;

- мультимедийность (от англ. multimedia – «мультимедийный» + рус.суффикс -ость-) – соединённые вместе текст, статичные изображения, звук, видео, и определённым образом структурированные, образуют так называемую мультимедийность;

- суицидальность (от англ. suicide – «суицид» + рус.суффикс -ость-) – идеи, мысли о суициде, как единственный выход из сложной ситуации в жизни;

- клипмейкерство (от англ. clip – «клип» + англ. make «делать» + рус.суффикс -ство-) – процесс создания клипа;

- антикиллерство (от англ. anti – «против» + killer «киллер» + рус. суффикс -ство-) – действия, направленные против умышленных убийств по заказу.

Считается, что префиксация, будучи одним из наиболее эффективных способов словообразования в русском языке, количественно уступает суффиксальному способу образования новых лексем. Тем не менее, на современном этапе именная префиксация играет огромную роль, что обусловлено причинами интер- и экстралингвистического характера. Указанный феномен чаще всего наблюдается в заимствованиях, содержащих иноязычные префиксы. Высокий интерес вызывает реализация в текстах СМИ слово «спамить» (от англ. spam-spiced ham – массовая рассылка, нежелательная информация), деривационный процесс формирования которой наглядно отражается в присоединении исконного суффикса к заимствованной основе (спамить от «спам»). Словообразовательная пара спамить – заспамить содержит производящий глагол «спамить», который налаживается на исходную лексему и в качестве остатка выделяется префикс за-. Или, например, слово «забанить» (от «банить» (от англ. Ban – запрет) – один из принятых в Интернете способов контроля за действиями пользователей.

Исследование позволило определить ряд функционально-деривационных моделей служащих образованию определённого негибридного композита: присоединение усечённых основ к заимствованным; присоединение заимствованных основ к другим заимствованным основам; присоединение

заимствованных основ к другим заимствованным основам с учётом добавления соединительной гласной -о-; присоединение заимствованных основ к другим заимствованным основам с имеющимися исконными суффиксами. А.В. Петровым отмечено, что «утрачивают продуктивность основы эко- (от экономический), соц- (от социалистический), геолого-, геол- и гео- (от геологический), евро- (от европейский, характеризующийся европейскими стандартами) и др.» [4, с. 410]. В текстах СМИ мы находим:

-евроистеблишмент (от англ. Euro – европейский + establishment-учреждение) – название европейской политической и финансовой элиты;

-еврогриль (от англ. Euro – европейский + grill-гриль) – многофункциональный мангал от европейского производителя.

Особенно хотелось бы выделить функционирование иноязычных препозитивных морфем в текстах СМИ. Они характеризуются широким деривационно-семантическим потенциалом и активным участием в образовании лексем, принадлежащих к разным частям речи. В качестве примера, можно привести препозитивный компонент супер- (<от англ. super – превосходный), обозначающий: «главный»; «высшего качества»; «расположенный сверху, над чем-либо», который является наиболее активным в словообразовании существительного или прилагательного. К примеру: суперкнига от «супер» и «книга», суперцена от «супер» и «цена»; суперустойчивый от «супер» и «устойчивый»; суперхозяйка от «супер» и «хозяйка». В моделях «заимствованный префикс + исконное производящее слово» или «исконный префикс + заимствованное слово» можно выделить стилистическую окраску морфемы и наиболее активный компонент, исходя из анализа заимствований данной деривационной модели, является «супер», что подкрепляется примерами, приведёнными выше из текстов СМИ. Все разнообразие гибридных неоминаций можно проследить в медиапространстве, где законы русского языка соблюдаются меньше всего. Это добавляет текстам СМИ выразительности и колоритности, что в свою очередь, способствует обновлению стилистических средств в межкультурной коммуникации.

Рассмотренные модели представлены вариантами структурных составляющих, отражающих полноту процесса адаптации заимствований в русском языке, а также особенности происхождения той или иной неоминации. Один из наиболее широко распространённых вариантов словообразования является адаптация посредством формирования производного слова + исконного аффикса (суффикса и префикса). Л. В. Рацибурской отмечено, что «демократические процессы в языке, явившиеся своеобразным откликом на либерализацию общественных отношений, в сфере окказионального словообразования привели к разного рода расширению синтагматических возможностей аффиксов, к преодолению ограничений в сочетаемости морфем, что нашло отражение в новообразованиях, представленных в текстах СМИ» [5, с. 225]. Данное утверждение является причиной возникновения лексических инноваций. Производных слов с

незаимствованными корнями становится все меньше, а количество заимствований растёт, но в данном процессе русские модели не разрушаются, а перерабатывают лексемы и адаптируются.

Развитие медиа-коммуникации приводит к серьезным изменениям лексического состава русского языка, его деривационного потенциала, прагматической нагрузке входящих в него языковых единиц. Активное расширение неологического пространства предполагает использование различных механизмов, необходимых для моделирования новых систем номинаций. Процессы словообразования отображают языковые трансформации, затрагивающие словарный запас, деривационный потенциал и прагматическое значение лексики.

Список литературы

1. *Зиньковская А.В., Волошина Е.В.* Особенности русскоязычных заимствований в английском общественно-политическом тексте // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 37–41.
2. *Катермина В.В.* Имя собственное в различных типах дискурса (на материале английских неологизмов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки, 2018. № 3. С. 83–89.
3. *Крысин Л.П.* Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 66–72.
4. *Петров А.В.* Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка // Стил. № 9. Београд, 2010. С. 409–421.
5. *Рацибурская Л. В.* Словообразовательные средства создания экспрессии в текстах СМИ // Структура и семантика: доклады IX Международной конференции. М.: МГОПУ, 2004. С. 224–227.
6. *Цатурян М.М., Саркисян М.А.* Особенности моделирования неолексем в текстах СМИ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки, 2025. № 1. С. 226–228.

Источники

- Зятьков Н.А.* Пиаровские технологии // Аргументы и факты. 2015. № 45. С. 19.
- ИНОСМИ [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://inosmi.ru/science/> (дата обращения: 16.02.2025).
- Роникова Р.Л.* Корпоративные отношения в нашей компании // Пресс служба. 2018. № 32. С. 65.
- Сунгоркин В.Н.* Одежда, которая оскорбляет // Комсомольская правда. 2017. № 4. С. 9.

DERIVATION OF BORROWED VOCABULARY IN MEDIA TEXTS

M.M. Tsaturyan, M.A. Sarkisyan

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the consideration of the problems of derivational and semantic processes in the structure of the vocabulary of modern media. The article emphasizes that the emergence of borrowings is due not only to the need to create a new name for previously unused objects, but also to express thoughts more expressively. This group of words is characterized by borrowings-penetrations, which have partial or complete synonyms in the Russian language. Borrowing vocabulary is considered a natural and integral component of language development, a way of expanding the vocabulary.

Key words: borrowed vocabulary, derivational models, word formation and new formation, media communication.

УДК 81.42

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Цыба

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена изучению прагматических аспектов, характерных для англоязычных заимствований в рамках русскоязычного политического дискурса. Политический дискурс выступает как один из наиболее значимых объектов современного языкознания. Язык политики является инструментом воздействия на целевую аудиторию. Использование англицизмов оказывает манипулятивное воздействие со стороны политика на когнитивные процессы его аудитории, позволяя достигать поставленных политических целей.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, целевая аудитория, коммуникация, англицизмы, англоязычные заимствования.

В рамках современной лингвистики особенно перспективным направлением является политическая лингвистика. Данное научное направление возникло на стыке лингвистики и политики и активно занимается изучением политической лексики. Изучением политической лексики в разные периоды времени занимались такие ученые-лингвисты, как И.О. Ткачёва, Е.И. Шейгал, И.О. Воробьева, Ю.В. Ошеева, А.П. Чудинов и другие.

В последние несколько лет наблюдаются активные изменения в российской политической жизни. Так, говоря о современном политическом дискурсе можно отметить одну из его характерных особенностей –

наполненность выступлений политиков англоязычной лексикой. Данные англоязычные заимствования называются англицизмами (красная линия, спичрайт, игра в долгую, брифинг, красные линии). О.С. Ахмантова предлагает следующее определение термина «англицизм» — «слово, выражение (или синтаксическая конструкция), заимствованное из английского языка и воспринимаемое как чужеродный элемент» [1].

Во время политической коммуникации, особое значение уделяется целевой аудитории, политику необходимо проанализировать её нужды, причем не только существующие, но и вероятные, а также определить степень их значимости. Далее в рамках обращения политик пытается удовлетворить потребности своих слушателей, подбирая для этого подходящие методы коммуникации. В случае игнорирования адресантом особенностей целевой аудитории коммуникация станет непродуктивной, в силу того что интерпретация адресатами полученной информации может быть неверной.

Зачастую политическая дискурс представляет собой некий «диалог», хотя коммуникация и является односторонней, т.е. инициатива исходит исключительно от говорящего. Именно поэтому, адресанту заранее необходимо продумать сложные для понимания аспекты коммуникации, чтобы заранее предотвратить неверную интерпретацию адресатами полученного сообщения. В рамках изучения прагматических аспектов политического дискурса, большую роль играют намерения говорящего, которую влияют на когнитивные процессы получателей сообщения [2]. В данном случае, можно говорить о манипулятивных свойствах политического дискурса, т.к. говорящий адресант совершает намеренное воздействие на сознание слушателей для реализации своих политических целей, например переключение внимания аудитории, формирование у нее определенного мнения или достижение решения каких-либо вопросов.

Также важную роль для развития политического дискурса играет ситуация общения, сюда можно отнести время, место проведения коммуникации, а также состав её участников. Принятие этих аспектов помогает интерпретации информации, полученной в рамках коммуникации, а также установлению взаимосвязи между другими событиями и данным речевым актом.

Для совершения удачной коммуникации, политик стремится уменьшить недопонимание с целевой аудиторией с точки зрения культуры. Так, С.Г. Тер-Минасова выделяет культурные различия как особую угрозу, так как они подразумевают уверенность в. превосходстве собственной культуры над другими [3]. Культурные различия является толчком к появлению противопоставления «свой/чужой», которое может возникнуть в ходе политического дискурса.

В политическом дискурсе России дифференциация «свой/чужой» зачастую строит на использовании англоязычной лексики и фразеологии.

Использование в политической коммуникации англицизмов обусловлено наличием у них важных прагматических характеристик:

1. Присутствие устойчивой связи с английским языком;
2. Способность к формированию ассоциативных рядов;
3. Возможность выступать в качестве эвфемизмов и дисфемизмов.

В выступления политический деятелей довольно часто можно встретить англицизмы. Использование в политическом дискурсе англицизмов, может быть, в виде калек или иноязычных вставок, выбор того или иного вида в первую очередь обусловлено целевой аудиторией политика, а также речевой стратегией.

Калькирование является одним из самых распространенных видов заимствований из английского языка в политическом дискурсе.

Калькирование – это «образование новых слов и введение в язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнения их морфемами данного языка» [1].

Во время пресс-конференции после переговоров с госсекретарем США М. Помпео в Финляндии 6 мая 2019 г. глава МИД РФ С.В. Лавров в своем ответе на один из вопросов журналистов использует кальку из английского языка «фейк-ньюз» (fake news). «Некоторые называют вашу компанию *фейк-ньюз*, но сейчас вы задаете фейковый вопрос».

Наличие калькированных англицизмов также наблюдает в текстах выступлений президент РФ В.В. Путина. Например, в рамках панельной дискуссии «Бизнес диалог Россия – США» в речи политика встречается термин «холодная война» (cold war): «Наши двусторонние связи оказались на низшей со времён *холодной войны* точке».

Иноязычные вставки в политическом дискурсе — это использование слов, фраз или целых предложений из других языков в речи, направленной на политические цели. Такие вставки могут служить различным целям, включая создание впечатления образованности, придание речи большей весомости, апелляцию к определенным культурным или идеологическим группам, а также для более точной передачи сложных концепций.

Так, в ходе пленарное заседание петербургского международного экономического форума 2 июня 2017 г. В.В. Путин сделает следующее заявление касательно парижского соглашения: «...это соглашение даже не вступило ещё в силу. Он должно вступить в силу с 2021 года, так что у нас ещё есть время. Если мы все будем конструктивно работать, мы ещё можем о чём-то договориться. Don't worry, be happy!». В данном высказывании иноязычное вкрапление является прецедентным феноменом. При помощи использования такой языковой единицы реализуется стратегия оценивания и анализа сложившейся ситуации, которая направлена на установления коммуникации и готовность к ведению конструктивного диалога.

Политическая лингвистика – это активно развивающаяся область лингвистики на стыке с политологией, которая занимается изучением влияния языка на политические процессы. Особая роль в политическом дискурсе отводится англицизмам. Использование политиками заимствованных

элементов в речи направленно на манипуляцию целевой аудиторией [4]. Англицизмы – это слова способные вступать в качестве эвфемизмов и дисфемизмов, т.к. они являются довольно эффективным средством воздействия адресанта на адресатов.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: АСТ, 2007. 286 с.
4. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Источники

Информационный портал газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/875807/2019-05-07/lavrov-rezko-otvetil-zhurnalistu-cnn-na-feikovyivopros> (дата обращения 30.05.2025).

Петербургский международный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://forumspb.com/news/news/vstrecha-s-predstaviteli-rossiyskogo-i-amerikanskogo-biznesa/> (дата обращения 03.06.2025).

Президент России Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54667> (дата обращения 09.06.2025).

PRAGMATIC ASPECT OF ENGLISH BORROWINGS IN POLITICAL DISCOURSE IN RUSSIA

A.V. Tsyba

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the study of pragmatic aspects of English borrowings in political discourse. Political discourse acts as one of the most significant objects of modern linguistics. Political language is a tool for influencing the target audience. The usage of anglicisms has a manipulative effect on the cognitive processes of the audience by the politician, allowing the achievement of the set political goals.

Key words: political linguistics, political discourse, target audience, communication, anglicisms, English language borrowings.

ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ / НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

О.Н. Чалова

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель

Данная статья посвящена выявлению закономерностей реализации категории категоричности / некатегоричности в англоязычном устном научном диалоге. Результаты проведенного коммуникативно-прагматического анализа позволяют обобщить все варианты функционирования указанной категории в виде нескольких моделей: автономной (стандартной или интенсифицированной) и совмещенной (с отношениями нейтрализации или подчинения).

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическая категория, категория категоричности / некатегоричности, научный диалог, речевое взаимодействие, адресат, адресант.

Несмотря на давнюю историю исследования проблемы категоричности / некатегоричности [1–5 и др.], в лингвистике до сих пор существует ряд нерешенных вопросов, касающихся специфики реализации данной категории в разных типах текста и дискурса. На наш взгляд, одним из самых интересных и важных является вопрос о вариантах / моделях актуализации данной категории в такой разновидности общения, как научный диалог.

Под научным диалогом понимается устное речевое взаимодействие ученых на научном форуме любого вида, обычно разворачивающееся на этапе научной дискуссии после доклада выступающего. Научный диалог принципиально отличается по целому ряду параметров (стилистическим, категориальным, тактико-стратегическим и т. д.) от других разновидностей научного общения (статьи, монографии, доклада и т. д.), что обусловлено его относительно спонтанным, нередко эмоционально-экспрессивным, а также ярко выраженным полемическим характером. В таких условиях первичные параметры научного дискурса кардинально меняются, в том числе и в аспекте реализации в нем категории категоричности / некатегоричности.

Данное обстоятельство обуславливает неподдельный исследовательский интерес к научному диалогу и характеру представленности в нем указанной категории и, соответственно, определяет цель нашей работы – выявление вариантов / моделей реализации данной категории в указанном виде общения. Актуальность подобного анализа связана с необходимостью описания научного диалога как сферы, в которой исходные характеристики научного дискурса подвергаются существенной модификации, а также с важностью определения закономерностей реализации категории категоричности / некатегоричности в различных дискурсивных практиках.

Материал исследования составляют высказывания с маркерами категоричности / некатегоричности (порядка 500 высказываний). Источником материала служат стенограммы современных англоязычных научных дискуссий различной тематики (медицинской, естественнонаучной и гуманитарной направленности) общим объемом 250 тысяч словоупотреблений.

В результате коммуникативно-прагматического анализа отобранного материала были выделены два основных варианта использования (модели реализации) рассматриваемой категории: 1) автономное использование каждого из двух планов / компонентов данной категории (категоричности и некатегоричности) и 2) их совмещенное использование.

1. Автономное функционирование компонентов категории категоричности / некатегоричности.

Автономность предполагает использование в структуре высказывания либо только маркеров категоричности (например, глаголов в повелительном наклонении, модальных слов и выражений, отражающих высокую степень уверенности говорящего в сообщаемом, отрицательных или обобщающих местоимений и наречий и т. д.), либо только маркеров некатегоричности (в частности, глаголов в сослагательном наклонении, модусных вставок *I think / I feel* и под., модальных слов и выражений наподобие *perhaps, maybe*, вводных компонентов типа *you know, you see* и др.). Первые обычно встречаются в аксиологически нейтральных контекстах, вторые могут использоваться как в аксиологически нейтральных суждениях (при выражении безоценочного мнения), так и оценочных (чаще негативно-оценочных), например:

*There **certainly** have been problems within the 30 years that the formula has been examined and used* (Physicians and execution).

***Every** neuroscientist's lab has animals which are maximizing their pleasure and decreasing their displeasure <...>* (Biology of Freedom).

***I don't think** we've done a good job of examining our consciences about that* (Nanotechnology, medicine, and ethics).

***I guess** I don't completely agree with that that the elementary school teacher needs less factual knowledge about math or science* (Nanotechnology, medicine, and ethics).

В первых двух приведенных примерах категоричность представлена в безоценочных репликах и передается за счет модального слова *certainly* (пример 1), а также обобщающего местоимения *every* (пример 2), которые свидетельствуют об истинностном характере вводимой пропозиции и фактически служат средством повышения информационной значимости суждения. Некатегоричность же маркируется формулами *I don't think* (пример 3) и *I guess* (пример 4), которые используются с целью смягчения негативной оценки / критики и способствуют реализации принципов толерантного и вежливого общения.

Даже в случае автономного использования план категоричности или план некатегоричности может иметь разные варианты реализации, а именно стандартный (однократная актуализация) и интенсифицированный

(неоднократная актуализация, наложение маркеров). Если примеры стандартной реализации категоричности и некатегоричности рассмотрены выше, то примеры интенсифицированной модели приводятся ниже:

Nothing** is going to work out, **of course (The National Academies).

*So those are **sort of** three areas that **I think** there **may** be different economies with which to measure them* (Conscience in the Practice of the Health Professions).

***I think** it **would** be great to hear about **some of** your research in terms of the impacts of intellectual property on social justice here in the U.S.* (The National Academies).

Как видно, как маркеры категоричности, так и средства некатегоричности могут образовывать целые комплексы в структуре одного высказывания, тем самым предельно повышая или понижая значимость предоставляемой информации, демонстрируя максимально высокую или очень низкую степень уверенности адресанта в сообщаемой информации. Что касается последнего примера выше, то значение некатегоричности реализуется в нем в максимально интенсифицированном виде с целью нивелирования директивной семантики высказывания, связанной с его направленностью на побуждение адресата к совершению определенного действия, в данном случае – речевого.

Таким образом, стандартная модель предполагает умеренный характер реализации категории категоричности / некатегоричности. Стандартное (однократное) проявление категории категоричности / некатегоричности обусловлено установкой научного дискурса как на усиление аргументативного потенциала высказывания и убеждение адресата в справедливости конкретной позиции / точки зрения (способствующей проявлению признака категоричности), так и его ориентированностью на толерантное и осторожное изложение мыслей (предопределяющее актуальность второго компонента категории, т. е. некатегоричности). В случае интенсифицированной модели семантика категоричности и некатегоричности подвергается модификации в сторону усиления или ослабления признака. Интенсифицированная модель составляет специфику диалогических форм научной коммуникации, а для традиционных жанров научной речи она не столько актуальна. Востребованность данной модели в диалогических жанрах научного общения, вероятно, обусловлена следующими причинами: интенсифицированная категоричность связана с необходимостью доносить информацию до реципиента за минимальное время в силу строгого временного регламента, а также экспромтного характера взаимодействия, в то же время интенсифицированная некатегоричность часто детерминирована стремлением коммуникантов предупредить критику со стороны собеседника: благодаря некатегоричной манере изложения мыслей и формулировки идей говорящий как бы показывает оппоненту, что оставляет место для критики, что приводит к обратному эффекту – ее предотвращению.

2. Совмещенное функционирование компонентов категории категоричности и некатегоричности.

Совмещенность предполагает одновременное использование обоих планов категории категоричности / некатегоричности в структуре одного высказывания, например:

So, we have to give – I think that is very important to keep in mind (The National Academies).

В примере выше обнаруживаются маркеры как категоричности (*very*), так и некатегоричности (*I think*). Первые призваны придавать высказыванию уверенное звучание, вторые – смягчать и деинтенсифицировать формулировки.

Наши наблюдения за функционированием компонентов категоричности и некатегоричности в аспекте совмещения позволяют выявить две группы отношений (модели взаимодействия) между ними: нейтрализации и подчинения (субординации).

Нейтрализация предполагает баланс между компонентами категории категоричности / некатегоричности, одновременную демонстрацию уверенности и неуверенности автора в сообщаемом <...> *I still think it is a very rich and very fertile context in which to think today in neurobiological terms* (Biology of freedom). Так, действие плана некатегоричности (*I still think*) уравнивается / компенсируется влиянием маркера категоричности (*very*).

Подчинение (субординация) подразумевает доминирование одного из компонентов категории категоричности / некатегоричности, в связи с чем возможны два варианта такого доминирования:

а) доминирование категоричности над некатегоричностью (*I think it does show a view on one end of the spectrum, which is a very – a view that is very impermissive of conscientious refusals* (Conscience in the Practice of the Health Professions)): такое взаимодействие двух компонентов предполагает превалирование маркеров категоричности (*does show, very impressive*) над маркерами некатегоричности (*I think*) в структуре одного высказывания, а соответственно, усиливает аргументативное начало высказывания;

б) доминирование некатегоричности над категоричностью:

So, I do think that there are probably some kinds of questions that are pretty important <...> (The National Academies).

I think the goal of the future is to, in my opinion, really challenge the students to make them doubt what they think they know (The National Academies).

Второй тип подчинения предполагает преобладание маркеров некатегоричности над маркерами категоричности. Несмотря на то, что такая модель отношений снижает аргументативный потенциал высказывания, она оказывается более востребованной в научном диалоге, что, по-видимому, связано с исключительной значимостью для изучаемого типа коммуникации установки на бесконфликтное и кооперативное развитие.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Категория категоричности / некатегоричности в научном диалоге фактически имеет пять вариантов (моделей) актуализации: стандартная автономная модель, интенсифицированная автономная реализация,

нейтрализация, подчинение с доминирующим компонентом «категоричность» и подчинение с доминирующим компонентом «некатегоричность».

2. Если стандартная автономная модель, а также отношения нейтрализации свойственны научному дискурсу в целом, то интенсифицированная автономная модель, а также отношения подчинения обоих типов (с доминирующим компонентом «категоричность» и доминирующим компонентом «некатегоричность») являются особенностью диалогических форм коммуникации в сфере науки.

Список литературы

1. *Азарова Л.В.* Лексические средства выражения некатегоричности высказываний // Системное описание лексики германских языков. 1985. Вып. 5. С. 137–14.

2. *Гущина Г.И.* Актуализация категории категоричности / некатегоричности высказывания в языковой картине мира // Современная филология: мат-лы I Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 154–157.

3. *Гущина Г.И.* Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи (на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.): автореф. дис.... канд. филол. наук. Уфа: Академия ВЭГУ, 2009. 19 с.

4. *Ball W.J.* Understatement and Overstatement in English // English Language Teaching, 1970. V. 24. Pp. 201–208.

5. *Hubler A.* Understatements and Hedges in English. Amsterdam: J. Benjamins, 1983. 192 p.

Источники

Biology of freedom [electronic resource]. Mode of access. URL: <http://philoctetes.org/documents/Biology%20of%20Freedom.pdf> (date of access: 25.05.2025).

Conscience in the Practice of the Health Professions [electronic resource]. Mode of access. URL: <https://www.consciencelaws.org/ethics/ethics112-006.aspx> (date of access: 25.05.2025).

Physicians and Execution: Highlights from a Discussion of Lethal Injection [electronic resource]. Mode of access. URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1713&context=faculty_scholarship#:~:text=PROFESSOR%20DEBORAH%20DENNO:%20Well%2C%20the,effects%20of%20the%20other%20chemicals (date of access: 25.05.2025).

The National Academies [electronic resource]. Mode of access. URL: https://mspn-static.s3.amazonaws.com/math_6_27_04.doc (date of access: 25.05.2025).

VARIANTS OF REALIZATION OF THE CATEGORY OF CATEGORICITY / UNCATEGORICITY IN SCIENTIFIC DIALOGUE

O.N. Chalova

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

The article is about identifying patterns of the implementation of the category of categoricity / uncategoricity in the English-language scientific dialogue. The results of the communicative and pragmatic analysis allow us to summarize all the functioning options of this category in the form of several models: autonomous realization (standard and intensified variants) and combined realization (neutralization and subordination) of the category categoricity / uncategoricity.

Key words: pragmatic category, category of categoricity / uncategoricity, scientific dialogue, speech interaction, addressee, recipient.

УДК 82–312.4

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В TELEGRAM: ГРАФОВЫЙ АНАЛИЗ

А.И. Челан

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию семантических полей политического дискурса в Telegram-канале Вячеслава Володина, председателя Государственной Думы РФ. В статье применены методы лингвистического анализа N-грамм и графовой визуализации для выявления ключевых тематических кластеров и структурных политической повестки. Анализ охватывает два периода (2023-2024 и 2024-2025 гг.), демонстрируя изменения дискурса от военно-патриотической риторики к комплексной повестке с акцентом на миграцию, экономику и правовые аспекты. Результаты исследования показывают, что дискурс формируемый в Telegram-канале В. Володина, сохраняет жесткий идеологический каркас, но адаптируется к новым условиям, смещая фокус на внутренние угрозы и технократический язык. Использование графового анализа в данном исследовании позволило раскрыть тематические кластеры и доминирующие нарративы. Исследование подтверждает эффективность комбинированного подхода, сочетающего количественные методы и качественную интерпретацию, для анализа политической коммуникации в цифровых медиа. Статья представляет интерес для специалистов в области политической лингвистики, анализа дискурса и цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: политический дискурс, цифровые коммуникации, политическая лингвистика, информационная повестка, лингвистический анализ.

Социальные медиа, в частности Telegram, стали важным инструментом политической коммуникации, особенно в контексте официальных каналов государственных деятелей. Данное исследование фокусируется на анализе семантических полей политического дискурса, формируемом в Telegram-канале Вячеслава Володина – председателя Государственной Думы РФ. Цифровая социально-политическая повестка дня (ЦСППД) является безграничной базой эмпирических данных для анализа и индикатором широкого спектра проблем в социально-политической, культурной и экономической сферах [1]. Настоящее исследование было построено на комплексной методологической основе, сочетающей современные подходы компьютерной лингвистики с передовыми методами визуализации данных. Цель работы заключалась в выявлении структурных особенностей и тематических приоритетов через корпусный лингвистический анализ с использованием методов коллокационного и частотного анализа, а также визуализацию результатов через графовые методы.

Процесс исследования можно разделить на несколько взаимосвязанных этапов:

1. Формирование исследовательского корпуса началось с тщательного сбора текстовых материалов из официального Telegram-канала Вячеслава Володина. Для обеспечения репрезентативности данных были выделены два временных периода: с января 2023 по декабрь 2024 года (2,815 сообщений) и с января 2024 по декабрь 2025 года (3,102 сообщения).

2. Этап предварительной обработки текстов включал многоуровневую нормализацию данных. Все тексты приводились к нижнему регистру, очищались от пунктуации и специальных символов. Особую сложность представляла лемматизация политического дискурса, насыщенного неологизмами и идеологически окрашенной лексикой. Для решения этой задачи был использован усовершенствованный алгоритм `rumorphy3` [5], дополненный специальным словарем политических терминов. Последовательная фильтрация стоп-слов проводилась с учетом особенностей политического языка – стандартный список из 450 слов был расширен за счет частотных, но семантически нейтральных конструкций, характерных для официального дискурса.

3. Лингвистический анализ строился на сочетании количественных и качественных методов. На первом этапе осуществлялся частотный анализ биграмм и триграмм с построением тематических словарей для каждого периода.

4. Визуализация результатов стала ключевым элементом исследования, позволившим выявить скрытые закономерности дискурсивной динамики. Применение графовых методов началось с построения семантических сетей, где узлы представляли значимые N-граммы, а ребра отражали силу смысловых связей между ними, таким образом визуальные параметры графа были тщательно определены: размер узла и цветовая гамма кодировали частоту употребления, толщина ребра – силу связи. Техническая

- идеологический антипод («против россии»),
- часть коллективного Запада («вашингтон брюссель»).

Также были обнаружены неочевидные смысловые связи:

- сочетание «солдат офицеров» систематически появляется в одном контексте с «нашей страны» и «государственной думы», что создает образ армии как продолжения государственных институтов.

- Термин «млн человек» одинаково часто сочетается и с экономическими, и с военными понятиями, стирая границу между социальной и военной сферами.

- Конструкция «лет назад» связывается как с историческими отсылками, так и с современной политикой, создавая эффект исторической преемственности.

- Правовой дискурс («статья ук», «граждан») органично вплетается в политическую риторику, причем уголовно-правовые термины чаще сочетаются с понятиями государственной безопасности, чем с собственно правовыми. Это свидетельствует о инструментальном использовании юридического языка для политических целей.

- Территориальные маркеры («запорожской», «херсонской») последовательно связываются: с военной тематикой (через «солдат офицеров»), с историческими аналогиями (через «великой отечественной»), с современной политикой (через «киевский режим»).

Обнаружена интересная закономерность в использовании временных указателей: «2022 года» ассоциируется с конкретными событиями; «лет назад» – с историческими параллелями; «года» без уточнения – с институциональными процессами.

Дополнительные выявленные связи:

- концепт «наших граждан» чаще сочетается с уголовно-правовой лексикой («статья ук»), чем с социальными или экономическими терминами.

- Сочетание «алкогольной продукции» появляется исключительно в контексте правовых ограничений, что указывает на специфический отбор экономических тем.

- Фраза «публичные призывы» всегда дается в негативном контексте, сочетаясь с «преступления против».

- Термин «нацистский режим» используется как универсальный исторический аргумент, связываясь и с прошлым, и с современностью. Это имеет эффект формирования цикличного восприятия истории, где прошлое постоянно актуализируется.

- Биграмма «киевский режим» и ее вариации («киевского режима») образуют отдельный смысловой кластер, который часто сочетается с указанием на внешних акторов («вашингтон», «брюссель») и используется как универсальный концепт для объяснения внешнеполитических вызовов, демонстрируя устойчивую связь с военной тематикой («солдат офицеров»).

- Конструкция «первую очередь» систематически сопровождает перечисление политических приоритетов.

Таким образом, дискурс представляет собой строго иерархизированную систему, где: на вершине находится концепт государственности, все остальные понятия получают значение через их отношение к этому центру, а также, формируется замкнутая система аргументации, устойчивая к внешней критике. Описанная языковая структура не просто отражает политическую реальность, но и активно конструирует особый способ ее осмысления.

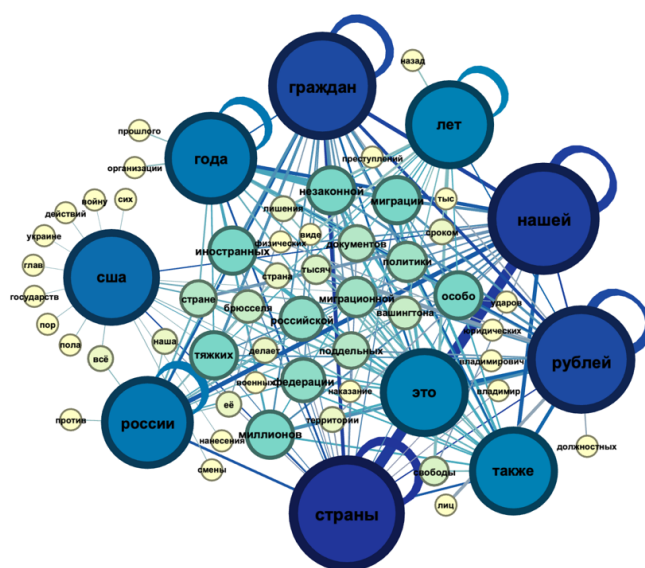

Рисунок 2. Семантическое поле политического дискурса Telegram-канала Вячеслава Володина за 2024-2025 гг.

Период 2024-2025 гг., демонстрирует качественное изменение политического дискурса, где на смену военно-патриотической риторике приходит комплексная повестка, сочетающая миграционные, экономические и правовые темы при сохранении традиционных идеологических основ:

– доминирование миграционной тематики («незаконной миграции», «иностранцев граждан») формирует принципиально новую конфигурацию дискурса. Частота совместного употребления: миграционная тема содержит уголовные отсылки. Тема «поддельных документов» как связующее звено между миграцией и преступностью, а «организации незаконной» - переход от индивидуальной к институциональной ответственности.

– Увеличилась финансовая лексика («тысяч рублей», «миллионов рублей») однако чаще используется не для демонстрации достижений, а как: индикатор ущерба (связь с «незаконной миграции»), инструмент устрашения («штраф до миллион») и маркер коррупции («рублей должностных»).

– Внешнеполитическая риторика также претерпела изменения: появление новых маркеров («смены пола») как символов культурной угрозы;

снижение военной риторики («военных действий») в сравнении с результатами за 2023-2024 гг.

– Уголовно-правовая лексика («особо тяжких», «лишения свободы») стала связующим звеном между темой миграции и экономики.

Дискурс 2024-2025 гг. отражает переход к более сложной модели политической коммуникации, где:

– миграционная проблематика выходит на первый план, формируя новый смысловой центр повестки дня. В том числе, представляет собой иную модель конструирования образа угрозы: если раньше опасность приходила извне в лице «коллективного Запада», то теперь она одновременно проникает внутрь общества через «иностранцев граждан» и «поддельные документы».

– Сохраняется строгий идеологический каркас, но с новыми акцентами – особого внимания заслуживает эволюция образа государства. Если в 2022-2023 гг. оно представало прежде всего как «крепость в осаде», то теперь акцент смещается на его регуляторные и карательные функции. Традиционные патриотические формулы («нашей страны», «российской федерации») сохраняют высокую частотность, но теперь они чаще соседствуют с терминами миграционного контроля, чем с военной риторикой. Частые сочетания «миграционной политики» с «лишением свободы» и «особо тяжких» рисуют портрет власти как строгий регулятор общественных процессов. Таким образом, базовый нарратив уязвимости государства перед угрозами сохраняется, но список этих угроз существенно диверсифицируется. При этом персонализация власти («Владимир Владимирович») заметно снижается, уступая место безличным институциональным формулировкам.

Данная трансформация свидетельствует об адаптации официального дискурса к изменившимся внутренним и внешним условиям, где на смену «мобилизационной риторике» приходит более сложная «управленческая модель» с элементами технократического языка, но без фундаментального пересмотра базовых идеологических установок. Это уже не язык «военного времени», но еще не язык «мирного развития» – скорее, своеобразный дискурс «контролируемой стабильности», где главной ценностью становится управляемость. Такой подход позволяет системе сохранять идеологическую устойчивость, одновременно адаптируясь к новым политическим реалиям и социальным настроениям.

Представленные выводы стали возможны благодаря выбранной методологии, но с важной оговоркой – они отражают тот аспект реальности, который данная методология способна отразить: частотный анализ N-грамм выступил мощным инструментом объективации, позволив перевести интуитивные ощущения в количественно измеримые показатели, а графовый анализ позволил визуализировать и определить неочевидные связи между словосочетаниями. Таким образом, описанная в данном исследовании методология может представлять собой комплексный подход к анализу изменений политического дискурса, сочетающий строгость компьютерных методов с глубиной традиционного содержательного лингвистического

анализа. Применение графовых методов визуализации не просто иллюстрирует результаты, но и открывает новые возможности для выявления скрытых структурных изменений в коммуникационных стратегиях.

Список литературы

1. *Малышева О.П., Рябченко Н.А.* Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Telegram-канала Д.А. Медведева в 2022–2023 гг. // Политическая лингвистика. 2024. № 5(107). [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-modelirovanie-predikatsionnogo-yadra-tsifrovoy-sotsialno-politicheskoy-povestki-dnya-opyt-primeneniya-grafovoy-neyroseti> (дата обращения: 21.05.2025).

2. *Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Вульфович Б.Г.* Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ // Политическая лингвистика. 2019. № 5. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-politicheskiy-diskurs-teoreticheskaya-model-metodologiya-issledovaniya-i-praktiki-upravleniya-politicheskim-kontentom-v> (дата обращения: 25.05.2025).

Источники

3. Официальный аккаунт Председателя Государственной Думы – Вячеслава Володина [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://t.me/vv_volodin (дата обращения: 21.05.2025).

4. Официальный сайт Gephi – программы для визуализации и исследования всех видов графов и сетей [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://gephi.org/> (дата обращения: 21.05.2025).

5. Morphological analyzer (POS tagger + inflection engine) for Ukrainian and Russian languages [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://anaconda.org/anaconda/pymorphy3> (дата обращения: 21.05.2025).

NETWORK ANALYSIS OF SEMANTIC FIELDS IN TELEGRAM'S POLITICAL DISCOURSE

A.I. Chelan

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of semantic fields of political discourse in the Telegram channel of Vyacheslav Volodin, Chairman of the State Duma of the Russian Federation. The article applies the methods of linguistic analysis of N-grams and graph visualization to identify key thematic clusters and structural political

agendas. The analysis covers two periods (2023-2024 and 2024-2025), demonstrating changes in discourse from military-patriotic rhetoric to a comprehensive agenda with an emphasis on migration, economics, and legal aspects. The results of the study show that the discourse formed in V. Volodin's Telegram channel retains a rigid ideological framework, but adapts to new conditions, shifting the focus to internal threats and technocratic language. The use of graph analysis in this study allowed us to reveal thematic clusters and dominant narratives. The study confirms the effectiveness of a combined approach combining quantitative methods and qualitative interpretation for the analysis of political communication in digital media. The article will be of interest to specialists in the field of political linguistics, discourse analysis and digital communications.

Key words: political discourse, digital communication, political linguistics, media agenda, linguistic analysis.

УДК 81'42

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф.К. ДИКА «МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ»

Е.С. Червякова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности перевода имён собственных в художественном тексте с позиций современной лингвистики. Имя собственное анализируется как лексико-семантическая единица, обладающая уникальной ономастической функцией, связанной с идентификацией персонажа, культурной маркированностью и прагматической нагрузкой. Исследование охватывает основные типы трансформаций, применяемых при переводе имён собственных, включая транслитерацию, калькирование, адаптацию, субституцию и оmissию. Особое внимание уделяется функциональной эквивалентности и сохранению стилистических и культурных коннотаций оригинала в переводе. В работе использован сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов, что позволило выявить основные стратегии переводчика и их влияние на восприятие персонажей и художественного пространства.

Ключевые слова: перевод, имена собственные, транслитерация, калькирование, художественный текст, эквивалентность.

Перевод имён собственных в художественной литературе с английского языка – сложная лингвистическая задача, поскольку имена собственные несут не только идентификационную, но и культурную, символическую и стилистическую нагрузку. Перевод художественной литературы представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий не только лексической

точности, но и глубокого понимания культурного контекста оригинала. В произведении Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968) имена собственные играют ключевую роль в создании уникальной атмосферы и передаче философских идей автора. Они не только идентифицируют персонажей, но и отражают их внутренний мир, социальный статус и даже культурные особенности.

Актуальность данного исследования обусловлена не только значимостью творчества Филипа К. Дика в контексте научной фантастики, но и широкими возможностями для дальнейшего изучения переводческих стратегий. Понимание особенностей перевода имен собственных может способствовать более глубокому осмыслению оригинального текста и его адаптации для различных культурных контекстов.

Художественный текст имеет ряд специфических черт или характеристик. Если считать обыденный язык первичной моделирующей системой, то художественный текст, по мнению некоторых исследователей, следует признать вторичной моделирующей системой. В нем сочетаются отражение объективного мира и авторский вымысел, что делает художественную литературу в целом компактным способом хранения и передачи информации, повышая, таким образом, его информативность по сравнению с нехудожественным текстом. Особенностью художественного текста является то, что он может быть подвергнут весьма неопределенному, в принципе неисчерпаемому количеству интерпретаций. Однако множественность интерпретаций вовсе не означает произвола интерпретатора: речь идет лишь о большей или меньшей свободе толкования текстового смысла.

Функционируя в качестве имени персонажа литературного произведения, личное имя собственное наполняется ассоциациями, связанными с его обладателем, что сигнализирует о начальной стадии его аппелятивации. Эти ассоциации являются составляющими когнитивного пространства образа персонажа. Итак, в контексте художественного произведения имена собственные, помимо функции идентификации, приобретают новые, художественно-стилистические функции. Имя собственное антропонимического типа в художественном тексте обретает свое конкретно денотативное значение и множественные коннотации, сближаясь в некоторых случаях с именами нарицательными. Благодаря присутствию в тексте личных имен, которые вызывают в сознании читателя ассоциации с культурой, историей, социальным укладом общества, происходит раскрытие авторского видения окружающего мира [2].

В теории и практике перевода оперируют такими сходными понятиями, как эквивалентность, адекватность и тождественность. В широком плане эквивалентность понимается как нечто равноценное, равнозначное чему-либо, адекватность как нечто вполне равное, а тождество как нечто обладающее полным совпадением, сходством с чем-либо. Понятия адекватности, тождественности, полноценности и даже аналогичности остаются в том же

семантическом поле, что и термин «эквивалентность» и иногда дублируют друг друга. Под эквивалентностью, в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально – коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Следует особо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневость этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и т. п. Характеристиками. Причем все указанные в дефиниции параметры должны сохраняться в переводе, но степень их реализации будет различной в зависимости от текста, условий и способа перевода [1].

Перевод имён собственных в художественном тексте – это важный аспект переводческой деятельности, который требует внимания к лексическим, стилистическим и культурным особенностям оригинала. Лингвостилистические особенности перевода имён собственных могут варьироваться в зависимости от жанра, контекста и целевой аудитории, соответственно, необходимо учитывать некоторые аспекты при передаче имен:

1. Культурный контекст. Имена собственные часто несут в себе культурные ассоциации и значения, которые могут быть потеряны при прямом переводе.

2. Значимость для персонажа. Имена могут отражать характер, статус или судьбу персонажа.

3. Стилистическая окраска. Имена могут быть стилистически окрашены, что делает их уникальными для конкретного текста.

4. Фонетические особенности. Фонетика оригинала может влиять на восприятие имени. Например, имя может быть переведено, сохраняя оригинальное звучание, или адаптировано в зависимости от контекста.

Существуют основные типы переводческих приемов: переводческое транскрибирование и транслитерация; калькирование; лексико-семантические замены.

1. Транслитерация. Передача звучания имени средствами другого языка без учёта значения. Применяется, когда имя не имеет значимого смысла или этот смысл не играет роли в тексте (Harry – Гарри, Sherlock Holmes – Шерлок Холмс).

2. Транскрипция. Более точная звуковая передача имени, чем транслитерация, но тоже без учёта значения (George – Джордж).

3. Калькирование (дословный перевод). Передача значения имени собственным средствами языка перевода. Используется, если имя играет

символическую роль или участвует в создании образа, особенно в детской или сатирической литературе (Miss Honey – Мисс Медовая).

4. Полный перевод (эквивалент). Использование устойчивого или традиционного перевода имени. Чаще всего применяется к историческим или библейским именам, а также монархам (James – Яков, William the Conqueror – Вильгельм Завоеватель).

5. Адаптация (натурализация). Изменение имени для лучшего восприятия целевой аудиторией, иногда с заменой на аналог из культуры перевода. Используется в детских книгах или при локализации для создания близости читателю (Johnny – Женя, Nancy – Настя).

6. Комбинированный перевод, сочетание нескольких приёмов (Lord Voldemort – Лорд Волан-де-Морт, частично транслитерировано, частично адаптировано, сохраняется зловещий оттенок).

7. Игра слов / перевод с интерпретацией. Перевод, учитывающий каламбуры, символику или скрытые значения (Remus Lupin – Римус Люпин, от лат. lupus, волк; намёк на оборотничество).

8. Лексико-семантические (функциональная) замены – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц переводимого языка, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований.

Выбор способа перевода имени собственного зачастую зависит от:

- функции имени в тексте (просто имя или значимое обозначение);
- жанра и целевой аудитории;
- традиции перевода (например, устойчивые эквиваленты);
- культурной дистанции между исходным и целевым языками.

Перевод имён собственных в художественной литературе с английского языка – сложная лингвистическая задача, поскольку имена собственные несут не только идентификационную, но и культурную, символическую и стилистическую нагрузку.

Рассмотрим два типа перевода М.А. Пчелинцева (издательство «Эксмо») и В.А. Жураховского (издательство «РИФ»):

Пример из англоязычного текста	Тип перевода №1 издательство «Эксмо»	Тип перевода №2 издательство «РИФ»	Пояснение
Rick Deckard	Рик Декард	Рик Декард	Транслитерация. Сохранение оригинального написания имён персонажей, что позволяет читателю легко идентифицировать их.
Rachael Rosen	Рейчел Розен	Рейчел Розен	Транслитерация. Сохранение

			оригинального написания имён персонажей.
Graucho	Граучо	Граучо	Транскрипция. Передача звучания имён, как в случае с кличкой барана, отсылающей к известному комику Граучо Марксу
Mercer	Мерсеризм. Уилбур Мерсер	Вилбур Сострадающий	Калькирование. Дословный перевод концепции, связанной с религиозным культом в романе, основанного на эмпатии и коллективном переживании.
Electric Sheep	Электроовца	Электроовца	Семантический перевод. Перевод значений слов, сохраняя оригинальный смысл, что точно передаёт концепцию искусственного животного, используемого для имитации реального питомца, что является важной частью социальной структуры в романе
Voight-Kampff test	Тест Фойгт-Кампфа	Тест Войта-Кампфа	Адаптация. Использование адаптированных терминов, таких как название теста для определения андроидов.
Iran	Айран	Ирен/Иран	Имя персонажа было переведено с сохранением звучания и орфографии, что также является примером дословной транскрипции.
Buster Friendly	Дружище Бастер	Бастер Джруби	Имя персонажа было переведено с сохранением звучания и орфографии, что также является примером дословной транскрипции. Однако в данном случае играет роль ироничный оттенок в имени, сохраняя лёгкость звучания, но с небольшим изменением в

			написании (Friendly → Френдли).
Maggie Klugman	Мэгги Клугман	Мегги Клегман	Здесь также применён метод дословной транскрипции. Несмотря на простоту имени, оно сохраняет свою аутентичность и функциональность в произведении.
Nexus-6	Нексус-шесть	Узел-6	Название модели андроида было переведено с сохранением звучания и орфографии, что также является примером дословной транскрипции.
Milt Borogrove	Милт Борогроув	Мастер ветлечебницы	В этом случае имя было адаптировано в соответствии с русской транскрипцией и написано с минимальными изменениями.
Iz J.R.	Иззи Джей-Ар	Ис Джон Р.	В этом случае имя персонажа адаптировано с добавлением инициалов, что может служить стилевой особенностью при переводе. Оставление инициалов добавляет персонификацию, а также помогает сохранить уникальность персонажа в контексте романа.
Do Androids Dream of Electric Sheep?	Мечтают ли андроиды об электроовцах?	Снятся ли андроидам электроовцы?	
			Дословный перевод названия художественного произведения

На основе рассмотренных примеров можно выделить несколько наблюдений о подходах, использованных при переводе имён собственных из произведения. Основными способами перевода являются:

1. **Дословная транскрипция (фонетический перевод)** – это самый частотный и преобладающий способ. Он используется для большинства имён собственных, сохраняя оригинальное звучание и минимальные искажения. Данный подход является наиболее распространённым, поскольку имена персонажей должны быть узнаваемы и легки для восприятия читателем. Так

как имена в научной фантастике часто играют важную роль в создании определенной атмосферы или мира, их сохранение в исходной форме помогает читателю легче ориентироваться в произведении.

2. Оставление оригинальных имён (непереводимые имена) – в случае с некоторыми именами, которые не требуют адаптации для русскоязычного читателя, переводчики могут оставить их без изменений. Это позволяет сохранить авторскую оригинальность и атмосферу произведения.

3. Использование адаптированных форм и псевдонимов – этот метод используется гораздо реже и применяется в случае необходимости подбора таких форм, которые лучше соответствуют русской культуре или ритму речи.

Таким образом можно говорить о том, что переводчики широко используются методы транскрипции (т.е. передачи на письме звучания иноязычного слова средствами принимающего языка) и транслитерации (т.е. установления максимально близких соответствий между графическими единицами исходного и принимающего языка). Эти методы не идеальны в том смысле, что не всегда в двух языках имеются точные фонетические и буквенные соответствия. Метод практической транскрипции отчасти эту проблему решает. Этот метод «в целом ориентирован на передачу звучания ИС, но допускает отклонения и от строго фонетического, и от фонологического принципов, включая элементы транслитерирования» [3].

Перевод имен собственных не только выполняет функцию идентификации персонажей, но и способствует созданию определенной атмосферы произведения, передавая его оригинальный смысл и эмоциональную нагрузку. Можно отметить, что выбор метода перевода может существенно повлиять на интерпретацию текста, что подчеркивает важность внимательного подхода к этой задаче. При рассмотрении различных способов перевода имен собственных в произведении Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» и проанализировав их влияние на восприятие текста и его культурный контекст, можно выделить несколько ключевых подходов, включая транслитерацию, адаптацию и калькирование, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки в зависимости от целевой аудитории и языковых особенностей. Таким образом, перевод имен собственных в литературных произведениях требует глубокого понимания как языковых нюансов, так и культурных аспектов. Перевод имён собственных — это сложный процесс, который требует от переводчика не только знания языка, но и глубокого понимания культурных контекстов, стилистических особенностей и эмоциональной нагрузки оригинала. Использование различных методов перевода позволяет сохранить уникальность произведения и сделать его доступным для новой аудитории.

Список литературы

1. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. *Джандар Б.М., Лоова А.Д.* К проблеме функционирования личных имен в художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. № 3(105). С. 105–111
3. *Ермолович Д.И.* Методика межъязыковой передачи имен собственных. М.: Всероссийский центр переводов, 2009. 88 с.

Источники

Дик Ф.К. Мечтают ли андроиды об электроовцах? М.: Эксмо, 2024. 320 с.

Дик Ф.К. Снятся ли андроидам электроовцы? [электронный ресурс].
Режим доступа. URL:
https://royallib.com/read/dik_filip/snyatsya_li_androidam_elektroovtsi.html#0 (дата обращения: 15.06.2025).

Dick P.K. Do Androids Dream of Electric Sheep? [электронный ресурс].
Режим доступа. URL:
https://files.cercomp.ufg.br/weby/up/410/o/Phillip_K._Dick__Do_Androids_Dream_of_Electric_Sheep_c%C3%B3pia.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

METHODS OF TRANSLATING PROPER NAMES IN “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP” BY F.K. DICK

E.S. Chervyakova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the specifics of translating proper names in science fiction from the standpoint of modern linguistics. A proper name is analyzed as a lexical-semantic unit with a unique onomastic function associated with character identification, cultural marking, and pragmatic load. The study covers the main types of transformations used in translating proper names, including transliteration, calque, adaptation, substitution, and omission. Particular attention is paid to functional equivalence and preserving the stylistic and cultural connotations of the original in translation. The work uses a comparative analysis of the original and translated texts, which made it possible to identify the main strategies of the translator and their influence on the perception of characters and artistic space.

Key words: translation, proper names, transliteration, calque, literary text, equivalence.

ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ РОМАНЕ ВЗРОСЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ПИКОЛТ «ДЕВЯТНАДЦАТЬ МИНУТ»)

А.В. Чирва

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

Данная статья посвящена рассмотрению форм психологизма в современном зарубежном романе взросления. Примером для анализа форм психологизма в современном романе используется роман Дж. Пиколт «Девятнадцать минут». В статье подчёркивается, что в современном романе взросления авторы активно используют формы психологизма для раскрытия внутреннего мира персонажей.

Ключевые слова: психологизм, формы психологизма, способ психологического изображения, современный зарубежный роман, роман взросления.

Современный зарубежный роман взросления представляет собой уникальное литературное явление, в котором авторы стремятся осмыслить и передать сложные процессы формирования личности на фоне многогранной социокультурной реальности. Темы поиска идентичности, борьбы с внутренними и внешними конфликтами, а также травмирующего опыта взросления становятся особенно актуальными в контексте глобальных изменений, происходящих в мире. В этом контексте психология личности приобретает центральное значение, так как формирует не только внутренний мир героев, но и влияет на их взаимодействие с окружающей средой.

Формы психологизма, присутствующие в произведениях авторов, таких как Дж. Сэлинджер, С. Чбоски, Дж. Пиколт и др., отражают различные аспекты человеческого существования – от неуверенности юношеского возраста до сложных отношений с семьей, обществом и самим собой. Эти элементы психологии действуют не только как фон, но и как движущая сила сюжета, позволяя читателю глубже понять природу человеческих эмоций и переживаний.

В данной статье мы проанализируем, каким образом современные зарубежные авторы используют формы психологизма в романах взросления, чтобы создать многослойные образы героев, исследующих пределы своих возможностей и стремящихся найти свое место в мире.

Роман Джоди Пиколт «Девятнадцать минут» исследует сложные эмоциональные и психологические аспекты жизни подростков. На первый план в романе выходит тема буллинга и травли в школе. В данной теме раскрываются последствия издевательств и травли, которые привели одного из героев – Питера Хоутона – к совершению преступления поведшего за со собой

смерти учеников и учителей школы, где Питер учился. Тема насилия в романе раскрывает причины, по которым подростки могут прибегать к насилию, включая психическое здоровье, семейные обстоятельства и социальные факторы. Н.С. Зелезинская в своей монографии пишет [2], что «Джоди Пиколт в романе “Девятнадцать минут” исследует причины, заставившие подростка открыть огонь по одноклассникам». Тема семейных отношений также занимает важное место в романе. Взаимодействия между персонажами и их семьями играют ключевую роль, показывая, как семейные проблемы могут влиять на поведение и психическое состояние подростков. Например, родители Питера Хоутона по словам Н.С. Зелезинской можно отнести к «архетипу безответственного родителя» [1]. Родители, подходящие под данный архетип, не уделяют достаточно времени и внимания детям, а больше времени посвящают карьере. Так случилось и с родителями Питера, равно как и с некоторыми другими героями данного романа. Еще одна тема, затрагиваемая Дж. Пиколт в романе – это тема горя и потери. Автор раскрывает её через истории жертв теракта и их семей, показывает травму и горе, которые возникают в результате насилия, показывая, как даже те, кто не стал жертвой, испытывают последствия трагедии. Тема поиска идентичности (поиска себя) также занимает в романе важное место. Персонажи сталкиваются с вопросами самоидентификации и попытками понять себя в мире, где на них оказывают давление сверстники и социальные нормы. Роман также исследует, как общественные ожидания могут влиять на поведение подростков и мешать им выражать свою индивидуальность. Все эти темы объединяются, создавая глубокий и многослойный нарратив, который побуждает читателей задуматься о сложностях подростковой жизни, социальных взаимоотношениях и последствиях насилия.

Поскольку повествование в романе ведётся от всеведущего третьего лица, автор передаёт читателю мысли героев посредством риторических вопросов, которыми задаются те или иные персонажи. Данный приём мы относим к приёму прямого психологизма, так как автор таким образом показывает мысли героев, их внутреннее состояние, эмоции. Например, когда Лейси задумывается о счастье, она задаёт себе риторический вопрос: «Разве человек не счастлив, если он получил то, о чём всегда мечтал?» (Пиколт, с. 45). Когда Алекс решает отказаться ли ей от ещё не рождённого ребёнка или нет, она задаётся вопросами: «А она решила? И если да, то сама ли? Может кто-то принял решение за неё?» (Пиколт, с. 49). Еще один способ, которым автор передаёт мысли героев, – это косвенная речь, которая встречается реже, чем риторические вопросы. Она используется тогда, когда автор хочет наиболее чётко передать ход мыслей того или иного героя. Например, когда после теракта Джоди оставляют на сутки в больнице с лёгким ранением, она задаётся вопросами о причинах её задержки в больнице. Её мысли в этот момент автор передаёт при помощи косвенной речи: «Зачем? – думала Джоди. – На случай удара? Тромба? Суицида?» (Пиколт, с. 147). Ещё реже прямой психологизм можно обнаружить в диалогах между несколькими персонажами, когда один из

них говорит о своих чувствах или желаниях, описывает своё состояние: «Я не могу без тебя жить» (Пиколт, с. 577). Джоди Пиколт использует внутренние монологи персонажей, чтобы показать их мысли чувства и переживания. Это помогает читателю увидеть, что происходит в уме у героев, когда они осмысливают свои действия или события, произошедшие с ними. Внутренние монологи, например, помогают понять конфликт и страдания Питера, его страхи и переживания о поводе издевательств в школе, его отношение к тем или иным людям и событиям, отношение к играм и его мироощущение. Также во внутренних монологах читатель видит внутренние терзания Лейси, Алекс, Патрика и других персонажей.

Чаще мы можем обнаружить суммарно-обозначающий психологизм. Это обусловлено типом повествования. Джоди Пиколт называет чувства и эмоции, которые испытывают персонажи. Суммарно-обозначающий психологизм в романе играет важную роль в раскрытии внутреннего мира персонажей. Данный приём позволяет Дж. Пиколт передавать эмоциональные или психические состояния персонажей, их мысли и чувства при помощи краткого обозначения тех процессов, которые протекают в их внутреннем мире. В романе «Девятнадцать минут» суммарно-обозначающий психологизм помогает сформировать у читателя более полное представление о персонажах, их мотивации и внутреннем мире. Пиколт использует различные черты, мысли и поведенческие особенности героев, чтобы показать их неоднозначность. Также употребляются следующие слова и словосочетания для выражения суммарно-обозначающего психологизма: «поняла», «поверила», «удивился», «разочарован». Автор называет чувства Джози («тревога»), когда героиня находится в больнице и начинает догадываться о том, что произошло с её возлюбленным. Также посредством наблюдений другого персонажа, адвоката Питера, указываются чувства и эмоции самого Питера: «<...> ... Джордан заметил вспышку разочарования: парень понял ... <...>» (Пиколт, с. 259). Когда Джози приходит в здание полиции для допроса, атмосфера помещения напоминает ей о случившемся, и она вспоминает о произошедшем. Данные воспоминания вызывают у девушки приступ паники, это чувство называется автором.

В романе мы отмечаем косвенный психологизм как наиболее распространённую форму психологического изображения. Учитывая, что повествование ведётся от всеведущего третьего лица, косвенный психологизм используется автором достаточно часто. Большая часть косвенного психологизма изображена в поведении, манере речи, мимике и действиях героев. Например, автор описывает истерику Джози Кормье не называя данное поведение своим именем, однако читатель понимает, что происходит и почему. В диалоге Питера и Джози он говорит: «Хочу нравиться людям! <...>... хочу нравиться не только тебе» (Пиколт, с.108). Данная фраза героя показывает, чего ему не хватает – любви, привязанности и принятия. На данный момент у него есть только один друг – Джози, а он мечтает нравиться и другим, в том числе родителям, которые любят его, но не показывают свою любовь. В свою очередь

Джози чувствует материнскую любовь больше, чем Питер, поэтому ей гораздо меньше нужна и важна любовь и понимание других людей.

Косвенный психологизм в романе Джоди Пиколт «Девятнадцать минут» можно также найти выражающим косвенные эмоции персонажей посредством их действий, так как поведение персонажей часто отражает их внутренние переживания. Например, моменты, когда Питер становится замкнутым или агрессивным, косвенно показывают его страдания и подавленное эмоциональное состояние. Его действия, такие как молчание или уклонение от общения, сообщают о его внутреннем конфликте и неуверенности в себе, сигнализируют о том, что он испытывает страх и тревогу. Из этого мы заключаем, что действия персонажей служат своеобразным «окном» в их внутренний мир, позволяя читателю косвенно воспринимать и понимать их страдания. Отношения и взаимодействия между персонажами играют ключевую роль в раскрытии их психологических состояний. Например, Лейси Хоутон, мать Питера, показывает свою обеспокоенность и страх в общении с близкими ей людьми и друзьями, что указывает на ее внутреннюю неуверенность и чувство вины за то, что совершил её сын. Также по отношению окружающих к Алекс Кормье, матери Джози, работающей судьёй, и по её поведению в обществе, мы можем понять насколько её статус влияет на поведение людей. При встрече кого-либо, при походе с дочерью в ресторан или в магазин судья слышит обращение «ваша честь», официанты ведут себя заискивающе. Сама Алекс также старается вести себя подобающим судье образом, чему учит и свою дочь. Выходя из дома, она «надевает маску» судьи: «Алекс неожиданно поняла: нельзя быть судьёй, только в зале суда. Теперь она судья везде: и в ресторане, и в клубе, и на вечеринке, и в магазине, где у неё внезапно может возникнуть желание придушить своего ребёнка. Алекс почувствовала себя в ловушке: ей разрешили надеть мантию, но не сказали, что снять судейское облачение уже нельзя» (Пиколт, с.122). Данный эпизод показывает, насколько для Алекс Кормье важно общественное мнение. Ещё одним примером косвенного психологизма может выступить то, как школьный проект Питера выдаёт его желания и волнующие его темы. Питер подготовил проект о своих одноклассниках и их социальных группах. Он распределил подростков в группы «Популярных», «Гиков», «Нормальных» и «Изгоев». Таким образом, содержание данного проекта убеждает читателя в том, насколько герою важна популярность.

Конфликты между персонажами и то, как они влияют друг на друга, позволяют читателю увидеть, как социальные связи формируют их внутренний мир. Так дружба или враждебные чувства между Джози и Питером отражают глубокие социальные и эмоциональные напряжения в школьной среде. Отношения и конфликты между Мэттом, парнем Джози, и самой Джози также сильно влияют на внутренний мир девушки. Отношение к ней Мэтта Ройстона сменялось то нежностью и любовью, то жестокостью, абьюзивностью и манипуляциями. Это сильно влияет на внутренний мир Джози, считающей, что любит Мэтта. Все обиды, которые он ей наносит, накапливаются и находят

выход в финале произведения, когда читатель узнаёт, что она стреляла в Ройстона из пистолета Питера.

Некоторые символы в романе мы также можем отнести к косвенному психологизму, так как Пиколт мастерски использует символику и метафоры, чтобы передать психологическое состояние персонажей. Определённые объекты, ситуации или элементы окружения могут служить метафорами для страха, потери или надежды. Так образ опустевшей школы с пустыми коридорами, по которым идёт Питер, может символизировать одиночество и изоляцию, которые он испытывает. Данные символы добавляют ключи к пониманию персонажей и создают более яркие образы их внутренней борьбы. Также мы считаем символом, показывающим психологическое состояние Питера, рыбку, с которой он себя сравнивает, находясь в тюремной камере. Питер ассоциирует себя с рыбкой, которую ему когда-то подарили на день рождения. Она жила в аквариуме, а Питер даже ночью вставал, чтобы на неё посмотреть, понаблюдать за ней. Так он сравнивает себя с аквариумной рыбкой, когда сидит в тюремной камере, а за ним через видеокамеру наблюдают охранники.

Социальный контекст и окружение также оказывают влияние на поведение и психологическое состояние персонажей. Школа, как место, в котором разворачивается действие, является важным компонентом, влияющим на внутреннее состояние персонажей. Образование, отношения между учащимися и социальные нормы формируют фоновую атмосферу, в которой персонажи стремятся существовать. Например, высокая степень давления со стороны популярных одноклассников и статус среди сверстников подчеркивает уязвимость Питера и его трагическую ситуацию, делая его конфликты более яркими и выраженными. Этот социальный контекст позволяет читателю понять, как внешние обстоятельства влияют на внутренние переживания и эмоциональные реакции героев.

Ещё одна форма психологического изображения в романе – это невербальные сигналы (мимика, жесты, интонации). Эти детали позволяют косвенно передать эмоциональное состояние персонажей и их реакции на окружающий мир. Например, описания тревожного выражения лица Питера, его сжатых кулаков или вздохов дают читателю понять его внутреннее напряжение и страхи. Так сжатые руки Лейси во время допроса выдают её боль и волнение, так как речь шла про её погибшего старшего сына. В той же сцене упоминается, что Лейси глубоко вдохнула перед тем, как рассказать Питер мог взять оружие. Это даёт читателю понять, насколько тяжело ей даётся данный диалог, как тяжело ей принять то, что оружие было у них дома, что Питер взял оружие отца для совершения ужасных вещей в школе. Далее в этом же разговоре жестами Лейси выдаёт своё волнение: «При этих словах её пальцы затеребили оборку на шторе» (Пиколт, с. 246). Волнение и нетерпение другого персонажа, Алекс, показано также через жесты: «Алекс посмотрела на часы: если отделаться от этой дуры, можно было бы узнать, не звонила ли Джози» (Пиколт, с. 255). В сцене разговора Питера с адвокатом, когда они обсуждали

отношениях Питера с его погибшим братом, эмоции Питера выходят наружу: «Да куда уж тягаться?! – яростно произнёс он. – Я даже рядом не стоял!» (Пиколт, с. 260). Во время неприятного разговора адвоката с женой, он скрещивает руки на груди. Данный жест показывает, что адвокат – Джордан – готов защищаться в этом споре. Другим примером жестов мы считаем поведение Джози после того, как Питер в своём проекте отнёс её не к категории «Популярных», а к категории «Мост», которая связывала её с «Изгоями»: «Джози наклонилась над партой, став похожей на поникшую розу» (Пиколт, с. 296). Данное поведение выдаёт стыд, унижение и страх, которые испытывает героиня. В другой сцене романа, где к Лейси плохо отнеслась пациентка из-за того, что сделал Питер, ноги героини прирастают к полу, а дыхание учащается. Данное описание реакции организма персонажа на ситуацию даёт читателю увидеть и понять страх и стыд героини из-за действий, совершённых её сыном. Во время суда над Питером один из родителей погибших детей вскочил с места и начал кричать на Питера. В этот момент «Питер пригнул голову, не поднимая глаз» (Пиколт, с. 370). Данное поведение Питера можно интерпретировать как проявление смущения, стыда или подчинения. Его жест может свидетельствовать о нежелании вступать в конфликт или показывать свои эмоции. Также это может указывать на внутреннюю борьбу и чувство вины за то, что он сделал. Такие детали подчеркивают эмоциональную динамику персонажей и дают читателю возможность глубже понять их психологическое состояние без необходимости в прямых объяснениях.

В ходе нашего анализа форм психологизма в современном зарубежном романе взросления мы приходим к выводу, что литература данной категории не просто отражает индивидуальные переживания героев, но и создает сложную сеть взаимодействий с общественными и культурными контекстами. Психологизм, проявляясь в многообразии форм – от внутреннего монолога до жестов и мимики героев – позволяет авторам глубже раскрыть внутренний мир персонажей, а также показать влияние внешних факторов на процесс их формирования и самоопределения. Повествования, создаваемые современными писателями, нередко поднимают важные темы, такие как идентичность, травма, самооткрытие и поиск смысла, что позволяет читателям не только сопереживать героям, но и осмысливать собственный опыт взросления. Эти произведения становятся зеркалом для исследования сложных эмоций и конфликтов, с которыми сталкиваются молодые люди в эпоху, полной неопределенности и вызовов. Анализируя формы психологизма романа Дж. Пиколт, мы приходим к выводу, что формы психологизма в романах взросления находят отражение в широкой палитре человеческих переживаний, позволяя не только углубить понимание личных историй, но и осветить более обширные социальные и культурные процессы.

Список литературы

1. Зелезинская Н.С. Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 95–105.

2. Зелезинская Н.С. Где бумажное становится реальным: новые мотивы англоязычной подростково-молодёжной литературы: монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2022. 144 с.

Источники

Пиколт Дж. Девятнадцать минут. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 640 с.

FORMS OF PSYCHOLOGISM IN THE COMING-OF-AGE NOVEL (USING THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY J. PICOULT “NINETEEN MINUTES”)

Chyrva A.V.

Belarusian State Medical University, Minsk

This article is devoted to the consideration of forms of psychologism in the modern foreign coming-of-age novel. An example for the analysis of forms of psychologism in a modern novel is the novel by J. Picoult “Nineteen minutes”. The article emphasizes that in the modern coming-of-age novel, the authors actively use forms of psychologism to reveal the inner world of the characters.

Key words: psychologism, forms of psychologism, method of psychological representation, modern foreign novel, coming-of-age novel.

УДК 811

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЮМОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРКА ТВЕНА

В.В. Чумак

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются стилистические приемы в некоторых произведениях Марка Твена. Литературное наследие американского писателя многообразно и вызывает читательский интерес и в наши дни. Автору присущи тонкий юмор, ирония, сарказм, своеобразный литературный стиль, незамысловато описывающий обыденные и повседневные события, хотя, на самом деле, опытный читатель увидит скрытый смысл практически в каждой

строке. Многие ученые до сих пор находят разнообразные аспекты в изучении его произведений. Использование стилистических приемов особенно важно в юмористических рассказах как инструментарий, усиливающий более выраженный эмоциональный эффект.

Ключевые слова: стилистический прием, ирония, метафора, антитеза, юмористический рассказ, юморист, журналист.

Американский писатель Марк Твен – признанный мастер слова, общественный деятель, юморист, журналист. Его произведения тесно связаны с событиями его страны, они отражают социальные проблемы и политическую ситуацию. Литературное наследие Марка Твена многообразно и вызывает читательский интерес и в наши дни. Многие ученые до сих пор находят разнообразные аспекты в изучении его произведений. Автор, родившийся около двухсот лет назад, до сих пор остается нашим современником по духу, своим мыслительным концепциям, его литературное наследие живо и вызывает читательское внимание и признание. Писателю присущи тонкий юмор, ирония, сарказм, своеобразный литературный стиль, незамысловато описывающий обыденные и повседневные события, хотя, на самом деле, искушенный читатель увидит скрытый смысл практически в каждой строке.

Цель данной статьи – выявление примеров использования некоторых лексических изобразительно-выразительных средств, стилистических приемов в произведениях с их дальнейшим комментарием. Необходимо принять во внимание определение стилистического приема, данное И.Р. Гальпериным: «являясь обобщением, типизацией, сгущением объективно существующих в языке средств, не является натуралистическим воспроизведением этих средств, а качественно их преобразовывает» [4, с. 48]. Актуальность исследования обусловлена отсутствием большого массива аналитических материалов по раннему периоду творчества М. Твена и не всегда глубоким их анализом.

Особым образом стоит отметить практическую значимость исследования, которая может найти свое отражение на семинарских занятиях с изучающими английский язык. «С помощью юмора, как нестандартного средства обучения лексике английского языка, происходит: активизация творческой деятельности учащихся; более эффективное запоминание лексики, более качественное лексическое оформление речевого высказывания; создание ситуации для употребления данного речевого образца; развитие речевой активности и самостоятельности учащихся. Использование различных форм юмора, является хорошим способом для обучения: разговорной лексике, идиомам и фразовым глаголам, многозначности английских слов, синонимам, антонимам и омонимам, основам стилистики» [6]. Поддержим это мнение и дополним: читательский интерес может быть вызван содержанием текста, в который входит использование примеров юмора.

Ученые-филологи и исследователи творчества Марка Твена рассматривают его произведения с разных точек зрения. Юмористическая составляющая является не основным объектом анализа. Особое влияние авторы

уделяют изучению биографии М. Твена как основополагающей базы творчества. Объектом изучения, кроме прочего, является отношение М. Твена к религии. В данном случае взгляды ученых расходятся, был ли он верующим, если писал рассказы о Боге, был ли он атеистом. Это вопросы до сих пор остаются без ответа. М. Твен обличал религию, которая не несла в себе истинную любовь к ближнему, как основной столп христианства. Он с ироническим взглядом описывал церковный строй и религиозные обряды. Примерами произведений могу послужить такие произведения как: «Путешествие капитана Сторфилда в рай», «Дневник Адама и Евы», «Письма с Земли» и другие. Исследователь Т.Г. Артамонова указывает на причины внимания автора к проблематике ада и рая, мистицизма, религии, Бога. «Тема жизни после смерти возникает в творчестве Марка Твена не случайно. Писатель остро переживал разлуку с родными, дорогими для него людьми, которые ушли в мир иной, болезненно реагировал на гибель людей в результате преступной внешней и внутренней политики своей страны. Осмысливая проблемы земного существования, неотвратимость действия природных законов, надежды и чаяния человечества, идею бессмертия души, Марк Твен поднимает тему ада и рая, дает свою художественную интерпретацию этих понятий» [1, с. 75]. Полагаем, что М. Твен был верующим, но в высшую силу и справедливый разум.

Исследователь творчества американского писателя О.А. Бобок считает, что именно в поездках и путешествиях М. Твен находил источник вдохновения, сил, ссылаясь на его раннюю книгу «Простаки за границей. Путь новых паломников» [3, с. 75]. Действительно, произведение, написанное в 1867 году в виде путевых заметок, имело огромный успех, отражая страсть автора к жизни, стремление познавать новое. Книга была написана после путешествия М. Твена по Европе и Ближнему Востоку. Отметим использование приемов антитезы и противопоставления, метафор в произведении М. Твена «Простаки за границей». М. Твен был в путешествии на пароходе и книга – это воспоминания о путешествии. С присущим ему юмором и острым стилем он описывает свои приключения. Следует отметить, что стилистические приемы, в большей степени в данном рассказе связаны с явлениями природы. *«Такова история, над которой ... пролил водопады слез», «волосы у нее свои, ..., заплетены в тугие косы и уложены на затылке, а не падают беспорядочной гривой, которую принято называть «водопадом» и которая так же похожа на водопад, как окорок на Ниагару». «(Пассажиры во время шторма) попадали в плен грозного ... очарования», «это великий исторический ручеек глубиной в четыре фута посередине, где плавают плоскодонки. ... (горожане) называют его рекой и чистосердечно верят, что это река», «белоснежные дома уютно гнездятся в море свежей зелени», «солнце, весело поблескивающее на танцующих волнах».* Все произведение пропитано метафорами, сравнениями, примерами иронии, антитезы и противопоставлениями.

Нельзя обойти вниманием и огромный пласт социальных проблем общества, отраженных в описании рабства в Америке. «Приключения

Гекльберри Финна» и «Приключения Тома Сойера», на самом деле, не детские книги, повествующие о жизни детей, это многослойные произведения, которые описывают, кроме прочего, и повседневную жизнь рабов. Таким образом, именно события реальной жизни находят отражения в произведениях автора. Следует подчеркнуть мнение еще одного великого писателя. Эрнест Хемингуэй писал, что “all modern American literature comes from one book by Mark Twain called *Huckleberry Finn* It’s the best book we’ve had. All American writing comes from that. There was nothing before. There has been nothing as good since”.

Можно отметить в целом, что мир детства, описанный в произведениях про приключения мальчишек, иронично описывает взрослый мир со всеми его проблемами и радостями. Юмор в детской литературе М. Твена примечателен тем, что смеются читатели, а для юных героев с их естественной недетской оценкой событий, людей, окружающего мира – это реальная жизнь («Принц и нищий» (1882), «Приключения Гекльберри Финна» (1885) и «Приключения Тома Сойера» (1886)). Язык маленьких героев прост, но достаточно сатиричен и остр. К.И. Чуковский – блистательный переводчик литературных произведений М. Твена, сумел уловить и передать русскоязычному читателю тонкости переплетения стилистических приемов американского писателя: от иронии до острой сатиры.

Более подробно остановимся на рассказе Марка Твена «Мои часы». Он повествует о незаурядном деле – починке наручных часов, но практически в каждой строке произведения прослеживается ирония, эпитеты, метафоры, сравнения, те стилистические приемы, которые добавляют выразительности произведению. «*Мои прекрасные новые часы полтора года шли не отставая и не спеша*». Новыми часы, использовавшиеся уже полтора года сложно назвать. «*Я начал считать их величайшим авторитетом по части указания времени*». Часы и предназначены показывать именно время. Автор рассказа, забыв завести часы на ночь, отнес их в ремонт. Называя часовщика «капустным кочаном», автор высказывает свое негодование неправильной работой мастера. «*Через неделю они спешили как в лихорадке, и пульс у них доходил до ста пятидесяти в тени*». Другой часовой мастер решил почистить и смазать часы. Но и эти действия не возымели отличного результата. «*Я незаметно отстал от времени и очутился на прошлой неделе. Вскоре я понял, что один-единешенек болтаюсь где-то посредине позапрошлой недели, а весь мир скрылся из виду далеко впереди*». После очередного ремонта, который не принес ожидаемого результата, автор замечает «*неплохая в среднем работа не считается большим достоинством, когда дело идет о часах*». В заключении часы у героя рассказа так и не стали функционировать правильно. Каждый мастер-часовщик, к которому обращался протагонист, производил какие-либо действия с часами, но безрезультатно. Вывод рассказа не так прост, как кажется на первый взгляд: человек должен быть специалистом в своем деле. Фактически часовщик, ничего не сумев исправить и выверить в часах, делал вид знающего человека, говорил уверенно и напыщенно, якобы со знанием своего дела. Уместно привести некоторые примеры, характеризующие

мастеров. *«Этот капустный кочан ничего не хотел слушать», «он невозмутимо и безжалостно совершил это черное дело», «глаза его сверкнули свирепой радостью, он набросился на часы, стремительно раскрыл их», «уверенно произнес приговор».* Примеры показывают суровый нрав часовщиков, хотя, профессионалами своего дела они не были. Ироническое описание их действий прямо говорит об этом.

Особо следует отметить мнение А.И. Старцева, известного ученого, изучавшего творчество Марка Твена. «В поэтике американского юмора убийство рассматривалось как источник комических ситуаций. В повествовательной технике американского юмориста господствовали два популярных приема. В первую очередь это – гротескное преувеличение, гипербола, тяготеющая к комическому абсурду. В других случаях это вопиющая недомолвка, снова ведущая к рассчитанному на комический эффект несоответствию» [5, с. 12]. Такова концовка и у рассказа «Мои часы». Автор прикасается к философскому осмыслению категории времени, неподвластному человеку, а механизм-часы лишь усиливает эффект, который спрятан в тонкой оболочке юмора.

Следует обратить внимание на мнение П.В. Балдицына. В своем исследовании «Система жанров в творчестве Марка Твена и американская литературная традиция» он подчеркивает, что «юмористический рассказ Твена, как он сложился уже в раннем его творчестве, держится на нескольких моментах. Во-первых, в его основе лежит серьезно-смеховое видение мира, вывёртывающее мир наизнанку и совершенно непочтительное к властям, авторитетам и ценностям, где злободневные факты действительности даны в гротескном преломлении. Ещё один важный его принцип – прямое и непосредственное выражение личной точки зрения, повествование от первого лица» [2]. Данное мнение отражает яркость повествования от первого лица.

В заключении следует сделать вывод: стилистические приемы – метафора, ирония, антитеза, противопоставление и сравнение – особенно важны в юмористических рассказах для придания более выраженного эмоционального эффекта.

Список литературы

1. Артамонова Т.Г. Образы ада и рая в философских произведениях Марка Твена // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 75–79.
2. Балдицын П.В. Система жанров в творчестве Марка Твена и американская литературная традиция [электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://mark-twain.ru/publikacii/sistema-zhanrov-v-tvorchestve-marka-tvena-i-amerikanskaya-literaturnaya-tradiciya> (дата обращения: 15.12.2024).
3. Бобок О.А. «Наслаждаться поэзией природы»: словесный пейзаж в творчестве Марка Твена // Университет XXI века: научное измерение: мат-лы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов,

магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, 20 мая 2024 года. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2024. С. 71–76.

4. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1958. 48 с.

5. *Старцев А.И.* Марк Твен и Америка (вступ. Статья) // Марк Твен. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 328 с.

6. *Кликушина Т.Г., Яворская Э.В.* Юмор как нестандартное средство обучения лексике английского языка в старших классах // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. №1. [электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-nestandartnoe-sredstvo-obucheniya-leksike-angliyskogo-yazyka-v-starshih-klassah> (дата обращения: 10.01.2025)

Источники

Марк Твен. Мои часы // Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 137.

Марк Твен. Простак за границей // Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1980. Т. 3. С. 7.

SOME STYLISTIC TECHNIQUES EXPRESSING HUMOR IN THE WORKS OF MARK TWAIN

V.V. Chumak

Kuban State University, Krasnodar

This article examines some stylistic techniques in selected works by Mark Twain. The literary legacy of the American writer is diverse and has aroused reader interest up to the present time. The author is characterized by subtle humor, irony, and a literary style that uncomplicatedly describes everyday events, although in fact an experienced reader will see the hidden meaning in almost every line. Many scientists still find various aspects and points of contact in the study of his works. Stylistic techniques are especially important in humorous stories to give a more pronounced emotional effect.

Key words: stylistic technique, irony, metaphor, antithesis, humorous story, humorist, journalist.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акназарова Фатима Ералыевна – магистр, кафедра иностранной филологии Костанайского регионального университета имени Ахмет Байтұрсынұлы; e-mail: 77772456222@mail.ru

Андреас Екатерина Алексеевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: andreas.ekaterina@mail.ru

Бармина-Шаляпина Дана Эдуардовна – аспирант, преподаватель кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: barmina.dana@mail.ru

Бахтигозина Валерия Сергеевна – студентка 3-го курса факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: baxtigozina05@mail.ru

Бекоева Ирина Давидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Юго-Осетинского университета им. А.А. Тибилова; e-mail: irina.beskoeva@yandex.ru

Бирюкова Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: biriukova.polina@mail.ru

Бирючева Екатерина Ильинична – соискатель ученой степени кандидата политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета; e-mail: biri4yova.ek@yandex.ru

Бобрышева Дарья Евгеньевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: odarka14@yandex.ru

Богова Майя Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иноязычного речевого общения Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: bomaya@gmail.com

Бурняшова Полина Юрьевна – преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета; e-mail: burnyaschova2015@yandex.ru

Володина Дарья Евгеньевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: dariavolodina99@yandex.ru

Вульфович Борис Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: justb8888@gmail.com

Гнедаш Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления Кубанского государственного университета; e-mail: anna_gnedash@inbox.ru

Горбатовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: alexgorbatovsky@mail.ru

Горбунова Кристина Александровна – специалист по учебно-методической работе Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета; ведущий специалист Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: kristinagubanova@inbox.ru

Горозханов Алексей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, заведующий Лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета; e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

Даньковская Дарья Эдвардовна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: ddankovs@gmail.com

Доброва Светлана Ивановна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета; e-mail: svetdobr@mail.ru

Домнич Наталия Олеговна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: tusia_3@mail.ru

Дудина Анжелика Михайловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лексикологии французского языка Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: a_doudina@mail.ru

Ерастова Алина Дмитриевна – студентка 4-го курса факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: alinayerastova@gmail.com

Земскова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nzemkrasnodar@rambler.ru

Зиньковская Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anastassiat@rambler.ru

Иванова Анастасия Дмитриевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: ivanovaad1999@gmail.com

Казяба Виктория Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и германского языкознания гуманитарного института филиала САФУ в г. Северодвинске; e-mail: v.kazyaba@narfu.ru

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Козлова Наталья Васильевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: 318ksana318_kozlova11@mail.ru

Кулишова Надежда Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nadkulischowa0111@mail.ru

Лебедева Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Морского государственного университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова; e-mail: novoros-98@mail.ru

Липириди София Христофоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com

Малышева Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: malysheva_or@mail.ru

Мишинёва Елизавета Михайловна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: mishnevaelizaveta@mail.ru

Монгилёва Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор (доцент) кафедры иностранной филологии Костанайского регионального университета им. Ахмета Байтурсынулы; 77772456222@mail.ru

Николаева Мария Витальевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета; e-mail: masha_pershina93@mail.ru

Оломская Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: olomnat@mail.ru

Петракова Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: juliaPETRAKOVA0887@gmail.com

Прима Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: abarminsk@mail.ru

Раева Сабина Рустамовна – преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: sabina-raeva@mail.ru

Раловец Анна Вадимовна – аспирант Северо-Кавказского Федерального Университета; e-mail: kravtsova1996@yandex.ru

Рябченко Наталья Анатольевна – кандидат политических наук, заведующий междисциплинарной научно-исследовательской лабораторией прикладной лингвистики и сетевых исследований публичной политики Кубанского государственного университета; e-mail: rrrnatali@mail.ru

Самойлова Антонина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: antina@inbox.ru

Саркисян Мариам Ашотовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: ts.m-smile@mail.ru

Сахно Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, email: annasakhno2013@gmail.com

Сизоненко Анастасия Юрьевна – аспирант, преподаватель Кубанского государственного университета; e-mail: 319ksana319ia-sizonenko@mail.ru

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com

Степанова Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: daryastepanova79@gmail.com

Ткаля Алёна Викторовна – докторант НАО Костанайского регионального университета им. А. Байтұрсынұлы; e-mail: alyona.tkalya.93@mail.ru

Фивейская Ольга Дмитриевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, e-mail: olga.olfive@yandex.ru

Харитонов Андрей Андреевич – аспирант 3-го курса ФУП Кубанского государственного университета; e-mail: blacklight_2015@mail.ru

Цатурян Марина Мартирововна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: tsaturyan.mm@mail.ru

Цыба Алевтина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: alyatereshchenko@mail.ru

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины; e-mail: 319ksana-chalova@mail.ru

Челан Алина Ионовна – преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета; e-mail: linachelan@yandex.ru

Червякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lenkin_666@mail.ru

Чирва Антонина Викторовна – преподаватель английского языка кафедры иностранных языков Белорусского государственного медицинского университета; e-mail: antoninastar99@mail.ru

Чумак Василий Васильевич – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: chumak-vas2019@mail.ru

Шершнева Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, заведующая кафедрой теории и практики перевода; e-mail: nataliashershneva@rambler.ru

Шестакова Анастасия Андреевна – кандидат политических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий в образовании Кубанского государственного университета; e-mail: hahu93@mail.ru

Элмасын Анна Вартановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: a_elmasyan@mail.ru

Юрова Елизавета Андреевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; elizabeth1999fedorova@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Андреас Е.А.</i> Межъязыковые бленды как новые лексические единицы в англоязычном академическом дискурсе.....	4
<i>Бармина-Шалыпина Д.Э.</i> Лингвокреативные проявления в самоописаниях рядовых англоязычных пользователей социальных сетей...	7
<i>Бахтигозина В.С.</i> Репрезентация фразеологизмов с колоронимом “rot” (красный) в современных немецкоязычных СМИ на материале текстов журнала Spiegel.....	11
<i>Бекоева И.Д.</i> Обеспечения коммуникативной равноценности при переводе геортонимов.....	19
<i>Бирюкова П.С.</i> Интертекст и идиоматичность в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей».....	27
<i>Бирючева Е.И.</i> Публичная цифровая деятельность современного российского губернатора: лингводискурсивный анализ антикризисных коммуникаций.....	32
<i>Бобрышева Д.Е.</i> Трансформация медиаперевода: стратегии и подходы в русских, английских и китайских СМИ.....	36
<i>Богова М.Г.</i> Речевое портретирование – индивидуальный аспект описания языковой личности.....	40
<i>Бурняшова И.Д.</i> Коммуникативные особенности научно-популярного дискурса для молодежной аудитории.....	47
<i>Володина Д.Е.</i> Английские неологизмы медиаурбанистического дискурса как средство моделирования образа современного города.....	56
<i>Вульфович Б.Г.</i> Жанр комментария вчера и сегодня: теоретический аспект.....	61
<i>Гнедаш А.А.</i> Цифровая политическая повестка дня как объект лингводискурсивного анализа больших данных: кейс телеграм-каналов молодых парламентариев.....	66
<i>Горбатовский А.С.</i> Специфика функционирования эмоционально окрашенной лексики в романе Э.М. Ремарка “Drei Kameraden”.....	78
<i>Горбунова К.А.</i> Вербализация грусти через соматические речения в тифлокомментарии (на примере тифлокомментария к фильму «Ангел мой»).....	83
<i>Горожанов А.И.</i> Сентимент-анализ новостных текстов: к проблеме выбора технических решений.....	87
<i>Даньковская Д.Э.</i> Особенности ольфакторной составляющей художественного текста.....	92
<i>Доброва С.И.</i> Генеративно-порождающий эффект связи образных параллелизмов с фольклорными фразеологизмами в «Пословицах и поговорках русского народа» В.И. Даля.....	96
<i>Домнич Н.О.</i> Анахронизм как источник комического в жанре мокьюментари.....	109

<i>Дудина А.М.</i> Метафорическая вариативность во французском социальном медиа дискурсе.....	115
<i>Ерастова А.Д.</i> Колороним “blau” в сказках братьев Гримм: проблемы перевода и лингвокультурологическая интерпретация.....	122
<i>Зиньковская А.В., Лебедева Н.С.</i> Использование аллитерации в английской социальной рекламе.....	127
<i>Иванова А.Д.</i> Стратегии речевого манипулирования в судебной коммуникации: на примере дела Теда Банди.....	131
<i>Казяба В.В.</i> Исследовательский материал как проблемный аспект интернет-антропоники.....	139
<i>Катермина В.В.</i> Невербальный язык как способ описания эмоций персонажей: гендерный аспект.....	143
<i>Козлова Н.В.</i> Развитие жанра детектива в современной литературе (с использованием англо- и русскоязычных неологизмов).....	149
<i>Кулишова Н.Д.</i> Иноязычные песни в обучении иностранному языку..	153
<i>Липириди С.Х.</i> От “recession blonde” до “femgore”: новые слова в английском языке эпохи цифровизации и социальных изменений.....	158
<i>Мишинева Е.М.</i> Особенности аудиовизуального перевода.....	164
<i>Монгилева Н.В., Талыбова Я.С.</i> Анализ аттрактивности как ключевой метод исследования цифровой коммуникации вуза (на примере веб-сайта).....	167
<i>Николаева М.В., Шестакова А.А.</i> Цифровые единицы визуального политического контента на примере обзора патристических стикерпаков в социальном мессенджере Telegram.....	175
<i>Оломская Н.Н., Юрова Е.А.</i> Клише (шаблонные слова и фразы) как один из лингвистических признаков сгенерированного текста в медиадискурсе.....	179
<i>Петракова Ю.И.</i> Деривационный ресурс лексической системы: механизмы и траектории реализации.....	184
<i>Прима А.М., Шершинева Н.Б.</i> Гендерный аспект графических средств в русскоязычном интернет-дискурсе.....	190
<i>Раева С.Р.</i> Идеология вселенной «Звездного пути»: корпусный анализ оппозиций “war – peace”, “freedom – slavery”.....	198
<i>Раловец А.В.</i> Использование цифровых технологий для визуальной репрезентации взаимодействия концептов детективных текстов.....	205
<i>Рябченко Н.А., Малышева О.П.</i> Искусственный интеллект в политической лингвистике: основные направления исследований и методологические подходы.....	212
<i>Самойлова А.В.</i> Антитеза художественных образов в романе Э. Бронте «Грозовой перевал».....	216
<i>Самойлова А.В., Элмасын А.В.</i> Педагогические технологии: понятие, признаки, функции.....	223
<i>Сахно А.А.</i> Подходы к проблеме вербализации запаха травы в русской лингвокультуре (на примере русской литературы 19–20 вв.).....	228

<i>Сизоненко А.Ю.</i> Опыт комплексного анализа стратегий и технологий избирательных кампаний кандидатов (на примере выборов президента РФ 2024 г.).....	233
<i>Спачиль О.В.</i> Механизмы смыслопорождения в прозе Харуки Мураками: от фабуляции к литературной аллюзии и цитате.....	244
<i>Степанова Д.В.</i> Особенности употребления модальных глаголов “may” и “must” в англоязычном научном дискурсе.....	250
<i>Ткаля А.В., Монгилева Н.В., Акназарова Ф.Е.</i> Аттрактивный потенциал императивов в заголовках текстов образовательных веб-сайтов.....	257
<i>Фивейская О.Д., Земскова Н.А.</i> Особенности восприятия концепта «работа» в английской и русской фразеологии.....	263
<i>Харитонов А.А.</i> Влияние сетевого дискурса на губернаторов в принятии политических решений с использованием кейс-стади анализа.....	268
<i>Цатурян М.М., Саркисян М.А.</i> Деривация заимствованной лексики в текстах СМИ.....	275
<i>Цыба А.В.</i> Прагматический аспект англоязычных заимствований в политическом дискурсе	280
<i>Чалова О.Н.</i> Варианты реализации категории категоричности / некатегоричности в научном диалоге.....	284
<i>Челан А.И.</i> Семантические поля политического дискурса в Telegram: графовый анализ.....	289
<i>Червякова Е.С.</i> Способы перевода имен собственных в произведении Ф.К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах».....	296
<i>Чирва А.В.</i> Формы психологизма в современном зарубежном романе взросления (на примере романа Дж. Пиколт «Девятнадцать минут»).....	304
<i>Чумак В.В.</i> Некоторые стилистические приемы, выражающие юмор в произведениях Марка Твена.....	310
Сведения об авторах.....	316

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ,
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 15.09.2025. Выход в свет 01.10.2025.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага Maestro. Печать цифровая.

Уч.-изд. л. 25,3. Тираж 500 экз. Заказ № 6222.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.